Искра Божия
протоиерей Григорий Дьяченко

Предисловие

Предисловие[3]

Доброе воспитание крестьянских девочек для семейного быта Я считал всегда за одну из главных задач начального обучения.

Из Высочайшего рескрипта епископу Полтавскому Илариону

Никто не может научить нравственности лучше, как мать.

Слова Иннокентия,

митрополита Московского

I

Предлагаемый сборник под названием «Искра Божия» есть первый опыт в нашей педагогической литературе собственно книги для девочек[4]. А потому и суждение о нем, по нашему личному мнению, не должно быть очень строгим. Нет особенного труда работать на поприще, все тропинки по которому давно проторены людьми знания и опыта, – но не то бывает там, где почти ничего еще не сделано у нас, равно как и в западно-европейской педагогической литературе, где все приходится делать оному – и намечать цели, и изыскивать средства к осуществлению этих целей, где один вопрос о книжке собственно для девочек для большинства кажется совершенно излишним, так как оно не замечает или не хочет заметить никаких различий в характере и предназначении для жизни мальчика и девочки.

Составитель этой книги смотрит на дело несколько иначе, имея в виду практическую жизнь и данные истории, психофизиологии и педагогики.

Не признавая никакой разницы в первоначальном обучении отечественному языку мальчиков и девочек, не отмечая этой разницы даже в первые два-три года школьного обучения детей обоего пола, мы твердо убеждены, что при дальнейшем ходе обучения отечественному языку, приблизительно с 3-го или 4-го года, должно быть значительное различие в подборе учебного материала в русской книге для классного и семейного чтения мальчиков и девочек.

Раз мы убеждены, что та или другая прочитанная в детстве книга не безразлично влияет на духовный склад дитяти, что те или другие идеи, картины, образы, симпатии и антипатии, дух и направление, вызываемые в душе читающего, деятельно участвуют в образовании духовного,

умственного и нравственно-религиозного содержания личности человека, мы должны путем книги для чтения, посредством соответствующих произведений человеческого слова закладывать в душу ребенка те идеи и настроения, те вкусы и привычки, которые одобряются истинною христианской педагогикой, соответствуют его положению в жизни и которые разовьются и принесут плод по роду своему.

Ведь далеко не одни и те же предметы интересуют мальчика и девочку – далеко не одни и те же у них влечения и стремления, не одни и те же взгляды на явления и задачи жизни, а главное – не одна и та же у них в будущем деятельность и не одно и то же предназначение. Рассказы о военных подвигах, повествования о смелых, требующих физической силы и ловкости приключениях и похождениях, о любви к занятиям и упражнениям, свойственным мужчинам, о внешних (т. е. вне дома) занятиях мужей и вообще рассказы о том, что свойственно более мужчинам, нежели женщинам, менее интересуют этих последних, так как они по природе своей к занятиям, обычным для мужчин, по большей части неспособны, или, во всяком случае, менее призваны, нежели мужчины. Напротив, тихая семейная жизнь, любовь к домашнему очагу и хозяйству, к семье и родным, маленьким детям, сочувствие всякому в его горе и беде, деятельное стремление утереть всякому его слезу, в качестве ли матери, учительницы и воспитательницы детей, самоотверженной сиделки в больнице или сестры милосердия на поле сражения и т. п., – все это весьма близко сердцу женщины, все это более интересует ее, чем что-либо другое, по причине ее психофизического устройства и предназначения и того положения в жизни и семье, в которое она поставлена историческими, социально-экономическими и бытовыми условиями своей жизни.

Мы не нашли в нашей литературе более правильных и возвышенных слов об этом предназначении или призвании женщины, как следующие слова Высокопреосвященного Антония, митрополита С.-Петербургского и Ладожского, которые мы и позволим себе привести здесь:

«Семейство, материнство, воспитание детей – вот в чем истинное призвание женщины. От этого святого призвания и первая женщина в мире, наша общая прародительница, получила наипревосходнейшее из всех имен человеческих имя. Она была названа «жизнью», ибо она есть мать всех живущих. Итак, «жизнь», «мать» – вот истинно верные наименования женщины. Материнство, с возвышенной христианской точки зрения, конечно, не есть в женщине одно только физическое материнство. Оно по преимуществу характеризуется высокими нравственными чертами. Не та женщина есть мать, которая только

рождает детей, но та, которая воспитывает их с нежной, сердечной любовью, залагает в их душу семена добра, научает познанию Бога и Его святой воли. Поэтому истинное материнство есть источное начало того животворного света, той ласки и тепла, которые дают красоту и радость человеческой жизни. Оно есть источник того человеческого счастья, в котором люди справедливо видят выражение Божия благословения. Оно есть и для самой женщины источник того несравненного величия ее, того чистого, высокого почитания, которыми наше сердце привыкло окружать священное имя женщины-матери. В самом деле, для кого из нас не составляет самого дорогого душевного наследия светлое воспоминание о радостях счастливого детства, согревавшегося в материнских объятиях и оживлявшегося от теплых лучей материнской ласки?..

Эта чистая, нравственная область материнства требует несомненно и высокого нравственного развития женщины. Чем шире и правильнее это развитие, тем более оно дает и живительных материнских лучей света, и истинной любви, тем более оно возвышает женщину, тем более приближает ее к тому светлому идеалу, ради которого ей дано имя «жизни». Итак, материнство – вот средоточный пункт призвания женщины и конечная цель ее образования. Понимаемое в самом широком нравственно-христианском смысле, материнство может осуществиться женщиной, без сомнения, и тогда, когда она не бывает матерью в собственном смысле этого слова. Оно может осуществляться в плодотворной воспитательной ее деятельности вообще. Любовь – душа материнства – далеко превышает границы кровного родства. Она неизмеримо шире их. И вне этого родства нежная любовь женщины сильна усладить горе бесприютного сиротства, облегчить муки больного страдальца, принести утешение печальному, возвысить и утвердить радость радостного. Какое поистине великое и ни с чем не сравнимое призвание женщины в ее материнстве...»[5]

А если эти слова действительно соответствуют истине жизни: если они на самом деле оправдываются историей и жизнью, что несомненно; если всякое отступление, добровольное или вынужденное социально-экономическими условиями, от этого великого и святого назначения женщины каждый раз сопровождается для человечества неисчислимыми гибельными последствиями в отношении умственном, религиозно-нравственном, социально-экономическом, даже политическом; если, действительно, разложение семьи вследствие ложного взгляда на женщину и неправильного положения ее в жизни есть главнейшая причина упадка и постепенного разложения целого государства (например, Франции),

которое в сущности есть не иное что, как стройная совокупность отдельных семей, – то все, посвятившие себя делу воспитания и обучения подрастающих поколений, этих цветков будущего человечества, должны особенно заботиться о правильном развитии и воспитании девочек – этих будущих матерей и самых могучих воспитательниц дальнейшего поколения. Одним из действительных средств к нормальному развитию девочек является целесообразно составленная книга для чтения девочек как в семье, так и в школе.

В пользу законности и необходимости отдельной книги для чтения в женских школах говорит также и то, что в настоящее время и среди частных лиц – педагогов, и среди правительственных учреждений, ведающих народным образованием, достаточно созрела мысль о необходимости устройства не совместных с мужскими, но отдельных женских (приходских) школ. Так, «знаете, что я вам скажу, – говорил один крестьянин известной ревнительнице начального женского просвещения в Харькове Х.А.Алчевской, – если научите вы пятерых девушек, – это все равно, что вы 25 человек выучили: ведь дети у них будут».

«Если бы, – пишет один пастырь Тульской епархии, – 20 лет тому назад начать заниматься обучением девочек вместо мальчиков, то теперь мы имели бы уже почти все подрастающее поколение грамотным, и в школах не пришлось бы тратить дорогое время на заучивание звуков, молитв и первых правил общежития. Но если, – продолжает тот священник, – теперь воротить этого нельзя, то, по крайней мере, нужно наверстать упущенное и всеми мерами привлечь в школы девочек...»

Отрадно то, что отмеченные нами запросы жизни в отношении женского образования находят отклик в сферах, деятельным образом влияющих на направление народного просвещения. Первое чрезвычайное собрание Училищного совета при Святейшем Синоде по вопросу об образовании девочек в церковно-приходских школах признало полезным «рекомендовать открытие отдельных женских школ» (см. «Народное образование, 1901 г., янв., стр. 13).

То ж собрание высказалось за необходимость составления особенной книги для классного чтения в женских церковно-приходских школах.

Но, быть может, кто-либо скажет, что существующие книги для классного чтения на уроках русского языка вполне достаточны и пригодны как материал для чтения девочек. Но опыт и наблюдение показывают противное. Мы позволим себе здесь сослаться на слова одного лица, близко стоящего к делу народного образования: для воспитания сердечного, а не только утилитарного отношения женщины к домашнему

хозяйству, должны быть в книжках для чтения рассказы, заключающие в себе мысли о соблюдении чистоты и опрятности, о трезвости и проч.; для вселения в будущих матерей понятий об их высоком назначении и обязанностях следует в форме задушевных рассказов рисовать картины идеального отношения к детям матерей – как мать, например, холила детей, учила детей грамоте, молитвам и пр.; в форме рассказов об уходе матерей за детьми можно поселять убеждение в необходимости тщательного ухода за последними; в форме таких же рассказов можно представить картину семейного счастья, взаимной любви жены и мужа и нежных чувств к детям. Чтобы возвести понятие о женской добродетели до высокой степени, можно помещать, в форме простых рассказов, исторические примеры подвигов женщин, а также краткие сказания о жизни простых женщин.

Такого характера статьи, кроме статей общего содержания, должны входить в состав книжек для девочек, чтобы воспитать в них здравые понятия о значении матери, жены и хозяйки дома.

К сожалению, несмотря на обилие книжек для первоначального обучения, нелегко указать такую, которая заключала бы в себе материал, вполне соответствующий желательной постановке обучения девочек. «В существующих книгах, – замечает один духовный воспитатель, – содержание – общего свойства, и нет того, что ярко рисовало бы картины жизнедеятельности именно девочки и женщины, картины семейного быта и домоводства. В книгах для классного чтения – Попова, Радонежского, Баранова, Одинцова и других – нет нарочитых статей и повествований о женах святых и исторических; в историческом отделе только и можно найти сказания о св. княгине Ольге. При таком пробеле особенно чувствительно режут глаз неутешительные в этих книгах «образцы» – жена праведного Иова и жена св. Филарета Милостивого. Между тем в книге для классного чтения, назначаемой для женской школы, как уместны и назидательны были бы повествования о св. женах – мученицах и веропроповедницах, о матерях и сестрах, о святых семействах. Этими статьями книга для чтения прямо пошла бы на помощь делу Закона Божия».[6]

Отвечая этой назревшей потребности, мы и составили настоящий сборник для чтения девочек в возрасте от 12 до 14–15 лет.

II

Все содержание этой книги распадается на четыре отдела. В первом отделе мы дали ряд статей из жизни маленьких девочек. Во втором – из жизни уже взрослых девиц. В третьем – из жизни женщин-христианок

разных возрастов, положений и состояний; особенное внимание обращено на матерей – замечательных воспитательниц своих детей. В четвертом представили образцы святой христианской жизни на примерах, заимствованных из житий святых Восточной и нашей отечественной Церкви. Во всех отделах мы старались в живых биографических очерках, рассказах, стихотворениях, сказках, пословицах и кратких общедоступных размышлениях ознакомить молодых читательниц нашей книги со всеми светлыми и идеальными сторонами женской богато одаренной Творцом природы, как то: с самоотверженной любовью к родным – отцу, матери, братьям и сестрам; необычайным терпением – этим драгоценным, ничем не заменимым свойством, которое так необходимо матери семейства, учительнице маленьких детей, сестре милосердия и другим великим труженицам; с твердой и сердечной верой в Бога – Творца, Промыслителя и Спасителя нашего, пламенной любовью к Нему и всем ближним до полной готовности с радостью отдать свою жизнь за них; со спасительной надеждой на жизнь будущего века, на блаженство со Христом и всеми святыми, что одно способно предохранить человека от ропота, малодушия, отчаяния и примирить его со всеми несовершенствами жизни временной и со всеми бедами, скорбями и несчастьями, какие могут выпасть на долю того или другого человека; с необычайным трудолюбием и настойчивостью – этими условиями успеха, который недостижим, где нет этих условий; с удивительным мужеством, терпением и неустрашимостью, что особенно поразительно в слабых девушках, часто своим геройством спасавших многих людей, несмотря на явную для себя опасность; с достохвальным стремлением некоторых девушек и женщин, несмотря на все неблагоприятные условия, добиваться возможно высшего для себя образования, чтобы тем с большей пользой служить ближним; с замечательным умением многих девушек и женщин довольствоваться малым – той скромной по внешности, хотя и высокой пред Богом и всеми добрыми людьми жизнью дочери – помощницы матери, отца, супруги и хозяйки дома; с препохвальной у большинства женщин любовью к семье и семейному очагу, где, по справедливости, жена и хозяйка незаменима и где деятельность ее так же почтенна, как и деятельность любого государственного мужа; наконец, с любовью к простой, скромной, чуждой всякого блеска и роскоши, жизни и одежде, с любовью, которая в конце концов может расположить взрослых девушек и женщин бросить рабское поклонение пред модой – «этой родной сестрой смерти», по справедливому выражению одного философа, и побудить их вести вообще простой, разумный, гигиенический образ жизни.

Если все эти семена добра, истины и чистой красоты и все религиозно-нравственные истины, как искра Божия, раскрытые и рассеянные в разных статьях нашей книги, пали бы на добрую почву восприимчивых сердец юных наших читательниц, то, без сомнения, они принесли бы плод сторицей, и наша жизнь семейная, эта клеточка государственного организма, почти всецело зависящая от матери-христианки, преобразовавшись по духу требований Божественного Учителя, Иисуса Христа, сделалась бы одной из главных и самых могущественных причин улучшения всей нашей личной, общественной и государственной жизни.

Нам могут сказать, что мы уже слишком много надежд возлагаем на книгу, назначенную для школьного и семейного чтения, что семья и жизнь имеют не менее, если не более влияния на образование взглядов, вкусов, настроений и наклонностей у подрастающего поколения. Не отрицая всей силы этих последних влияний, мы, однако же, должны сказать, что идеалы, привитые в детстве чрез занимательную книгу для чтения[7], и притом те идеалы и взгляды, которые развивает в детях и наша Святая Православная Церковь-воспитательница, всегда имели и будут иметь громадное влияние на юную и восприимчивую душу. Как на пример влияния книги на читателей, даже взрослых, мы укажем на знаменитый роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Прочитанная миллионами читателей в Америке, эта книга произвела такое брожение идей, так настроила сердца и волю слушателей, что вызвала великую войну против рабства негров, которые и получили наконец все свои человеческие права. Этого одного примера достаточно, кажется, для того, чтобы убедиться в той истине, что добрая книга для чтения может много сделать в деле воспитания человека, в деле привития к нему известных убеждений и взглядов.

Насколько мы достигли своей цели – судить не нам. Мы добросовестно старались предложить вниманию своих юных читательниц наиболее художественные, а главное – задушевные произведения прозы и поэзии, которые знакомят со всеми периодами человеческой жизни в отношении к женщине.

III

Что касается приемов, которых мы держались при обработке этой книги, то они были следующие:

1). Прежде всего долгом считаем заявить, что мы отнюдь не смотрим на эту книгу по русскому языку как на энциклопедический сборник разных наук, при помощи коего можно сообщать разнообразные

элементарные сведения из Закона Божия, русской истории, географии, зоологии, ботаники, сельского хозяйства и т. д., но только как на а) могущественное орудие самообразования, которое дает возможность ученице читать книги, которые могут быть полезны ей; затем уже как на б) вполне целесообразное орудие воспитания эстетического чувства, благодаря которому, в случае его развития, ученица может находить чистое и высокое удовольствие в чтении лучших произведений человеческого слова; в) как на средство развития в детях благородного чувства любознательности, которое побудит их впоследствии путем чтения восполнить скудный запас знаний, получаемых ими в школе; г) как на могущественное средство к религиозно-нравственному воспитанию девочек, которые путем целесообразно подобранных статей, прочитанных в раннем, впечатлительном возрасте, усвоят живым сердцем и свежей памятью важнейшие истины святой христианской веры и истинного благочестия, в особенности в отношении к семье, и полюбят всем сердцем свою духовную матерь – Святую Церковь Православную.

Ввиду этого мы старались выдвинуть на первый план статьи религиозного характера, в чистом духе Святой Православной Церкви, преимущественно повествовательного способа изложения, отличающиеся живым, художественным содержанием, при помощи коих дети запечатлеют в своих сердцах важнейшие истины учения христианского. К сему долгом считаем присовокупить, что в этот разряд статей мы не вносили статей ни по библейской истории, составляющей отдельный предмет в системе школьного обучения, ни статей, относящихся к славянскому отделу, для которого существуют особые книги для чтения, что упускается из виду почти всеми составителями книг для детского чтения.

2). Статьи нравоучительного характера, вошедшие в «Искру Божию», состоят не из сухих изречений о поведении христианина, наводящих скуку на детей и им большей частью недоступных по своей сжатости и отвлеченности, но из живых рассказов лучших писателей, педагогически нами обработанных, из коих то или другое нравственное положение вытекает само собой и крепко запечатлевается в памяти детей, пробуждая в них в то же время должные чувства и настроения.

3). В настоящую книгу мы не внесли ни одной статьи, которые обычно помещаются в книгах для чтения, чтобы служить материалом для разного рода грамматических упражнений. Мы находим, что этим статьям должно быть отведено место в особых учебниках, а не в книге для школьного или семейного чтения, все статьи которой должны производить

на детей живое, цельное, непосредственное впечатление своим языком, своей художественной формой и образами, своим построением и теми мыслями и чувствами, которые развиваются в статьях. Дробный анализ и бесконечные вопросы грамматического и в особенности орфографического характера в сильной степени препятствуют цельности впечатления от чтения статей и развитию в детях любви к чтению вообще. Приносить же высокие воспитательные цели, достигаемые книгой для чтения, в жертву орфографии, которая и без того изучается на специальных уроках грамматики, нет достаточных оснований[8].

4). Выбранные статьи из произведений лучших поэтов, писателей и педагогов как нашего времени, так и прежних, подвергались, если того требовали обстоятельства, педагогической обработке, например опущению некоторых мест, замене одних слов и оборотов речи другими, пересказу в некоторых случаях прозаических произведений, снабжению необходимыми объяснительными примечаниями, которые делались или тут же, в тексте, в скобках, или под строкой, если они были несколько сложны.

5). Статьи, которые вошли в эту книгу, преимущественно повествовательного характера как самые удобные для понимания и пересказа. Еще Лессинг[9] доказал научно, что слово человеческое может производить тогда живое впечатление на слушателей, когда оно изображает последовательные моменты времени, а не силится одновременно описать многие черты предмета в одной картине, что ему никогда не удастся в такой степени, в какой это удается живописи, располагающей большими средствами, одновременно и живо представить описание самого сложного предмета в одной картине. Педагогический опыт постоянно говорит, что помещаемые в книгах для детского чтения так называемые «описания» разных предметов читаются детьми в большинстве случаев неохотно и без всякого почти интереса.

Что касается сравнений, характеристик, рассуждений и т. п. словесных форм, требующих для своего усвоения значительного умственного развития, то подобные статьи не имеют места в нашей книге для чтения; только самые краткие и общедоступные образчики статей этого рода, вроде пословиц, кратких извлечений из творений святых отцов Церкви, из дневника известного кронштадтского пастыря о. протоиерея Иоанна Сергиева и т. п. нашли небольшое место в нашей книге.

6). Несколько образцовых, высокохудожественных сказок и легенд мы внесли в «Искру Божию» на том основании, что при помощи этих видов поэзии можно содействовать развитию воображения. Развитие и

надлежащее направление всех способностей человеческого духа, и в том числе силы воображения, есть необходимая задача всякой школы. В частности, воображение имеет великое значение в деле этического воспитания человека, так как новейшая опытная психология[10] доказывает, что недостаток сочувствия или сострадания к людям зависит главным образом от недостатка силы воображения, при помощи коей мы можем со всей живостью поставить себя на место несчастного. Поэтому сказки и легенды, развивающие в надлежащих границах и направлении силу воображения, весьма важны, по нашему убеждению, в системе школьного образования.

7). Все статьи, как прозаические, так и поэтические, которые внесены в состав книги, отличаются по возможности живым, интересным, без всякой сухости и сжатости (свойственной учебникам) изложением, доступным для детского понимания, чистым и правильным современным языком, полезным содержанием, которое, постепенно вводя детей в сокровищницу родного слова и обогащая их запасом слов и оборотов речи, развивая чрез чтение их мышление, должно пробуждать и воспитывать в то же время эстетические, религиозно-нравственные и патриотические чувства и развивать любовь к знанию и просвещению в духе Святой Православной Церкви и требований чистого разума. Особенное старание мы прилагаем к тому, чтобы настоящая книга по прочтении девочками возбудила у них любовь к чтению книг вообще. Поэтому мы избегали всего, что вызывает скуку и нерасположение к чтению.

8). Темные картины порочной и преступной жизни некоторых людей, сцены зверства и жестокости, мрачные краски при описании жизни «на дне» ее, сознательно или бессознательно (под влиянием, например, личного пессимизма) сгущаемые неумеренно некоторыми писателями, плоские шутки и прибаутки и жалкие насмешки над человеческой глупостью или оплошностью, унижающие человеческую личность, и т. п. отрицательные явления в жизни людей как вредно действующие на духовную сторону подрастающего поколения путем воздействия на их воображение и сердце ни в коем случае не имели места в нашей книге для чтения. Мы смело утверждаем, что все содержание ее чисто и ни в каком случае не может оскорбить нравственного чувства читательниц. Любая мать, по нашему убеждению, смело может дать эту книгу в руки своей дочери.

Мы твердо убеждены, что в книге для детей все должно быть чисто, как кристалл, в нравственном отношении.

9). Великие и святые примеры веры и благочестия, патриотизма,

мужества, неутомимого труда, беззаветной преданности долгу службы и обязанностям христианского звания, словом – все истинно великое, святое и прекрасное, ободряющее, радующее, вливающее в сердце любовь христианскую, мужество, трудолюбие, терпение, страх Божий, уважение закона, почитание старших, довольство своим состоянием, покорность воле Божией, всерадостную, все оживляющую и все примиряющую и успокаивающую надежду на будущую загробную жизнь и т. п., – все это нашло место в настоящей нашей книге для чтения.

IV

В заключение скажем несколько слов о тех возражениях, которые могут быть нам высказаны по поводу настоящей книги.

Нам могут сказать, что вошедшие в состав «Искры Божией» рассказы и особенно биографические очерки выдающихся на поприще общественной жизни и деятельности девиц и женщин-христианок не все заимствованы нами из русской истории и современной жизни, что многие рассказы о замечательных женщинах, оказавших великие заслуги для человечества, заимствованы из литературы иностранных народов, других христианских вероисповеданий, т. е. инославных. Что можно сказать в ответ на это возражение, которое, мы чувствуем, непременно будет сделано нашими строгими критиками? Прежде всего, мы должны сказать, что если бы русская литература и поэзия были богаты разного рода описаниями жизни и деятельности замечательных женщин, то, без сомнения, нам не было бы большой надобности искать подобных биографий в литературе иноземных народов. К сожалению, и с этим всякий согласится, наша литература, считающая свой рост всего лишь десятками лет[11], далеко не представляет богатого материала в изображении образцов женских добродетелей в христианском смысле этого слова. Не можем же мы считать за образцы для подрастающего поколения героинь тех романов и повестей наших писателей, которые, кроме забав и развлечений разного рода: балов, танцев, маскарадов, роскошных костюмов, сшитых по последней моде и часто губящих здоровье (вроде пресловутых корсетов), выездов, визитов, платонической и более реальной любви, – ничем не заявили себя по изображению наших поэтов и писателей. Но было бы большим недоразумением думать, что на Руси мало женщин, истинно великих духом, сильных верой, пламенной любовью к Богу и ближним и крепкой надеждой на Бога. Нет, если где, то здесь, на Святой Руси, под спасительным руководством Православной Церкви и при суровой трудовой школе жизни, никогда не переводились великие и сильные женские характеры. Мы только хотим сказать здесь,

что едва ли тысячная часть их сделалась достоянием нашей юной литературы. И все, что мы могли найти в нашей духовной и светской литературе, что шло в качестве образцового чтения для наших девочек, мы внесли в свою книгу, предварительно подвергнув этот материал необходимой педагогической переработке.

Было бы странно после этого нас упрекать в том, что мы кое-что заимствовали из произведений иностранной литературы, именно – недостающие нам образцы женского глубокосодержательного характера. Ведь это только крайне наивные ценители чужих трудов, забыв учение Христа о любви ко всем и о том, кто наш ближний, готовы думать, что только тот народ, к которому они принадлежат, заслуживает исключительного внимания, уважения и изучения; все прочие народы, хотя бы они были высококультурные христиане, по их понятиям, – злейшие враги наши, в которых нет ничего, кроме дикости, грубости, невежества, пороков и преступлений. Дух евангельской правды и кротости отнюдь не позволяет оправдывать такую враждебность и непримиримость. Мы должны ценить все святое и хорошее и у соседей, даже у врагов. Все хорошее перенимать, дурного избегать. Кроме того, разнообразие народов, происходящих, по несомненному библейскому учению, от одной четы прародителей, с их индивидуальными наклонностями и дарованиями, не свидетельствует ли о том, что те дарования и силы, те свойства и особенности духовной и физической организации человека, которые сообщены Творцом первой чете, могут развиться во всей полноте и разнообразии не среди одного какого-либо семейства, племени или народа, но среди всех их, в общей их совокупности: в одном более, в другом менее, более или менее односторонне в каждом, смотря по местным географическим, историческим, политико-экономическим, бытовым и другим условиям? Это философское соображение побуждает педагога желать, чтобы дети видели образцы жизни и добродетелей всех по возможности народов мира, всей семьи детей Божиих.

Кто будет стоять на своем и утверждать, что эскимос, тунгус, якут, кафр, житель острова Фиджи и другие дикие «пасынки природы» должны воспитывать своих детей исключительно на образцах жизни своего, самого якобы идеального на земле, племени, с теми мы больше не будем полемизировать.

Затем, мы ожидаем еще следующего возражения: почему мы дали в своей книге место нескольким сказкам, а не поместили вместо них каких-либо статей, сообщающих то или другое знание? Отвечаем: потому, что задача наша при составлении «Искры Божией» состояла не в том, чтобы

обогатить читательниц знаниями из разных областей науки, – для этого должны быть специальные уроки с необходимыми наглядными пособиями и опытами, – а в том, чтобы пробудить у юных читательниц добрые религиозно-нравственные, патриотические, особенно семейные чувства и настроения. Если эти настроения и чувства будут вызываться и развиваться при чтении нашей книги, если увлекательная форма образцовых, высокохудожественных сказок будет поддерживать интерес и любовь к чтению, – то цель наша вполне достигнута. Задача этой книги – содействовать не обогащению ума разнообразными познаниями, а воспитанию сердца и воображения при помощи высокохудожественных форм и понятий, чистых, как кристалл, научающих добру и христианской любви, без всякой примеси тех элементов, которые могли бы наложить малейшее пятно на восприимчивое сердце, светлое воображение и впечатлительную память юных читательниц-христианок.

Далее, нас могут упрекнуть в том, что мы составили свою книгу не из одних только житий святых[12], а из повествований и статей, заимствованных, хотя и из чистых и поучительных, источников светского содержания. В оправдание свое мы должны сказать, что мы не имели цели дать курс чтений по Закону Божию и истории христианской Церкви, предлагая ряд статей и стихотворений духовно-поучительного характера. Не входя в область законоучителя, мы, однако ж, в конце концов, хотя и другими средствами, преследуем те же цели, как и он, т. е. насаждаем в сердцах детей религиозно-нравственные чувства и стремление к добру, истине и чистой красоте. Если дети по прочтении наших рассказов о выдающихся девицах и женщинах-христианках, обессмертивших себя в памяти потомства делами христианской любви к ближним, придут к выводу, что обязанность быть святыми, жить по Евангелию есть обязанность не одних только святых в собственном смысле этого слова, но и всех вообще христиан, что и живя в миру, можно, хотя и с трудом, спасаться, что отказываться от подвигов добра и христианского мужества под предлогом, что мы не святые, значит прикрывать только свою лень и малодушие, – если ко всем этим выводам придут дети по прочтении нашей книги, то мы будем в высокой степени вознаграждены за свой труд.

«Воспитывая детей в духе религиозном и патриотическом, – говорит один ученый[13], мать выполняет свое назначение и только этим создает себе славу, которую никогда не уничтожит никакая зависть и которая всегда будет иметь значение на суде Божием и человеческом, на суде совести и потомства. На этом суде нас не спросят, как часто мы выезжали, как хорошо умели одеться и держать себя в обществе, как превосходили

одни других на поприще забав, острот и искусственных развлечений. Все это обыкновенно исчезает вместе с тем днем, для которого мы приносили суетные жертвы. Нас будут судить по тем плодам, какие мы завещаем будущему времени в своих детях и питомцах. И если здесь, в этих плодах, будут горечь и гниль, на нашу голову падут виной те блестящие успехи, из-за которых мы готовы забывать главное. Сын безумен, говорит премудрый, бесчестье матери".

За практический характер сообщаемых в школе сведений, конечно, при посредстве между прочим и книги для чтения, говорит и следующее суждение одного американского журнала, отвечающего на вопрос: как следует воспитывать девочек?

«Давайте им надлежащее школьное образование. Учите их приготовлять здоровые, питательные кушанья. Учите шить, гладить, чулки штопать, пуговицы пришивать, себе самим платье делать и белье. Учите их хлебы печь и тому, что благодаря хорошей кухне меньше на аптеку денег выйдет. Учите их, что рубль имеет 100 коп. и что бережлив только тот, кто расходует меньше, чем сколько получает, и что, наоборот, расходы, которые больше прихода, по необходимости должны привести к разорению и бедности. Учите их, что на наличные деньги сшитое ситцевое платье сидит на теле гораздо красивее в долг сшитого шелкового. Учите их, что одно круглое полное лицо больше значит, чем 50 чахоточных детей. Учите их носить прочную и просторную обувь. Учите их самих делать закупки и проверять счета. Учите их самодоверию, самопомощи и трудолюбию. Учите их, что честный ремесленник с засученными рукавами, в переднике и без копейки капитала более значит, чем дюжина богато одетых и искусных воров. Учите их садоводству и отыскиванию радостей в свободной Божией природе. Учите их, если у вас есть деньги, музыке, живописи и другим искусствам, но помните при этом, что это вещи побочные. Учите их, что прогулки пешком несравненно приятнее увеселительных поездок, и что цветы полевые, если всмотреться в них, удивительно прекрасны. Учите их пренебрегать показностью, и что если говорят вам «да» или «нет», то и думать так должно. Учите их, что счастье не в браке и не во внешней роскоши, ни от денег мужа оно не зависит, а единственно от начал христианской веры, которым следуем, и от своего характера. Если все это внушите им, тогда успокойте себя выдачей их, с наступлением времени для того, замуж; а там они уже сами найдут свою дорогу»[14].

Этим мы и закончим свое предисловие.

Кто лучше может сделать дело, пусть делает: это его святой долг.

Осуждать же с плеча и подвергать критике, не указывая, как лучше сделать, – антихристианское, бесполезное и прямо вредное дело.

Протоиерей Г.Дьяченко

1902 г. 25 августа. Москва

Отдел первый. Из жизни маленьких девочек

1. Предание о детстве Богоматери

По «Воскресному чтен.» 1869–70 г.

Святая Дева Мария, дочь праведных Иоакима и Анны, Пречистая Матерь Господа нашего Иисуса Христа, с трехлетнего возраста после своего введения во храм и до пятнадцати лет жила в обители дев в одной из отдельных келий, устроенных в самих стенах Иерусалимского храма. В своих ежедневных занятиях Она соблюдала здесь следующий порядок, достойный подражания каждого христианского дитяти.

При восходе солнца Святая Дева оставляла сон и спешила в храм на молитву, в которой и пребывала до третьего часа. Не должны ли вы, дети, вставши от сна, каждое утро освящать себя благоговейной молитвой, посвящать Небесному Отцу первую мысль и первое чувство, благодарить Его за прошедшую ночь и испрашивать помощи на дневные занятия?

После утренней молитвы, которая, как небесная роса, освежает душу, юная Дева возвращалась в Свою келью (т. е. комнату) и здесь до девятого часа пополудни упражнялась частью в чтении Божественных книг, а частью в рукоделии, приличном Ее полу, как то: в пряже льна, в шитье одежды и т. п.

Памятником ее искусства в рукоделии между прочим остался драгоценный хитон – это узкая, долгая, круглая риза с рукавами и отверстием для головы. Прекрасно, если вы, юные девы, занимаетесь науками, особенно чтением назидательных книг; но, подобно юной питомице иерусалимского храма, приучайтесь и к рукоделию, весьма необходимому в жизни. Кроме того, что рукоделие приносит удовольствие и существенную пользу, оно рассеивает скуку и охраняет воображение от вредной часто мечтательности.

В девять часов Святая Дева опять становилась на молитву и молилась до тех пор, пока, как говорит предание, являлся к Ней ангел, от руки которого Она принимала пищу. По окончании всего, возвратясь в свое отделение, Она, испросив у Бога мирной и безмятежной ночи, отходила на покой. Видите, дети, что Святая Дева Мария каждое дело сопровождала молитвой: молилась при начале и конце ученья, пред рукоделием и после рукоделия, пред пищею и после пищи, ложась спать и встав от сна. Не должны ли и вы все случаи и обстоятельства ежедневной жизни, умственные занятия и телесные труды начинать и оканчивать приличными церковными молитвами? Не должны ли и вы пред столом и после стола благодарить Бога, Подателя всех земных благ, и таким образом

употребление пищи, общее человеку с бессловесными, возводить на степень действия разумного и богослужебного? Не должны ли, отходя ко сну, последнюю мысль свою обращать к Тому, Кто сотворил вечер? Никогда дети не бывают более здоровыми, бодрыми и расположенными к полезным занятиям, как тогда, когда освящают покой свой благоговейной молитвой, утренней и вечерней, и на каждое доброе дело испрашивают помощь и покровительство небесное.

Святая Дева Мария, возрастая телом, более и более росла и укреплялась духом; с каждым днем молитва Ее усиливалась, подвижничество возвышалось, богомыслие усугублялось; каждый день при помощи благодати Божией восходила Она от силы в силу, от совершенства к совершенству. Не должны ли вы для приготовления себя к своему временному и вечному назначению располагать свои ежедневные занятия так, чтобы ваша молитва и умственные упражнения возводили вас от совершенства к совершенству, чтобы самый сон, пища, движение, покой и прочее, способствуя к возрастанию и укреплению тела, способствовали вместе с тем к возрастанию духа, так, чтобы ум, сердце и воля среди всех разнородных познаний, чувствований и желаний стремились к первому началу и последнему концу всякого блага и совершенства – Единому, в Троице славимому, Богу?

2. Святая Макрина

Григорий Дьяченко

Преподобная Макрина принадлежала к благочестивому семейству, из которого произошли великие учители Церкви Василий Великий и Григорий Нисский, жившие в IV веке по Рождестве Христовом. Родители святой Макрины как люди благочестивые и благоразумные начали воспитывать по-христиански и свою дочь с самого раннего детства. Едва в Макрине пробудилось сознание, как мать уже спешит напитать ее словом Божиим, молитвой, ведя и само обучение ее по священным книгам. А места из них, вполне доступные детскому пониманию, заставляла ее заучивать наизусть, чтобы глубже внедрить в детское сердце спасительные слова вдохновенных писателей, при этом объясняла малютке в задушевных материнских беседах и смысл молитв, каждодневно читаемых. И как обыкновенно юное растение, согреваемое теплом и орошаемое дождями, быстро растет, цветет и благоухает, так и юная Макрина под животворным воздействием слова Божия, теплоты молитвенной и под мудрым попечением любящих родителей развивалась, цвела духовно, с малолетства благоухала истинным благочестием. Она особенно возлюбила храм Божий и церковное богослужение. Старательно заботясь о религиозно-нравственном воспитании дочери и глубоко усвоив тот справедливый взгляд, что всякий час времени, проведенный в праздности, вреден для души, родители приучили Макрину также и к добрым и полезным житейским трудам, хозяйству и рукоделию. Когда Макрина пришла в возраст и настала пора выдать ее замуж, то и в этом важнейшем событии человеческой жизни родители ее поступили вполне благоразумно и по-христиански: они не искали ей жениха богатого, блестящего своим житейским положением, а доброго и кроткого христианина, и хотя такой жених нашелся, но скоро умер. Господь не судил Макрине вести супружескую жизнь, и всю последующую свою жизнь она провела в строжайшем девстве и духовных подвигах, посвятив все свои силы, все труды на благо родной семьи и всех ближних. Когда же братья и сестры ее возросли и перестали требовать ее забот о себе, тогда она убедила мать удалиться в пустынное место, и там-то они провели остаток жизни в непрерывном подвиге молитвы, поста и труда.

В Понтийской области, на берегу реки Ириса, они основали обитель дев, в которой мать ее, Емилия, приняла управление. Ничего не может быть удивительнее жизни этих рабынь Господних. Им неизвестны были ни

гнев, ни зависть, ни ненависть, ни подозрение, ни тщеславие. Молитва и пение псалмов составляли их занятие и вместе с тем отдохновение.

Скончалась святая Макрина в 379 году, еще при жизни будучи прославлена от Бога даром чудотворения.

3. Незабудка (*легенда*)

Я хочу поговорить с вами о маленьком голубом цветочке с золотистым венчиком, точно сердечком, в середине; цветочек этот называют незабудкой. Когда я была еще маленьким ребенком, то, гуляя с няней в обширном парке, окружавшем наш сельский дом, всегда надолго останавливалась около большой канавы, отделявшей парк от темного бора; по краям этой канавы росло множество самых крупных, самых прелестных незабудок. Я не могла насмотреться на них, не могла нарадоваться; мне казалось, что незабудки смотрят на меня своим лазоревым взором и говорят: «Не позабудь меня!»

– Не говорят ли эти цветы? – спрашивала я иногда свою няню. Няня моя была старушка, малороссиянка, необыкновенно добрая, простая сердцем и глубоко набожная. Она любила слушать Священное Писание и знала много занимательных рассказов религиозного содержания. На повторяемые мои вопросы, не говорят ли эти цветы, раз она ответила мне:

– Да, рассказывают благочестивые люди, что однажды цветы говорили, и лучшее слово сказал твой любимый лазоревый цветок.

– Расскажи, няня, что это за слово – «незабудка?»

– Изволь, друг сердечный,– отвечала няня, горячо любившая меня,– слушай и не шали, пока я буду говорить.

Я смиренно уселась подле няни на мягкой траве около канавы и, не спуская глаз с окружавших нас незабудок, слушала следующий рассказ.

– Когда Господь Бог, – начала, перекрестясь, няня, – сотворив мир, почил от трудов Своих, то позвал к Себе первого человека – Адама, и при нем дал имя каждому животному; потом поставил перед Собой рядами все растения, стал посреди них, и каждому дереву, цветку, травке, былинке говорил подряд его название и для чего он назначен, до тех пор, пока они не запоминали все. Только один цветочек стоял безмолвно в большом смущении. Подняв на великого Творца свои голубенькие глазки и открыв Ему свое золотое сердечко, он в блаженном восторге все позабыл, кроме Создателя, и не мог ничего запомнить.

Опустив к земле цветы и бутончики, голубой цветочек залился румянцем смущения и умоляющим голосом пролепетал: «Господи! Отец всего создания, прости меня, я не мог оторвать от Тебя взоров моих и позабыл самого себя. Если Тебе будет угодно повторить мое название, я никогда его не забуду». Творец неба и земли, взглянув с любовью на этот цветок, произнес: «Вины нет в том, что ты забыл самого себя, Меня ты

только не забудь», – и удалился. Цветок так и остался в блаженном состоянии божественного восторга, сделался любимцем всех и каждого, вот как и тебя, – сказала, обратясь ко мне, няня. – Господь наградил его за любовь к Себе прекрасным именем незабудки. Вложи и ты в свое детское сердце завет Господа, данный незабудке: «Меня ты только не забудь!»

4. Великодушная дочь (*быль*)

Из книги «Мир в рассказах»

В одной стране был обычай отрубать руки всякому, кого уличат в краже. Попался раз в этом знатный вельможа, царский любимец. Не мог царь отступить от старинного обычая и велел наказать преступника.

Но вот накануне казни является во дворец маленькая девочка, дочь этого вельможи, и просит со слезами допустить ее к царю. Царедворцы исполнили ее просьбу. Девочка упала на колени перед грозным владыкой.

– Великий государь, – сказала она в страхе, – отец мой присужден остаться без рук – так вот, отрубите мои руки.

У царя были свои дети, и ему понравилось, что маленькая девочка так любит отца.

– Пусть будет так, как ты просишь, – сказал царь. – Но ты можешь отказаться от казни, хотя бы в самую последнюю минуту.

На другой день девочку повели на двор казни. Среди двора стояла обрызганная кровью плаха, а возле – палач с мечом. Побледнела девочка, смутилась на минуту... но скоро овладела собой, подошла к плахе и протянула свои ручонки. Палач крепко привязал ее руки к плахе ремнями. Девочка не проронила ни слова. Палач поднял меч, а она закрыла глаза... Меч сверкнул и опустился, не задев и края пальцев.

– Царь прощает отца твоего за любовь великую твою! – объявил посланный от царя. Отворились двери тюрьмы: бежит к дочери отец, целует у нее руки, слезами их обливает. На другой день царь объявил народу указ об отмене навеки жестокого старого обычая. А на дворе казни по царскому приказу поставили столб с мраморной доской, и на ней золотыми буквами написали, как дочь готова была отдать свою жизнь за жизнь отца; а в конце прибавили такие слова: «Счастливы отцы, у которых такие дети!»

5. Пословицы о семье

Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает.
Материнская молитва со дна моря вынимает.
Без отца – полсироты, а без матери – и вся сирота.
Нет такого дружка, как родная матушка да родимый батюшка.
Родительское благословение в воде не тонет и на огне не горит.
Братская любовь крепче каменных стен.
Вся семья вместе, так и душа на месте.

6. Внучка

Мать дочку кормила, растила, ночей над ней не досыпала и дочку, как куколку, нарядно одевала, с подругами гулять пускала.

– Повеселись, моя голубка, повеселись, родная: только и погулять тебе, пока молода, а мне, старухе, много ли надо: теплый угол да хлеба кусок, вот и все.

И выросла дочка на славу: красива, умна и на работу ловка.

Вышла она замуж за богатого, и дом свой вела хорошо, и деток чисто водила. Только старую хлеб-соль она позабыла: забыла она, как мать ее с горем растила, как трудилась для нее, как нужду одиноко терпела. Чем бы покоить старушку, она ей велит малых деток качать, а ее с собой и за стол не сажает: боится, как бы чего не разбила, как бы на стол не пролила: ведь она плохо уже стала видеть, да и руки и ноги дрожат, а что говорят, не дослышит.

И сидит старушка за печкой одна и не смеет к столу подойти. А внучка-малютка в углу на полу огород городит.

– Что это, доченька, делаешь?

– Загородку в углу: когда ты, мама, старушка старая станешь, я тебя туда посажу, там тебе лучше будет; там и кормить тебя буду, а спать уложу на полу возле деток моих. Хорошо?

– Хорошо, мое дитятко, спасибо!.. Веди-ка бабушку к столу.

7. Материнская любовь

По журналу «Кормчий» 1902 г. № 30
Кто вас, детки, крепко любит,
Кто вас нежно так голубит,
Не смыкая ночи глаз,
Все заботится о вас?
Мама дорогая!
Колыбель кто вам качает,
Кто вас песней забавляет.
Или сказку говорит?
Кто игрушки вам дарит?
Мама золотая!
Если, детки, вы ленивы,
Непослушны, шаловливы,
Как бывает иногда,
Кто же слезы льет тогда?
Все она, родная!

8. Сиротка Груня

По Печерскому-Мельникову

В большом городе была ярмарка. Как раз в это время случилась страшная повальная (заразная) болезнь. Много народу перемерло.

И жил в это время в городе небогатый приезжий торговец с женой и дочкой-семилеткой по имени Груня. Отец и мать заболели; больных тотчас же свезли в больницу, чтобы от них другие не заразились, а Груню так и забыли. Осталась Груня одна. Плачет, бедная, отца с матерью зовет. Плакала-плакала, да и задумала искать отца с матерью.

Бродила Груня целый день по улицам, наголодалась, притомилась, голубушка, наконец спросами да расспросами добралась до больницы. В больницу ее не пускают, прочь гонят, а она не уходит, плачет да кричит: «К маме пустите! Христа ради, миленькие, пустите!»

Ехал мимо купец Чапурин. Видит он: убивается девочка, остановился, расспросил. Жалко ему стало девочку, зашел в больницу, расспросил о родителях Груни; а они уже померли. Еще жальче стало купцу, и решил он взять сиротку к себе, заменить ей отца родного. Как порешил – так и сделал. Привез Груню в свою семью и говорит жене и двум дочерям: «Жена, вот тебе третья дочка, а вам, дочки, сестрица».

И стала жить Груня в чужой семье, как в своей. Чапурины держали ее, как родную дочь: так же кормили, одевали, так же ласкали, учили, такое же приданое готовили, а дочери их Груню сестрицей звали и крепко полюбили.

И Груня выросла – девочка-золото: умная, ласковая, а главное – добрая-предобрая. Помнила она свое сиротство и крепко привязалась к бедным да сиротам. «Хорошо, что Бог мне других отца с матерью послал, – думала она, – не всем сиротам так-то бывает. Как же этим-то жить? Сколько нужды да горя изведают, бедные!»

Чапурины выдали Груню замуж за хорошего и любимого ею человека, наградили ее наравне со своими дочерями. А Груня до конца жизни своей все о бедных да сиротах печалилась да заботилась, и много сирот называли ее своей матерью богоданной.

9. Ведь это моя маленькая сестра!

Из «Задушевного слова»

Кончились уроки; все бегут поиграть, а Митя домой. Придет – и сейчас к своей маленькой сестренке. Вымоет ей ручки, причешет ее, усадит, занимает, гуляет с ней. Встанет поутру – сейчас к ней: поднимет, умоет, оденет, расскажет ей что-нибудь, накормит и бежит в школу.

Кончит заниматься, приготовит уроки – и опять к ней: он ее и уложит, он и убаюкает. Все свободное время она с ним. Соседи даже удивляются: что за мальчик – точно нянька, все с сестрой да с сестрой! Раз приходит он из школы, а она упала, запачкалась, расплакалась. Он утешил ее, умыл, развеселил, успокоил. Девочка часто капризничает, упрямится нарочно, старается рассердить брата, а он все с ней, всегда ласков, всегда добр.

Платье у него простое и бедное, зато сердце золотое. Все его любят и ценят.

– Митя, да что же ты не пойдешь поиграть с товарищами? Разве тебе не скучно постоянно возиться с этой девочкой? – говорят ему.

Митя радостно улыбнулся и нежно поцеловал ребенка.

– Да ведь это моя маленькая сестренка! – сказал он, прижимая ее к себе и крепко целуя.

10. Детям

Из «Кормчего» 1901 г,. № 39
Сколько в ваших глазках
И тепла, и света!
Сколько в ваших ласках
Чистого привета!..
Дети, вам желаю
Вырасти большими,
Но душой остаться
Навсегда такими.

11. Чудная травка

Из Паульсона

Раз по дороге в город шли девушки-служанки – Анна и Марья. Каждая несла на голове корзину с плодами. Анна все вздыхала да охала, а Марья все шутила и смеялась. Наконец Анна и говорит Марье: «Как ты можешь смеяться? Неужели тебе легко? А ведь твоя корзина даже тяжелее моей, и силы-то у тебя немного». – «Это верно, – отвечала Марья, – но у меня в корзине находится чудесная травка; если ее положить в корзину, ноши и чувствовать не будешь».

«Какая эта травка? – воскликнула удивленная Анна. – Одолжи мне эту травку». Марья засмеялась и сказала: «Дать тебе ее я не могу, а если хочешь, то скажу, как она называется; травка эта – терпение».

12. Жаление (*рассказ старухи*)

Из «Сборника» Тихомирова

Было мне годов восемь. Жили мы в Смоленской губернии. Батюшка мой оброк барину платил – крепостным был. Француз в ту пору пришел на Русскую землю. Москва горела, а людей много было побито. Тягота по миру пошла. Нас, ребят несмышленых, все французом пугали; и представлялся нам француз страшным, черным, а изо рта огонь пышет. Боялись... Совсем глупые были и ничего не знали.

Вот кончилась война, и французов домой погнали; сказывали, что мимо нашей деревни пленных поведут. Любопытно было всем посмотреть на француза. Пришел раз отец в избу и говорит матушке: «Француз недалече». У меня сердце так и упало, а поглядеть хочется.

Побежала я на двор, да в подворотню и гляжу; а на дворе-то холодно было, дрожу и жду. Сморю, идет много народу, и видно, что не наши; тело-то в лоскутья какие-то завернуто, у одних башмаки есть, а другие и совсем босые; в лице-то кровинки нет, худые все, белые-белые. Идут, шатаются да все стонут: «Глиба, глиба» – хлеба просили. А сзади солдаты с ружьями. Уж так-то мне жалко их стало, так жалко, что и сказать не знаю. Побежала я в избу, схватила ковригу хлеба, да на улицу. Подбежала к переднему, и страх пропал, хлеба даю. А он, как увидел меня, по-своему что-то лепетать стал, по голове погладил, и так жалостно глядит и плачет. Угнали их. Думала, что отец бранить меня за хлеб станет; нет, ничего не сказал.

И разумею я теперь, что всякий человек – создание Божеское, всякому тягота не сладка: француз ли будет он или татарин, все равно, ко всякому надо жаление (т. е. сострадание) это иметь.

13. Брат и сестра

Ушинского

Сережа и Аннушка остались дома одни, и брат сказал сестре: «Пойдем, поищем, не осталось ли в доме чего-нибудь вкусного, и полакомимся». – «Если б ты меня повел в такое место, где нас никто не увидит, то, пожалуй, я пошла бы с тобой», – отвечала Аннушка. «Пойдем в кладовую: там мы найдем что-нибудь хорошенькое, и никто нас не увидит». – «Нет, Сережа, там может увидеть нас сосед: он колет на дворе дрова».

«Ну, так пойдем в кухню, – уговаривал Сережа сестру, – там стоит целый горшок меду, и мы намажем себе по большому ломтю хлеба». – «В кухне увидит нас соседка: она, верно, теперь сидит у окна и прядет». – «Ах, какая ж ты трусиха, Анюта, – сказал маленький лакомка, – пойдем, если так, в погреб кушать яблоки; там уж, наверное, нас никто не увидит». – «Ах, милый Сережа, неужели ты думаешь, что в погребе уже никто нас не увидит? Разве ты не думаешь о Том, Кто видит через стены и от Которого и в темноте нельзя скрыться?» Сережа испугался. «Правда твоя, сестрица, – сказал он. – Бог видит нас и там, где человеческий глаз ничего не видит; а потому ни наедине, ни в темноте не должны мы делать ничего такого, чего не смогли бы сделать при других и при свете».

14. Гуси

Народная сказка

Жили старичок со старушкой; у них были дочка да сынок маленький. Собрались старики в город и приказывают дочке: «Мы пойдем, дочка, в город; принесем тебе булочку, купим платочек; а ты будь умна, братца береги, со двора не ходи». Ушли старики; девочка посадила братца на травку под окном, а сама побежала на улицу и заигралась. Налетели гуси, подхватили мальчика и унесли на крыльях.

Прибежала девочка, глядь – братца нет. Кинулась туда-сюда – нету. Кликала девочка, кликала братца – не откликается. Выбежала в чистое поле: вдали метнулось гусиное стадо и пропало за темным лесом. «Верно, гуси унесли братца», – подумала девочка и пустилась гусей догонять.

Бежала девочка, бежала, видит – стоит печка. «Печка, печка! Скажи куда гуси полетели?» – «Съешь моего ржаного пирожка, скажу!» А девочка говорит: «У моего батюшки и пшеничные не едятся!» – и побежала дальше. Бежит она и видит: стоит яблоня. «Яблоня, яблоня! Куда гуси полетели?» – «Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу!» – «У моего батюшки и садовые не едятся! И побежала девочка дальше.

Долго бы пришлось бегать девочке, да попался ей навстречу еж. Хотела девочка ежа толкнуть, да побоялась наколоться и спрашивает: «Ежик, ежик куда гуси полетели?» Ежик и показал дорогу девочке. Побежала девочка по дороге и видит: стоит избушка на курьих ножках; в избушке сидит братец ее на лавочке у окошка, золотыми яблочками играет. Подкралась девочка к окну, схватила братца и побежала домой; а гуси увидели и полетели за девочкой в погоню.

Бежит девочка, а гуси совсем ее нагоняют. Куда деваться? Подбежала девочка к молочной речке с кисельными берегами: «Реченька, голубушка, укрой меня!» – «Съешь моего простого киселька с молочком!» Поела девочка киселька с молоком; тогда речка спрятала ее под крутой бережок, а гуси мимо пролетели.

Выбежала девочка из-под бережка и побежала дальше, а гуси ее увидали и опять пустились в погоню. Что делать девочке? Подбежала она к яблоне и сказала ей: «Яблонька, голубушка, скрой меня!» – «Съешь моего лесного яблочка – тогда спрячу». Нечего девочке делать – съела она лесного яблочка. Яблоня закрыла девочку ветвями: гуси пролетели мимо.

Вышла девочка из-под яблони и пустилась бежать домой; а гуси опять ее увидали и ну опять за ней! Совсем налетают, крыльями над головой

машут. Чуть-чуть добежала девочка до печки и сказала ей: «Печка, матушка, спрячь меня!» – «Съешь моего ржаного пирожка, тогда спрячу!» Поскорей девочка съела ржаного пирожка и залезла в печь: гуси пролетели мимо.

Вылезла девочка из печки и пустилась домой во весь дух. Гуси опять девочку увидали и опять погнались за ней. Вот налетают, крыльями по лицу бьют, того и гляди, братца из рук вырвут; да изба-то была уже недалеко. Вбежала девочка в избу, проворно двери захлопнула и окошки закрыла. Покружились гуси над избой, покричали, да так ни с чем и полетели назад.

Пришли домой старичок и старушка, видят: мальчик дома, жив и здоров. Подарили девочке булочку и платочек.

15. Василиса премудрая

Народная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве было у царя три сына – все молодые, холостые, удальцы такие, какие только в сказках бывают. Младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово:

– Дети мои милые, возьмите себе по стреле, натяните тугие луки и пустите стрелы в разные стороны: на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь.

Пустил стрелу старший брат – упала она в боярский двор, прямо против девичьего терема. Пустил средний брат – полетела стрела к купцу на двор и упала у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая. Пустил младший брат – попала стрела в грязное болото, и подхватила ее лягушка-квакушка.

Говорит Иван-царевич:

– Как мне за себя лягушку взять? Лягушка не ровня мне.

– Бери! – отвечает ему царь. – Знать, судьба твоя такова.

Вот поженились царевичи: старший – на боярышне, средний – на купеческой дочери, а младший, Иван-царевич, – на лягушке-квакушке.

Призывает их царь и приказывает:

– Чтобы жены ваши испекли к завтрему мне по мягкому белому хлебу.

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? – спрашивает его лягушка. – Аль услышал от отца своего слово гневное, неприятное?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб.

– Не тужи, царевич! Ложись спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу – обернулась душой-девицей, Василисой Премудрой. Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков я ела-кушала у родимого моего батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич: у квакушки хлеб давно готов – и такой славный, что не вздумать, не взгадать, только в сказке сказать. Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские с пригородами и с заставами.

Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям: «Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру».

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жестокое, неприветливое?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер.

– Не тужи, царевич, ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее.

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу – и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрой. Вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом:

– Буйные ветры! Принесите тот самый ковер, на каком я сиживала у родного моего батюшки.

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич: у квакушки ковер давно готов – и такой чудный, что не вздумать, не взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер златом-серебром, хитрыми узорами.

Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

– Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Аль услышал от отца своего слово жестокое, неприветливое?

– Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; а как тебя в людях показать!

– Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром, скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет.

Вот старшие братья явились на смотр со своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да на Ивана-царевича смеются:

– Что ж ты, брат, без жены пришел, хоть бы в платочке принес.

Вдруг поднялся великий стук да гром – весь дворец затрясся. Гости сильно испугались, повскакали со своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь! Это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая – такая красавица, что не

вздумать, не взгадать, только в сказке сказать. Взяла Ивана-царевича и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана, да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем, да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай и себе то же делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой – сделалось озеро, махнула правой – и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками – гостей забрызгали, махнули правыми – кость царю чуть в глаз не попала. Царь рассердился и прогнал их с бесчестьем.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожурину и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась – нет лягушечьей кожурины, приуныла, запечалилась и говорит царевичу:

– Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал! Если бы немножко ты подождал, я бы вечно была твоей. А теперь – прощай. Ищи меня за тридевять земель в тридесятом царстве, три пары железных сапог износи, три железные просвиры изгложи.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился на все четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел-шел, и попадается ему навстречу бедный старичок:

– Здравствуй, – говорит, – добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему свое несчастье.

– Эх, Иван-царевич! Зачем ты спалил лягушечью кожурину? Не ты ее надел, не тебе и снимать было. На вот тебе клубок; куда он покатится, ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается – прикатился клубочек к избушке: стоит избушка на курьих ножках, стоит – повертывается. Говорит Иван-царевич:

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, ко мне передом.

Избушка сейчас повернулась к лесу задом, к нему передом. Царевич вошел в избушку, а в ней лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос. Говорит она сердитым голосом:

– Фу-фу-фу! Доселе русского духу слыхом не слыхивано, видом не

видывано, а нынче русский дух воочию проявляется.

– Ах, ты, старая хрычовка! – говорит Иван-царевич, – ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и говорила.

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; тогда царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

– Ох, дитятко! Как ты долго не бывал. Она с первых годов часто тебя поминала, а теперь перестала. Ступай скорее к моей средней сестре, та больше моего знает.

Иван-царевич собрался в путь-дорогу и пошел вслед за клубочком. Шел-шел – и вот опять перед ним избушка на курьих ножках.

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила – к лесу задом, ко мне передом. Избушка повернулась. Царевич вошел в нее, а там баба-яга, костяная нога, лежит из угла в угол, длинный нос в потолок врос. Увидала гостя и говорит:

– Фу-фу-фу! Доселе русского духу слыхом не слыхивано, видом не видывано, а нынче русский дух воочию проявляется. Что, Иван-царевич, волею пришел или неволею?

Иван-царевич отвечал, что сколько волею, а вдвое того неволею:

– Ищу Василису Премудрую.

– Жаль тебя, Иван-царевич! Долго ты не бывал; Василиса Премудрая тебя совсем позабыла. Ступай скорей к моей старшей сестре – Василиса Премудрая у ней; да смотри – одно не забудь: как войдешь ты в избу, Василиса Премудрая сейчас оборотится веретенцем, а моя сестра станет золотые нитки прясть, на то веретенце наматывать. Смотри же, не плошай. Унеси у нее то веретенце, переломи его надвое, кончик брось позади себя, а корешок наперед – Василиса Премудрая очутится перед тобою.

Пошел Иван-царевич в дорогу. Шел-шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, три пары железных сапог изношены, три железные просвиры изглоданы – добрался наконец до избушки на курьих ножках.

– Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – к лесу задом, ко мне передом. Избушка повернулась. Царевич вошел в нее, а там баба-яга, костяная нога, сидит, золото прядет; напряла веретено, положила его на донце, чтобы кудель (шерсть) переменить; а Иван-царевич тем часом удосужился, схватил веретено и переломил его надвое: кончик бросил позади себя, а корешок наперед. В ту же минуту явилась перед ним Василиса Премудрая.

– Ах, Иван-царевич! Как ты долго не бывал; я чуть за другого замуж не вышла.

Тут они взялись за руки, сели на ковер-самолет и полетели в свое государство. Через три дня на четвертый опустился ковер прямо на царский двор. Царь встретил сына и невестку с великой радостью, сделал пир на весь мир. Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

16. Дитя

Из Гейне
Дитя! Как цветок, ты прекрасна,
Светла, и чиста, и мила;
Смотрю на тебя – и любуюсь,
И снова душа ожила...
Охотно б к тебе на головку
Я руки свои возложил,
Прося, чтобы Бог тебя вечно
Прекрасной и чистой хранил.

17. Семьдесят раз семь

По Диккенсу

Маленькая Лиза сидела у окошка и учила свой урок. Солнышко весело светило на нее; она чувствовала себя счастливой, и ей сильно хотелось сделать что-либо угодное Богу, Который сотворил все так прекрасно. И вот, когда она повторяла про себя слова Священного Писания: *если брат твой согрешит перед тобою семь раз в один день, и семь раз в один день приступит к тебе и скажет: я раскаиваюсь, – ты должен простить ему*, – ее серые глаза приняли серьезное и задумчивое выражение, и она сжала губки с очень решительным видом. Через несколько времени она сошла в столовую, где нашла только своего брата Федю. Он был на два года старше ее, но по уму и здравому смыслу не так ее опередил, как вы, может быть, воображаете. Федя находился, по-видимому, в самом дурном расположении духа.

– Экая жалость! В такой день в школе сидеть!

Таковы были его первые слова, которые он произнес, а судя по его очень некрасиво надутому лицу, и впредь от него нечего было ждать хорошего. С этими словами он бросил книгу, которая была у него в руках, на другой конец комнаты, где она упала на пол с разорванным переплетом и развалившимися листами.

– Федя! – закричала Лиза. – Не моя ли это «Арифметика?» Ведь ты знаешь, как я ее берегла.

– И вправду твоя, – отвечал он с искренним огорчением. – Я думал, что это моя. Уверяю тебя, что я не нарочно, Лиза. Прости меня!

– Хорошо, – сказала Лиза, медленно подбирая листы и припоминая слова Священного Писания о прощении обид. – Да, я думаю, что прощу, – и потом прибавила вполголоса: *раз*!

После завтрака дети отправились в школу. Вдруг Федя закричал:

– Лиза, какая огромная собака! Глаза – как угли, и язык висит – наверно, бешеная.

Бедная Лиза страшно испугалась и побежала; в страхе она, конечно, не замечала, что было у нее под ногами, и, попав ногой в прегадкую яму, упала. Падение было очень неприятно: она не только ссадила себе кожу на одном локте, но, кроме того, испортила совсем новый башмачок, который еще недавно блестел, как зеркало. На башмаке осталась большая царапина. Лиза залилась слезами, и вовсе не из-за локтя, потому что она умела переносить боль, как какой-нибудь герой, но – бедный новый башмак! Его

уже нельзя было поправить.

– О, Федя, как тебе не стыдно говорить такие вещи! Это вовсе не бешеная собака, а просто Катон, который и мухи не обидит.

– Ах, Лиза, почем же я знал, что ты упадешь? Мне только хотелось, чтобы ты пробежалась немножко. Я очень жалею, что ты ушиблась, я раскаиваюсь в своей глупости. Не можешь ли ты меня простить?

– Постараюсь, – отвечала Лиза, делая над собой большое усилие, чтобы проглотить обиду, и тихонько проговорила с глубоким вздохом: *два*!

В школе Федя вел себя все время крайне беспорядочно. Во-первых, он взял у сестры пописать карандаш и потерял его; затем, как раз в ту минуту, когда она встала, чтобы присоединиться к своим классным подругам, шалун протянул ноги как только мог длиннее, и Лиза споткнулась о них и упала при общем смехе, весьма этим сконфуженная. Брат, конечно, принялся уверять, что он «нечаянно» и что, дескать, ему «ее очень жалко». Чем же он виноват, что у него такие громадные ноги? Он так старался упрятать их обе под скамейку; что же ему делать, если они не помещаются? Он так глубоко огорчен этим случаем.

Терпеливая маленькая Лиза должна была простить еще раз.

В течение остального утра она претерпела от Феди еще две-три обиды, о которых было бы слишком долго рассказывать.

Но обратимся прямо к их выходу из школы. Тут Лиза с ужасом увидела, что погода вдруг изменилась и дождь полил, как из ведра; но Федя занял у кого-то зонтик, раскрыл его, взял под руку сестренку и храбро пошел вперед.

– Осторожнее! – кричала Лиза.– Ты так раскачиваешь зонтик, что с него каплет мне прямо на голову!

– Надеюсь, что ты не умрешь от нескольких дождевых капель, – возразил Федя.

Дома бедная девочка с горестью увидела, что зонтик полинял и что хорошенькая розовая подкладка ее капора была совершенно испорчена грязными полосами.

– В самом деле, это уж слишком! – сознался Федя при виде ее огорчения. – Честное слово, Лиза, я это не нарочно! Если бы ты знала, до чего мне тебя жаль, ты наверное бы простила меня.

– Я тебя прощаю, – сказала Лиза с усилием. Потом она принялась что-то высчитывать по пальцам и произнесла наконец со вздохом: *семь*!

– Что ты целый день считаешь? – спросил ее брат с любопытством. Она ничего не отвечала и весело побежала обедать, повторяя про себя:

– Семь раз! Ах, как это было трудно, и как я рада, что больше прощать не нужно: я просто не выдержала бы больше.

После обеда детям нужно было заниматься уроками к следующему дню.

– Ох, ох, ох! – зевнул Федя. – Прежде чем примусь за это тройное правило, которое мне так надоело, заведем-ка один раз ящичек с музыкой, который тебе подарил дядя. Пусть он нам сыграет пьесу.

Глазки Лизы заблестели. Она поддалась искушению и выбежала из комнаты. Вскоре она возвратилась со своим сокровищем и с величайшей осторожностью завела ящик позолоченным ключиком; но лукавый Федя тихонько от нее вставил щепочку в хрупкий механизм[15], так что чудесный ящик оставался безмолвным, когда девочка приготовилась слушать.

– Что это значит? – вскричала она, побледнев.

– Не беспокойся, – возразил Федя преважно. – Я необыкновенно искусный волшебник, и если только ты позволишь мне дотронуться до твоего ящика, то все пойдет отлично.

Лиза дрожащей рукой протянула ему ящик. Мальчик смело засунул туда пальцы, но, должно быть, слишком поторопился вытащить щепочку. Хрупкие пружины лопнули, и в ящике послышался такой треск, как будто он сейчас разлетится вдребезги, и все смолкло. Федя, точно в воду опущенный, взирал на бедный ящик.

– Милая Лиза, – сказал он наконец с глубоким огорчением, – ведь он совсем испорчен. Простишь ли ты меня когда-нибудь?

– Нет, – закричала Лиза, топая ногой – Я не могу, да, впрочем, и не нужно больше прощать: *это восьмой раз*. Бедный мой милый ящичек! Ты это нарочно сделал, злой мальчишка! Сейчас же побегу в твою комнату, изорву твоего бумажного змея и испорчу все, что попадется на глаза.

Терзаемый угрызениями совести, Федя не пробовал даже остановить сестру. Она бегом промчалась через сени, вся в слезах, с пылающими щеками, и как раз наткнулась на дядю.

– Это что такое? – вскричал он.

Но прежде чем он успел выразить свое удивление, Лиза уже рассказывала ему свои горести.

Когда она окончила, дядя спросил ее:

– Итак, Лиза, – ты думаешь, что *теперь* ты имеешь полное право злиться?

– Да, – с жаром объявила маленькая девочка. – Да, я имею на это полное право. Я простила его ровно *семь раз*. Это уж *восьмой*.

– Так ты, значит, не знаешь, что в другой раз Господь сказал апостолу

Петру, что надо прощать брату семь раз и еще семьдесят раз семь?

– Семь, да еще семьдесят раз семь! Но ты, наверное, не знаешь, дядя, что это трудно, все прощать и прощать? – сказала Лиза со слезами.

– Ну, нет, мне кажется, что я немножко знаю, – сказал дядя с улыбкой и потом проговорил, как бы про себя: – Я думаю, что ученики Христовы нашли, что это очень трудно, потому что, как только услыхали эту заповедь, то все воскликнули в один голос: «Господи! Умножь в нас веру!» Да, маленькая Лиза, – прибавил он вслух, – это ужасно трудно, но мы все должны стараться об этом и не считать, сколько раз мы прощаем людям обиды, так как очевидно, что семьдесят раз семь – это и значит *всегда* прощать.

– Нет, нет, этого я никак не могу! – сказала девочка, рыдая, и упрямо отвернулась от бедного Феди, который стоял на пороге.

– Я тебе подарю мою новую книгу с путешествиями, Лиза! Буду копить все свои деньги, пока не куплю тебе новый ящик с музыкой! – воскликнул он со слезами. Но она ничего не слушала.

– Ну, хорошо,– сказал дядя, – пусть будет по-твоему. Только советую тебе не читать больше «Отче наш».

– Это отчего? – спросила Лиза с удивлением.

– Да ты только подумай, каково тебе будет сказать Богу: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», то есть, Прости меня, Господи, как я прощаю Федю.

Лиза покраснела, как рак. С минуту она задумалась, потом закричала, что не может обойтись без «Отче наш», устремилась к раскаявшемуся грешнику, который все еще стоял на пороге, бросилась в его объятия и разразилась горькими слезами.

С тех пор шалун Федя сделался гораздо нежнее и внимательнее к своей маленькой сестренке, а если вы спросите его: «Сколько раз Лиза прощает тебя теперь? По-прежнему семь раз?» – вы увидите, как его славные, честные глаза затуманятся слезами, и он ответит вам: «Лиза так добра, что не считает больше, а я не смею считать. Я и без счета уверен, что она прощает меня все семьдесят раз семь».

18. Смелая крестьянская девочка

Из «Сельского чтения»

В деревню Коняево Московской губернии Дмитровского уезда ворвался волк, но случившиеся на улице крестьяне прогнали его. Зверь кинулся бежать вдоль улицы, где, по несчастью, в то время ходили в овраге четыре крестьянские девочки: Настя – тринадцати, Фекла – одиннадцати, Степанида – десяти и Даша – семи лет.

Разъяренный зверь бросился на них и сначала схватил самую меньшую, Дашу, но она успела вырваться и убежать в деревню. Тогда волк бросился на Степаниду, перекинул ее себе на спину и скрылся в кустах.

Из двух оставшихся на месте девочек одна Фекла не потерялась. Старшую, Настю, она послала в деревню людей звать на помощь, а сама схватила палку и побежала за волком. Волк же был недалеко: остановясь за ближними кустами, он кусал несчастную Степаниду, а она, бедная, громко кричала и стонала. Фекла не только не робела, но еще с большей смелостью подбежала к волку, крича и махая палкой. Зверь не выпускал добычи из своих челюстей. Фекла продолжала кричать, подвигаясь ближе и ближе, так что наконец стала у волка перед глазами, все махая палкой. Тогда волк озлился, бросил искусанную девочку, поднялся на ноги и оскалил зубы на ее защитницу. Фекла и тут не испугалась: она заслонила собой израненную подругу и, продолжая махать палкой, успела дать время Степаниде вползти кое-как на берег оврага; но тут оставили ее силы, и она упала на землю в изнеможении; здесь нашла ее Настасья, возвращавшаяся из деревни, и понесла домой.

Между тем Фекла, видя, что подруга спасена, стала отступать и сама, отмахиваясь палкой от зверя, который, в свою очередь, свирепея все более и более, не отставал от девочки. Но, к счастью, уже бежали из деревни на помощь взрослые люди, и волк, испугавшись крика, повернулся и пустился бежать в лес.

Так с Божией помощью одиннадцатилетняя Фекла отбила у свирепого зверя свою подругу, а ее спас Господь за такое доброе дело. Спасенную Степаниду принесли в деревню без чувств. Но раны были не смертельны, ее стали лечить, и она выздоровела.

Когда начальство донесло Государю императору о таком похвальном деле, то Его Императорское Величество приказал наградить одиннадцатилетнюю Феклу серебряной медалью для ношения на груди, с надписью: «За спасение погибавших».

19. Геройский подвиг четырнадцатилетней девочки

Из «Сельского вестника»

Осенью 1887 года в Петербурге, на Выборгской стороне, по Воскресенской улице, шестилетний мальчик Митя, играя, забросил палку в колодец, имевший пять аршин глубины, как это было потом вымерено. Желая достать палку, мальчик и сам упал в колодец и пошел ко дну. Собралось несколько человек народа, и в числе прочих девочка четырнадцати лет. Она быстро сбросила с себя платье и в одной рубашке нырнула в колодец; но эта попытка оказалась безуспешной: девочка вынырнула, едва не задохнувшись; однако еще раза три нырнула в этот колодец, несмотря на то, что он был наполнен грязной, зловонной жидкостью, служившей для поливки огорода. Наконец самоотверженной девочке удалось вытащить мальчика, который общими усилиями собравшегося народа был приведен в чувство.

О таком подвиге самоотвержения было представлено Его Императорскому Величеству, и Государь Император, в 20-й день сентября 1887 года, Всемилостивейше повелеть соизволил: шлиссельбургской мещанке, четырнадцатилетней девочке Анисье Никифоровой за совершенный ей подвиг самоотвержения, кроме награждения ее серебряной медалью с надписью «За спасение погибавших» и выдачи ей 25 рублей единовременного пособия, производить, впредь до выхода ее в замужество, ежемесячное из сумм Его Величества денежное пособие по 5 рублей и затем при выходе в замужество отпустить единовременно на приданое 200 рублей.

20. Пословицы об отношении к ближним

Кто добро творит, того Бог благословит.
Кто сирых питает, того Бог не забывает.
Подай в окно, Бог в подворотню подаст.
Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.
Не рой другому ямы: сам в нее попадешь.
В лихости и зависти нет ни проку, ни радости.
Бог видит, кто кого обидит.

21. Настя, дочь кондуктора

Белявской

Настя была дочерью кондуктора конно-железной дороги. Матери у нее давно не было. Каждый день до школы Настя носила отцу на место стоянки вагонов горячий кофе и завтрак.

Однажды перед Рождеством, когда уроков в школе не было, Настя принесла отцу обед – горшочек щей и стопку горячих блинов. Наскоро покушав щей, кондуктор принялся было за блины, как раздался звонок подъехавшего вагона – есть было некогда. «Неси, Настя, блины домой; ужо дома поем!» – сказал кондуктор и стал подниматься на империал (места наверху вагона). Настя прыгнула в вагон. «После съест», – думала она, стараясь выдвинуть ящик из-под скамейки. Ящик, как назло, не поддавался. «Положу на скамейку. Ничего. Бумага толстая; сейчас папа сойдет, увидит, спрячет и съест на остановке». Раздумывать было некогда: в эту минуту конка тронулась. Настя, положив сверток на скамейку, выскочила на ходу и побежала домой переодеваться, чтобы идти к учительнице украшать елку.

Весело возвращалась Настя из школы, быстро вбежала на лестницу и невольно остановилась у двери, заслышав голоса: «Вот, – рассказывала хозяйка, – доехала барыня до места, встала и пошла к двери, а тут женщина какая-то как ахнет: «Тельмочку то, барыня, запачкали!» А тальма-то светлая, новенькая. Как думаешь? Публика тоже вступилась. Что же, говорят, за порядки! За контролером послали. Тот сердится, да и Архипыч то не смолчал, ну и пошло, пошло!..» «И что же?» – послышался голос соседки. Настя замерла от страха. «От места отказали голубчику». Руки и ноги похолодели у Насти, и она схватилась за ручку двери. Хозяйка выглянула: «Настенька, горе-то у нас какое», – начала она и не договорила, взглянув на помертвевшее лицо бедной девочки.

Рождественский сочельник. Воет, гудит непогода, сыплет в лица прохожих мелкой морозной пылью. Но на улице, несмотря на ненастье, шум и движение. Маленькая девочка пробирается сквозь толпу. Лицо ее бледно и озабочено. Быстро проходит она улицу за улицей и останавливается наконец перед большим домом с широким подъездом.

– Здесь живет начальник конно-железной дороги? – робко спрашивает она у швейцара.

– Здесь. Иди по черной лестнице во второй этаж, направо.

Правая дверь второго этажа была открыта. Настя проскользнула в нее

и остановилась на пороге кухни. Кухарка в белом переднике стояла у плиты, мешая что-то в большой кастрюле.

– Анна Алексеевна, что же так долго? – раздался вдруг звонкий детский голосок, и в дверях кухни показалась девочка лет восьми, одетая в белое платье с лиловым поясом. – Что же так долго? Ах, что за девочка?

И прежде чем кухарка успела повернуться в Настину сторону, девочка очутилась около двери.

Ты, верно, к папе из приюта?

– Нет,– отвечала Настя, – мне нужно того господина, который главный в конно-железных.

– Так это мой папа. Пойдем, папа дома, – и, взяв Настю за руку, она повлекла ее за собой.

– Барышня, барышня, Женечка, пусть девочка здесь подождет.

Но Женечка не слушала и вела Настю по длинному коридору. Она остановилась у двери, отворила ее и, оставив Настю в большой, богато убранной комнате, убежала. Прошло несколько минут тягостного ожидания. Вдруг в комнату вошла Женя, а с ней высокий господин средних лет.

– Вот девочка – сказала Женя, взяла Настю за руку и подвела к отцу. Настя собрала все свое мужество.

– Господин начальник, – сказала она робко, – папа мой не виноват, это я положила блины на скамейку.

– Какие блины, девочка?

Тут Настя не выдержала и зарыдала, закрыв лицо руками и вздрагивая всем телом. Господин растерялся, не понимая, чего хочет от него эта маленькая девочка. Он опустился на стул, привлек Настю к себе и стал тихонько ласкать ее вздрагивающие плечики.

– Перестань, девочка, расскажи нам, кто твой отец и какая беда с ним случилась?

Слова эти были сказаны так нежно и ласково, что Настя скоро успокоилась и начала свой рассказ обстоятельно и подробно. Она назвала линию, по которой ездил ее отец, его номер, имя и фамилию; рассказала, как отец говорил ей: «Настя, Настя, блины домой», как дама испортила тальму, и контролер пригрозил ее отцу отставкой от должности.

– Господин начальник! Накажите меня, я очень виновата, а папа мой ничего не сделал, – закончила Настя, виновато опустив голову.

Высокий господин молчал. Молчала и Женя, прижавшись к отцу. Няня, вошедшая в гостиную, тихонько утирала слезы.

– Женя, – вдруг сказал господин, – если бы с твоим папой случилось

большое несчастье, пошла ли бы ты защищать его, согласилась бы быть наказанной вместо него? А, дочка моя?

– Да, – твердо и серьезно отвечала девочка.

Лицо его просияло. Он привлек дочь к себе и сказал ей что-то на ухо.

– Настя, – сказала Женя, – мой папа говорит, чтобы ты больше не плакала. Мой папа не позволит обижать твоего.

Настя со страхом и надеждой подняла глаза на высокого господина. «Да» – прочла она в его ласковой улыбке.

И вдруг все повеселели и заговорили. В комнате точно светлее стало. Так, по крайней мере, казалось Насте, с души которой свалилось тяжелое бремя.

Метель давно улеглась. Ясное небо сияло яркими звездами. По городу несся торжественный звон, возвещавший радость христианскому миру.

«Спаси, Господи, доброго господина и маленькую барышню», – шептала Настя, выйдя на улицу.

«Спаси их, Господи!» – повторяла она, крестясь на церковь, сиявшую огнями.

Много, много раз в этот вечер и долго после того повторялись слова эти в семье кондуктора, куда снова вернулись спокойствие и довольство.

22. Как девочка-татарка Дина спасла русского офицера

По Льву Толстому

Русский офицер Жилин попался в плен к татарам. Татары Жилину набили на ноги колодки и отвели в свою деревню – там была яма аршин пяти – и спустили его в эту яму.

Житье стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали ему туда тесто непеченое, как собаке, да в кувшине воду спускали. Духота в яме, мокрота. Жилин приуныл, видит – дело плохо. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил его убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает о вольном житье, и скучно ему стало. Вдруг прямо ему на колени лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина, девочка-татарка. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин думает: «Не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придет Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин: затопали лошади, приехали какие-то люди и собрались татары, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько он не разобрал, а догадался, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул (селение) не зашли, и не знают, что с пленным делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышно, зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монеты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки; вынула из рукава две сырые лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит: «Что давно не бывала? Я тебе игрушек наделал. На вот». Стал он швырять по одной.

А она головой мотает, не смотрит. «Не надо», говорит. Помолчала, посидела и говорит:

– Иван! Тебя убить хотят.

Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

– А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, что нельзя. Он сложил руки, молится ей:

– Дина, пожалуйста, Динушка, принеси.

– Нельзя, – говорит, – увидят, все дома, – и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: Что будет?» Все поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не всходил. Затихло все. Стал уже Жилин дремать, думает: «Побоится девка!»

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил: шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх: звезды высоко на небе блестят; и над самой ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: «Иван, Иван!», а сама руками у лица все машет, что тише, мол!

– Что? – говорит Жилин.

– Уехали все, только двое дома.

Ухватился он за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался – колодка мешала. Выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

– Снеси на место, Дина, а то хватятся – прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручу, взял камень острый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий – никак не собьет, да и неловко. Слышит – бежит кто-то с горы, легко подпрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Она взяла камень и говорит:

– Дай, я.

Села на коленки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин – видит, налево за горой зарево красное загорелось: месяц встает. Ну, думает, до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться. Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, да надо идти.

– Прощай, – говорит, – Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина: шарит по нему руками, ищет, куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

– Спасибо, – говорит, – умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? – И погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка, прыгает. Только в темноте слышно – мониста (украшения из жемчуга) в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, и пошел по дороге.

23. Пословицы о том, как жить

Нет друга, так ищи, а есть, так береги.

Новых друзей наживай, а старых не теряй.

Для друга и семь верст не околица.

Дорога помощь во время скудости.

Про доброе дело говори смело.

Добро не умрет, а зло пропадет.

Не так живи, чтобы, кто кого сможет, тот того и гложет, а так живи, чтобы людям, как себе.

Глупые друг друга губят да потопляют, а умные друг дружку любят да подсобляют.

24. Черкесская песня

А.Пушкина
В реке бежит гремучий вал,
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.
Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.
На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы[16]
Веселый пляшет хоровод...
Бегите, русские девицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

25. Христианочка

Из книги «Золотые колосья» Горбунова-Посадова

То, что я расскажу вам, случилось несколько лет тому назад в селе Любани Новгородской губернии. Девятнадцатого июня около двух часов дня на двор одной из дач, стоявших близко к речному берегу, вбежали две девочки, полураздетые, дрожавшие всем телом; с распущенных и спускавшихся волос их текла вода. Когда к неизвестным девочкам со всех углов дачи сбежались люди, испуганные их видом и мертвенной бледностью их лиц, то девочки, трясясь и стуча зубами, едва могли пролепетать, что они купались в реке, что их сестра и горничная потонули и что они прибежали сюда, чтобы скорее просить всех спасать утонувших, потому что до их дачи еще далеко.

Услыхав это, все люди с этой дачи бросились к реке, взяв с собой одну из девочек, чтобы она показала им место, где утонула их сестра; а другая девочка побежала без памяти дальше, к своей даче, чтобы позвать родителей.

К людям, бежавшим к реке, присоединился еще по пути народ, и у реки собралась целая толпа. Сейчас же нашлись хорошие пловцы, которые стали нырять в омут и вытащили оттуда утонувшую девочку. Она уже не дышала.

Когда девочку вынесли из воды, то несколько человек схватили ее и начали немедленно качать; но другие, более благоразумные люди, остановили это, потому что таким качаньем не вызовешь жизни. Положив утопленницу на землю, они послали в деревню за фельдшером. Прибежавший фельдшер стал растирать похолодевшее тело девочки, стараясь произвести искусственное дыхание, но жизнь не возвращалась в окоченевшее тело.

В это время пришла мать девочек, не помня себя от ужаса и горя. Узнав, что ничто не помогает, она умоляла все ж таки сделать еще что-нибудь для оживления дочери. Ей отвечали, что ничего больше нельзя уже сделать; тогда она припала к навсегда замершему телу и горячими слезами обливала посиневшее личико.

Потом мертвую девочку положили на телегу, и мать повезла ее домой.

Горничную же все не могли сыскать. Она нашлась только долго спустя, когда на реку выехали в лодке и стали баграми нащупывать дно в разных местах омута. Вытащив давно уже безжизненную девушку из воды, ее положили также на телегу, прикрыли рогожей и увезли домой.

Когда сестры утопленницы пришли в себя и немного успокоились, они рассказали, как случилось это несчастье.

День этот был особенно знойный и душный. Идя к реке, все они истомились от жары, и когда пришли на берег, то горничная в одно мгновение разделась и, не дожидаясь, пока разденутся дети, бросилась, не разбирая, в самый омут.

Случились ли тут с горничной судороги или другое что, только она стала тонуть. Увидав это, старшая сестра Вера, не раздумывая ни минуты, бросилась, как была, не скинув даже платья, в реку, к утопающей. Но Вера почти не умела плавать, не осилила стремительности омута и сама начала тонуть.

Тогда вторая сестра пошла также в воду, дошла до обрыва и подала руку сестре, бросившейся в омут. Утопающая схватила сестру за руку, но тотчас же отбросила ее руку от себя.

В это время вода дошла второй сестре до рта; ей сделалось страшно, и она выбежала из воды.

Пока вторая сестра была в воде, даже младшенькая девятилетняя девочка пошла в воду за ней, но, видя, что сестра возвращается, вернулась и сама на берег. И тогда-то обе сестры бросились бежать к жилью и звать на помощь.

Из рассказа обеих девочек видно было, что сестра их утонула, спасая погибавшего человека, и что она ни минуты не раздумывала, а прямо кинулась в воду, так что, видимо, она ничего не думала о своей жизни, а вся была в это время проникнута только жалостью к чужому несчастью.

Вот что мы узнали про эту девочку: девочка эта была очень верующая и очень хорошая. С самых ранних лет она тянулась ко всему хорошему и светлому, как молодая травка из всех сил тянется к солнечному свету, вбирает его в себя и от этого становится все зеленее и выше. Это был всегда радостный и ласковый ребенок, и каждому бывало с ним весело и хорошо – столько искренней любви светилось из больших синих глаз девочки, столько любви было в ее обращении со всеми.

Такой она и росла. Многие люди бывают маленькими детьми добрыми и кроткими, но, подрастая, начинают черстветь и грубеть, в Вере же любовь делалась с годами только глубже и сильнее. Вместе с тем она становилась очень умна; она много читала и передумывала.

Она слушала, как при ней читали иногда что-нибудь из Евангелия, и ей казалось тогда, точно из этой книги говорит с ней кто-то такой родной, дружный с ней, и говорит все так прекрасно, что у нее слезы наворачивались на глаза и маленькое сердце ее согревалось невыразимым

теплом.

И Вере казалось, что это самая нужная для нее книга, что она должна читать ее сама и перечитывать, и она просила мать, чтобы та подарила ей Евангелие. Вере было тогда только одиннадцать лет, и мать долго не соглашалась исполнить ее просьбу, говоря, что ей рано читать такую книгу, что она не поймет ее своим ребяческим умом. Но девочка просила неотступно, и мать наконец подарила ей Евангелие. Жадно, с блаженной радостью прочитав и перечитывая Евангелие, девочка не расставалась с этой книгой. Она знала все четыре Евангелия наизусть; но не это было удивительно: наизусть выучить Евангелие может всякий; удивительно было, как хорошо понимала она то, чему учило Евангелие.

Прежде всего она поняла из Евангелия, что нельзя жить для себя только, а надо жить для всех, всех надо любить, со всеми всегда надо быть кроткой и ласковой, всем быть слугой, а больше всего надобно жалеть и помогать тем, кого некому пожалеть, – всем людям нуждающимся, голодным и холодным.

Также рано поняла она, что надобно быть всегда правдивой, что надо везде и всегда искать одну правду и говорить всегда правду и не бояться ничего, если тебя обидят, заругают или чем-нибудь накажут за эту правду. И что всегда-всегда надо быть чистой сердцем, как деточки маленькие, в которых ни крошки нет ничего злого; и как от деточек всем вокруг веселее становится, так и самой надо стараться быть такой, чтобы всех вокруг себя радовать и утешать, как солнце на небе всех радует: и добрых, и злых, никого не разбирает, всем светит и всех греет.

Все это она поняла из Евангелия прежде всего, а потом, с годами, открылось ей еще многое другое. И этот ребенок хорошо понял, для чего нужно жить, во что надо верить и что надо любить всей душой: жить нужно для правды; верить надо в Бога, а Бог есть любовь, как говорится в Евангелии; любить же всей душой надо всех людей, как милых и дорогих братьев.

И вся душа Веры доверчиво потянулась навстречу этому учению любви, этой правде Христовой. Она твердо верила, что всем надо и всем можно жить так, как учил людей жить Сын Божий, Господь наш Иисус Христос; и когда ей случалось говорить это взрослым и некоторые говорили ей со снисходительной улыбкой, что жить так почти невозможно, то она всегда отвечала на это: «Значит, вы не верите в то, чему учил Христос. Нет, если верить, так уж верить!»

И говорила она это с таким горячим убеждением, что взрослые люди невольно замолкали, а она всегда как-то особенно выразительно повторяла

еще: «Верить, так верить!»

Она много читала в свободное время. Больше всего она любила читать о жизни и учении Иисуса Христа. Кроме того, она особенно любила читать историю и путешествия.

И все, что она читала о жизни людей, она оценивала по-своему: там, где народы жили в согласии между собой, где они вели жизнь мирную, тихую и дружескую, там, говорила она, люди жили так, как должны всегда жить они; когда же она читала о войнах, кровопролитиях и вообще о каких бы то ни было жестокостях и притеснениях одних людей другими, она всегда с горячим негодованием порицала такие поступки людей.

Она горячо порицала всегда, никем и ничем не стесняясь, всякую несправедливость, которую видела или о которой ей приходилось прочесть или услыхать. Лицо ее всегда все разгоралось в такие минуты, точно от какого-то глубокого стыда за людей, и в дрожащем голосе звенели слезы.

Насколько она любила всех, настолько же она ненавидела всем сердцем злобу и ложь, у кого бы их ни встречала. Она прощала все это людям, но считала, что большой грех – скрывать от людей правду, когда они делают злое.

Она никогда не лгала. Как она верила и говорила, так и жила, старясь делать все то доброе, что могла и умела.

Средства ее родителей были очень скромные. Дарили они иногда дочерям 15–20 копеек на гостинцы, и у Веры иногда собирался из этого какой-нибудь рубль; но никогда она, ни разу, не купила для себя ничего. Что же она делала со своими маленькими деньгами? Семейство ее посещали иногда знакомые, бедные и крайне нуждающиеся люди, и девочка клала потихоньку деньги в карман их платья, висевшего в прихожей, а когда случалось ей бывать у этих людей, то она клала деньги тихонько им под подушку. Когда же это обнаруживалось и ее спрашивали, не она ли это сделала, то она, вспыхнув, как огонь, уходила, ничего не ответив. Родные, видя, что для нее так тяжело, когда раскрывают тайны ее души, перестали задавать подобные вопросы, делая вид, что не замечают того, что она делает. Жертвуя тем малым, какое она имела, Вера пожертвовала и всей жизнью, когда это понадобилось.

И в самые предсмертные свои минуты она сделала то, что может сделать только тот человек, в котором ничего, кроме любви, не осталось. Вспомните, что, когда вторая из сестер дошла в воде до омута и подала руку сестре, боровшейся с силой воды, то утопающая схватила эту руку и затем сию же секунду бросила.

Это она сделала сознательно, потому что покойная девочка много раз говаривала, что, когда человек тонет, то надо схватить утопающего, не допуская, чтобы утопающий схватил спасающего, иначе спасающий может погибнуть. Она вычитала это в какой-то книге. Поэтому надо думать, что она вспомнила эти слова свои в ту минуту, когда схватила руку сестры, и она бросила эту руку, чтобы как-нибудь не погубить сестру, а сама затем навсегда погрузилась в речную глубь.

Вот почему, когда вечером того дня, в который случилось это несчастье на реке, в одной из комнат дачи, где жила семья покойной девочки, раздались унылые напевы панихиды, что-то особенное, глубоко трогательное было на сердце у всей собравшейся кучки родных и знакомых. И застланные слезами глаза жарко молившейся матери и сестер с бесконечной любовью и скорбью глядели туда, где в тускло мерцавшем глазетовом гробу лежало чистое, невинное тело четырнадцатилетней девочки, почти ребенка, без колебания отдавшего свою жизнь в жертву святой жалости.

И на белевшем сквозь туман кадильного дыма спокойном, прекрасном лице девочки лежала застывшая кроткая и приветливая улыбка, точно она говорила всем собравшимся: «*Я сделала свое дело, делайте же и вы свое*".

26. Молись, дитя!

Никитина

Молись, дитя: сомненья камень
Твоей груди не тяготит;
Твоей молитвы чистой пламень
Святой любовию горит.
Молись, дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.

27. Турчанка

Немировича-Данченко

Сражение с турками кончилось, и два русских офицера ехали с поля битвы обратно в селение, где стояли. По дороге им попадались мертвые тела турецких и русских солдат. Они были рассеяны по всему полю.

Не проехали они и версты, как сначала один из ехавших перед ними казаков, а потом и другой стали указывать на что-то вдали; затем казаки поворотили лошадей в сторону, остановили их и сошли с них на землю.

– Что там? – крикнули офицеры.

Но казаки молчали, возясь над чем-то, лежавшим внизу.

Офицеры дали шпоры коням и через минуту нагнали казаков.

– Что тут у вас? – спросили они.

Казаки расступились, и офицеры увидали, что перед ними в грязи, лицом кверху, лежал убитый турецкий солдат. Кровь запеклась у него на груди и страшно чернела сквозь прорванное пулей сукно его синей куртки, ноги широко раскинулись; поодаль лежало ружье со сломанным штыком. Прислонясь щекой к щеке убитого, сидела, крепко охватив его руками, крошечная девочка, даже не поднявшая глаз, когда подошли к ней. Казалось, она замерла совсем, ища защиты у него, у мертвого.

– Ах ты, сердешная! – заговорил один из казаков. – Ты-то чем провинилась? Перед кем? Бедняжка, как дрожит. – И казак провел рукой по ее волосам.

Ребенок еще крепче прижался к щеке отца.

Один из казаков нашел у себя в кармане грязный кусок сахара. Он разжал руку девочки и положил ей сахар на ладонь. Она бессознательно, не замечая его даже, сжала ладонь опять.

– Надо ее с собой взять, – заговорил наконец один из офицеров.

Тогда казак, исполняя приказ, подошел было к девочке и хотел взять ее. Но как ни старался он взять ребенка, это ему не удавалось. Девочка еще крепче и крепче прижималась к отцу, и когда ее хотели оторвать от него, она начинала жалобно всхлипывать, так что у всех невольно падало сердце. Казаки должны были оставить эти усилия. Офицеры стояли кругом, соображая, что нельзя же девочку оставить так; наконец один из офицеров сказал:

– Нельзя... нельзя оставить.

– Так как же быть?

– Никак невозможно. Потому что холодно, туман... Возьмем ее отца.

– Убитого? – удивились другие офицеры. – Помилуйте, не хватало рук всех раненых перетащить, а тут возись еще с убитыми, которых все равно не воскресишь.

– Да... Но... Так-то она не пойдет... А за отцом пойдет.

Казаки живо добыли лежавшую невдалеке шинель, видимо, оставленную каким-нибудь раненым, чтобы она не мешала ему идти, развернули ее и, приподняв тело турецкого солдата, положили его на шинель. Уцепившаяся было за труп отца, девочка схватилась за шинель. Казаки пошли, стараясь шагать как можно тише, чтобы девочка могла поспеть за ними. Когда девочка уверилась, что «гяуры» (то есть русские) ничего дурного не делают ее отцу, она позволила положить и себя тоже на шинель, где сейчас же обняла тело отца и по-прежнему прижалась к нему щекой к щеке.

– Ишь ты, как любит! – заметил казак помоложе.

Другой старый казак старался отвернуться в сторону. Старому казаку не хотелось, чтобы офицеры заметили, что по его щекам текут слезы. Только потом он проговорил:

– Ишь она какая! И у меня вот трехлеточек остался дома... Поди, тоже вспоминает батьку-то.

Только через час они добрались до деревни.

– Куда же теперь? – спросили казаки.

– Да на перевязочный пункт, разумеется, – отвечал офицер. – Там доктор и сестра милосердия... Напоят ее, накормят.

Маленькая девочка, дичившаяся мужчин, как только увидела сестру милосердия, сразу оправилась и, держась одной рукой за руку отца, другой схватилась за белый передник сестры милосердия, точно прося ее быть своей покровительницей. Добрая женщина расцеловала малютку и так сумела успокоить ее, что эта девочка пошла к ней на руки.

– Ну, а с этим куда? Похоронить, что ли? – спрашивали казаки. – Убитого-то куда?

– Погоди, погоди! – сказал доктор, осматривавший трупы. – Прежде всего, с чего это вы вообразили, что он убитый?

– Как же... мы сами его подняли...

– Ничего это не доказывает. Он только обмер, бедняга. А сердце его работает. Слабо, но работает. Девочка спасла отца.

Когда раздели солдата, то оказалось, что, несмотря на свою неподвижность, он еще не мертв. Жизнь еще теплилась в его раненом теле. А если б не заметили казаки его девочку, и отец и дочка – оба погибли бы на поле сражения.

Дня через три в ближайшем от поля сражения госпитале (больнице) на койке лежал очнувшийся тяжело раненый турецкий солдат, и тут же рядом с ним по-прежнему, щекой к щеке раненого, сидела его маленькая дочка. Пулю у него из груди вынули: благодаря ребенку за турком было более ухода, чем за другими. Она не оставляла отца ни на минуту. Заснет он, она выбежит из лазарета, станет на углу, постоит минут пять, подышит свежим воздухом и снова возвращается к больному.

28. Сиротка

По «Воскресному дню»

Один престарелый, вдовый, одинокий священник рассказывал о себе самом следующее.

– Это было очень давно. Когда у меня еще была жена, были дети, я не думал, что мне придется доживать век свой в одиночестве. Раз меня позвали в приходскую деревню – теперь уже село – напутствовать больную женщину. Прибывши туда, я увидел: в ветхой избе, совершенно одна, умирает еще не старая женщина. Когда я исповедывал ее, обратился назад и увидел, что на полатях сидит маленькая, лет двух, белокурая девочка и очень пристально на меня смотрит. Уходя из избы, я опять увидел, что девочка пристально смотрит на меня и провожает глазами. Взгляд девочки смутил меня, и у меня тогда же явилась мысль: не взять ли девочку, по смерти матери ее, к себе на воспитание? По приезде домой я подробно рассказал об этом жене, и она тоже задумалась над этим. Через день или два женщина померла. Меня опять позвали в деревню отпевать ее. Тогда со мной поехала и жена, посмотреть девочку. После погребения женщины мы окончательно решили взять девочку к себе в дочери. Привезли мы ее в одной худенькой рубашке и в лаптях. Лапти эти жена повесила на чердак и сказала: вот, когда наша приемная дочь вырастет, да не будет меня почитать и будет зазнаваться, я покажу, в чем мы ее взяли. Известно, что женщины более всего боятся непочтительных детей. Долго эти лапти висели на чердаке, пока не сгорели вместе с домом. Но не пришлось показывать их нашей дочери. Девочка росла добрая, тихая и скромная. Мы ее во всем вели, как родную дочь. Мы учили ее грамоте. Женских училищ тогда еще не было. Когда она выросла, мы хотели наряжать ее по тогдашнему времени, сшили ей салопчик и думали выдать ее в замужество. Но от замужества она отказалась. На девичьи гулянья и игры она не ходила, хотя мы ей и не запрещали этого, а в свободное от занятий время она стала читать духовные книги. Светских песен она никогда не пела, а полюбила духовное пение. Я сам любитель церковного пения, и она в свободное время стала петь со мной. Потом у меня померла жена, осталось два сына. У них оказались хорошие способности. Учиться они стали хорошо. Только бы мне глядеть на них и радоваться, но не судил мне Господь Бог этого. Один сын, кончивший курс духовной семинарии, захотел продолжать учение, поступил в московский университет и там помер. Другой сын помер среди семинарского курса. И остался я на

старости лет только со своей приемной дочерью. Тогда-то я и понял, что Сам Господь вразумил меня взять на воспитание сиротку. Как бы я, старик, стал жить без нее? Благодарение Господу Богу! Теперь я вдовство и свое одиночество переношу легко. Где бы я ни был – в церкви ли, в приходе ли, – я покоен духом. Откуда бы я ни пришел, я всегда нахожу в доме тепло, порядок, чистоту, привет и ласку благодарного и доброго сердца.

29. Волшебные очки

По Гофману

– Как жаль, что теперь нет волшебниц! Они исполняли бы наши желания, – сказала маленькая Саша, рассматривая карманную зрительную трубу своей матери, которую та получила в подарок ко дню своего рождения. – Я бы знала, что просить у них.

– Верно, такую же трубку, как моя? – заметила, улыбаясь, мать.

– Не совсем такую. Я бы желала видеть через эти стекла не одни лица и предметы (я их и так хорошо вижу), но я бы хотела видеть все, что кроется под ними, – например, сердца людей, узнать их мысли, желания, а также, кто из них добр, кто зол.

– Я очень рада, – сказала мать, – что не имеешь таких стекол; иначе ты нажила бы себе очень много врагов.

– Почему же, мама? – спросила девочка.

– Неужели ты думаешь, мой друг, было бы приятно людям знать, что они не могут ничего скрыть и что сердца их открыты пред тобой, к тому же, видя больше дурного, нежели хорошего, ты сама будешь несчастна. Погоди, мне припомнилась сказочка. Она объяснит тебе то, чего ты не понимаешь.

Давно, очень давно жил на свете некий человек; он желал иметь очки с такими стеклами, каких желаешь ты, и получил их. Только, раз надевши их, он уже не мог их снять. Что же случилось? Сердца людей со всеми помышлениями открылись перед ним, но в них видел он больше дурного, чем хорошего. Он проникал своими стеклами в сердца самых испытанных, самых любимых друзей своих – и везде находил недостатки. Это навело на него большую грусть, он стал обращаться с ними холодно, недоверчиво; те сначала удивлялись, огорчались, не зная, чему приписать такую перемену, наконец оставили его одного. Одиночество тяготило несчастного; но он не хотел глядеть другими глазами на людей, которые все казались хуже его самого, и в своей грусти стал просить себе у Бога смерти. Вместо смерти явился к нему ангел с кротким, приветливым лицом и голубыми глазами. «Я – любовь, – сказал небесный вестник. – Я пришел помочь тебе и рассеять твое заблуждение. Ты ищешь в других совершенства. Но может ли найти его тот, кто сам исполнен недостатков? Рассмотри сначала твое собственное сердце и потом осуждай ближних, если посмеешь!» – При этих словах ангел коснулся чудесных очков, и пред тем человеком открылось его собственное сердце, которое было гораздо хуже сердец его

ближних... «Боже, какой я грешник! Прости меня», – воскликнул он, и очки упали к ногам его.

«Люби ближнего, как самого себя, – сказал ангел, – такова заповедь Господа. Старайся прощать другим их недостатки – и ты будешь счастлив на земле и прощен на том свете». Человек исполнил повеление ангела, и весь мир, все люди стали казаться ему лучше и добрее, потому что он помнил то, что рассмотрел в своем сердце, и теперь, глядя на других, старался отыскивать в них только хорошие стороны и чрез это сам делался лучше и счастливее.

– Поняла ли ты мою сказочку, Саша? – спросила мать. – Будем и мы с тобой смотреть на себя в те волшебные очки, а на других в простые стекла. Нам заповедано *любить ближних, а не искать их недостатки*. Довольно с нас и того, если узнаем и исправим наши собственные.

30. Сорная трава

По «Воскресному чтению»

Одна благочестивая мать вместе со своими маленькими дочерьми занималась в своем небольшом огороде вырыванием сорной травы. Работа шла скоро и весело; дочери поспешно рвали сорную траву, росшую среди овощных растений, и не замечали, как текло время, потому что, кроме своей работы, они были заняты рассказами матери о древних христианских подвижниках. Перед окончанием работы младшая девочка окинула своим взглядом очищенное место, и ей жаль стало той травы, которая так красовалась прежде среди гряд, испещряя весь огород разнообразными цветочками.

– Милая матушка, – сказала она, – я не буду полоть всей этой гряды. Мне грустно взглянуть теперь на наш огородик: тут так прекрасно расцветали и репейник, и анютины глазки, и клевер, а теперь все как будто мертво, и нечем мне полюбоваться.

Мать согласилась и уважила желание своей еще мало понимавшей дочери: полгряды огурцов остались покрыты сорными травами. Недели через две в огороде стали созревать плоды. Младшая из девочек более всех томилась ожиданием, когда же придет возможность сорвать свеженький огурчик или выдернуть вкусную морковку... Каково же было ее удивление, когда на оставленной ей не выполотой грядке она не нашла ничего, кроме отцветшей, потому и не красивой более травы?! С печальным видом возвратилась она к своей доброй матери.

– Милая мама! – сказала она со слезами на глазах. – Ты знаешь, что я прежде радовалась, смотря на грядку, которую ты мне позволила оставить покрытой сорной травой... Теперь на ней ничего нет, кроме почти засохшей травы, тогда как наш огород и зелен, и свеж, и уже принес плоды!..

На эти кроткие слова раскаяния добрая мать отвечала ласковым словом утешения и участия.

– Слушай же мое милое дитятко: помни, что огород подобен нашей душе. Как в огороде, так и в нашей душе есть много доброго; но есть в нем (и еще более) и худое. Что добрые растения в огороде, то добрые желания в нашей душе; сорная трава – это наши грехи и злые желания. Как тебе грустно было смотреть на очищенный огород, потому что он сделался пустым, так грустно и тяжело человеку оставить свои худые привычки: без них ему жизнь кажется постылой. Он не оставляет их, не старается

истребить – и что же? Они приводят его на край гибели; все доброе в нем умирает; он перестает любить Бога, ближних, своих родителей... Вот смерть лишает его жизни, он является перед Богом, и нет у него ничего, никаких добрых дел; и самые пороки, как тебе теперь трава, не кажутся ему более приятными; но после смерти нет покаяния. Человек подвергается вечному осуждению.

Откройте, дети, Евангелие от Матфея и прочитайте главу 3, стих 10.

Одна из девочек прочитала: *Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.*

– Запомните это место и старайтесь никогда не забыть его, – сказала мать своим детям. – Дерево, не приносящее плодов, – то же, что сорная трава. Оно означает человека, не делающего добрых дел, человека, преданного пороку. Бегайте же греха, этого сорного растения, которое так часто заглушает в людях все доброе.

31. Ложный стыд

Паульсона

– Здравствуй, Лиза! – Здравствуйте, Иван Петрович. – Почему ты вчера не остановилась, когда я тебя звал? – Ах, да ведь с вами шли две женщины. – Ну так что же? Разве ты сделалась нелюдимкой? – О, нет! Я торопилась. – Ну, на одну минуту-то ты могла бы остановиться. – Да, но я несла кувшин с водой, потому стыдилась. – Вот тебе на! Ты смешишь. Так, по-твоему, стыдно носить воду? – Да, нести на улице. – На что же у нас руки? *Работать вовсе не стыдно; а стыдно то, что теперь многие девушки стыдятся работать.*

– Но ведь носить воду прилично только служанкам. – А разве ты не знаешь, где и как встретил посланный от Авраама Ревекку? – Знаю очень хорошо: он встретил ее, когда она несла на плечах своих ведро воды, – дала напиться рабам Авраама, а также и верблюдам. – Вот видишь ли! А ее отец был очень богатый человек, которому служили сотни рабов; да и сама Ревекка имела много рабынь. Кому же, как не ей, можно было оставаться праздной и требовать услуги от других? – Да, вы правы, Иван Петрович; я не буду больше этого стыдиться. – И хорошо сделаешь, потому что это ложный стыд. И он может дойти до того, что наконец дочь не захочет подать стакан воды больной матери; ведь и это, пожалуй, может показаться неприличным.

32. Мороз Иванович

Народная сказка

Была у мачехи падчерица Рукодельница да дочь Ленивица. Рукодельница была умная девочка; рано вставала и за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха и кур кормила, а потом к колодцу за водой ходила. А Ленивица меж тем в постельке лежала; уж разве наскучит лежать, так скажет: «Мама, надень мне чулочки; мама, завяжи башмачки»; а потом заговорит: «Мама, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает, сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться; ей бы к окошку мух считать – да и то надоело; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; сидит горемычная, плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в этом другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится и примется чулки вязать или шить да кроить, да еще песенку затянет, и не было ей никогда скучно, потому что скучать-то ей было некогда.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она за водой, опустила ведро на веревке, а веревка-то оборвалась; упало ведро в колодец. Расплакалась бедная девочка и пошла к мачехе рассказать свою беду. А мачеха была строгая, сердитая, и говорит:

– Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведерко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за веревку и спустилась по ней к самому дну. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмет, тот со мной и пойдет!

Рукодельница схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идут они дальше. Перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки листьями шевелят и говорят:

– Мы яблочки наливные, зрелые; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет!

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней на передник.

Рукодельница идет дальше. Смотрит: перед ней сидит Мороз Иванович, седой-седой старик; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест.

– А, – сказал он, – здорово, Рукодельница; спасибо, что ты мне пирожок принесла: давно ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

– Знаю я, зачем ты пришла, – сказал Мороз Иванович. – Ты ведерко в мой студенец опустила; отдать тебе ведерко отдам, только ты мне три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива – тебе ж хуже. А теперь мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь постель, да смотри, взбей перину хорошенько.

Рукодельница послушалась.

Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда, а по стенам убран был снежными звездочками. На постели вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать нечего, принялась Рукодельница взбивать снег, чтобы старику было мягче спать. Мороз Иванович погладил ее по голове да и лег почивать на свою снежную постель. Рукодельница между тем все в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготовила, платье у старика починила и белье выштопала. Старичок был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня. На четвертый день Мороз Иванович сказал:

– Спасибо тебе, хорошо ты меня, старика, утешила. Люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твое ведерко, а в него я всыпал целую горсть серебряных пятачков; да вот тебе на память бриллиантик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, пошла к колодцу, ухватилась за веревку и вышла на свет Божий.

Когда она пришла домой и рассказала все, что с ней было, мачеха сказала:

– Вот видишь, Ленивица, что за рукоделье люди получают. Поди-ка к старичку да послужи ему, так и ты пятачков заработаешь.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старичку работать, но пятачки ей получить хотелось и бриллиантовую булавку тоже.

Вот Ленивица пошла к колодцу, схватилась за веревку, да и бух прямо ко дну. Смотрит: и перед ней печка, а в печке сидит пирожок – такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом поджарился; кто

меня возьмет, тот со мной и пойдет!

А Ленивица ему в ответ:

– Да, как же не так. Мне себя утомлять, лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь!

Идет она дальше, видит: перед ней сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да между собой говорят:

– Мы яблочки наливные, зрелые; корнем дерева питаемся, студеной росой омываемся; кто нас с дерева стрясет, тот нас себе и возьмет!

– Да, как бы не так! – отвечала Ленивица. – Мне себя утомлять, ручки подымать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами попадают.

И пошла Ленивица мимо.

Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

– Что тебе надобно, девочка? – спросил он.

– Пришла я к тебе, – отвечала Ленивица, – послужить да за работу получить.

– Дельно ты сказала, девочка, – отвечал старик, – за работу плата следует: только посмотрим, какова еще твоя работа будет. Поди-ка, взбей мою перину, а потом кушанье изготовь, да платье и белье мое вычини.

Пошла Ленивица, а дорогой думает: «Стану я себя утомлять да пальцы знобить. Авось старик не заметит и на не взбитой перине уснет».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лег и заснул, а Ленивица пошла в кухню. Пришла, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, – это ей и в голову не приходило. Вот она огляделась: лежат перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас. Вот она думала, думала: кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрезала, да все, что было – мытое и немытое – так и положила в кастрюлю все вместе, да еще и квасу подлила и думает: «Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить?»

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю как есть, даже скатерти не подослала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, покряхтел и принялся сам готовить кушанье.

После обеда старик лег отдохнуть и припомнил Ленивице, что у него платье не починено да белье не выштопано. Ленивица понадулась, а делать было нечего; взяла иголку, да с непривычки укололась и бросила работу.

А старик будто ничего не замечает, ужинать Ленивицу позвал, да еще спать уложил.

А Ленивице то и любо, думает себе: «Авось и так пройдет. Вольно было сестрице на себя труд принимать: старик добрый, он мне и так, задаром, пятачков надарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича ее домой отпустить да за работу наградить.

– Да какая же твоя работа была? – спросил старик.

– Да как же! Ведь я у тебя три дня жила, – ответила Ленивица.

– Знаешь, голубушка, – сказал старик, – жить и служить – разница, да и работа работе рознь. Но, впрочем, если тебе совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет и твоя награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку пребольшой бриллиант. Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, побежала домой.

Пришла домой и хвастает: вот, говорит, что я заработала – не пятачки, а целый слиток серебряный, вишь какой тяжелый, да бриллиант-то чуть не в кулак! Не успела она еще договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол, в то же время начал таять и бриллиант, а петух вскочил на забор и громко закричал:

– Кукуреку, кукурекулька, у Ленивицы в руках ледяная сосулька!

Рукодельная песня

Одоевского

Помолись, потрудись,
Только знай, не ленись:
Без нужды проживешь
Да добра наживешь.
Чтоб добра себе прибавить,
Надо в жизни работать,
Все самим уметь исправить,
А другим не докучать.
Что за стыд! Как не знать
Ни кроить, ни стирать?
Я и платье скрою,
И рубашку сошью.
У хозяйки все поспело,
Только надо присмотреть,
Не сидеть самой без дела,
Да и дело разуметь.
Всюду сор, всякий вздор –
Для хозяйки позор;
Этак дом не сбережешь
И концов не сведешь.

34. Детская молитва

По журналу «Душеполезный собеседник»

Трудно жилось Марье Алексеевне с тремя малолетними детьми, когда она осталась вдовой без всяких средств к существованию. Муж ее был дворянином и добрым отцом семейства, но, по ограниченности своего жалованья, ничего не скопил для жены и детей. Схоронила Марья Алексеевна мужа и задумалась: чем жить? Нужно хлопотать о месте в каком-нибудь казенном учреждении, где бы дали квартиру и стол; о жалованьи уже рассуждать не приходилось, лишь бы приютиться с детьми. В ожидании такого места вдова продавала свои пожитки и на эти деньги кормила детей. С ней жила еще старшая сестра ее, Анна Алексеевна, тоже вдова, уже пожилая женщина. Маленькая квартирка, состоявшая из двух комнат, бедно обставленная, производила грустное впечатление вместе со своими обитателями, которые надеялись только на Божию помощь, ничего не имея в виду к материальному улучшению. Но вот их постигает новое горе: заболевает мать семейства. Болезнь начинается страшным жаром и каким-то незнакомым ощущением в горле, но больная молчит, боясь напугать своих детей.

– Маша, ты вся горишь, – замечает сестра ее.

– Да, мне сильно нездоровится, я, должно быть, слягу в постель, но Бог милостив, может быть, пройдет; ведь приглашать доктора мы не можем, его нечем поблагодарить, да и лекарства покупать не на что, – отвечала больная.

К вечеру она, действительно, слегла в постель и начала бредить. На другой день Анна Алексеевна увидела, что дело плохо, и пошла к знакомому доктору, умоляя его навестить больную. Он не замедлил придти на помощь и нашел у Марьи Алексеевны сильнейший дифтерит[17].

– Сейчас же, не медля, нужно удалить детей, – распорядился он, – для безопасности.

– Что вы говорите, доктор, – возразила Анна Алексеевна, – куда же я их дену? Вы видите наше помещение!

– Куда-нибудь к родным, к знакомым, словом, куда хотите, но удалить необходимо.

Тут поднялся плач детей, раздирающий душу.

– Мы не пойдем никуда, мы будем ходить за мамой, мы никуда не пойдем от мамы!..

– Оставьте их на волю Божию, – просила Анна Алексеевна, – если

умрет мать, то пусть умирают и они все, мне их некуда девать, пусть уж все умирают, – с отчаянием говорила она.

– По крайней мере, не впускайте их в эту душную спальню, где лежит больная, ведь вы подвергаете меня ответственности, оставляя детей при заразной болезни, – что мне с вами делать? Вот я пропишу, что нужно на первых порах, а завтра в 10 часов утра приду опять; но не ручаюсь, может быть, к утру больной уже не будет в живых.

С этими словами добрый доктор уехал, оставив свои деньги на лекарство. Анна Алексеевна тотчас послала племянника Витю в аптеку, так как он был старший в семье, и велела ему, пока будут приготовлять лекарство, не дожидаться, а сбегать в часовню Пантелеимона и взять масла из лампады.

– Да помолись за больную! – крикнула ему тетка, когда он уже бежал по двору.

Девочки, семилетняя Катя и восьмилетняя Маня, находились у постели больной матери, и невозможно было отозвать их в другую комнату. Они плакали и целовали ее, стараясь вызвать хотя один звук ее голоса.

– Мама, мамочка, проснись, милая мамочка, не умирай, дорогая мамочка, скажи хоть словечко!

Анна Алексеевна верила, что невозможное для людей возможно для Бога, и обратилась к Нему с усердной молитвой, тому же научила и детей.

– Маня, Катя! Если вы любите маму, то помолитесь Богу, чтобы вам не остаться круглыми сиротами; встаньте перед иконами и усердно молите Господа об исцелении вашей мамы, молите Царицу Небесную и всех святых угодников Божиих, вот у меня есть акафист целителю Пантелеимону, читайте его и молитесь.

Девочки с верой ухватились за это средство и обе встали на колени. Они разостлали печатный лист на полу, для своего удобства, и начали читать акафист вслух, с горькими слезами. Акафист был напечатан по-церковнославянски, что их сильно затрудняло; они едва разбирали слова и поливали этот лист горькими слезами. Маня не могла надолго оставлять свою мать и часто бегала в спальню посмотреть на нее, а Катя, не поднимаясь с колен, с рыданьем молилась, склонившись на акафист головой. Слезы застилали ей глаза, поэтому читать она уже не могла и молилась, повторяя свою собственную молитву: «Господи, спаси нам маму! Матерь Божия! Помилуй маму! Святой угодник Божий, исцели маму!»

Анна Алексеевна жалела, что не успела попросить священника

причастить умирающую сестру, и сидела, прислушиваясь к хрипенью в груди больной, ожидая ее кончины. Но вот прибежал племянник Витя, едва переводя дух от быстрой ходьбы; он отдал тетке лекарство из аптеки и масло из часовни святого Пантелеимона. Вера породила надежду, и Анна Алексеевна торопливо взялась за целебное масло из часовни, отставив лекарство в сторону. С молитвой начала она натирать маслом все тело больной и продолжала это около получаса, а дети все молились. Вдруг больная открыла глаза и слабым голосом спросила:

– Какими это травами ты натираешь меня? Уж очень душисты и так приятны для тела.

– Это масло из лампады целителя Пантелеимона.

– А, вот что, я не знала.

И больная приподняла руку перекреститься.

Анна Алексеевна употребила на растирание все принесенное масло, а затем одела больную теплым одеялом. Дети, утомленные слезами и усердной молитвой, скоро заснули на жестком диване, а тетка их сидела возле сестры, не спуская глаз с маленького образочка святого Пантелеимона, висевшего в головах больной. Она уже не могла молиться, она только смотрела на образок, как смотрят на врача, в искусство которого верят и отдают ему больного в полное распоряжение. Прислушиваясь к дыханию сестры, она заметила, что та стала дышать ровнее и спокойнее. Так прошла вся ночь. Утром, часов в восемь, больная попросила переменить на ней белье, потому что была в сильном поту. Она сама села на постели, перекрестилась и попросила чаю. Обрадованная Анна Алексеевна торопливо исполняла все ее требования. В десятом часу приехал доктор и, осторожно войдя, спросил, жива ли больная.

– Войдите к ней, ей лучше, – ответила Анна Алексеевна.

Он вошел и остановился, не веря своим глазам; взглянул на нетронутое лекарство и спросил:

– Чем вы лечили ее?

– Вот врач, – ответила Анна Алексеевна, указывая на образок святого Пантелеимона, – а вот и лекарство, – показала она на пузырек от масла.

Доктор осмотрел больную и воскликнул:

– Ну, сильна вера ваша! Это чудо Бог сотворил, иначе и предположить не могу. Вы знаете, что у Марьи Алексеевны был сильнейший дифтерит, и я не рассчитывал застать ее живой, а теперь этой болезни и следа нет. Я поторопился узнать о результате моего лекарства, а вы к нему и не прикасались.

– Простите, доктор, я была в таком отчаянии, что верила только в

Божию помощь, и поэтому предпочла это масло вашему лекарству.

– Мы молились за маму, – сказала маленькая Катя, – вот Бог и исцелил ее. Скажите, доктор, всем больным, чтобы молились Богу и читали акафист святому Пантелеимону; ведь вы верите, что это он исцелил нашу маму?

– Верю, детки, верю, это первый случай за все время моей практики. Я плохой христианин, но все-таки советую: когда ваша мама совсем поправится, пойдите с ней и отслужите благодарственный молебен. Теперь я смело поздравляю вас, Марья Алексеевна, с быстрым выздоровлением; только один Бог мог вырвать вас из когтей смерти.

С этими словами доктор ушел, радостный и удивленный. Марья Алексеевна, действительно, скоро поправилась и жила еще несколько лет, а дети ее живы и здоровы и до сего времени.

35. Молитесь искренно

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

С твердостью сердечною выговаривайте слова молитвы. Молясь вечером, не забудьте высказать в молитве к Духу Святому со всей искренностью и сокрушением сердца те грехи, в кои вы впали в прошедший день: несколько мгновений покаяния теплого – и вы очищены Духом Святым от всякой скверны, паче снега убелены, и слезы, очищающие сердце, потекут из очей ваших, и одеждою правды Христовой вы прикрыты и с Ним соединены будете, как с Отцом и Духом.

36. Сиротинка Оля

Словацкая сказка

В одной бедной деревушке жила злая старуха; у нее были дочь Саша да падчерица Оля; Саша собой была такая дурная, а Оля, как ангел, хороша. И невзлюбила ее за то мачеха. Чтобы извести свою прекрасную падчерицу, она зимой посылает ее в лес за фиалками. Та, бедняжка, не смеет ослушаться, идет в лес.

Долго шла... Вдруг Оле на горе высокой пламя показалось, думает: «Погреюсь». Подошла и видит вкруг костра большого, на гранитных камнях, великанов-братьев. Три, как лунь, седые, три – не очень стары, три – что спелый колос, три – весны моложе. Всех двенадцать было, месяцами звались; батюшкой родимым год им приходился. К ним подходит Оля, кланяется в пояс и, дрожа от страха, речь такую держит:

– Люди-братья! В поле непогода, вьюга; у меня от стужи в жилах кровь застыла. У огня тепло вам, дайте отогреться бедной сиротинке. Ручки коченеют.

– Что ж, погрейся, – молвил Оле самый старший, – только как, скажи нам, в поле ты попала?

– Я ищу фиалок,– отвечала Оля.

– Где же ты найдешь их? На снегу? Под снегом?

– И сама не знаю... Только без цветов мне к матушке с сестрицей воротиться страшно. Наказали строго принести фиалок; изобьют, измучат, коль ни с чем вернуся...

– Жаль тебя, – ей молвил властелин метелей. – Ну, да не печалься, мы тебе поможем... Брат мой Март, – сказал он, – властвуй над природой, – и с поклоном отдал скипетр[18] брату Марту.

Тот костра три раза скипетром коснулся... Пламя разгорелось и согрело воздух. Снег стал быстро таять, показалась зелень, на деревьях старых почки развернулись, в травке под кустами зацвели фиалки... Оля видит чудо и себе не верит.

– Ну, моя малютка, рви скорей цветочки, рви, не то завянут, – молвил ей Март месяц.

Нарвала и, братьям в пояс поклонившись, весело в деревню из поля вернулась.

– Что, нашла фиалки? – молвила старуха.

– Да, я под кустами нарвала их, мама.

– То-то, под кустами... Что ж стоишь? Саше их снеси скорее.

Та – хоть бы спасибо, хоть бы подивилась: как эти фиалки, что нарвала Оля, расцвели зимою?

На другое утро мачеха посылает Олю за земляникой. Несчастная опять пошла в тот лес и на тех же камнях нашла братьев-великанов. Братья приняли ее ласково. Старший с белой бородой спросил ее, зачем она вышла опять в поле.

– Мать опять велела набрать земляники, – отвечает она, а слезы так из глаз и льются... Стало жаль малютку Январю седому; он передает свой скипетр брату Июню; Июнь сел на первое место, махнул скипетром над огнем, пламя поднялось – снег тотчас растаял, поля зазеленели, деревья оделись листьями. Трелью соловьиной роща огласилась; хлеб в озимом поле морем всколыхнулся. Около, на кочках, влажным мхом покрытых, свой раскрыли венчик белые цветочки. Лепестки со стеблей в тот же миг опали; наливаясь соком, зрела земляника. Оля видит чудо и себе не верит, а Июнь ей тихо:

– Рви же землянику!

Нарвала в передник зрелых ягод Оля и что силы было побежала к дому.

Мать встречает Олю неприветным словом:

– Что шаталась долго? Принесла ли ягод?

– Принесла, родная! – Оля отвечала, тихо высыпая ягоды на блюдо.

Съели землянику мачеха с Сашей – и хоть бы приветом подарили Олю, хоть бы подивились, как это под снегом она землянику отыскать умела.

На третий день мачеха посылает Олю в лес за сливами.

Она опять приходит к братьям-великанам; слезно просит их помочь ей, бедной. Брат Сентябрь взял скипетр из рук старшего брата, обвел три раза им костер – и пламя быстро разгорелось и высоко к небу поднялось столбами, согревая воздух. Снег в мгновенье стаял, всколыхнулось поле золотой волною ржи, созревшей чудно... Миг – и рожь копнами улеглась по полю. На столетних липах золотым отливом листья окаймились; на деревьях сливных, рдея под листами, влагою янтарной сливы наливались. Оля видит чудо и сама не верит, а Сентябрь ей шепчет:

– А встряхни-ка сливу.

Деревце ручонкой Оля чуть качнула, и четыре сливы на землю свалились. Подняла их девочка, поклонилась братьям и сказала тихо:

– Бог благословит вас!

Вот идет из поля, вот подходит к дому, ей навстречу с бранью мачеха выходит.

– Где же сливы, или ты не принесла их?

– Вот вам сливы, мама! – Оля отвечает. – Не сердись, родная, больше не достала.

– Как, четыре только? – мачеха спросила. – Отчего ж не больше? Знать, дорогой съела.

– Нет, я слив не ела,– отвечала Оля, – на деревьях сливных их висело много, только я не смела больше рвать, боялась. Думала, что этим рассержу хозяев.

– Ах, ты дура, дура! – мачеха ворчала. – Рвать боялась... Только, кажется мне, лжешь ты.

– Да и лжешь нескладно, – перебила дочка, с радостью глотая сливы наливные. – Где нашла ты сливы? – к Оле обращаясь, молвила Саша.

– В поле, подле леса.

– Я пойду: узнаю, правду ль ты сказала; если же солгала, берегись – измучу...

И пошла из дома.

На поле волнами, будто море в бурю, снег переливается. Вот подходит к лесу... Вот на гору всходит... Вот и ей, как Оле, пламя показалось. Подошла и видит: вкруг костра сидели так же, как и прежде, братья-великаны. К ним Саша смело подошла и греться у огня чужого, не спросившись, стала.

На нее сурово посмотрели братья, а она ни слова, хоть бы поклонилась.

– Знать бы нам хотелось, что тебе здесь нужно? – молвил тут Январь ей. – Говори, не бойся.

– Любопытен очень, старый дурачина, – Январю с насмешкой буркнула Саша.

Будто уязвленный ядовитым змеем, он поднялся с камня, засверкал очами.

– Перед вами мститель! – голосом громовым молвил старый месяц и костра три раза, грозно сдвинув брови, скипетром коснулся.

Пламя вмиг исчезло. С облаками в небе дым густой смешался и зловещей тучей понавис над полем. Из-за леса ветер с свистом вихрем дунул, и метель завыла, как дитя больное.

«Как бы поскорее до дому добраться», – задрожав от стужи, думает Саша. И пошла, да поздно. Перед ней, за нею бешено крутился снег, гонимый вьюгой.

Между тем старуха дочку поджидает: то в окно посмотрит, то заглянет за дверь.

– Знать, с дороги сбилась, – про себя бормочет, – в поле зги не видно... Дай, пойду навстречу.

И пошла... На поле стала звать Сашу:

– Отзовись, родная, где ты, что с тобою?

Не было ответа; только пуще ветер, будто насмехаясь, застонал в ущельях... Вот подходит к лесу; глядь – ее Саша прислонилась к ели, вся в снегу, чуть дышит. Мать подходит к дочке и, за руку взявши, говорит:

– Вернемся, вишь, как ты иззябла.

– Нет, родная, поздно, не дойдем, замерзнем, – ей в ответ на это дочка отвечает. – Знай, наслали вьюгу великаны-братья; видно, наша Ольга их подговорила.

– Ольга! Вот змею-то на груди согрела. Изобью до смерти – только бы вернуться...

Да домой вернуться не судил Господь им: снежная равнина стала их могилой.

Сиротинка Оля, за работой сидя, мачеху с сестрою долго поджидала. День прошел, все нет их... Вечер ночь сменила... Ночью в поле вьюга понемногу стихла. Небо прояснилось; будто чьи-то очи, засверкали звезды; а она все ждет их... Вот восток далекий заревом пожара вспыхнул. Всплыло солнце, утру улыбаясь. Рано утром Ольга дала знать соседям, что ее родные не вернулись с поля. Собрались соседи, развели руками и решились в поле поискать погибших. И пошли. Все поле исходили, только мачеху с Сашей не нашли под снегом. Из поля вернулись, миром порешили: Ольге быть хозяйкой и владеть избою. А она, рыдая, миру говорила:

– Что я за хозяйка, мне избы не надо... Без родимой мамы, без сестрицы милой мне не радость будет жить на белом свете.

Знать, забыла в горе, как несладки были мачехины ласки и любовь Саши.

Раннею весною пастухи на поле отыскали трупы и сказали Оле. Та их схоронила и лишь добрым словом, ходя на могилы, мертвых поминала.

37. Наследство

По Гофману

Родители Лизы были люди бедные, но честные и трудолюбивые. Сама Лиза была очень добренькая и ласковая девочка, и все дети в соседстве любили ее за вежливое и милое ее обращение. Всякий охотно играл с ней, несмотря на то, что она была беднее всех и не имела таких хорошеньких платьиц, как Наташа, Настя и прочие подруги. Они же смотрели не на платье, но на сердце, которое, конечно, стоит больше какой-нибудь шелковой или бархатной тряпки.

Вдруг с Лизой произошла перемена. Родители ее получили большое наследство и разбогатели. Лиза вообразила, что она важнее своих подруг, и сделалась в высшей степени спесивой; от прежней услужливости и любезности у нее не осталось и следов.

Наташа, Настя и прочие подруги ее сначала удивились, а потом стали над ней смеяться, но наконец Настя сказала ей:

– Послушай, Лизочка, ты глупенькая девочка. Если ты не переменишь своего обращения, то останешься одна: мы с тобой играть не будем. Опомнись!

При этих словах Лиза поморщилась, отвернулась от подруг и сказала:

– Теперь я богата – подруги найдутся.

Она, однако же, ошиблась: дети оставили ее, и Лиза, покинутая подругами, вскоре сильно соскучилась: она только теперь увидала, как неприятно быть одной. Сидя у окна, Лиза плакала, поглядывая на веселые игры своих прежних подруг. Наконец мать ее заметила эту перемену и спросила ее:

– Почему ты не играешь со своими подругами?

Сначала Лизе стыдно было сказать причину, но по настоянию матери она созналась в своей глупой выходке, равно как и в том, что уже давно раскаивается в своей заносчивости.

– Ступай сейчас же к своим подругам, извинись перед ними, – сказала мать. – И помни, что не богатство, но ласковое и сердечное обращение делает человека любимым. Какое другим дело до того, богата ли ты или нет? Разве они пользуются твоим богатством? Оставь навсегда глупую спесь и не допускай, чтобы зло вкоренилось в твоем сердце.

Лиза тотчас же последовала совету матери, побежала к подругам, ласково попросила у них извинения за свое надменное обращение с ними и снова была с радостью принята в кружок веселых детей. Это, впрочем,

весьма хорошо на нее подействовало: с тех пор она никогда не хвасталась богатством отца.

38. Тайна

Из «Воскресного чтения»

В одном доме жили две маленькие сестры, которых всегда видели весело играющими, потому что они были всегда довольны одна другой. У них были общие книги и игрушки, но никогда не было между ними ссоры, никогда не слышно было сердитого слова, не видно было гневного взгляда, Всегда находились они в хорошем расположении духа, играя ли на траве или в чем-либо помогая матери.

– Мне кажется, что вы никогда не сердитесь, – сказал я им однажды. – Отчего это зависит, что вы всегда довольны одна другой?

Они взглянули на меня, и старшая ответила:

– Это оттого, что во всем мы уступаем одна другой.

Я подумал одну минуту.

– Да, это справедливо: ты уступаешь ей, а она тебе.

Эти маленькие добрые сестры открыли тайну спокойной и веселой жизни. Они постоянно уступают одна другой, стараются делать друг другу все приятное; они добры, уступчивы, простосердечны, не самолюбивы и готовы постоянно помогать одна другой. И, не правда ли, как должны быть они счастливы? И все за это их любят.

39. Дорогая копеечка (рассказ каторжника)

Достоевского

Я возвращался с работы один, с конвойным, навстречу мне прошла мать с дочерью. Дочь была девочкой лет девяти.

Я уже видел их раз. Мать была солдатка, вдова. Муж ее был под судом и умер в больнице, в арестантской палате. В то время и я там лежал больной.

Жена и дочь приходили в больницу прощаться с покойным; обе ужасно плакали.

Увидя меня, девочка закраснелась и прошептала что-то матери. Мать тотчас же остановилась, отыскала в узелке что-то и дала девочке. Девочка бросилась бежать за мной. Она всунула мне в руку монету и сказала: «На, несчастненький, прими Христа ради копеечку». Я взял копеечку, и девочка возвратилась к матери совершенно довольная.

Эту копеечку я и теперь храню у себя.

40. Бабушкины часы

По Гофману

– Бабушка, отчего вы каждый раз все считаете, когда бьют ваши стенные часы, и после того задумываетесь о чем-то? – так спросила семилетняя девочка свою любимую бабушку, прибежавши к ней и взбираясь к ней на колени, когда часы били двенадцать.

– Считаю я, милая моя, удары часов по привычке, когда думаю, а задумываюсь при том о том, что с каждым часом жизнь моя делается короче, а смерть становится ближе ко мне. Станут бить часы, а я думаю: еще улетел в вечность час моей жизни; еще часом меньше мне осталось жить на свете; звон часов, как похоронный звон колокола, напоминает мне, что когда-то пробьет и последний час в моей жизни, после которого погребальный колокол возвестит о кончине настоящей моей жизни.

– Да на что же вам, бабушка, думать и помнить об этом? Разве вам это нравится? Разве вам умирать хочется?

– Умирать-то не хочется, дитя мое, да смерть не спрашивает у нас, когда ей прийти. А мои лета уже такие, что и нехотя думается о смерти. И что же я была бы за христианка, если бы я боялась думать о смерти? Думать о смерти и ожидать ее каждый день, каждый час велит нам всем Господь наш, чтобы мы приготовлялись к жизни будущей. Так вот, когда станут бить часы, я и думаю: еще часом короче стала моя жизнь. Что я сделала хорошего и что худого в прошедший час? Лучше ли я становлюсь или нет и готова ли я предстать после смерти на суд Божий? Если я сделала или сказала что худое в прошедший час, то я вздохну ко Господу о грехах своих и после этого иногда удержусь от худого дела или худого слова. Сделал ли кто из домашних нехорошо, скажет ли обидное слово, или вот ты сделаешь какую шалость, а я вспомню о смерти и удержусь от гнева и сердитого слова, а вместо того замечу тебе и другим с лаской да с любовью.

– Так и я теперь, бабушка, буду делать: как станут бить часы, так и я все буду вспоминать о смерти и буду делать то, что делаете вы.

– Хорошо, дитя мое, так делать всякому христианину; но тебе пока это не по силам: не обещайся делать то, чего не можешь исполнить. Когда вырастешь, тогда старайся делать так. А теперь ты вот что сделай: когда станут бить часы, подумай тогда: вот еще час прибавился к моей жизни; что я сделала в этот час – что выучила, что узнала? Если что опустила или забыла сделать – поспеши исполнить. Если кого обидела или на кого

обиделась, поспеши помириться, и в следующий час постарайся не делать нехорошего, что допущено было тобой в прошедший час. Тогда ты с каждым часом будешь делаться умнее и добрее; будешь расти телом, будешь расти и душой.

– Хорошо, бабушка, я это буду делать теперь.

– Да благословит тебя Господь, доброе дитя мое!

41. Нас семеро

Я.Грота

Я встретил крошку близ села.
Ей был седьмой лишь год; она
(Хоть в бедном платьице) была,
Как ангел, прелести полна.
У ней кудрявы волоса.
Румяно личико у ней,
И что за яркие глаза –
От них мне стало веселей.
«Скажи, малютка, сколько вас
В семействе братьев и сестер?» –
«Да сколько? Семеро всех нас», –
И на меня вперила взор.
«А где они, – спросил я, – где?» –
«Нас семь у маменьки всего:
Живут два братца у родни,
Да двое в море... далеко,
Да на кладбище двое спят:
Лежит сестрица там моя
И с нею маленький мой брат;
Седьмая же у мамы – я». –
«Два у родни, ты говоришь;
Два на море, да ты: вот пять;
А всех вас семеро; скажи ж,
Как это, душенька, понять?»
Малютка снова начала:
«Нас, видишь, семь: сестра да брат,
Что на кладбище, вот уж два;
Они близ хижины лежат». –
«Ты бредишь, светик: мудрено
Твои расчеты разобрать;
Когда уж два схоронено,
Так, стало быть, вас только пять!» –
«Могилы там; взгляни хоть сам, –
Сказала девочка, – пойдем!
Вон от пути шагах в пяти...

Там положили их рядком.
Там часто я чулок вяжу
Или платочек свой рублю;
Там под березкой я сижу
И братцам песенки пою.
Когда же солнышко зайдет весной
И вечер так прекрасен, тих, –
Туда несу я ужин свой
И кушаю в гостях у них...
Сначала Дженни померла;
Она стонала день и ночь,
Потом утихла, улегла,
И унесли сестрицу прочь...
Зарыли гроб ее, над ним
Цветочки после я рвала
И с братом маленьким моим
Все лето там венки плела.
Пришла зима; уж брат не мог
Играть по-прежнему со мной:
Закрыл глаза и в гробик лег,
И спит он также под землей». –
«Двоих взял Бог! – воскликнул я, –
Так сколько же вас всех затем?»
На это девочка моя:
Ах, сударь, семь нас; право, семь!» –
«Но двое умерли, мой друг:
Живет у Господа их дух;
Уж нет их в мире». Но ничем
Не убеждалася она
И все твердила: «Нет, нас семь!»

42. Кончина двух девочек

Сост. по «Душепол. чтен.»

Господь Бог, сказавший: *кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него* (Лк. 18, 17) и: *из уст младенец и ссущих* (т. е. питающихся грудью матери) *совершил еси хвалу* (Мф. 21, 16), действительно, совершает иногда в детях и через детей чудные дела.

В июне месяце 1860 года в одной деревне скончалась восьмилетняя крестьянская девочка Маня. Рожденная и воспитанная в добром и богобоязненном семействе, она отличалась особенной кротостью нрава, любовью ко всем и готовностью услуживать каждому, особенно бедным и сиротам. Добрым нравом своим она радовала не только родителей своих, но и всех окружавших ее. В упомянутом году в семействе ее в одно и то же почти время заболели сразу трое: она, старушка – бабушка ее, и меньшая трехлетняя сестра. Еще в начале своей болезни, продолжавшейся дней десять, Маня начала говорить родителям своим, что она непременно умрет, и увещевала их не плакать о ней, потому что она пойдет и сама желает переселиться к возлюбленному Спасителю. Чем более усиливалась болезнь, тем более, несмотря на тяжкие телесные страдания, в девочке обнаруживалось радостное ожидание близкого переселения к Господу. В десятый день она просила мать свою перенести ее из сенника, в котором лежала, в горницу, желая скончаться под святыми иконами Спасителя, Божией Матери и святых угодников Божиих. Хотя и не совсем верили в ее предчувствие близкой кончины, но исполнили ее желание. Она предсказывала также, что скоро за ней последуют и бабушка, и младшая сестра ее, чтобы соединиться с ней в радости бесконечной, в Царствии Христовом. Незадолго до смерти малютка имела дух проститься со всеми близкими, испросила благословение своих родителей, даже велела позвать бабку, которая принимала ее при рождении, и просила ее омыть по смерти тело ее так, чтобы никто посторонний не видел ее обнаженной. Сделавши это распоряжение, она вскоре скончалась в мире и без страданий, с отпечатком улыбки на устах, с какой, вероятно, встретила неземных вестников, посланных за ее душой. Бабушка ее умерла на другой день, а младшая сестра – дней через пять. Таким образом, предсказание Марии и относительно их оправдалось самим делом. Нет сомнения, что оправданные событием предчувствие и предсказание покойной Мани происходили от Бога. В простых и кротких сердцах детей, воспитываемых в страхе Господнем, почивает Сам Бог и просвещает их разум откровением

тайн, недоступных для мудрых и разумных. Не менее поучительно и то, что умершая девочка не только безбоязненно встречала смерть, но и желала ее, дабы соединиться с возлюбленным Спасителем ее. Только любящие всей душой Бога и возлюбленные Богом могут жаждать и стремиться к соединению с Богом.

Подобная же твердость духа при смерти замечена была мной в 1845 году в тринадцатилетней девочке Наталье Н., дочери купца (управлявшего тогда имением господина Б.), человека, говоря вообще, делового и умного, основательно изучавшего, между прочим, и святое слово Божие, и писания отцов Церкви, что не часто встречается ныне в светских людях. Несмотря на жизнь, проводимую в довольстве и счастье, и на светлую будущность, представлявшуюся впереди, Наталья, уже до крайности ослабленная болезнью, после приобщения Святых Таин, на вопрос мой, не боится ли смерти, отвечала: «Нет, батюшка, зачем бояться идти к Спасителю?» – «Грехи не пугают ли? Ведь ничто скверное и нечистое не может войти в Царствие Божие. А кто безгрешен? Несмотря на молодость свою, и ты также во многом, быть может, виновата пред Господом». – «Это правда, я грешница и великая грешница; но ведь и мои грехи понес на себе и омыл бесценной Своей Кровью милосердный наш Спаситель, пришедший взыскать и спасти грешниц, подобных мне. Чувствую, батюшка, что за это я люблю Его всей душой, верую, что и Он, по неизреченной Своей благости, не отвергнет меня». – «Не жаль ли тебе, друг мой, расстаться с родителями и родными?» – «Я буду непрестанно молить Господа, чтобы соединиться с ними в Небесном Царствии».

– Не достойны ли удивления такая вера и упование тринадцатилетней умирающей девицы? Наталья в тот же день вечером скончалась тихо, словно уснула, показав в себе своим родным и другим, кто имел глаза видеть, поразительный и поучительный урок, что, кто не дорожит земным, а взирает душой в горняя (небесное), тот и расстается со всем довольным, без крушения духа, и без смущения и страха встречает саму смерть.

43. Великая перемена: «все изменимся» (1 Кор. 15, 51)

По книге «Чтение для детей» Тодда

I

Бывал ли такой мальчик, который среди прекрасного жаркого лета не желал бы, чтобы наступила осень, когда созревают различные плоды и когда скачет по деревьям белка, запасаясь на зиму пищей; а осенью не желает ли этот самый мальчик, чтобы наступила зима, когда под его коньками затрещит лед, когда он понесется на санках по рыхлому снегу, когда ветер будет освежать щеки и он будет чувствовать себя бодрым и свежим? Зимой же он пожелает, чтобы наступила весна, когда земля покрывается зеленью, распускаются цветы, возвращаются птички и весь мир как бы обновляется и ликует. Так-то любят дети перемены.

Была ли такая девочка, которая не желала бы получить новую куклу вместо своей старой, красивое платье вместо изношенного; которая не хотела бы пойти в гости, где она может увидеть много разных новых вещей; которая бы не желала читать новую интересную книгу, о которой ей говорили? Так и девочки любят перемены. Так-то и все люди любят перемены.

Матрос, находящийся в плавании, с нетерпением ожидает того времени, когда он высадится на берег; но, пробыв на суше несколько времени, он уже снова стремится в плавание. Мальчик желает быть юношей, а юноша мужчиной.

Сколько великих перемен в жизни!

Дряхлый старик, опирающийся на свою палку, был тоже когда-то веселым мальчиком, певшим и бегавшим, как все вы, дети. Он также ходил в школу, но вырос и сделался мужчиной. Затем у него была молодая прекрасная жена и большая семья детей. Но смерть поразила всех близких ему. Сперва умерли дети, вскоре потом и жена, а за ней умерли и друзья его. Он остался одиноким. Давно замолкли веселые песни и разные игры детей; давно лишился он ласки жены и общества друзей. Старику кажется, что и солнце на небе светит не так, как прежде, и звезды менее блестят. Волосы его побелели, глаза стали мутные, уши плохо слышат, руки дрожат. Да, он много видел перемен на своем веку.

Милые дети! Есть две великие перемены, которые и мы все должны испытать. Я подразумеваю, когда мы умираем, то покидаем тело, в котором мы живем; но мы снова вернемся в него в день воскресения мертвых. Умирая, мы как бы покидаем свой дом, чтобы отправиться в

дальнее путешествие.

II

Прежде чем объяснить это, расскажу вам о смерти одной молодой христианки. Ей было всего двенадцать лет; за несколько месяцев до проявления той болезни, которой должна была кончиться ее жизнь, она вся предалась религии (т. е. святой вере). Она говорила о вечном блаженстве души. Я с удивлением слушал ее. Она нуждалась в спокойствии и отпущении грехов.

– Катя, знаете ли вы, что вы грешница?

– Да, я чувствую это с каждым днем все сильнее и сильнее.

– Просили ли вы милосердие Божие?

– Да, я прошу каждый день.

– Как давно молитесь вы ежедневно?

– Я всегда читала молитвы, а искренно молюсь только около двух месяцев.

– Я не спрашиваю вас, какой именно грех более всего тяжел для вас. Но знаете ли вы, какой это грех?

– Я думаю, что знаю; я молю о прощении и об освобождении от него. Этот грех – мой упрямый характер. Но я думаю осилить его.

Затем, после этого разговора, она настолько оправилась, что могла аккуратно посещать все богослужения. Но это продолжалось недолго. Она опять сильно заболела. Когда меня призвали к ней, бедная девочка была в страшных мучениях, но душа ее оставалась невозмутимой. Ум ее нисколько не помрачился, и голос ее был звучен, когда она позвала к своему одру друзей и знакомых, чтобы проститься с ними. Она умоляла их обратиться к Спасителю. Она говорила о том, что идет домой, и на ясном челе ее видны были мир и надежда. Смерть не имела для нее жала, могила не имела победы.

Доктор не надеялся на выздоровление, и семья отчаивалась; но девочка была спокойна – она с удовольствием покидала этот свет. В следующую ночь она чувствовала себя хуже.

Она пожелала увидеть своих друзей, чтобы проститься с ними – с каждым отдельно. Она обвила руками шею матери, поцеловала сестер и просила их молиться Спасителю и любить Его. Спокойно говорила она о своих надеждах и о приближающейся смерти, говоря об этом, как о чем-то радостном. Доктор, видевший много умиравших, молодых, средних лет и старых, и много читавший, говорил, что он никогда ничего подобного не читал и не видел. Она сказала своим сестрам и близким друзьям, как легко ей кажется любить Христа, и, протянув маленькие ручки, стала прощаться

с ними.

Нередко видел я смерть, но никогда она еще не производила на меня такого глубокого, торжественного впечатления, как смерть этого ребенка. Она умерла так тихо, так спокойно, как падает роза со стебелька или как лилия закрывает лепестки свои на закате солнца.

Она изменилась: ясные глаза были закрыты, звучный голос замолк, уши перестали слышать; прозрачные руки были сложены на ее груди; сердце перестало биться. Она умерла. Какая перемена! Душа покинула тело. Она лежала подобно мрамору. Мать, братья и сестры рыдали около ее тела. Но где же она? Она на небе; она видит своего Спасителя, души праведников, святых ангелов и множество детей, ибо из таких состоит Царствие Божие.

Какая перемена! Тут она была жалким телом, полным страданий; там она избавлена от страданий и болезней. Тут она слышала рыдания своих родных; там она окружена счастливыми, поющими гимны Господу. Тут она видела священника, говорившего ей о Христе; там она увидела Самого Христа во всей славе Его. Тут она слышала моления и вопли, там – благодарения и радостные песни. Тут она видела слезы, там Господь отирает слезы у всех (Откр. 7, 17; 21, 4). Тут бури срывали лилии – там она в саду, где нет ни бурь, ни ветров. Какая перемена!

III

Но будет еще большая перемена, когда душа снова соединится с телом своим. При звуках трубы архангела восстанут из могил все мертвые.

Когда она лежала в гробу прекрасная, одетая в белую одежду, – она казалась чем-то неземным. Но ведь этот вид изменится, это платье изменится, и могила, где она будет лежать, и памятник над ней – все забудется людьми и когда-нибудь исчезнет. Но Иисус Христос ее не забудет. Он знает, где похоронены Его друзья, и Он назначил день, в который пошлет ангела, чтобы собрать народы. Теперь Христос на небе, чтобы приготовить обители Своим друзьям; но, совершив все это, Он придет на землю. Он придет с сонмом ангелов. С Ним придут искупленные души. Какой свет наполнит небеса, когда Он будет сидеть на Своем великом белом престоле! Один из ангелов сойдет на землю с трубою. Это архангел. Он вострубит, и воскреснут мертвые. В одно мгновение восстанут и стар и млад. Восстанут со дна морского, с долин и гор, со всех забытых, уединенных мест, с погребенных городов. «Все мы изменимся». Хороший и худой, старый и молодой, большой и малый – все изменятся.

Для друзей Христа это будет блаженная перемена. Она будет

превышать понятия о чувстве радости больного, которому после долгой, изнурительной болезни возвращается здоровье; о ней не может составить себе верного представления и тот человек, который с восторгом встречает друзей своих, вернувшихся на родину после неимоверно долгого путешествия. Изменится слабый старик – у него будет новое, молодое, крепкое, легкое духовное тело, послушное орудие души. Изменится и маленький ребенок, много пострадавший от жестокого недуга, так изменится, что никогда ему больше не придется, вздыхая, говорить: «Я болен!» Расслабленный, который не в состоянии был сделать и шагу и во всю свою жизнь не знал, что значит быть здоровым, будет исполнен сил и веселья. Слепая девочка, никогда не видевшая прекрасных цветов в саду и на полях, не знавшая ни лица матери своей, ни улыбки отца, – она изменится и увидит все прекрасное в Божием мире. И та маленькая глухонемая, никогда не слыхавшая ни слов ласки, ни музыки, лишенная возможности говорить, – и эта несчастная будет изменена: доступны ей будут песни ангелов и святых на небесах, и будет она исполнена блаженства во веки веков. Там не будет ни больных, ни несчастных, ни калек.

Святое тело Христа, пронзенное копьем, окровавленное и исколотое терновым венцом и гвоздями, положили в гробницу; но оно не должно было измениться. Какое было прославленное тело, в котором Спаситель явился Савлу по дороге в Дамаск и Иоанну, Своему возлюбленному ученику, на острове Патмос! Тело святого Стефана, все избитое камнями, похоронили в земле; но из этой могилы оно воскреснет преобразованным. И Иоанна Крестителя похоронили с отсеченной главой, он явится на небеса с сияющим ликом и венцом вечной жизни.

Однажды несколько европейцев, возвращаясь из Китая, принесли с собой спрятанными в двух посохах яйца шелковичного червяка. Вывоз этих червей был строго запрещен китайцами, а потому прибегли к хитрости. Итак, в этих двух посохах заключались те крошечные яички, от которых должно было зависеть богатство шелкового производства всей Европы. Какое чудо!

Уличный тряпичник с длинным крючком в руке обходит самые глухие закоулки, подбирая грязные тряпки, выброшенную бумагу и т. п. Все это он кладет в мешок. Собранные грязные тряпки проходят через разные машины, их чистят и белят, и добывается прекрасная белая писчая бумага.

Можно ли сомневаться, что Бог воскресит наше немощное тело и что после воскресения оно будет прекраснейшим? Из костей, лежащих в

мрачной могиле, Он может создать существо, навеки сияющее ярче солнца.

Дети, вы все будете изменены. Вы изменитесь от времени, от болезней смертью, которая превратит ваше тело в прах, и Христом, Который придет воскресить вас.

О, милые дети, если вы будете любить Спасителя, будете слушать Его, исполняя то, что Он приказывает, и избегая того, что Он воспрещает, если вся жизнь ваша будет посвящена Ему, – вы удостоитесь уподобиться Ему: вы будете святы, блаженны и бессмертны.

44. Девочка со спичками

Из сказок Андерсена

На дворе был мороз; шел снег и становилось темно – это был вечер под Новый год.

В такой холод и в этой темноте по улице шла маленькая девочка с непокрытой головой, босая. Правда, она вышла из дому в туфлях, но пользы от них было мало. Эти туфли прежде носила ее мать, и они были очень велики. Девочка потеряла их, когда перебегала улицу, боясь попасть под мчавшиеся экипажи. Одна туфля так и пропала, другую же схватил уличный мальчишка и убежал с ней. И поплелась девочка по улице, ступая своими босыми ножками, покрасневшими и посиневшими от холода. В старом переднике она несла спички и одну пачку их держала в руке. Никто в этот день не купил у нее спичек, ни от кого она не получила ни гроша.

Дрожа от холода и голода, бедная малютка пробиралась по улице дальше. Жалко было глядеть на нее. Снежные хлопья покрывали ее длинные белокурые волосы, падавшие на ее шею красивыми локонами; но о них она совсем не думала.

Во всех окнах светились огоньки; отовсюду несся запах жареного гуся, так как это был канун Нового года. Вот об этом-то девочка и думала.

В углу между двумя домами, из которых один выступал вперед больше другого, девочка уселась отдохнуть и съежилась. Свои озябшие ножки она поджала под себя; от этого ей стало еще холодней, но домой она не смела идти, потому что не продала ни одной спички, не выручила ни одной копейки. Она знала, что отец, наверно, будет на нее сердиться, да и дома было тоже холодно: через крышу дул ветер, хотя самые большие щели были заткнуты соломой и тряпками.

Ее маленькие ручки почти окоченели от холода. Зажги она хоть одну спичку, она могла бы погреться, но она не смела вынуть ее из пачки, чиркнуть по стене и погреть себе пальцы.

Наконец она решилась и вытащила спичку. Трр! Как вспыхнула она! Как загорелась! Девочка держала над ней руку, а спичка горела ярким, теплым, чудесным огнем! Девочке казалось, будто она сидит перед большой железной печкой с блестящими медными ножками. Весело пылает в ней огонек, распространяя вокруг приятную теплоту. Девочка уже хотела протянуть к нему ножки, чтобы погреть их, но спичка догорела, и печка исчезла. В руке у нее был только конец обгорелой

спички.

Девочка чиркнула по стене другой; спичка вспыхнула – в том месте, где упал свет, стена стала прозрачна, как кисея, и девочка могла заглянуть в комнату. Там на столе была разостлана белая скатерть, стояла блестящая фарфоровая посуда, а жареный гусь, начиненный яблоками и черносливом, распространял чудный аромат. Но самое чудесное было то, что гусь вдруг соскочил с блюда и, переваливаясь, с ножом и вилкой в груди направился прямо к ней, к бедной девочке. Вдруг в эту минуту спичка погасла, и малютка опять увидала перед собой грязную, сырую, холодную стену.

Она зажгла еще спичку, и ей показалось, что она сидит под прелестной елкой. Елка эта была еще больше и великолепнее, чем та, которую она когда-то видела через стеклянную дверь у богатого купца. Тысячи свечей горели на зеленых ветках, а раскрашенные картинки, какие выставляются в окнах магазинов, смотрели на нее сверху. Девочка протянула за ними руки, но в это время спичка погасла. Свечки на елке стали подниматься все выше и выше и наконец превратились в звезды на небе. Одна из этих звездочек упала и оставила за собой длинную огненную полосу. «В эту минуту кто-нибудь умирает», – подумала девочка. Ее старая бабушка, одна только любившая ее и теперь уже умершая, говорила ей, что, когда скатывается звезда, чья-нибудь душа уносится на небо.

Девочка еще раз чиркнула спичкой, и опять стало светло. При этом свете старая бабушка стояла перед ней, такая светлая, такая кроткая, добрая...

– Бабушка! – воскликнула девочка. – Возьми меня к себе! Я знаю, ты уйдешь, как только погаснет спичка; ты исчезнешь, как теплая печка, как чудесный жареный гусь, как прекрасная большая елка! – И она быстро чиркнула всей пачкой спичек, потому что ей не хотелось расставаться с бабушкой.

Спички засверкали так ярко, что кругом стало светлее, чем среди белого дня. Никогда еще бабушка не была так хороша, так величественна; она взяла девочку на руки, и обе они, радостные, в ярком свете, поднялись высоко-высоко над землей. И там, куда они полетели, не было ни холода, ни голода, ни печали: они были у Бога.

В углу же, в холодное утро, прислонившись к стене, сидела бедная девочка с бледными щечками и улыбающимся ротиком: она замерзла в последний вечер старого года.

Новогоднее солнце взошло над маленьким трупом. Окоченелая сидела малютка со своими спичками, из которых одна пачка сгорела. «Она хотела погреться!» – говорили люди. Никто не подозревал, как много чудесного

видела она в эту ночь, как радостно и торжественно встретила она с бабушкой Новый год.

45. Маленькая Оля (истинное происшествие)

По «Воскресному чтению» 1866–67 г.

– Расскажи мне, пожалуйста, тетенька, какую-нибудь историйку! – так просила Маша свою тетку.

– Что же рассказать тебе: что-нибудь действительное или вымышленное?

– Да, расскажи какую-нибудь истинную историю, потому что я люблю их лучше всяких вымышленных рассказов.

– Я расскажу тебе о маленькой девочке Оле, которая была со мной знакома.

– Сколько было ей лет? – спросила Маша.

– Около двенадцати; она была кроткая и веселая девочка; она училась вместе с другими детьми в одной школе и очень часто любила читать Святое Евангелие. Оля не смотрела рассеянно по сторонам, но внимательно следила за каждым словом, как будто действительно искала драгоценное сокровище, которое лежит скрытым в слове Божием; казалось, она уже его знала и страстно желала более и более найти его. Ты знаешь, Маша, что Христос есть драгоценное сокровище, и кто ищет Его, тот счастлив.

– Тетенька, как ты думаешь, нашла Оля Иисуса Христа?

– Да, нашла; потому что каждый мог видеть, что она старалась и домогалась во всем подражать Иисусу Христу; она была послушна, полна любви, кротка и любила Евангелие от чистого сердца. После того как Ольга в продолжение нескольких недель исправно ходила со своей дорогой книгой в школу, в одно утро она распрощалась со мной и со всеми ученицами, и более уже мы ее не видели. Родители ее жили довольно далеко от нашего города, и ее прислали сюда к тетке только погостить на время, так как мать ее была больна и не могла сама заниматься с ней. Теперь мать почти выздоровела, и маленькая Оля должна была возвращаться домой на пароходе. Она не боялась ехать одна с няней, потому что все ее любили и ласково с ней обходились.

Итак, в июне, не помню в какой день, после обеда Ольга была отвезена на пароход. Тетка поручила дитя служанке женской каюты, которая обещала смотреть за Ольгой самым лучшим образом. Многие из пассажиров приняли ее ласково, а одна дама сказала: «Она будет моей милой и приятной маленькой собеседницей, потому что я только что распрощалась со своей такой же маленькой дочерью, и она будет со мной

до тех пор, пока отец ее не придет взять ее».

Наконец пароход совсем собрался в путь, настала минута прощания; расстававшиеся отдавали последние поклоны, махали руками – и пароход, быстро рассекая волны, величественно поплыл по морю. Вечер был тихий и солнечный; неукротимые и беспокойные волны, казалось, погрузились в сладкую дремоту, и морской ветер дул очень тихо. Пассажиры, довольные и веселые, гуляли на палубе или же сидели отдельными кружками и весело разговаривали; многие дети с удивлением смотрели на море, видя его в первый раз, все наслаждались прекрасным вечером. Маленькая Оля была очень весела и с особенным удовольствием смотрела на летавших взад и вперед морских птиц. Заходящее солнце своими лучами едва касалось воды, и волны блестели золотой лентой, которая, казалось, вела к далеко восходившим багрово-пурпурным облакам. Вечером служанка пришла за девочкой на палубу и увела ее вниз в женскую каюту; там почти все места были уже заняты, но одна маленькая чистенькая постелька была назначена Ольге. Многие дети еще раздевались, и в каюте было весело; но между чужими и незнакомыми людьми Ольга не забывала своего Спасителя и, прежде нежели ложиться спать, стала на колени и усердно помолилась (это, к сожалению, многие забывают делать).

Мало-помалу сделалось совершенно темно, все было тихо; уже и полночь прошла, как вдруг раздался страшный треск, и вода потоками устремилась в каюты. Дикие крики ужаса и испуга раздались со всех сторон: «Мы на подводной скале! Корабль идет ко дну!..» Ольга проснулась – и, о ужас, какую страшную картину увидела она: отцы звали своих детей, матери старались наскоро одеть своих испуганных малюток, и все, толкая друг друга, стремились к лестнице, ведущей на палубу. Бедная маленькая Оля! У нее не было близко ни отца, ни матери, которые бы заботились о ней и старались ее спасти или которые, по крайней мере, сказали бы ей, что она должна делать. Но Ольга знала, к Кому ей следовало обратиться в минуты бедствия и горя, и среди окружавшего ее ужаса и страха она опять спокойно опустилась на колени и горячо молилась Небесному Отцу; когда верная служанка пришла к ней, то застала ее молящейся. Счастливая Ольга! Она знала, где может найти защиту и убежище, и чувствовала теперь, как близко был Господь Иисус Христос к доверившемуся Ему дитяти.

Служанка накинула на Ольгу платок и вынесла ее на палубу. Была страшная минута. Отчаянные и безнадежные крики. «Лодку, лодку! Пароход идет ко дну! Мы погибли!» – раздавались со всех сторон. Лодки были спущены, но, к несчастью, туда слишком много натеснилось людей,

так что от чрезмерной тяжести лодки пошли ко дну, и все бывшие в них боролись с волнами. Пароход быстро опускался на дно, и многие стремглав падали с наклонявшейся палубы в море. Повсюду стремительный страх и отчаянные крики о помощи, но все напрасно. Один из спасшихся матросов рассказывал, что он видел в последний раз Ольгу стоявшей около служанки на палубе, и вспоминая ее последние кроткие слова, которые она говорила: «Не будем бояться, Господь с нами; с Ним и смерть не страшна». Вскоре раздался опять страшный треск, крики отчаяния, и пароход совсем исчез в волнах, и – дух ее носился у пристани успокоения, у блаженных берегов вечности. Древнее обещание «Если переходить будешь воды, Я с тобою» (Ис. 43, 2) исполнялось для нее. Это чувствовала Ольга, когда говорила спокойно: «Я не боюсь».

– Много ли еще утонуло? – спросила Маня.

– Да, дитя мое, более 70 душ, и, вероятно, еще более погибло бы, если бы одна госпожа, дом которой стоял над берегом, страдая в эту ночь бессонницей, не увидела из своего окна, что корабль наскочил на подводный камень. Она тотчас побежала в хижину рыбаков, разбудила их, и те поспешили со своими лодками на помощь к несчастным и многих спасли. Один господин ухватился за доску и старался спасти свое единственное дитя; он держал его крепко зубами за платье, но кто-то другой выхватил у него доску, и бедное дитя утонуло... Два маленьких мальчика были спасены, но потеряли родителей и сестер. Одна молоденькая девушка была спасена, потому что умела плавать и имела довольно присутствия духа, лежа на спине, плыть, пока не была взята на лодку, спешившую на помощь. Одна сиротка ехала в сопровождении дяди, тетки и сестер – и все они утонули, исключая эту бедную девочку.

Когда солнце взошло, то во время прилива много трупов было выброшено на берег; все они были сложены в одну комнату. Отцов, матерей, детей – всех можно было видеть лежащими в мертвом сне. Трое небольших детей лежало там; никто не знал их и никто не спрашивал о них; наконец узнали, что родители их пошли ко дну вместе с кораблем. Труп маленькой Оли также лежал там. Когда отец приехал за ней, то не бежали к нему навстречу маленькие ножки и не протягивались к нему с лаской ручки, только спокойная и сладкая улыбка замерла на ее холодных губах. Единственным утешением отца было то, что его любимое дитя достигло лучшего отечества и что он по милости Господа Иисуса Христа опять увидит ее, где нет больше ни горя, ни страданий, ни слез.

Вот я окончила свой рассказ, Маша; теперь скажу тебе еще несколько слов. Когда-нибудь и ты должна будешь умереть; желала бы я, чтобы и ты

могла так, как Ольга, сказать: «Я не боюсь умирать». Грех делает то, что мы страшимся смерти, как и написано: «Жало же смерти – грех; а сила греха – закон» (1Кор. 15, 56). Но Господь Иисус Христос принял на Себя наши грехи. Он, не сделавший ни одного греха, претерпел наказание за всех грешников, которые веруют в Него. Смотри на Него, милое дитя, Он Самого Себя предал за тебя, чтобы тебя и всякого грешника омыть от грехов и сделать белее снега. Смотри на Него, живи согласно с Его святой волей, выраженной в Евангелии, и веруй в Иисуса Христа теперь и в продолжение всей твоей жизни, и когда настанет время тебе умирать, случится ли это в неукротимых морских волнах или же на спокойной мягкой постели, то тогда ты весело можешь сказать: «Если даже пойду среди смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мной; Ты Своей силой успокоишь меня» (Пс. 22, 4).

46. Мать и дочь ее Анночка

Лев Толстой

У одной женщины умерла девочка Анночка. Мать с горя не пила, не ела и три дня и три ночи плакала. На третью ночь мать уснула. И видит мать во сне, будто Анночка вошла к ней и в руке держит кружечку.

– Что тебе, Анночка? С чем у тебя кружечка?

– А я в эту кружечку, маменька, все твои слезы собрала. Видишь, кружечка верхом полна. Не плачь больше. Если ты по мне плакать будешь, то лишние слезы через край на землю падут, и тогда мне дурно будет на том свете. Мне теперь хорошо там.

– Мать с тех пор больше не плакала по своей дочке. Она рада была, что ей хорошо на том свете.

47. Шаловливые ручонки

Из детск. стихотвор.
«Шаловливые ручонки,
Нет покою мне от вас!
Так и жди, что натворите
Вы каких-нибудь проказ.
Вот картинку изорвали,
Спичку серную зажгли,
А вчера ключи куда-то
От комода унесли.
Куклу новую купила
И сказала: береги!
А гляжу – она уж мигом
Очутилась без ноги.
То мне волосы растреплют,
То сомнут воротничок...
Как я вас ни распекаю,
Шалунишки, – все не впрок!»
Так на резвые ручонки
Деток жаловалась мать,
А сама их то и дело
Принималась целовать.
Знает мама, что не вечно
Этим пальчикам шалить,
Что придет пора – и станут
С нею труд они делить.

48. Ребенку

Плещеева

Сядь-ка на колени ты ко мне скорей
И ручонкой шею крепче мне обвей!
Глазки, что так ясно, весело глядят,
Целовать без счету я весь день бы рад;
Все бы слушал звонкий детский голосок,
Слушал, отдыхая сердцем от тревог...
Хочешь – покачаю, сказку расскажу,
Спать тебя в постельку с песней уложу?..

49. Чему учат непочтительных к родителям детей пчелы?

Сост. по расск. прот. И.Наумовича

Чувство любви к родителям Господь вложил в сердце каждого человека. Но что говорить о людях? Посмотрите на пчелок: они не покидают свою матку (т. е. царицу пчел) даже тогда, когда она уже не может для них ничего делать и, искалеченная или больная, падает на дно улья. Нельзя смотреть без сострадания, как эти Божии мушки всеми силами стараются поднять свою матку со дна кверху: они спускаются, цепляясь одна за другую, на дно улья и образуют из себя лестницу в надежде, что матка по этой лестнице поднимется наверх, где ее ожидают самые усердные услуги. А если она так обессилела, что не может выбраться оттуда, то при ней остаются несколько пчелок с медом, которые кормят больную матку и согревают ее, прижимаясь к ней. И трогательно бывает видеть, как эти усердные дети не покидают матку свою даже тогда, когда она умрет: они машут над ней крылышками, как бы стараются оживить ее, и только уж тогда, когда увидят, что все напрасно, с жалостным жужжанием улетают от нее.

Смотря на это, невольно подумаешь: «Подите сюда вы, разумные люди, поучитесь у этих маленьких созданий не только их уму-разуму, их трудолюбию, бережливости, их любви к своим деткам, молодым пчелкам – выводкам, но и подивитесь их любви к матке их, поучитесь у них и этой добродетели. Но ведь мы не животные, мы не дикари какие-нибудь, мы не язычники, Бога не ведущие; нам сказал Господь Бог: «Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет и да долголетен будеши на земли». Много-много нам писали об этой заповеди великие учители ветхозаветные, много поучали нас ей святые апостолы, и всегда учила и учит Святая Матерь наша Церковь Православная. Она учит нас, что, кто почитает отца и мать, тому Господь ниспосылает Свое благословение и долгую жизнь, а кто не исполняет этой святой заповеди, того постигает Божие проклятье. Вот как поучает об этом премудрый Иисус, сын Сирахов: «Чтый отца, – говорит он, – очистит грехи». Что это значит? А это значит вот что: Господь так высоко ставит любовь детей к родителям, что Он прощает нам грехи наши, если мы всей душой любим наших родителей, если усердно служим им в их немощах и старости, если для них не жалеем ничего, что только есть у нас. И слава Богу, есть много таких христиан, у которых любовь к родителям достойна удивления.

50. Под голос вьюги

Надсона

Глухо стонет вьюга, стонет и рыдает,
И в окно стучит костлявою рукой...
Жгучий страх мне сердце детское сжимает:
«Мама, дорогая, сядь, побудь со мной!»
И она прильнула нежно к изголовью,
Нежно лоб мой гладит, в очи мне глядит,
И под голос вьюги лаской и любовью,
Грустью и заботой речь ее звучит...
Как она прекрасна! В трепетном сиянье
Ночника она склонилась надо мной,
Точно светлый ангел в белом одеянье, –
Только легких крыльев нету за спиной!..
Что-то бесконечно кроткое сияет
В бесконечно милых, дорогих чертах,
И горит в улыбке, и в очах ласкает,
И звенит, чаруя, в сдержанных речах...

51. Не рано!

По «Праздн. отдыху»

Одна девочка спросила свою старшую подругу: какой самый благонадежный путь ко спасению? Та насмешливо ответила ей, что о подобных вещах думают только в старости. «Напрасно, – возразила девочка, – я бывала на кладбище и видала там много гробов покороче меня».

Отдел второй. Из жизни девиц

1. Великодушная русская девушка

Чистякова

Наступила Пасха; она у русского народа называется Светлым днем, Великим днем. К этому празднику наши крестьяне приготовляются, можно сказать, в течение целого года; тут они с особенной заботливостью начинают убирать свои избы, большей частью неопрятные, моют все: полы, стены, даже образа; приготовляют лучшее платье, собирают все, что нужно для угощения, варят пиво, мед или покупают их. Этот праздник бывает в начале весны, когда и вся природа, так сказать, радуется вместе с человеком, возрождаясь от зимней смерти.

В деревне Ивановской было одно очень доброе семейство, мать и дочь, девушка лет восемнадцати или девятнадцати. Они так же, как и все, весело хлопотали, чтоб встретить, как следует православному человеку, наступающий праздник. Только дня за два или за три до него приходит один нищий и говорит, что в другой деревне подруга матери очень больна, ждет смерти и желала бы проститься с ней. Деревня эта, в которой жила подруга, находилась по ту сторону реки Волги. Добрая Марфа, не думая долго, сделав все нужные приготовления к празднику и посоветовав дочери своей, Марине, что как делать, тотчас отправилась к больной. Больная едва могла узнать ее, поцеловала спокойно и сказала:

– Я умру. Жизнь моя была очень грустная, и я охотно расстаюсь с ней. Но ты не жалей обо мне. Мне жаль только вот этих бедняков, которые остаются без меня, – этого крошечного ребенка и эту слепую старуху, мою мать. Приюти их, если можешь. Бог тебя наградит, а я на том свете тебя не забуду и стану молиться о твоем счастье и спасении.

Сказав это, она умолкла, посмотрев на нее пристально, с выражением участия и любви, хотела перекреститься, но рука ее упала с постели, свет глаз забегал, как потухающая свечка, и потом угас. Марфа перекрестила ее и закрыла ей глаза. Слепая старуха, не видя, что тут происходит, спрашивает Марфу:

– Что, моя дочь, знать, заснула?

У Марфы так и повернулось сердце.

– Да, заснула, – сказала Марфа, – и больше не проснется: она умерла.

Бедная слепая старуха зарыдала, как дитя.

– Что со мной будет? – сказала она. – Куда мне деться с этим ребенком? Лучше бы Бог меня прибрал, а спас ее: тогда бы дитя ее не пропало.

– Не печалься, – отвечала ей Марфа, – я тебя не покину. Дай только схоронить покойницу, и потом отправимся ко мне; у нас места довольно, хлеб есть, я еще в силах; Марина моя – хорошая работница; за дитятей твоим мы будем смотреть, как за собственным ребенком; нам будет веселей, когда мы увидим, как он станет играть, забавляться и, вырастая, умнеть; а вырастет, так он не забудет, может быть, меня на старости лет, и мне придется искать у него помощи. Ведь Марина – девушка на выданье, ей не век вековать со мной; хорошо еще, если добрый человек захочет пристать к нашей семье и жить у нас, а то не портить же мне судьбу ее; придется когда-нибудь отдать, может быть, на край света, верст за десять.

Бедная слепая старуха несколько успокоилась от этих слов, замолчала, перестала плакать, но на лице ее выражалось глубочайшее страдание. Покойницу похоронили, собрали все необходимые пожитки, да их же было и немного, все можно было уложить в какие-нибудь два-три узелка, а кой-какой скот решили продать впоследствии, а на эту пору поручили присмотреть за ним доброму соседу. Распорядившись таким образом, Марфа взяла ребенка на руки, слепую старуху под руку и отправилась к себе в дом, несколько беспокоясь о том, что она так долго оставила Марину одну, которая, вероятно, о ней также беспокоилась.

Между тем в это время вот что случилось: Марина, ожидая мать, каждый день, как только можно было оторваться от работы, прибегала на берег Волги и смотрела, не идет ли мать. Не видя ее, она начинала тревожиться и думать, что, может быть, она сама заболела. Вот однажды таким образом она стояла в раздумье и печали, между тем лед на Волге начал вздуваться больше и больше, трескаться и лопаться. В это время Марина видит, что две женщины с чем-то в руках сбегают с крутого берега на реку и торопятся через нее перейти. Лед между тем тронулся, льдины были огромные, правда, но между ними уже образовались большие промежутки, так что с одной льдины на другую можно было перескочить только сильному и проворному человеку, и то с большой опасностью и не иначе, как с шестом. Марина всматривается, кто эти женщины, сердце у нее бьется сильно: Боже мой, она узнает, что это ее мать! Лед между тем лопается больше и больше; женщины отстают от берега; она бежит за ними по течению реки и следит глазами за своей бедной матерью, которая уже дошла до половины реки и то бросится назад – вернуться нет возможности, то бросится вперед – и тут мало надежды. Народ между тем столпился, все смотрят, бегут, кричат: «Помогите, помогите», однако ж никто помогать не решается. Марина хватает багор[19], бросается с берега, перескакивает со льдины на льдину и добегает до своей матери.

– Возьми прежде всего ребенка, – кричит мать, – а я останусь с этой старухой; она, видишь, слепа, она пропадет, а я не хочу брать греха на свою душу, я обещалась ее дочери перед смертью о ней заботиться, я же ее ввела в беду, я привела ее сюда.

Разговаривать долго было нечего, Марина схватывает дитя, подбегает к берегу и бросает его на руки одному крестьянину, который тут находился, потом снова возвращается к матери. Мать говорит:

– Теперь, как хочешь, возьми и веди эту старушку.

Старуха, услышав это, говорит:

– Нет, если я утону, обо мне жалеть некому, я ни для никого не нужна, а ты пропадешь – горе твоей дочери на целую жизнь и, может быть, горе и ребенку. Ступай ты!

Между ними начинается великодушная борьба. Мать наконец уговаривает Марину взять старуху.

Они также благополучно доходят до берега; крестьяне сбрасывают веревку; Марина обертывает ею старуху, дает веревку ей в руки, и ее втаскивают. Между тем мать уже далеко отнесло; между ней и дочерью громадные полыньи, перескочить нет возможности. Дочь в отчаянии кричит матери, падает на колени, молится Богу и, перекрестившись, бросается в воду, доплывает до льдины; а лед все больше и больше ломается; вот треснула эта самая льдина, на которой она находилась, и их разорвало. Они должны бросить друг друга, чтоб обеим не повалиться в воду. Девушка опять бросается вплавь к матери, снова они борются с опасностью, наконец, они уже почти у самого берега или сажени две от него; но здесь река совсем очистилась. Что же им делать? Дочь умеет плавать, а мать нет; девушка схватывает ее себе на плечи и бросается со льдины в воду. В одно мгновенье обе они исчезли в воде: надвинулась льдина и покрыла их.

Все с ужасом вскрикнули; несколько мужиков с баграми и топорами кинулись к берегу, разрубили и оттолкнули льдину; женщины вынырнули, их зацепили баграми и вытащили на берег. Скоро их удалось привести в чувство, они были спасены. Это происшествие сделалось известным по всем окрестным деревням, и в Светлый праздник после обедни в этот бедный домик прежде всех пришел священник и отслужил благодарственный молебен. Крестьяне на радостях нанесли праздничных подарков Марине и ее матери и по очереди из дома в дом приглашали их в продолжение целой недели к себе в гости. После праздника дом покойной подруги Марфы вместе со скотом и со всеми земледельческими орудиями был продан, правда, за маленькую цену, но все же это дало им средство

устроиться, и они употребляли все усилия, чтобы успокоить осиротевшую старуху и воспитать бедного мальчика.

2. Молодая героиня

По журналу «Юный читатель»

Первые спасательные станции были устроены в Англии 50 лет тому назад, и там образовалось общество спасания, которое взяло на себя все заботы о помощи на водах. Но до этого корабли, терпевшие крушение у берегов Англии, могли рассчитывать только на случайную помощь храбрых рыбаков, которые иногда в страшную бурю пускались в море, чтобы спасти погибающих. Такие подвиги совершались часто, и сами моряки смотрели на них как на выполнение своего долга, и поэтому не придавали им особенного значения. Но все в Англии были поражены, когда разнеслась весть, что подобный подвиг храбрости и самоотвержения совершила молоденькая, слабая здоровьем девушка, дочь маячного[20] сторожа Грэс Дэрлинг, что она спасла жизнь девяти человекам!

Это было 6 декабря 1838 года. Рано утром сторож Лонгстонского маяка Вильям Дэрлинг увидел, что на скале, верхушка которой виднелась над поверхностью океана, находятся люди, в отчаянии цеплявшиеся за скалу, вокруг которой бушевали яростные волны. Место тут самое опасное, усеянное множеством скал и подводных рифов (т. е. камней), и немало кораблей разбилось об эти скалы. Вильям Дэрлинг тотчас же понял, что произошло крушение, и действительно, вокруг скал виднелись обломки корабля. Ночью была сильная буря, и океан продолжал бушевать, грозя ежеминутно поглотить несчастных людей, минуты которых, казалось, были сочтены. В то время о спасательных станциях еще не было и помину, и поэтому у Вильяма Дэрлинга не было никаких средств спасти погибающих. Нельзя же было пускаться в море в такую бурю, это было бы безумием! Грустный спустился Дэрлинг с верхушки башни, где был устроен маячный фонарь, вниз, в комнатку, где помещалась его семья, и рассказал своим домашним о том, что он видел. Все выслушали его рассказ и начали молиться о спасении души тех, которые были обречены на верную гибель.

– Неужели нельзя спасти их, отец? – спросила Вильяма Дэрлинга его старшая дочь.

– Нет, – сказал Вильям. – В такую бурю это невозможно. Кто же решится выехать в лодке? Посмотри, какой страшный бурун[21] разбивается о скалы. Лодку разнесет в щепки.

Грэс ничего не ответила, но ей казалось ужасной мысль, что тут вблизи погибают люди и ничего не делается для их спасения. Разве

попытаться самой? Грэс много ходила в море, умела отлично грести и управлять лодкой и превосходно плавала.

– Отец боится, – сказала она себе, – потому что, если он погибнет, то некому будет кормить семью, ну а я могу попробовать.

Она потихоньку вышла на берег и направилась к тому месту, где хранились лодка и все рыболовные снаряды. Но отец ее, как только заметил, что она ушла, тотчас же догадался, что она задумала. Он поспешил вслед за ней и, действительно, увидел, что она спускает лодку на воду.

– Грэс, это безумие! – крикнул он.

Но девушка его не слушала. Она уже сидела в лодке и веслом отталкивала ее от берега. Вильям бросился в воду, чтобы помешать ей, и успел вскочить в лодку. Схватив другое весло, он пытался направить лодку к берегу, но молоденькая девушка, на вид такая слабенькая, оказалась сильнее его. Лодка вертелась на одном месте, так как отец греб к берегу, в то время как дочь гребла изо всех сил вперед. Видя, что лодка не двигается, Грэс начала умолять отца, чтобы он пустил ее, говоря ему, что она не будет иметь покоя всю жизнь, и что ее вечно будет преследовать образ этих несчастных, цепляющихся за скалу людей, если отец не допустит ее спасти их.

Мольбы дочери подействовали, и старик уступил. Вдвоем они быстро двинули лодку, и она полетела, как стрела, навстречу бушующим волнам. Скалы Фарнейских островов, около которых произошло крушение, становились все ближе. Дэрлинг был старый, опытный моряк и превосходно управлял лодкой, а Грэс понимала его с одного слова. Лодка то поднималась на гребни валов, то летела стремглав в бездну, и девушку обдавало холодной морской водой, но она не выпускала весла из своих рук и с напряженным вниманием следила за указаниями отца. Наконец в последний раз волна подняла их и, казалось, готова была поглотить лодку, но она опять вынырнула и очутилась на берегу у подножия скалы, на которой приютились девять несчастных, спасшихся с разбитого корабля.

Грэс с отцом вскочили в воду, и с неимоверными усилиями им удалось вытащить лодку подальше к подножию скалы, чтобы ее не унесло волнами. Затем девять погибающих, к которым так своевременно подоспела помощь, перебрались со скалы в лодку, которая снова начала свою отчаянную борьбу с бушевавшим океаном. Когда наконец лодка достигла берега, то изнемогшая девушка лишилась чувств и отцу пришлось на руках отнести ее домой.

Весть о ее подвиге скоро разнеслась по всей Англии. Королева

Виктория, которая тогда сама была еще очень молода, пожелала видеть молодую героиню и осыпала ее драгоценными подарками. Вообще в английском обществе много говорили о Грэс, и ее поступок, описанный английскими писателями, заставил англичан подумать о необходимости устройства спасательных станций в опасных местах. Таким образом, благодаря подвигу молоденькой девушки возникло в Англии «Общество спасания на море», которому столько людей обязаны своим спасением. Но бедная Грэс недолго прожила после своего подвига. Страшное напряжение сил и холодная ванна, которую она приняла, спасая погибающих, вызвали у нее скоротечную чахотку, которая и унесла ее в безвременную могилу.

3. Цена человека в очах Божиих

Сост. по «Чтению для детей» Тодда

I

Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога... Вы дороже многих малых птиц (Лк. 12: 6, 7).

Воробей, названный в Священном Писании, вероятно, той же породы, как и европейский; он живет стаями в городах и в таком большом количестве, что не имеет никакой цены в глазах людей. Пять птиц стоят два ассария (две копейки). И однако Христос говорит: «и ни одна из них не забыта у Бога» (Лк. 12: 6). Но отчего же, дети, жизнь воробья так мало ценят, а человеческую жизнь так дорого?

Иногда мы встречаем на улице мертвого воробья, но не поднимаем его и не обращаем на него внимания. Если же окажется на улице мертвый ребенок, то, напротив, поднимаем всех на ноги и стараемся отыскать и наказать убийцу. Птенчик, потерявший родителей, жалобно зовет их, прося пищи, и никто не заботится о нем. Но всегда находятся добрые люди, которые приютят и накормят бедного сироту. Если буря побьет тысячу птичек, никто не заметит этого; но если люди найдут на дороге двух замерзших детей, то эта весть с быстротой молнии разнесется по всем окрестностям. А между тем Бог заботится о каждой маленькой птичке; и хотя эта маленькая птичка имеет в глазах людей мало значения, но она есть творение Божие; и несмотря на это, одна человеческая душа в Его глазах дороже, чем много маленьких птичек. Одна человеческая душа дороже для Бога всех рыб, птиц, всех животных, собранных со всей земли.

Человек – высшее существо. Он сотворен по образу и по подобию Бога – он мыслит, рассуждает, любит и чувствует истину, добро и красоту; он имеет дар слова, наделен свободой воли и одарен бессмертной душой.

Взгляните на птичку: она весело чирикает, взлетает на воздух и снова опускается, делает свое гнездышко и растит своих маленьких. Но у нее нет разума; по инстинкту[22] свивает она свое гнездо, но не рассуждает о будущем; не может любоваться и природой.

Не таков человек. Представьте себе, что путешественник находится между двумя высокими горами. Густой туман стелется по горам. Но вот на одном месте он рассеялся, и путешественник видит над собой голубое небо, высокие скалы и вершины гор, покрытые вечными снегами; освещенные яркими лучами солнца, они блестят, как алмазы. При этом зрелище мысль его возносится к новому Иерусалиму[23], врата которого –

жемчужина; улица города – чистое золото. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец, т. е. Иисус Христос, Спаситель мира (Откр. 21, 19–21, 23 и 25). Подобные мысли недоступны ни одной птичке. Но какими богатыми способностями одарен человек!

Младенец, сладко спящий теперь в своей колыбели, через полвека может быть великим мужем. С помощью телескопа он может измерить величину миров и расстояние между ними. Или же пустится в плавание по неизвестному океану с целью отыскать новые земли. Энергия (деятельность) его беспредельна; ни ветер, ни буря не остановят его. Он может выстроить здание, которое будет удивлением всех народов как по размеру, так и по своей красоте и прочности. Или же он может основать школу, из которой выйдет много замечательных людей. Или же он может написать хорошую книгу, которая будет иметь благотворное влияние на читателей. Он может сделать новое изобретение, которое принесет огромную пользу.

Из всего этого мы видим, почему в очах Божиих младенец дороже многих птичек.

II

Иногда мне приходится говорить перед большим собранием детей. Их не знаю я по имени, никогда не видел их и, вероятно, никогда больше не увижу. Но я знаю, что из них выйдут искусные механики, доктора, купцы, проповедники, чудные матери семейств, сестры милосердия и т. д. Не знаю, которые из этих детей будут великими и добрыми людьми, благородными и самоотверженными женщинами, – но я знаю, что некоторые из них будут прекраснейшими украшениями рода человеческого.

«Вы дороже многих малых птиц». Христос говорит нам, как ничтожна птичка в глазах людей; а несмотря на это, Господь заботится о ней. Человеческая же душа для Бога гораздо дороже. Если Он не забывает птички, тем более не забудет Он нас.

Дети, взгляните на калеку. Этот бедный, едва двигающийся человек стал калекой не оттого, что Господь не обращал на него внимания, как бы забыл его, но для его же счастья вечного. Его болезнь, может быть, предохраняла его от гибельных грехов. И тот человек, прикованный несколько лет тяжким недугом к постели, тоже не забыт Господом; тоже не забыт Господом и тот старик, который потерял все пять чувств.

Мы сажаем маленькое деревце и заботливо ухаживаем за ним, зная, что от нашего ухода за ним зависит его плодородие. И Господь также

ценит нас не за то, что мы в данный момент представляем, а за то, чем мы будем в будущем. Он слышал, как Его творение страдало под проклятием греха, и послал Сына Своего, чтобы искупить душу и тело человека. Воробей поет сегодня и умрет, и этим для него все кончится. Но нас после смерти ожидает еще загробная жизнь.

Представьте себе, что на одной из отдаленных звездочек встретились два ангела. Лица их сияют счастьем и любовью.

– Где бы был? – спрашивает один из них.

– Взгляните на ту звездочку, – говорит другой, – которая кажется такой маленькой, потому что она так отдалена от нас. Господь послал меня туда, чтобы сотворить доброе дело и осчастливить весь мир.

– Но где же был ты? – Слыхал ли ты когда о мире, который называется землей?

– Да, нередко, – это тот мир, где был воздвигнут крест, на котором умер Сын Божий, чтобы спасти людей. Я видел многих, пришедших с той земли, слышал, как они поют, как звуки их гимнов сливаются с хвалебными песнями других небожителей. И какой радостью, каким восторгом сияют лица их всех! Сколько времени пробыл ты на земле?

– Около пятидесяти лет по их счету, но ведь у нас, на небе, это ничего не составляет, как и у них миг, или момент, почти не считается.

– Какое было твое поручение?

– Мне был поручен младенец, нежный, как цветок. Я должен был оберегать его и приготовить его для неба. Когда он первый раз пролепетал слова молитвы, я встал на колени возле его кроватки. Когда он начал учиться и стал ходить в школу, я сопровождал его и находился везде вместе с ним. Когда взрослые по неразумию говорили пред ним злые, соблазнительные слова, я старался отвращать его слух от этих гнилых слов. Когда он сделался взрослым, я успокаивал его страсти и предохранял от зла. Когда он грешил, я печалился. Когда же его посетила благодать Святаго Духа и наступило решение судьбы его для времени и вечности, я не отлучался от него ни на одно мгновение, и как томился за него! До этого момента, т. е. до перелома жизни его, я находился в сильном беспокойстве; когда же я увидел слезу раскаяния на его лице, то поспешил на небо с радостной вестью, что еще одна грешная душа сделала переход к жизни, и я присоединил свой голос к радостному пению ангелов над раскаявшимся грешником. Потом я снова возвратился к нему. Он боролся с искушениями, победил грех, посеял семя, которое в будущем принесет прекрасные плоды: он написал имя Христа на многих сердцах, и влияние его будет таково, что и после его смерти его пример будет жить между

людьми. Теперь он окончил свою жизнь, и я веду его в вечные обители. Скоро я положу его к ногам Агнца; и в каком неописуемом восторге он воскликнет: «Достоин еси!» Увижу его одетым в белое одеяние, с венцом жизни на голове и золотой арфой в руках – и вполне пойму слова Спасителя: «Вы дороже многих малых птиц!»

4. Тирольская девушка (народное предание)

Из книги «Хорошие люди» Острогорского

Вокруг Боденского озера (в Австрии) высятся скалистые горы. В голубом зеркале его вод отражаются яркие небесные звезды, и бежит по ним каждое облако, плывущее по небу.

Полночь. Смотрит небо на зеркало озера, на спящий город, прекрасный город Брегенц, что стоит над озером на тирольском берегу. Старинный это город: тысячу лет стоит он над озером.

С незапамятных времен тени его башен и стен осеняют скалы утесистых гор. Знают все, кто живет близ него, легенду[24] о том, как был спасен триста лет тому назад, в ночную пору, город Брегенц.

Далеко от родины и родных пошла искать хлеба бедная тирольская девушка; ушла она в швейцарские долины, живет там служанкой, и с каждым годом слабеет в ее сердце память о родном крае. Добрым господам служила она, служила усердно и верно; привыкла она к швейцарцам: своими людьми стали они ей. И когда гнала она на пастбище стадо, уж не оглядывалась в ту сторону, где стоит Брегенц.

Уж не вспоминает она о Брегенце, забыла об отчизне – Тироле; не прислушивается к властям об австрийских битвах и походах, и с каждым днем спокойнее встает под тихой кровлей новой отчизны. Так шла жизнь ее в тихой швейцарской долине.

Вдруг появились грозные признаки близкой войны. Несжатая стоит золотая нива; беспрестанно сходятся и жарко толкуют о чем-то швейцарцы.

Задумчивы и пасмурны мужчины; сурово потуплены в землю их очи; с беспокойством толкуют промеж себя женщины – не о пряже, не о тканье думу думают, и дети боятся уйти порезвиться в поле.

Вот мужчины собрались все на поле; пришли к ним из соседнего города какие-то незнакомые люди; горячо рассуждают они, беспокойно поглядывая на озеро.

Вечером собрались опять. Покинули их сомненье и страх; шумно разносятся по берегу их шумные разговоры. Старшина встал и со стаканом в руке громко провозгласил:

– Пьем за погибель проклятого врага. Вот уже близка ночь, и когда проглянет новый день, вражеская крепость Брегенц будет в наших руках.

Страх и гордость на лицах у женщин. У тирольской девушки замерло сердце.

Видит она вдалеке прекрасный родной Брегенц, высятся его башни; нет подле нее друга, кругом одни враги ее родины. Проснулась в ней память детских лет, припомнились знакомые лица, звучат в ушах родные песни тирольских гор...

Ничего не слышит она, хотя несутся издали дикие крики. Не видит зеленых швейцарских долин и лугов: одно перед глазами – родной город, и тайный голос любви к Отчизне будто шепчет: «Иди, спасай Брегенц, предупреди об опасности».

Спешит она торопливой, легкой ногой... Вот конюшня; выводит она доброго скакуна, кормленного ее рукой; несет он ее в родную землю.

Быстро скачет он в ночном мраке. Вот уже зеленый луг остался позади и каштановая роща далеко. Впереди бурно шумят волны. Что ж медлит девушка? Разве тучи перенесут ее через эти волны?

Скорее! Некогда медлить! Уж одиннадцать бьет на часах колокольни. «Боже, спаси Брегенц, успокой волны», – молится она. Но шумнее бушует река, кипят воды. Смотрит девушка сквозь мрак, отпускает поводья; бросается конь, рассекает волны грудью, бодро плывет, борется с волнами. Вот блеснули огни родного города. Но берег крут и высок; испуганный конь храпит; прилегла девушка к его гриве; отчаянно ринулся он вперед и вмиг выносит ее на берег.

И несется она к высоким стенам Брегенца, вот уж ворота – часы бьют полночь. Вышли на крики ее воины, узнали о грозящей опасности. Встали воины в доспехах на стенах, и к рассвету отбиты враги.

И вечной славой увенчана спасительница родины – тирольская девушка; прошло с лишком триста лет, но стоит на холме памятник смелому делу ее, ходят туда брегенцкие девушки, смотрят на отважную всадницу; и ночью, обходя город, сторож кричит: «Девять», «Десять», «Одиннадцать», но не кричит он «Полночь», провозглашает он в этот час на память всем имя тирольской девушки.

5. Подвиг молодой американки (*истинное происшествие*)

Из журнала «Родник»

Европейцы понятия не имеют, что такое ледяная пурга.

Если хотите, я с вами поделюсь нашими впечатлениями.

Вы должны, во-первых, знать, что с ноября по апрель в Дакоте[25] почти не бывает снега, но морозы случаются жестокие. Вот почему ледяная пурга – совсем не то, что обыкновенная снежная метель. Это просто резкий, холодный вихрь, который несется с быстротой 60 миль в час и иногда так же быстро утихает, как налетит. Он своей силой взметает целые тучи мельчайшей ледяной пыли, которая хлещет животных и людей, точно миллионами жгучих иголок. Устоять против такой пурги почти нет возможности. Туземные буйволы, коровы и овцы, приученные с детства к этому явлению природы, по чутью угадывают приближение ледяной пурги и сломя голову бегут искать защиты или в ущельях ближайших гор с неподветренной стороны, или между строениями, или за большими стогами сена; там они скучиваются целыми стадами, чтобы потеплее было, и, понурив головы, стоят смирно, выжидая, когда вихрь пролетит.

В то время, когда пурга в полном разгаре, идя по улице, нельзя отличить один дом от другого, и нередко находят людей, замерзших в нескольких шагах от своего крыльца. Термометр сразу страшно падает, ртуть замерзает, и измерять температуру можно только при помощи спиртового термометра. Если вы не успеете укрыться в ближайшем доме и пойдете спиной к ветру, ледяной вихрь немилосердно начнет бить вас в шею; если же на беду вам придется идти против ветра и к вам не подоспеет вовремя помощь, то кончено: через час вы совсем окоченели.

В январе 1886 года день стоял ясный, морозный. Дора Кент, шестнадцатилетняя дочь фермера[26], жившего у Чертова озера в провинции Дакота, хлопотала у себя в кухне, приготовляя семье обед. Мать ее умерла за год перед тем, и на Доре как на старшей дочери лежала тяга домашнего хозяйства. Две маленькие ее сестры, одна десяти, другая четырех лет, не отставали от нее ни на шаг и больше мешали, чем помогали ей. Отец же с тремя ее братьями молотил хлеб в риге, саженях в двадцати от дома.

Сильно заиндевевшие окна не позволяли видеть, что делается на улице; ярко топившаяся громадная печь приятно согревала и освещала комнату, придавая ей необыкновенно уютный вид. Но вдруг наступил мрак, и в стекла что-то застучало, посыпался как будто крупный гравий[27].

Дора поняла, что на ферму налетела ледяная пурга.

Случилось это не в первый раз, и потому, зная, что отец и братья под надежным кровом риги, Дора спокойно продолжала готовить свой обед; а когда на кухонных часах пробило два, она поставила на стол горячие кушанья, сняла со стены медный рог, который служил им вместо звонка, и, став на крыльце, громко затрубила.

Прикрываясь навесом крыльца, Дора была более или менее защищена от бури, но колючий снег засыпал в одно мгновение все ее лицо, а руки с трудом удерживали металлический рог. Она убежала назад в кухню и стала ждать; прошло четверть часа, полчаса – никого! Обед простыл. Она поставила блюда с кушаньями в духовой шкаф, а сама опять выбежала на крыльцо и принялась трубить. Но теперь в трубу так быстро набились комья заледенелого снега, что Дора не могла вытянуть из нее ни малейшего звука. Вторично скрылась она в кухню и, дрожа от волнения, начала прислушиваться, не идут ли отец и братья. Прошло еще четверть часа.

– Алиса, пригляди за сестрой и за кушаньем, – сказала она своей десятилетней сестре, – а я сбегаю в ригу, справлюсь, что такое случилось с отцом и с братьями.

– Нет, Дора, не ходи, пожалуйста! – начала упрашивать Алиса, которая не раз уже видела трупы замерзших людей и коров и очень хорошо понимала, что значит выйти на улицу во время пурги. – Отец и братья, верно, переживают бурю. Ты им не поможешь, а сама замерзнешь.

– Нет, милая, пойду, – возразила Дора, – мое сердце чует, что случилось что-то недоброе. Сил нет ждать!

И она подложила угольев в печку, чтобы огонь горел поярче, закуталась как можно теплее, надела высокие меховые сапоги, сунула в карман фляжку с водкой и захватила компас, чтобы определять дорогу. Несмотря на то, что рига была вдвое выше и шире дома и стояла от него всего в двадцати саженях, ее и признаков не было среди бушевавшей метели. Дора взяла длинный канат, одним концом опоясалась, а другим крепко-накрепко обмотала замочную ручку наружной домовой двери и, мысленно помолясь Богу, пустилась в опасный путь по направлению к северу, так как знала, что рига находится именно в этом направлении. Ее трепало из стороны в сторону, но она не спускала глаз с компаса, то и дело поднося его к самому лицу. И вот наконец она у ворот риги; ворота были заперты. Застучав в них кулаком изо всех сил, Дора бросилась навстречу братьям, которые тотчас отперли ворота и приотворили их немного.

– Где отец? – крикнула она, задыхаясь от усталости.

– Не знаем, – отвечали братья в один голос. – Он ушел домой с полчаса тому назад и велел нам остаться здесь, пока не придет за нами.

– Взял ли он с собой канат?

– Конечно, взял. Он привязал его где-то около риги, – заметил старший брат Джо.

– Так пойдем отыскивать его, Джо, нельзя терять ни минуты; а Гарри и Джек пусть посидят здесь пока на месте. Слышите, мальчики? – обратилась сестра к меньшим братьям.

– Возьмите и нас с собой! И мы хотим отыскивать отца! – чуть не плача умоляли мальчики.

– Ни за что! – сказала Дора охрипшим голосом. – Нам нельзя рисковать вашей жизнью. Сидите смирно и ждите нас.

Затворив ворота риги, брат и сестра пошарили около стены и нашли кол, к которому был крепко привязан один конец каната. Его почти уже совсем занесло снегом; но, к удивлению Доры и Джо, он был не натянут, а просто лежал на земле.

– Ну, слава Богу, видно, отец благополучно добрался до дому и отвязал от пояса другой конец, – сказал весело Джо.

Дора покачала головой.

– Нет, – грустно проговорила она, – ты видишь, конец лежит не к югу, следовательно, отец пошел не туда, куда надо бы; да кроме того, пока я бежала к риге, я все кричала, звала его; мы не могли бы не встретиться. Он, наверно, сбился с дороги.

Крепко держась друг за друга, Дора и Джо шли по тому направлению, куда тянулся канат. Минут через десять они наткнулись на торчавший корень малорослого дерева; канат образовал тут петлю и запутался в сучьях дерева. К счастью, у Джо в руках оказался дубовый шест с железным наконечником в виде крюка; при помощи его им удалось распутать петлю каната и пройти еще минут десять против ветра. Перед ними очутился снежный сугроб. Дора бросилась разрывать его. Под снегом лежало тело отца. Был ли то обморок, сон или смерть, сразу трудно было решить.

Приподняв голову лежавшего отца, Дора при помощи брата влила ему в рот несколько глотков водки. Отец застонал.

– Он жив! Слава Богу!

Дети подхватили его под руки, поставили на ноги и проволокли несколько шагов, так как в подобных случаях движение – лучшее средство для спасения от смерти. Толстые меховые перчатки сослужили хорошую службу; благодаря им Дора могла свободно действовать озябшими

пальцами и проворно обвязала брата и отца одним и тем же канатом, сама же, подхватив последнего под руку, храбро направились к дому. Четверть часа спустя все трое сидели уже у себя в кухне перед пылавшей печкой, и целое ведро снега было употреблено для того, чтобы растереть полузамерзшие ноги и руки бедного отца, который насилу очнулся и едва-едва мог сообразить, что такое с ним случилось.

Оказалось, что фермер сбился с пути, потому что его канат зацепился за древесный пень и разорвался. Выпустив конец каната из рук, фермер имел неосторожность не обвязаться им по поясу, как это сделала Дора. Он принялся распутывать петлю, но, стоя против ветра, скоро выбился из сил и повалился на землю. Несколько раз пытался он звать сыновей, но рев пурги заглушал его крики. Им начал уже овладевать предсмертный сон, и если бы не смелость Доры, он не остался бы в живых.

Как только отец очнулся, и пурга унялась. Джо сбегал за мальчиками, оставшимися в риге, и в этот вечер семья превесело отобедала, хотя тремя часами позднее обыкновенного.

6. Маринушка

По «Воскресному чтению»

Недавно в Воронеже скончалась добродетельная женщина, известная в городе под именем Маринушки, которую знали и почитали все горожане, духовенство, купечество и рабочий люд, потому что она всю свою жизнь посвятила служению неимущим. С двадцатилетнего возраста она отказалась от всяких житейских благ; будучи довольно богата, она раздала все свое имение бедным, сама же в лохмотьях переходила из дома в дом, прося подаяния, но не для себя, а для известных ей нуждающихся; услышит ли она, что у бедного семейства нет хлеба, – и сейчас соберет по добрым людям и снесет голодающим. Нужно ли платье арестанту, выходящему из тюрьмы, – и Маринушка окажет ему помощь именем Божиим. Богомольная и смиренная без лицемерия, она творила добро десницей, и шуйца[28] не ведала про то; этим она приобрела себе от всех расположение и любовь, и кончина ее возбудила всеобщую скорбь. Похороны ее были необыкновенно торжественны: заупокойную литургию служил епископ в сослужении тридцати священников и более пятидесяти лиц прочего духовенства. На пути печального шествия к кладбищу лавки, трактиры и другие заведения были закрыты.

7. Борись с соблазном

Из проповеди архиепископа Илии Минятия

Ты питаешь к некоторым лицам любовь и дружбу? Оставь, откажись от них навсегда, ибо ты не можешь одновременно любить грех и Бога. Однажды какой-то мудрец отправился в далекий путь. На море случилась великая буря, и он рисковал утонуть, но был чудесно спасен и благополучно вернулся домой. Из одного окна его дома было видно море и, чтобы это не соблазнило его ко второму путешествию, он велел заложить его стеной. О христианин, сколько раз в этой горькой любви ты рисковал потерять жизнь и душу! Ты спасся? Так убегай соблазна, не вступай снова на этот путь, не входи снова в эти двери, не смотри больше в это окно, хорошенько закрой свои глаза, дабы опять не вполз к тебе в сердце змей соблазна.

8. Не увлекайтесь земными предметами

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Как для дитяти все равно, какая бы ни была надета на него одежда, так и христианин – младенец о Христе – должен быть равнодушен к разнообразию, богатству и великолепию земных одежд, считая лучшим и нетленным одеянием своим Христа Бога. Потому что пристрастие к дорогим, прекрасным одеждам свойственно людям века сего или язычникам, как говорит Господь: *всех сих*, т. е. пищи, одежды изысканной, *языцы ищут* (Мф. 6, 31), потому что одежда есть идол людей века сего. О, как мы суетны – мы, которые призваны к общению с Богом, которым обещано наследие нетленных и вечных благ. Как неясны наши понятия о вещах тленных и нетленных благах. Как мы неразумны, придавая цену самым ничтожным предметам и не ценя благ вечной души своей, мира, радости, дерзновения перед Богом, святыни, послушания, терпения, вообще всех свойств истинного христианина. Итак, надо ценить душевные блага, доблести, а вещественные как тленные, ничтожные – презирать.

Из сочинений прот. Иоанна Сергиева Кронштадтского

9. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях

А.Пушкина
Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, глядучи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь,
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.
Долго царь был неутешен;
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел, как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом, и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано

Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела;
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи;
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась – и расцвела:
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.
На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркалом своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»

Что же зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло,
Это врешь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Но скажи, как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь мир; мне равной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна все ж милее,
Все ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась.
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,

Я пожалую тебя».
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Бог с тобой».
А сама пришла домой.
«Что? – сказала ей царица, –
Где красавица-девица?»
– Там, в лесу стоит одна, –
Отвечает ей она. –
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть.
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем все шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя:
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо.
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,

Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Все порядком убрала.
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.
Час обеда приближался;
Топот по двору раздался;
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек;
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названый;
Коль старушка, будь нам мать
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,

Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Все в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять.
А хозяюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит,
Им она не прекословит,
Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»

И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чем?..»
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.
Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко», –
Ей кричит она в окошко, –
Пригрожу сама я псу
И кой что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитятко, девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». – Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги – и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь дойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?

Видно, выспался он худо», –
Ей царевна говорит, –
«На ж, лови!» – и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала:
«Благодарствую, – сказала. –
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пес как прыгнет, завизжит…
Но царевна в обе руки
Хвать – поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет,
Благодарствуй за обед», –
Старушонка ей сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! – Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколка, что с тобою?
Ляг!» – и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Все на яблоко. Оно,
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,

Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...
Братья в ту пору домой
Возвращалися толпой.
Им навстречу, громко воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру, –
Братья молвили, – печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна,
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили – и толпой

Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили;
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса».
В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».
За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется.
К красну солнцу наконец
Обратился молодец:
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной.
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?

Я жених ей». – «Свет ты мой, –
Красно солнце отвечало, –
Я царевны не видало.
Знать, ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил
Или след ее заметил».
Темной ночки Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался:
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». – «Братец мой, –
Отвечает месяц ясный, –
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала». – «Как обидно!» –
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай;
Не печалься же, прощай».
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,

Не боишься никого,
Кроме Бога одного;
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее». – «Постой, –
Отвечает ветер буйный, –
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».
Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним во мгле печальной
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна мертвым сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...

Ах!.. И зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!
Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: «Я ль, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна все ж милее,
Все румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

10. Дивная любовь двух сестер

Из проповеди архиепископа Илии Минятия

Мы по опыту в этой жизни знаем, как тяжела разлука с лицами, наиболее любимыми, когда разлучается, например, отец или мать от детей, брат от брата, невеста от жениха. Во времена царствования Михаила Палеолога агаряне[29] вторглись в азиатские пределы греческой империи и много людей увели с собой в плен. Среди пленных были две сестры, которые попали (по жребию) к разным господам. Они должны были разлучиться и уйти в разные стороны за своими хозяевами без надежды когда-нибудь снова увидеться. Кто может описать, кто может изъяснить их плач, когда настал час расставания, когда они, оплакивая свою несчастную участь, пролили целый поток слез, крепко обнялись и устами прильнули друг к другу! И вот, когда они целовались в последний раз, как будто души их перешли в их уста и согласились между собой не подвергаться такому тягостному разлучению. Соединившись, они вознеслись к небесам, оставив на земле свои обнявшиеся трупы. Я хочу сказать, что обе сестры умерли, обнимая и целуя друг друга в сильных муках расставания, как будто природа не могла согласиться на разделение тел раньше разделения душ, как говорит Никифор Григора, передающий эту печальную историю.

Этот рассказ помещен в проповедях греческого архиепископа Илии Минятия.

11. Аленький цветочек (сказка)

По Аксакову

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатый купец, именитый человек; у того купца было три дочери. Вот и собирается по торговым делам купец за море и говорит своим дочерям:

– Дочери мои милые, дочери мои хорошие! Еду я за море, за тридевять земель, в тридесятое царство; коли вы без меня будете жить честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами похочете; даю вам сроку думать три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется.

Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги и сказала:

– Государь ты мой, батюшка родимый! Привези ты мне золотой венец из каменьев самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнышка красного.

Поклонилась в ноги средняя дочь и говорит:

– Государь ты мой, батюшка родимый! Привези ты мне туалет из хрусталя восточного, цельного, чтобы, глядя на него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотрясь в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялась.

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит:

– Государь ты мой, батюшка родимый! Привези ты мне аленький цветочек, которого бы не было краше на белом свете.

Призадумался купец и говорит:

– Ну, задала ты мне работу потяжелее сестриных. Буду стараться, а на гостинце не взыщи.

Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским. Отыскал он заветный гостинец для старшей своей дочери, отыскал и для средней, не может он только найти гостинца для меньшей дочери. Находил он в садах много аленьких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать; да никто ему поруки (ручательства) не дает, что краше того цветика нет на белом свете, да и он сам того не думает. Вот едет он домой по дремучему лесу, и откуда ни возьмись налетели на него разбойники. Бросил купец свои караваны богатые и убежал в темные леса.

Бродит он по лесу дремучему, и что дальше идет, то дорога лучше становится; выходит он под конец на поляну широкую, и посреди той поляны стоит дворец, весь, как в огне, в серебре и золоте, а кругом дворца

разведены сады диковинные, плодовитые, и цветы цветут красивые, птицы летают невиданные, фонтаны бьют высокие... Ходит честной купец, дивуется и не знает, на что смотреть – глаза у него разбегаются. И вдруг видит он цветок алого цвета, красоты невиданной и неслыханной. У купца дух занимается, и возговорил он голосом радостным:

– Вот аленький цветочек!

Взял и сорвал его. В ту же минуту блеснула молния и ударил гром – и вырос, как будто из-под земли, перед купцом зверь не зверь, человек не человек, а какое-то чудовище, страшное и мохнатое, и заревело оно диким голосом:

– Что ты сделал? Как ты посмел в моем саду сорвать мой любимый цветок? Знай же свою участь горькую: умереть тебе за свою вину смертью безвременной…

И несчетное число голосов диких завопило со всех сторон:

– Умереть тебе смертью безвременной!

У честного купца от страха зуб на зуб не попадает; он упал на колени перед чудовищем мохнатым и возговорил жалобным голосом:

– Ох ты гой еси, господин честной, не погуби ты моей души христианской, прикажи слово вымолвить. Есть у меня три дочери; обещал я им по гостинцу привезти. Старшим дочерям я гостинцы сыскал, а меньшой дочери отыскать не мог; увидал я такой гостинец у тебя в саду и подумал, что такому хозяину могучему и богатому не будет жалко цветочка аленького. Ты прости мне, неразумному, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленький.

Взговорил зверь лесной, чудище морское, купцу:

– Есть для тебя спасение. Я отпущу тебя домой невредимого, подарю цветочек аленький, коли дашь мне слово, что пришлешь мне вместо себя одну из дочерей своих. Стало скучно мне жить одинокому, и хочу я заручить себе товарища.

Так и пал купец на сыру землю, горючими слезами обливается, и возговорил он голосом жалобным:

– А и как мне быть, если дочери мои по своей воле не захотят ехать к тебе? Да и каким путем до тебя доехать?

Возговорил купцу зверь лесной, чудище морское:

– Не хочу я невольницы; пусть приедет сюда твоя дочь по любви к тебе; а коли дочери твои не поедут по своей воле и хотению, то сам приезжай, и велю казнить тебя смертью лютою, а как приехать ко мне – не твоя беда, дам я тебе перстень с руки моей; кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где пожелает, в единое мгновение. Сроку тебе

даю дома пробыть три дня и три ночи.

И только честной купец надел перстень на правый мизинец, как очутился у ворот своего широкого двора.

Поднялся в доме шум, повскакали дочери из-за пялец своих, и начали они отца целовать, миловать. К вечеру гости понаехали, и до полуночи беседа продолжалась. Наутро позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей все, что с ним приключилось, и спросил, хочет ли она избавить его от смерти лютой и поедет ли жить к зверю лесному.

Старшая дочь сказала:

– Пусть та дочь и выручает отца, для которой он аленький цветочек доставил.

Средняя дочь то же сказала. Позвал купец меньшую дочь и стал ей все рассказывать, и не успел кончить свою речь, как стала перед ним на колени дочь меньшая и сказала:

– Благослови меня, государь, батюшка родимый: я поеду к зверю лесному и стану жить у него.

Залился слезами честной купец и говорит такие слова:

– Дочь моя милая, хорошая, пригожая. Да будет над тобой благословение родительское, что выручаешь ты своего отца от смерти лютой!

Прошел третий день и третья ночь, пришла пора расставаться честному купцу с дочерью; он целует, милует ее, горючими слезами обливает. Вынимает он перстенек зверя, чудища морского, и надевает на правый мизинец любимой дочери – и не стало ее в ту же минуту со всеми ее пожитками.

Очутилась она во дворце зверя лесного, чудища морского, во палатах высоких, каменных: одна палата была краше другой; сошла она в зеленые сады, запели ей птицы свои песни райские, деревья, кусты и цветы словно преклонились перед ней, выше забили фонтаны и громче зашумели ключи. Удивилась она всем чудесам и пошла она назад в свои палаты дворцовые. В одной из них была одна стена вся зеркальная, другая золоченая, третья серебряная, а четвертая – мраморная, и на мраморной стене появились слова огненные: «Я твой послушный раб, а не господин. Ты моя госпожа, и все, что тебе на ум придет, буду исполнять с охотой». Прочитала она слова огненные, и пропали они, как будто их никогда не было.

Много ли, мало ли тому времени прошло, стала привыкать к своему житью-бытью купеческая дочь, и полюбила она своего господина милостивого, и захотелось ей речь с ним повести. Стала она его о том молить, просить, да зверь лесной испугать ее своим голосом опасается; но

не мог он ей противиться и написал на стене беломраморной словами огненными: «Приходи сегодня в сад, в беседку свою любимую, и скажи так: говори со мной, мой верный раб!» И мало спустя времени прибежала молодая дочь купеческая во зеленый сад, вошла в беседку свою любимую и сказала:

– Говори со мной, мой добрый друг!

И услышала она, ровно кто вздохнул, и раздался голос страшный, дикий, зычный и хриплый, да и то говорил он вполголоса; вздрогнула сначала молодая купеческая дочь, только со страхом своим совладала и виду не показала, что испугалась. С той поры пошли у них разговоры, почитай, целый день.

Прошло много ли, мало ли времени, захотелось молодой дочери купеческой увидеть своими глазами зверя лесного. Долго, долго лесной зверь, чудище морское не поддавался ей на просьбы, да не мог отказать ей и говорит:

– Приходи в зеленый сад в сумерки и скажи: «Покажись, мой верный раб!» – и покажу я тебе свое лицо противное. А коли станет невмоготу тебе оставаться, – не хочу я твоей неволи; ты найдешь в опочивальне своей мой золотой перстень. Надень его на правый мизинец, и очутишься ты у батюшки родимого и ничего обо мне никогда не услышишь.

Не побоялась, не устрашилась молодая купеческая дочь, пошла она во зеленый сад и проговорила:

– Покажись мне, мой верный друг!

И показался ей издали зверь лесной, чудище морское, и не взвидела света красавица писаная, и упала на дорогу без памяти. Да и страшен был зверь лесной, чудище морское: руки кривые, на руках когти звериные, ноги лошадиные, спереди и сзади горбы великие, весь мохнатый от верху до низу, нос крючком, а глаза совиные. Полежала она долго ли, мало ли, опамятовалась, и стало ей совестно и жаль зверя лесного, и заговорила она голосом твердым:

– Нет, не бойся ничего, мой господин добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшного; покажись мне теперь же в своем виде давешнем.

Показался ей лесной зверь в своем виде страшном, и гуляли они до ночи и вели беседы прежние.

Однажды привиделось молодой купеческой дочери во сне, что батюшка ее нездоров лежит, – напала на нее тоска неусыпная; рассказала она зверю лесному свой недобрый сон и стала просить у него позволения повидать батюшку родимого. И взговорил лесной зверь:

– И зачем тебе мое позволение? Золотой перстень мой у тебя лежит. Надень его на правый мизинец и очутишься в дому у батюшки родимого. Оставайся у него, пока не соскучишься, но помни: коли ты ровно через три дня и три ночи не вернешься, то не будет меня на белом свете.

Стала она заверять, что ровно за час до трех дней и трех ночей воротится в палаты его. Простилась она с хозяином своим ласковым, надела она на правый мизинец свой перстень и очутилась на широком дворе своего батюшки родимого.

А батюшка нездоров лежал, день и ночь ее вспоминаючи, горючими слезами обливался: и не вспомнился от радости, увидав свою дочь милую, хорошую, пригожую. Долго они целовались, миловались, ласковыми словами утешались. День проходит, как единый час, другой день, как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшие, чтобы не ворочаться к зверю лесному. Однако сердце ее не вытерпело, и, не дождавшись единой минуточки до часу урочного, простилась она с батюшкой родимым, надела на правый мизинец золотой перстень и очутилась в палатах высоких зверя лесного, чудища морского. Дивуется она, что он ее не встречает, и закричала громким голосом:

– Где же ты, мой добрый господин, мой верный друг?

Ни ответа, ни привета не было. Дрогнуло у нее сердечко, обежала она сады зеленые, прибежала на пригорок и видит, что лесной зверь, охватив аленький цветочек своими лапами безобразными, лежит бездыханен. Помутились ее очи ясные, пала она на колени, обняла голову безобразную и закричала громким голосом:

– Ты встань, пробудись, мой сердечный друг!..

И только таковые слова она вымолвила, как заблестела молния, затряслась земля от грома великого, и упала без памяти молодая дочь купеческая.

Много ли, мало ли времени лежала она без памяти, только, очнувшись, видит она себя на золотом престоле, на голове с короной царской; перед ней стоят отец с сестрами, обнимает ее принц, молодой красавец писаный; и говорит ей молодой принц:

– Злая волшебница прогневалась на моего родителя покойного, короля славного и могучего, украла меня еще малолетнего, оборотила меня в чудище страшное[30] и наложила на меня заклятие, чтобы жить мне в таком виде безобразном, пока не найдется красная девица и не полюбит меня в образе страшилища; тогда колдовство все кончится; и жил я таким страшилищем ровно тридцать лет. Ты одна полюбила меня, чудище противное, за мои ласки и угождение, за мою душу добрую, и будешь ты

за то женою короля, королевой в царстве могучем.

Тогда все подивились, свита до земли поклонилась. Честной купец дал благословение дочери и, нимало не медля, принялись веселым пирком да за свадебку, и стали жить, поживать да добра наживать.

12. Сестра (украинская народная сказка)

По рассказу Марко Вовчко

Мы с братом сызмала крепко любили друг друга. Чтобы повздорить между собой, чтобы обидеть другого – да сохрани, Боже! Если, бывало, в чем мыслями не сойдемся, так уступим друг другу. И племяннички меня очень любили. Бывало, даже ссорятся из-за меня: «Это моя тетя», – говорит один, а тот к себе тянет: «Моя!», – да как уцепятся, да как начнут целовать, так и работу из рук выхватят, и платок с головы спадет.

Только невестушка больно со мной спесива была. Уж я ль ей не угождала, как малому дитяти, – да нет, не угодила. «Невестушка, душа моя, – говорю ей, бывало, – сделаем вот так или этак, и ладно будет». Купить ли что, продать – ни за что в свете не послушается; хотя и выйдет убыток явный, а на своем поставит. Замолчу я перед нею, поплачу тихонько, да и все тут. Не хотела я брата тревожить; снова, бывало, к ней с ласковыми речами подойду.

Сажаем мы с ней однажды рассаду в огороде; я заговариваю с ней, а она словно не слышит, отошла подальше. Тяжело мне стало на сердце, запела я; пою, а слезы так из глаз и льются. Вдруг слышу:

– Бог вам в помощь, день вам добрый!

Смотрю – это наша соседка облокотилась на забор да и кланяется. Я скорехонько слезы утерла.

– Здравствуйте, – говорю, – сестрица.

– А я к вам шла.

– Милости просим.

– Не продадите ли вы мне щепотку рассады?

– Мы чужим продаем, а соседке надо и так дать.

– Спасибо за ласку, сестрица, – да и протягивает мне горшочек. Я набрала в тот горшочек рассады да и дала ей.

Она поблагодарила и пошла себе.

Невестка на меня так и напустилась.

– Станут тут хозяйничать у меня, все хозяйство начисто растащат! Этак и от золотой горы ничего не останется!

И пошла, и пошла... Матерь Божия! Я только слезами обливаюсь.

– Невестушка, – говорю ей, – пока что у меня было, ничего я для вас, ничего не жалела. Грешно вам теперь меня куском хлеба попрекать!..

Бросила работу и вышла из огорода.

Тяжко, горько стало мне, и взяла я себе в голову такую думу: «Брошу

я их, пойду в люди служить». Собрала свое добро. Кое-что в мешочек уложила, а остальное все братниным деткам раздарила (их было пятеро: две девочки и три мальчика).

Сколько ни упрашивали меня брат и невестка, когда узнали о том, что я задумала, как ни плакали дети, прося не уходить от них, я твердо решилась идти служить к чужим людям: меньше будет греха, и сердце, казалось мне, будет спокойнее.

Легли спать; а я всю ночь глаз не закрыла. Мысли да думы с ума не идут.

Рано-ранехонько я поднялась. Все спят: еще и заря не занимается. Темно. В последний раз взглянула на детей, на брата; и невестки мне жалко стало. Взяла свой мешочек и вышла тихонько из хаты. Иду, иду и не оглядываюсь. Вот и высокий курган, что за околицей зеленеет. Взошла я на тот курган да и взглянула на свое село; а солнышко всходит... Село, как на ладони; так и замелькали у меня в глазах белые хаты, колодезные столбы, зеленые садики и огороды. Вижу я отцовское подворье и ту кудрявую, ветвистую вербу, под которой я еще маленькой девочкой играла. Стою и с места не трогаюсь, засмотрелась; каждая тропиночка, каждый кустик – все мне так знакомо.

Слыхала я когда-то, еще от покойного батюшки, что в Демьяновке какие-то наши родственники живут. «Пойду я к ним, – думала я, – все мне охотнее будет служить там, где мой род ведется».

Иду дорогой, и страшно мне так, что и сказать нельзя. Рада-радехонька, если кто навстречу попадется.

Скоро я встретилась с одной старушкой из деревни Демьяновки. Разговорились. Тут я и узнала, что мои родные давно померли.

– Что я буду делать теперь? – сказала я со слезами.

– Зачем горевать да жаловаться, – ответила мне моя собеседница. – А вот что я тебе посоветую: иди ты к нашему отцу Ивану служить. Я у него и крестилась, и венчалась, до сей поры живу, да и, верно, умру у него же. Он да жена его – что за люди: старосветские, простые. Их только двое и есть, и оба старенькие престаренькие. Была у них дочка, отдали ее замуж; да недолго она похозяйничала, умерла. Девочка у ней осталась; старики внучку к себе взяли. Славное такое дитятко. Отец Иван уже очень дряхл, и девять лет как уж ослеп, а службы Божией совсем не оставляет. Дознался было владыка, что слепой старец службы отправляет, да и запретил. Тогда люди наши пошли всем как есть миром просить за отца Ивана, чтобы его оставили. «Люди добрые! – сказал им владыка, – если он вам так люб, так я не запрещаю ему стоять перед престолом Божиим до самого конца его

века; нужно мне только своими глазами удостовериться, что слепой старец точно благоподобно службу Божию отправляет». Приехал владыка и хвалу Богу Господу воздал, что он так твердо и без ошибки правит, слепой, службу Божию, и крестом его благословил... Иди к нему, голубка! Работы немного тебе будет. Я, в чем смогу, пособлять тебе буду.

– Спасибо вам, бабушка моя ласковая! Дай вам, Господи, всякого добра!

Ну, теперь пополдничаем, да и в путь. Сегодня, Бог даст, заночуем дома.

Демьяновка лежит в долине, словно в зеленом гнездышке. Село великое и богатое; две церкви в нем: одна каменная, высокая, другая деревянная и древняя, даже в землю вросла и покривилась. Отец Иван жил недалеко за каменной церковью. Вошла я к нему да и стою, сама не своя. Слышу – старушка про меня рассказывает.

– Войди и отдохни, дитятко, – промолвил кто-то так ласково и тихо. Подняла я глаза: против меня на липовой лавке сидит старый-старый дед. Глаза у него незрячие, и такая в тех глазах тишина и доброта, что я не видывала. Борода у него белая, кудрявая, ниже пояса; сидит он в тени, только вечерний солнечный луч словно золотом его осыпает.

Как услышала я такие ласковые слова, так меня словно что за сердце хватило: слезы брызнули у меня из глаз. А он протянул руку, да и благословил меня.

Смотрю я – хозяйка вошла, старенькая, маленькая, чуть от земли видно, а еще бодренькая, словоохотливая такая.

– Оставайся у нас с Богом, голубушка. Ты еще молоденькая, ты нашу хату развеселишь и внучку порадуешь. Беги-ка ты сюда, Маруся, иди, не стыдись. Такая уж она стыдливая у нас, словно просватанная.

Взяла она за ручку хорошенькую смуглую девочку, что все из-за дверей глазенками сверкала, и ввела ее в хату.

– Поклонись, – говорит, – Маруся, молодице, приветствуй ее.

Она поклонилась и приветствовала меня; а я думаю себе: «Что теперь племяннички мои милые? Вспоминают ли они меня?»

Осталась я у отца Ивана. Живу я у него месяц, живу другой; житье мне у него. Все меня любят, словно дитя родное. Бывало, я управлюсь, приберу хату; мы пообедаем, да и усядемся в саду под черешней. Батюшка тихо сидит да себе думает, или молитву шепчет, или псалмы поет... да и хорошо-таки так, Боже мой! Старушка и хозяйка говорят промеж себя то о том, то о другом; а я подсяду к ним да послушиваю; а внучка, словно белый клубочек, по садику катается; то к нам подбежит, то опять в

зеленой густоте пропадет. Так тихо да спокойно пройдет день, что, кажется, весь век так бы и свековала; а у меня все тоска на сердце да печаль неусыпная. Они и разговаривают со мной, и утешают меня: «Не кручинься, – говорят, – это грех великий. Дитя плачет потому, что оно ничего не смыслит; а кто вырос, тот сам своему горю помочь должен. Подумай только то: ты, может быть, на свете добро еще узнаешь; а потратишь свое здоровье – какое уж тогда житье? Полно, сердечная, послушайся нас, старых людей. Вот посмотри лучше, какой Господь вечер дал».

Я гляжу – а солнышко заходит, речка течет, как чистое золото, между зелеными березами; кудрявые вербы в воде свои ветки купают; кое-где около белой хатки краснеет вишенье; высокий куст малины кровлю подпирает да всю белую стену закрывает; и сама хата в саду цветущем, как в венке, стоит. И зелено, и красно, и бело, и сине, и ало около той хатки...

– Сей свет, что маков цвет; как на том свете-то будет? – говорит старуха, покачивая головой.

А батюшка поднимет к небу незрячие глаза, да и скажет: «Слава Господу Богу!»

Вот однажды, в субботу, я белю хату; вдруг бежит моя Марусенька.

– К вам гости приехали!

– Какие гости? – спрашиваю я, а самое словно огнем охватило.

– Да там какой-то человек, такой чернявый, высокий, и молодица красивая, и деточки с ними вас спрашивают.

Я и не опомнюсь, стою. Как вдруг брат в хату с женой и детьми.

Боже мой! Я так и обомлела: одно, что радость великая – увидела их; а другое, что горе свое да напасть вспомнила.

Начали все меня просить: «Поезжай да поезжай с нами!»

«Не послушаешься нас с женой, – говорит мне брат (и невестка меня просит, только такая сама невеселая), – так хоть деток наших послушайся; они по тебе каждый день плачут».

А дети, как вцепились ко мне в шею, так и не выпускают меня, целуют меня да просят: «Поезжайте с нами, тетушка наша милая, поезжайте!»

– Нет, не поеду!

Они и заплакали, мои голубчики; так слезочки у них из глаз и закапали. Припали они ко мне, и оторвать их нельзя. Отговаривалась я, отговаривалась, да наконец должна была уступить.

Пошла я, простилась с хозяевами, поблагодарила их за милость да за ласку. Им и жалко, что я отхожу от них, да они за меня радуются, что дал

мне Бог возвратиться домой к брату. Проводили меня с хлебом-солью, благословили, а Марусечка – та даже и поплакала, что я ее покидаю.

Вошла я опять в хату, где я выросла и век свой девичий вековала. Гляжу: каждый уголочек мне весело усмехается, и сама я будто помолодела, с детьми по двору бегаю; то на улицу выгляну, то в садик брошусь... Ведь я дома, дома...

13. Будь снисходителен и кроток!

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Человек, озлобленный против нас, есть человек больной; надо приложить пластырь к сердцу его – любовь; надо приласкать его, поговорить с ним с лаской, с любовью, и если в нем не закоренелая против нас злоба, а только временная вспышка, – посмотрите, как сердце его или злоба его растает от нашей ласки и любви, как добро победит зло. Христианину нужно быть всегда благим, мудрым на то, чтобы благим побеждать злое.

Протоиерей Иоанн Сергиев

14. Вечерняя песнь

Хомякова

Солнце скрылось, дымятся долины;
Медленно сходят к ночлегу стада;
Чуть шевелятся лесные вершины,
Чуть шевелится вода.
Ветер приносит прохладу ночную.
Тихою славой горят небеса.
Братья! Оставив работу дневную,
В песни сольем голоса:
«Ночь на восходе с вечерней звездой:
Тихо сияет струей золотой
Западный край.
Господи! Путь наш меж камней и терний,
Путь наш во мраке: Ты, свет невечерний,
Нас осияй.
В мгле полуночной, в полуденном зное,
В скорби и радости, в сладком покое,
В тяжкой борьбе –
Божия мудрость, и сила, и слово...
Слава Тебе!»

15. Братья и сестры

Сост. по «Троицкому подар. для русских детей»

&nnbsp;

Тридцатого октября Святая Церковь воспоминает страдания священномученика Зиновия и сестры его Зиновии. Они родились в каппадокийском городе Егее от благочестивых родителей, которые воспитали их в законе Господнем. Рано они остались сиротами, но добрые наставления родителей уже укоренились в них, и они решились раздать свое богатое имение бедным и жить лишь для служения Богу. Господь принял жертву их, и Зиновий получил от Господа дар чудотворения. Он мог молитвой и возложением рук исцелять больных. Скоро чудеса и добродетели прославили его по всей области, и христиане егейские избрали его в епископы. Святой Зиновий ревностно наставлял паству и словом, и примером своей святой жизни. Но вот вспыхнуло страшное Диоклетианово гонение, в город Егею был послан царский сановник для того, чтобы склонять христиан к отречению от веры и предавать непокорных казни. Многие из христиан прославились мученической смертью за Христа. Призвали к допросу и святителя Зиновия.

– Мне незачем с тобой долго беседовать, – сказал ему языческий сановник, – вот тебе жизнь и смерть: жизнь, если поклонишься богам нашим, смерть, если не поклонишься; выбирай!

– Жизнь без Христа и есть смерть, – отвечал епископ, – смерть же телесная Христа ради есть вечная жизнь. Хочу умереть здесь и жить вечно со Христом.

– Увидим, поможет ли тебе Христос твой! – сказал сановник и велел жестоко бить епископа.

Святая Зиновия, узнав, что брат ее страдает за Христа, поспешила на судилище и, став пред мучителем, воскликнула:

– Я христианка, так же, как и брат мой, исповедую Бога и Господа Иисуса Христа. Вели же мучить и меня; я хочу умереть одной смертью с братом.

Сановник царский стал увещевать девицу, убеждал ее отречься от веры, представлял ей ужас и позор всенародной казни. Святая Зиновия оставалась непреклонна. Тогда разгневанный язычник велел и ее, и брата ее положить на железную решетку, под которой горели уголья.

– Что же, помогает ли вам Христос ваш? – спрашивал он мучеников, ругаясь над верой их.

– Он невидимо с нами, – отвечали они. – Он освежает нас росой благодати Своей, и мы не чувствуем мучений.

Сняли их с решетки и бросили в котел с кипящей смолой. Но, хранимые Господом, они остались невредимы и воспевали хвалебный псалом Богу. Тогда отдали их на смертную казнь. Мученики шли на смерть с радостью. «Благодарим Тебя, Господи, – воскликнули они, – что Ты сподобил нас подвизаться подвигом добрым, течение скончать веру сохранить; соделай нас участниками славы Твой и причисли нас к тем, которые благоугодили пред Тобою, ибо Ты благ во веки».

Голос с неба призвал их к жизни вечной и к венцам нетленным, и они радостно предали душу Богу.

Что всего поразительнее – это братская любовь, соединявшая воедино сердца брата Зиновия и сестры Зиновии, это единомыслие умов и сердец их. Что делает брат, то делает и сестра. Брат идет страдать за Христа, и сестра также. Вот образец того, как братья и сестры должны себя вести в отношении друг к другу. Особенно должны поучиться этому там, где много и братьев и сестер. Но, нужно сказать правду, редко они растут в полной любви и согласии: ссоры, друг на друга жалобы, нехотение послужить друг другу – вот что большей частью бывает в больших семействах. А когда придут в возраст, часто совсем охладевают друг к другу и живут, как чужие. Не так должно быть по духу учения нашего Господа. Если все верующие должны быть между собой единодушны и единомышленны, то тем более братья и сестры. Пусть они различны по возрасту, по характеру, по способностям, а когда придут в возраст, и по роду занятий, и по средствам к жизни, – что до того? Несмотря на все различие, у них много общего, связывающего их единым тесным союзом. Общее – это одна у всех забота о приобретении Неба и его радостей, это труды для Царства Небесного. Вот на этом-то они и должны сосредоточивать свое внимание, тут-то и должны показать свою братскую любовь. Каждый брат, каждая сестра друг о друге должны заботиться: благоугодно ли проводят жизнь, с пользой ли для семьи? К утешению ли родителей и родных? Прославляется ли через их жизнь имя Божие? Близки ли они ко спасению? Все должны замечать друг в друге добрые стороны и подражать им, а недостатки братски, кротко исправлять. Кто ближе к брату, как не ты, сестра или брат? Скажи же ему, если он не так живет, как должно христианину, напомни ему о долге христианском, о звании, которое он носит, – твое братское слово, сказанное от любящего сердца, не может остаться для него бесплодным.

Часто старшие братья стараются доставить младшим, любя их, то или

другое удовольствие. Этого, конечно, строго нельзя осуждать. Но вы еще лучше бы сделали, если бы побольше находили времени побеседовать с ними о Христе, почитать им Евангелие, жития святых, если бы постепенно приучали их к молитве, собеседованию с Господом, к храму Божию. Особенно, брат и сестра, старайтесь подавать друг другу добрый пример. Смотрите, как на Зиновию подействовал пример брата ее Зиновия. Брат идет на мучения и смерть за Христа – и сестра, подражая ему, тоже. И вы друг друга учите добру своим примером – примером учите младших страху Божию, послушанию, любви к молитве, к церковной службе и благоговейному стоянию в храме. Пример – великое дело, он сильнее всяких слов. О, если бы Христов дух царил в наших семьях, тогда не было бы раздоров, ни ссор, ни брани, но была бы самая горячая любовь; потому что все искали бы не своих личных выгод, а того, что ведет ко благу общему, семейному. Любовь священномученика Зиновия и сестры его Зиновии основана была на любви ко Христу, за Которого они пострадали. Да соединяет и нынешних братьев и сестер любовь ко Христу! Постараемся все ее приобрести. Будет любовь ко Христу, будет и братская любовь. Тогда жить друг для друга братьям и сестрам будет и приятно, и легко, и утешительно; потому что тут, в лице брата или сестры, будет все делаться для Христа.

16. Вечная красота

Из журнала «Отдых христианина»

В одной стране жил юноша, которого все называли прекрасным. Его величественный рост, легкая грациозная поступь, черные глаза, горевшие огнем отваги, румяное, чистое, как майское утро, лицо, длинные волосы, волнистыми кудрями рассыпавшиеся по плечам, – все это вызывало у всех восторг и удивление. Опьяненный чувством собственной красоты и превосходства, юноша полагал в красоте все свое счастье и относился к людям высокомерно. Случилось ему быть в одном склепе[31]. «Здесь покоятся две сестры, – прочел он там надпись на каменной доске. – Одна – дивная красавица, другая – печальное безобразие. Посетитель! Подними камень и убедись в истине этих слов». Юноша порывисто поднял камень – и с ужасом отшатнулся: перед ним белели два истлевших, одинаково безобразных скелета.

«Глупец я! – воскликнул юноша. – Я забыл, что земную красоту ждет тление. Вечна только красота души, вечно только истинное добро в людях».

17. Уроки любителям сплетен

Из журнала «Отдых христианина»

Одна женщина, известная любительница разносить по домам сплетни, пошла к священнику и исповедалась. Он дал ей спелый терновник и велел все его тоненькие зернышки по одному развеять по ветру. Она удивилась, но повиновалась. Исполнив приказание, она заявила об этом священнику. Теперь он предложил ей собрать развеянные семечки. Она разом увидела, что это невозможно. Это хороший и яркий урок о грехе сплетни и клеветы.

18. Не гневайся!

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Когда тебя злословят, и ты оттого смущаешься и болезнуешь сердцем, то это значит, что у тебя есть гордость, – ее-то и надобно уязвлять и выгонять из сердца бесчестием внешним. Итак, не раздражайся насмешками и не питай ненависти к ненавидящим и злословящим, а полюби их как твоих врачей, которых послал тебе Бог для того, чтобы вразумить тебя и научить смирению, и помолись о них Богу. *Благословите клянущия вы* (Мф. 5, 44), – говори: они не меня злословят, а мою страсть, не меня бьют, а вот ту змейку, которая гнездится в моем сердце и сказывается больно в нем при нанесении злословия; утешаюсь мыслью, что, быть может, добрые люди выбьют ее оттуда своими колкостями, и не будет тогда болеть оно. Благодари же Бога за внешнее бесчестие: потерпевший бесчестие здесь не подвергнется ему в том веке.

Протоиерей Иоанн Сергиев

19. Будь незлобив!

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Брат! Ты чувствуешь в сердце убийственное зло на ближнего, тебя мучат злые думы об обидах, причиненных от него тебе, – вот тебе средство избавиться от внутренней тесноты: представь множество своих грехов, неисчислимых по множеству, и живо вообрази, как на тебе терпит Владыка живота твоего, как Он ежедневно и без числа отпускает тебе, если ты искренне молишь Его о том, согрешения твои, – ты, между тем, не хочешь простить ближнему твоему нескольких вспышек страсти, возбужденных в нем диаволом. Вздохни, если можешь, поплачь о своем безумии, осуди только непременно себя, никак не ближнего, – и вот от Владыки готово тебе помилование: теснота внутренняя, как дым, исчезнет, мысли прояснятся, сердце успокоится, и ты будешь опять ходить в пространстве сердца; приучи себя к незлобию так, как будто бы не ты слушал укоризны, клеветы, обиды, а кто-либо совсем другой, или как бы тень твоя; не допускай мнительности.

Протоиерей Иоанн Сергиев

20. Юность – весна жизни

По «Воскресному чтению»

Посмотрите, что делается весной в природе. Не все в ней только ликует и веселится. Все создания Божии в это время усиленно хлопочут – кто об устройстве гнезда для своих детенышей и о доставлении им пропитания, кто о приготовлении запасов на будущее время. И человек не может сидеть сложа руки и любоваться ликованием природы. Всякий должен приняться за работу, засеять поля, вскопать огороды, обработать сады. Кто не потрудится весной, тот останется на зиму без продовольственных запасов. Кто весной не посеет, тому нечего будет и жать; а тогда нечего будет и есть. И в нашей жизни, друзья, юность – тоже весна. Что в юности посеет человек, то в старости и пожнет. В юности праздно проведенное время приводит человека к печальной и бесплодной участи на всю жизнь. Если мы не сделаем необходимого при избытке молодых своих сил, то в дряхлом возрасте это будет уже не под силу нам. Так, если мы в молодости с прилежанием и послушанием доброму и полезному учению не насадим в душе нашей начатков христианских добродетелей и доблестей гражданских, то на всю жизнь останемся бесполезными членами общества и плохими христианами.

21. Берегись страсти!

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Страсть горяча, смутна, необдуманна, зла, стремительна, и потому человек в страсти, например в гневе, говорит много необдуманного, неверного, вымышленного, злого, чего не сказал бы в состоянии спокойном. Поэтому, зная сам по опыту такое свойство страстей, во-первых, и сам не говори, когда ты в смущении, в злобе, и извиняй горячих и раздраженных людей, когда они сыплют ругательствами и укоризнами несправедливыми или справедливыми.

Протоиерей Иоанн Сергиев

22. Прасковья Григорьевна Лупулова

Григорий Дьяченко

I

Примеры нежной детской любви нередки, но они остаются часто незамеченными, не записываются на память другим; и это нисколько не удивительно: любовь к родителям, хотя бы соединенная с пожертвованиями, составляет приятный долг каждого из нас и не требует похвал и всеобщего внимания. При всем том, нам всегда приятно вспомнить, поговорить о таких примерах детской привязанности, которые выходят из ряда обыкновенных. Один из них, самый трогательный и назидательный, представляет девица Прасковья Григорьевна Лупулова, история которой относится началу царствования Александра I и сделалась историческим сказанием. Участь этой девицы возбудила живое участие тогдашнего общества; о ней писали почти во всех европейских журналах.

Прасковья Григорьевна Лупулова родилась в городе Елисаветграде Херсонской губернии в 1784 году. Отец ее был венгр, состоявший на русской военной службе; он участвовал в сражениях русских против турок в царствование Екатерины II и при взятии Очакова был ранен. В 1798 году он осужден был за какое-то преступление к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь. Привязанная к отцу всей душой, добрая дочь его не хотела расстаться с отцом своим, не хотела оставить старика без помощи, без утешения в несчастии и последовала за ним в отдаленную ссылку, твердо решившись переносить все бедствия и унижения, неразлучные с жизнью ссыльного преступника. Местом ссылки назначен был город Ишим Тобольской губернии, отстоящий от Петербурга почти на три тысячи верст. Сколько нужды и горя, холода и голода должна была испытать четырнадцатилетняя девочка, чтобы достигнуть этого отдаленного места, тем более, что ей приходилось пробираться на кой-каких подводах, иногда и пешком, под надзором солдат, не всегда чувствительных, которые, конечно, весьма мало заботились о ее удобствах и обращались без всякого снисхождения к ее нежному возрасту. Наконец молоденькая невинная страдалица достигла отдаленного Ишима.

II

Не отрадна была жизнь ее и по прибытии на место назначения. Получая ничтожное содержание, достаточное только для скудного дневного пропитания, каких-нибудь копеек десять в сутки, отец ее не мог нанять прислуги, и молоденькая дочь должна была нести все заботы по

хозяйству: стирать белье, готовить кушанье, ухаживать за огородом и проч.; мать ее, убитая горем и уже немолодая, не могла заменить ее. Но Параша с христианской покорностью переносила тяжесть своего положения; она уже сведалась с нуждой и горем и, конечно, навсегда готова была покориться своей участи; она мало тревожилась даже за свою ужасную будущность, которая готовилась ей по смерти отца, если бы несчастная осталась навсегда в Сибири. Преданная дочь жила только для своих родителей; единственным желанием ее было облегчить их тяжелую долю. Но при всех ласках, при всех нежных заботах дочери несчастный отец не мог свыкнуться со своим положением. Как ни старался он скрывать от дочери свое мрачное расположение, проницательная девушка не могла не заметить этого; она хорошо понимала, что для отца тяжело переносить унижение ссылки. Не знаю, догадывалась ли она о другой причине его душевных тревог, но мы можем легко угадать ее: едва ли больше грустил он о том, что не мог обеспечить положения своей единственной дочери и не мог дать ей должного образования. Как бы то ни было, Параша замечала его страдания, и в душу ее запало смелое, благородное намерение – возвратить свободу и прежние права своим родителям. В продолжение трех лет она таила свой замысел, наконец открылась отцу и просила отпустить ее в Петербург для ходатайства о милости и прощении у ног великодушного монарха. Долго не соглашался отец на эту просьбу дочери: заботы дочери, ее ласки, даже одно ее присутствие составляли его единственную отраду. Наконец, вынужденный ее неотступными просьбами, он согласился, предугадывая в этом волю Божию.

III

Нужно ли говорить о том, как тяжело было расстаться несчастным родителям со своей дочерью, которую они отпускали почти на явную погибель? День ото дня отлагали они отправку, желая продлить дорогие минуты, быть может, последнего свидания; наконец решились расстаться, напутствовали дочь своим благословением и образом Божией Матери и отдали ей последний рубль, который был у них; проводили Парашу из дому, долго шли с ней по дороге и наконец разошлись, после горьких слез с той и другой стороны. Наша путница осталась теперь одна, беззащитная, бесприютная. Нетрудно представить, что должна была она перечувствовать в эти минуты. Перед ней лежало ужасное пространство, которое ей нужно было измерить своими шагами, – чье сердце не содрогнется при одной мысли об этом? Между тем наша путница не поколебалась и с теплой верой в сердце пустилась в дальний путь,

повторяя утешительные слова: «Жив Бог, жива душа моя!»

Печально и уныло тянулась дорога, пробираясь чрез пустынные равнины или глухие, непроходимые леса, которыми богата Сибирь. Естественно, что молодая девица, при всей своей вере в помощь Божию, не могла быть спокойна, оставшись одна посреди этих пустынных мест: каждый шелест листа, каждый шорох должны были приводить ее в трепет; страх этот увеличивался еще оттого, что неопытная странница совершенно не знала дороги и шла наугад; нередко случалось и то, что она, отправляясь с ночлега, забывала направление дороги и шла назад до тех пор, пока не встречала какой-нибудь уже знакомый ей предмет. Если ко всему этому прибавим, что несчастная должна была идти часто под дождем, в непогоду, то легко представим те страдания, которые она должна была испытывать. Но это еще не все: скоро наступила зима, самая ужасная зима, которая бывает только в Сибири. В тех местах, где она шла, морозы бывают необыкновенно сильные, о которых мы не имеем и понятия. Недостаток жилищ заставляет иногда путешественников останавливаться на снежной равнине и при свирепой, ослепляющей глаза вьюге оставаться таким образом довольно долгое время. Со всем тем Лупулова добралась кое-как до Екатеринбурга, что составляет около шестисот верст. Не ясно ли, что Господь чудесным образом сохранял добрую дочь и что ангел-хранитель неотступно находился при ней? Конечно, она обязана была в этом отношении и своему нежному, кроткому нраву, невольно располагавшему к ней самые грубые сердца, и своему тяжелому положению, возбуждавшему участие каждого; но при всем этом только силой веры в Божественное провидение, только силой воли и любви к своим несчастным родителям могла перенести семнадцатилетняя девица то, что вынесла Лупулова.

В Екатеринбурге она остановилась отдохнуть, чтобы подкрепить свои изнуренные усталостью силы, и пробыла несколько месяцев у одной благотворительной особы. Но и время отдыха было употреблено ею с пользой – она начала здесь учиться грамоте, которой раньше не знала.

От Екатеринбурга до Вятки, также воспомоществуемая покровительством, она отправилась водой, около 1000 верст; от Вятки же до Казани она дошла пешком. Неизвестно, как она путешествовала отсюда до Петербурга; но прибыла туда благополучно 5 августа 1804 года. И здесь Господь не оставил ее Своей помощью: одна благодетельная госпожа приняла ее в свой дом и, вероятно, содействовала ей в благородном подвиге. Вскоре просьба Лупуловой достигла до престола благословенного Александра I. Милосердный монарх, тронутый примерным поступком

добродетельной дочери, простил ее виновного отца и позволил ему возвратиться на родину или жить, где он пожелает, кроме столицы. Но этим не ограничилось благотворение Государя: он пожаловал юной страннице две тысячи рублей; августейшая фамилия также оказала ей денежное пособие, частные люди спешили на помощь избавительнице отца. Когда ее спрашивали: «Как она решилась предпринять столь далекий путь?», она отвечала: «А чего мне было бояться? Я знала, что Бог не оставляет несчастного». На похвалы, постоянно к ней обращаемые, она отвечала: «За что меня хвалить? Разве дочь не должна терпеть за родителей?» Изо всего этого можно видеть, что Прасковья Григорьевна Лупулова отличалась необыкновенной скромностью и благоразумием. В разговорах она была находчива и умна: так, однажды ей предложили довольно нескромный вопрос: за что был сослан ее родитель? Лупулова, нисколько не стесняясь отвечала: «Родители никогда не могут быть виновны в глазах детей». Этот ответ был так умен и вместе с тем неожидан, что спросивший, конечно, должен был стыдиться своего вопроса. Вообще Лупулова держала себя скромно и осторожно, но без всякой застенчивости; в речах ее не было изысканности, но виден был природный здравый смысл. Благодаря щедротам монарха и других благотворителей она имела достаточно средств, чтобы по возвращении своего отца вознаградить грустные и тяжелые годы своей молодости веселой, спокойной жизнью; но Лупулова среди счастья вспомнила о своем обете, данном в трудную минуту жизни, и удалилась в Десятинный девичий монастырь Новгородской губернии. Здесь она окончила дни свои, посвященные Богу, в декабре 1809 года.

23. Не говори, что к небесам…

Не говори, что к небесам
Твоя молитва не доходна;
Верь: как душистый фимиам,
Она Создателю угодна.
Когда ты молишься, не трать
Излишних слов; но всей душою
Старайся с верой сознавать,
Что слышит Он, что Он с тобою.
Что для Него слова? – О чем,
Счастливый сердцем иль скорбящий,
Ты ни помыслил бы, – о том
Ужель не ведает Всезрящий?
Любовь к Творцу в душе твоей
Горела б только неизменно,
Как пред иконою священной
Лампады теплится елей.

24. Как утолять печали?

Григорий Дьяченко

1. Утешения в скорбях должно искать в Иисусе Христе, иначе напрасно будем искать утешения.

Если грустно тебе, поплачь перед распятием Искупителя. Как после тучи и туманов бывает ясное ведро, так после плача и душа твоя прояснится зарей благодатного утешения.

2. Молитва печальному – все равно, что прохлаждение во время зноя (святитель Тихон Задонский).

3. Ничто не может развеселить отягченного и удрученного скорбью, как воспоминание о Боге (св. Исидор Пелусиот).

25. Достоинство человека

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Человек есть чудное, величественное, премудрое, художественное произведение совершеннейшего Художника – Бога; оно вначале было нескверным, неблазным, нетленным и чистым, но грех, это безобразное порождение духа тьмы, эта скверная, нелепая, злая сила, сделал его скверным и болезненным, нечистым и тленным по двойственной его природе, по душе и телу. Впрочем, премудрый и всемогущий, всеблагий Художник не допустил совсем погубить врагу Своему и нашему Свое художество, Свое прекрасное и величественное творение и Сам устрояет Себе подобострастное нам тело и заимствует душу во утробе Пречистой Девы-Матери; Своим воплощением, Своим учением, чудесами, страданиями, смертью и воскресением, Своим чудным и премудрым домостроительством опять восстанавливает дело рук Своих в прежнее и даже большее благолепие и славу. Он дарует ему снова нетление, святыню, чудную божественную красоту и возводит его на первое блаженство, обожив человеческую природу и спосадив ее на престоле Божества. Слава Тебе, всеблагий и премудрый и всемогущий Художниче!

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

26. О терпении

Прот. Р.Путятина

Хотите ли вы на опыте видеть, как спасительно для души вашей терпение? Выслушайте, что рассказывает один праведный муж, который сподобился видеть те места, где покоятся по смерти святые. В одном славном месте он увидел некоего человека и спросил его: «Что ты делал в мире и чем заслужил такое место?» – «Я был работником у одного злого человека, – отвечал тот, – и много терпел от него до конца жизни». После он увидел другого человека в столь же славном месте и спросил его: «Ты чем занимался в мире?» – «Я долго был болен и терпеливо переносил свою болезнь».

Итак, вот что значит терпение. Терпеть так же спасительно для нашей души, как и заниматься спасением; переносить что-нибудь горестное так же полезно, как и делать добрые дела; удерживаться от слов оскорбительных для ближнего так же приятно Богу, как и славословить Его непрестанно.

27. Не осуждай

Розенгейма
Не осуждай – затем, что все мы люди,
Все слабы, немощны, опутаны грехом;
Волнуют страсти наши груди;
В грехе родимся и живем.
Не осуждай... Чтоб ближних быть судьею,
Спроси у совести: ты сам-то лучше ль их?
О брат, кто точно чист душою,
Тот благ к погрешностям других.
Не осуждай... Ведь слову нет возврата.
Смотри, чтоб – как сказал Спаситель – неравно
Увидишь спицу в глазе брата,
А проглядишь в своем бревно.
Не осуждай – затем, чтоб обличеньем
Не пал бы на тебя тот камень с высоты,
Тяжелый камень осужденья,
Которым в брата бросил ты.
Не осуждай… Не люди злы душою,
А жизнь людей бывает часто зла.
Сперва узнай, какою их стезею
Она к погибели вела.
Не осуждай... Дерзнешь ли поручиться,
Что ты пристрастием не будешь увлечен?
Не осуждай! Ты можешь ошибиться.
Не осуждай! – Не будешь осужден...

28. Русские сестры милосердия

По Немировичу-Данченко

I

В крепость Александрополь, на Кавказе, привезли раненого генерала Комарова. Уход был хороший, стал он понемногу поправляться, только рана на ноге не заживала. Доктора сказали, что надо взять кожу от живого человека и прирастить ее к больному месту. Своих сил у больного не хватало. Сестра милосердия Лебедева узнала про это и говорит докторам: «Вырежьте у меня кожи, сколько нужно». Доктора согласились и вырезали у нее восемнадцать маленьких кусочков кожи: девять кусочков на правой руке и девять на левой. Пока резали, ока не моргнула глазом. На другой день у нее сделалась лихорадка, а генерал скоро выздоровел и уехал в армию.

Сколько высокой христианской любви заключается в этом поступке сестры милосердия! Только Святое Евангелие может воспламенять людей к такой самоотверженной любви к ближним и Отечеству.

II

Было это в последнюю Турецкую войну. Ночью разгорелась перестрелка. Турки пошли на наши укрепления, еще издали оглушая нас ружейной трескотней и гамом. Выдержанные в огне солдаты наши спокойно ждали команды. Первый залп мы дали в упор, когда турки подошли шагов на двадцать-тридцать.

– Господи! Сколько смертей! Голубчики, болезные мои! – шептал сзади меня нежный голос.

– Зачем вы здесь, сестра? Сойдите! Нельзя, вас убьют.

Сестра меня не слушала. Схватилась руками за голову и шепчет молитву. Слышу, не за себя, а за нас.

Турок мы отбили и прогнали. На другой день они, озлобленные, стреляли по каждому из тех, кто приподнимал голову над валом. За валом слышались громкие стоны.

– Что это? Кто стонет? – спрашивала меня сестра милосердия.

– Турки, что вчера на наше укрепление шли. Их ранили, а свои подобрать не успели.

– Что же с ними будет?

– Будут лежать, пока не умрут.

– Да ведь подобрать-то надо? Нельзя так – ведь они мучаются.

Я повел сестру к валу.

– Стоит только поднять голову над валом, как турки стрелять станут. Видите?

– Все-таки... Бог поможет. Братцы, ужели же им так и помирать?

Солдаты мялись. Кому охота на верную смерть идти?

– Душа-то в вас есть, голубчики! Православные, жаль ведь их!

– Жаль-то жаль, сестрица, да как выйти-то? Тут смертушка.

– Помогите, милые!

Один турецкий раненый, как нарочно, метался у самого вала.

– Коли вы не хотите, я сама пойду. – И прежде чем мы успели опомниться, сестра была уже за валом.

– Что ж это, братцы? Ужели ж покинуть? – И старый унтер с Георгиевским крестом перескочил за вал. За ним еще перепрыгнули солдаты с носилками.

Ад поднялся. Пули засвистели отовсюду.

Сестра, не обращая внимания, наклонялась над кустарниками, отыскивая раненых турок. На лице ни малейшего страха, только побледнело оно, и глаза блестят.

К чести турок, они, как только заметили, зачем сошли наши, опустили ружья и выставили головы над валом. Видимо, они были удивлены.

– Мать милосердная! – говорили про сестру солдаты.

III

Сестра Раевская проснулась под мокрым шатром. Холодный ветер носился по влажной, утонувшей под туманами болгарской долине, кружился вокруг шатра, врывался под его трепетавшие полотнища, обдавал сыростью и стужей. В шатре, на соломе, спали сестры милосердия; слышались тяжелое дыхание, бред и стон во сне.

Сестра Раевская проснулась на рассвете. Еще недавно это была русоволосая девушка со свежим личиком. Куда делись ее волосы? Отчего так поблекло и так осунулось ее личико? Это не она, совсем не она. На днях с ней встретился ее петербургский знакомый и не узнал ее.

– Что с вами? – спросил он потом.

– Два тифа выдержала, и работа у нас, знаете, какая...

– Ольга Петровна, уезжайте скорее. Вы сделали слишком много, будет с вас – спасайтесь сами теперь.

– Меня и то посылают в Россию! Говорят, еще два месяца, и я умру здесь.

– Как легко вы говорите это!

– Притерпелась...

Да, притерпелись – и она, и все ее подруги. Подвиг их незаметен,

только солдат унесет воспоминание о нем в свою глухую деревушку – солдат, которого они отвоевали от смерти.

День зарождался в тумане, холодный и тусклый. Вдали разгоралась перестрелка... Мимо шатра проходили на боевые позиции солдаты.

– Сестра Раевская! Вы назначены в Россию, – говорит молодой врач, приветливо улыбаясь, – потрудились – будет. Завтра надо выезжать. Только послушайтесь меня, уезжайте вы куда-нибудь подальше на юг: вам надо серьезно заняться собой. Вы женщина богатая, все можете для себя сделать.

Раевская стала укладываться. Сестры прощаются с ней. Теплые, сухие комнаты, свежие постели, горячая пища грезятся им, как невесть какое счастье... Раевская поедет к сестре в Италию – та уж давно зовет ее к себе, на благодатный юг, на берег теплого моря. У них и солнце греет, и небо безоблачно – как хорошо там!

– Сестра, Степанов умирает – уж бред начался!

Раевская бросилась из палатки к умирающему.

В стороне шалаш из хвороста. Сюда сносили всех, кого отмечала гангрена своей страшной печатью, отсюда один только выход – в могилу. Сестра Раевская пошла сюда, она не боялась заразы и не раз просиживала над умирающими дни и ночи.

– Ну что, Степанов? – спросила Раевская, входя в шалаш.

Метавшийся в бреду раненый дико взглянул на нее. Она положила ему на голову свою худую, бледную руку. Понемногу бред больного стал стихать. На лице мелькнул луч сознания.

– Сестра... Голубушка... Родимая... Все бросили, ты одна со мной. Спаси тебя Бог!

– Ну, полно, полно! Кто же тебя бросил? Видят, что тебе лучше, пошли к другим, что потяжелее. А я зашла сюда отдохнуть, поболтать с тобой. Тебя назначили домой; дома выздоровеешь.

– Дома-то? – и будто солнце бросило свой прощальный свет на потемневшее уже лицо умирающего. – Дома-то, слава Тебе, Господи! У нас семья хорошая, большая; живем, сестра, зажиточно: одних коров три держим, четыре лошади. Вот у нас как! Мать ты наша, чистая голубка!

И он уже не отрывал от нее своего просиявшего взгляда.

Усталая рука сестры оставалась на его горячем лбу. Она не переставала улыбаться умирающему и долго-долго говорила ему о его родной стороне – о далекой семье, которая его ждет не дождется.

Слушая сладкие речи, Степанов отходил счастливый, улыбающийся...

Сестра закрыла умершему глаза, перекрестила его...

«Все бросили, ты одна со мною» – припомнились Раевской слова Степанова; так неужели же она бросит теперь их и уйдет? Неужели же то горячее солнце, то синее небо, те счастливые люди заставят ее забыть этот мир скорби и мук, где она была ангелом-хранителем?.. Нет, здесь ее место, пока еще сердце бьется в груди.

– Нет, я не брошу вас, никуда не уйду! – вся в слезах, повторяла она.

И она отказалась от всего, она не ушла. Но она не ушла и от смерти, давно сторожившей мученицу.

29. Евпраксия, игуменья Староладожского Успенского монастыря

По книге «Русск. подвижн. XIX века» Поселянина

I

В ста шестидесяти верстах от Петербурга и в тридцати от уездного города Новая Ладога, на берегу реки Волхов, расположен староладожский Успенский женский монастырь, где подвизалась старица Евпраксия, в миру Евдокия.

Девица Евдокия происходила из купеческого звания, рано осиротела и, имея склонность к иноческой жизни, тайно ушла от родных и провела десять лет в двух женских монастырях города Арзамаса.

Привыкшей к довольству и удобствам Евдокии было нелегко привыкать к суровой монашеской обстановке. Она не могла сначала выносить общей пищи сестер и питалась одним только черным хлебом. Со слезами молилась она о ниспослании ей помощи и была утешена дивным явлением. Во время тяжкой болезни, когда все считали Евдокию умирающей, в то время, как в церкви совершалась всенощная, больная заслышала издали пение тропаря праздника Успения Пресвятой Богородицы и при последних словах: «Избавляеши от смерти души наша» – она ясно увидела, как два светлых мужа поставили перед ней икону Успения. Это было так живо, что ей казалось, будто сестры обители хотели утешить ее принесением иконы. С умилением помолилась она горячей молитвой – и тогда изображенная на иконе Божия Матерь точно оживилась и, сойдя с иконы, осенила Евдокию рукою Своею со словами: «Встань и укрепляйся – ты еще послужишь Мне много».

Вернувшись из церкви, монахини нашли Евдокию совершенно здоровой.

Когда пребывание Евдокии в Арзамасе стало известно ее дяде, он выписал ее к себе, но не мог удержать ее: она опять ушла от него и в сопровождении доверенного старого слуги отправилась в Старую Ладогу. Придя туда, она отправила его обратно, извещая дядю о поступлении в монастырь.

Принятая благосклонно игуменьей, Евдокия вся отдалась молитвенному созерцанию; единственной пищей ее были черный хлеб и квас, которые раз в неделю ей приносила одна ладожская женщина. Послушание Евдокии состояло в чтении Псалтири над покойниками. Так она старалась исполнять то, что было бы тяжело другим монахиням.

В декабре 1777 года Евдокия приняла пострижение с именем Евпраксии, а в 1779 году староладожская игуменья, переведенная в другой монастырь, представила ее митрополиту как свою желательную преемницу. Высокая жизнь Евпраксии была уже настолько известна, что ходатайство игуменьи было исполнено, и на 45-м году жизни Евпраксия была сделана игуменьей.

II

Теперь ей предстояло много забот по ведению и благоустройству монастыря.

Древний устав в обители подходил всего ближе к отшельническому, скитскому роду жизни; сестры помещались большей частью по две в келии, и игуменья требовала, чтобы молодые всегда жили под руководством опытных стариц. С особой разборчивостью принимала она новых, особенно молодых монахинь, заботясь о том, чтоб среди них не оказалось привлеченных в монастырь случайными обстоятельствами, а не сознательным и глубоким призванием. Всеми силами старалась она искоренить распри, ссоры, пересуды и праздные встречи и успела в том: нравственный уровень монастыря значительно повысился.

Предметом особо теплых забот игуменьи было благолепие церковное. Она старалась, чтобы не только в праздничные дни, но и в будни церковь была ярко освещена и сияла порядком и чистотой. На большие праздники в монастырь приглашалось для соборного служения окрестное духовенство. Часто случалось, что в тот день, когда церковные средства совершенно оскудевали и церковь было уже нечем осветить, неожиданно приносил помощь какой-нибудь незнакомый человек или она приходила из Петербурга, где имя Евпраксии становилось известным.

По глубокой вере своей игуменья с дерзновением предпринимала для благолепия церковного дела, которые казались невыполнимыми, и довершала их. Скопив немного денег, она начала строить каменную колокольню, но дело встало из-за недостатка денег; глубоко скорбя о том, Евпраксия провела всю ночь в горячей молитве. Наутро, когда она погрузилась в дремоту, ей было видение великомученицы Варвары, которая утешала ее. В тот же час приехала в монастырь помещица Желтухина, передала игуменьи пакет с деньгами, как раз в необходимом количестве, и рассказала, что великомученица Варвара во сне дала ей повеление вручить эту сумму денег игуменьи.

Когда колокольня была готова, Евпраксия отправилась в Петербург, чтобы лично привезти вылитый там новый колокол. Она ехала за подводой, в легкой повозке. Зима была в тот год лютая, со свирепыми

метелями. На полдороге, во вьюгу, ночью ямщики сбились с пути, подвода застряла в глыбах снега и лошади встали. Невдалеке были огни в окнах и залаяли собаки. Но Евпраксия не хотела покинуть колокол в поле и идти в деревню, как предлагали ямщики. Она отпустила их с лошадьми, а сама осталась одна среди вьюги, в чистом поле, в своей повозке. Часто высовывалась она наружу, чтоб всмотреться в колокол. Среди ночи она почувствовала вдруг вместо лютого холода, дышавшего повсюду, теплоту. Чудный свет окружал ее повозку, и в этом свете стояли, охраняя Евпраксию, преподобные Александр Свирский, Сергий и Герман Валаамские.

Милостыню, получаемую монастырем, игуменья делила сестрам, имея с ними одинаковую долю. Часто волховские рыбаки заходили к ней за благословением перед ловлей и потом приносили ей часть улова, а иногда закидывали для нее особую тоню, и тогда попадало громадное количество рыбы. Свидетельницей того была, между прочим, именитая помещица, посетившая обитель после рассказов, которые слышала об Евпраксии в Москве.

Постоянно заботилась игуменья о больных, слабых сестрах, а по умершим творила поминовение и оставшееся после их смерти имущество раздавала нуждавшимся. Сама она не участвовала никогда в поминках, не заботилась об изысканной трапезе для почетных гостей, а с помощью помещика Путилова, сад которого подходил к монастырским стенам, подавала хорошее, но простое угощение в своей келии на подносе.

III

Чрезвычайный подвиг приняла Евпраксия с первых лет своего настоятельства для уединенной молитвы. Она много скорбела, что управление монастырем лишало ее прежнего безмолвия, и после одушевленной молитвы таинственный голос указал ей возможность уединяться. В четырех верстах от монастыря, в глубине густого Абрамовского леса, был высокий пригорок – Абрамовщина. Туда и решилась укрываться Евпраксия для молитвы. Она стала ходить в Абрамовщину после ранней обедни трижды в неделю, по постным дням, и возвращалась оттуда поздно вечером. Под высокой сосной срубила Евпраксия малую бревенчатую часовню, а у подошвы пригорка выкопала колодезь и водрузила над ним большой деревянный крест.

На площадке пригорка подвижница совершала свое молитвенное правило. Оно состояло из чтения Евангелия, Апостола и акафистов. С собой Евпраксия приносила священные книги, свечи с огнивом и части святых мощей. Четырехверстный путь чрез мхи и болота был тяжел,

особенно в осеннюю пору или зимой, во вьюгу, по глубоким сугробам. Евпраксия ходила в мужской обуви, а зимой на лыжах. Только от сильного вихря она укрывалась в часовенке, или когда нужно было читать со свечой. Без пищи, усталая от ходьбы, погружалась она в молитву; ее тело было покрыто кровавыми рубцами и исколото жалами оводов и комаров. Но среди этих вольных страданий на бесстрашную подвижницу сходило благодатное настроение, радостные очистительные слезы, умиление сердца и духовные откровения. Поздним вечером, тихо напевая стих «День скончавается, конец приближается», возвращалась она в монастырь, в свою нетопленную келью, которую запирала с утра.

Этот подвиг Евпраксии был сопряжен с великими опасностями, от которых она избавлялась Божиим заступлением.

Одним глухим осенним вечером, молясь в часовенке, Евпраксия из-за перегородки увидала высокого человека в оборванной солдатской шинели с ножом в руках. Она не прервала своего правила, и когда кончила его и обернулась, солдат стоял на коленях и молился. Он называл ее угодницей Божией, молил о помиловании и рассказал, что ушел из полка и скитался без пищи по лесу; восходящий к небу световой столб привел его к часовне, где он думал найти клад. Непонятный ужас лишил его сил убить инокиню, и наконец он понял, что она осенена благодатью. Евпраксия просила его подождать ночь, вернулась в монастырь и на следующее утро принесла ему большую просфору и рубль денег, наставила его и предсказала, что с этим запасом он благополучно дойдет до Петербурга, и если с повинной головой придет к начальнику, будет прощен, искупит свою вину и будет повышен затем в чине. Впоследствии солдат написал ей теплое письмо, в котором рассказывал, что с напутствием игуменьи дошел он сытый до Петербурга, прощен был снисходительным начальником, очистил себя службой и за отличие произведен в фельдфебеля.

Однажды, тоже осенним вечером, когда игуменья с приближенной к ней монахиней Елпидифорой должна была возвращаться из пустыни в монастырь, разразилась страшная гроза. Темнота ночи, озаряемая блеском молнии, раскаты грома, завывание ветра, гул колеблемых вихрем сосен – все наводило на монахиню ужас; выход из часовни казался ей бездной, и она умоляла игуменью остаться в часовне на ночь. Но Евпраксия была непреклонна; освещая себе путь тусклым фонарем, пошла в бурю. У колодца фонарь задуло ветром. Но тогда засиял тонкий свет, который шел перед ними до ворот монастыря, как полоса дневного света. Игуменья строго приказала монахине хранить это событие в тайне.

IV

Евпраксия не боялась хищных зверей, ютившихся в густой чаще Абрамовского леса; эти звери ласкались к ней. Дворовый человек соседнего помещика, идя вечером с охоты, увидал Евпраксию, окруженную волками, которые бежали за ней, как собаки. Он подумал, что это неспроста и что она колдунья. Тогда звери бросились на охотника, и ему пришлось бы плохо, если бы старица не стала кликать их к себе, как стаю галок, – и тот убежал, а наутро пред всеми в монастыре благодарил ее. Очевидцы рассказывали, что они были свидетелями того, как Евпраксия шла однажды на Абрамовщину на лыжах над землей, не дотрагиваясь до снега.

Буря сорвала крест с церкви Успения, и Евпраксия, по особому внушению, перенесла его на Абрамовщину и повесила на большом суку сосны над часовней. С тех пор по маленькой лесенке игуменья подымалась ко кресту и зажигала перед ним свечку. Пред этим крестом она получила внезапное и чудесное исцеление руки, переломленной перед самым выходом из монастыря в Абрамовщину, чему свидетельницами были монахини, видевшие утром руку вспухшей и висящей книзу и совершенно здоровую вечером.

Несколько раз в церкви чудные видения посещали Евпраксию, и она стояла в восторженном восхищении, унесенная от земли, и лицо ее светилось.

Годы шли; Евпраксия достигла уже глубокой старости и по неотступным просьбам была уволена на покой. Она перешла в тесную келью, выходила только в церковь и к своей преемнице, перед которой заступалась за сестер, становясь перед ней на колени.

Приблизилась кончина Евпраксии. Древняя старица Акилина, которую часто видали в ночное время в мантии с жезлом обходящей монастырь, явилась к ней. Поздно вечером она постучалась к ней в оконницу и произнесла: «Готовься к исходу – ты скоро соединишься со мной». Когда Евпраксия посмотрела в окно, древняя старица уже удалялась от ее кельи. Евпраксия вышла за ней, но она исчезла пред ее глазами.

Старица простилась с монахинями, просила игуменью положить ее в схиме, тайно ею принятой, и погрести ее у ног любимой ее старицы Акилины. Приняв святое причастие и проводив Святые Дары до дверей, она заперла сени, разостлала на полу рогожку, легла на ней с распятием и свечой в руке, закрыла глаза – и опочила.

Это было 23 сентября 1823 года. Она прожила 91 год.

Ее погребли на пятый день по кончине; тело ее издавало благоухание.

Игуменья не исполнила ее просьбы о месте погребения и о схиме. Верная Елпидифора тайно положила схиму во гроб. О своем посвящении в схиму Евпраксия кратко выразилась однажды этой монахине: «Бог послал мне ангела Своего посвятить в схиму».

После нее в запечатанном ларчике нашли вериги и пакет с 250 рублей, с подписью: «На погребение и поминовение убогой Евпраксии». Это был накопленный ею за всю жизнь доход от чтения Псалтири. На могиле Евпраксии, за окном главного алтаря Успенской церкви, лежит плита с надписью, иссеченной ее рукой незадолго до кончины.

Большая часть сведений о жизни этой подвижницы сохранилась благодаря монахине Елпидифоре, которая пользовалась доверием старицы и сопровождала ее иногда в Абрамовщину.

В книге «Третьеклассный староладожский Успенский монастырь» (изд. 1871 г.), по которой составлена настоящая статья, описано несколько явлений и чудес старицы Евпраксии. Так, деревенская расслабленная девочка видела во сне благообразную старицу, худую и небольшого роста, в шапочке, мантии и с жезлом в руках. Она повелевала ей сходить на Абрамовщину, обмыться водой из колодца и отслужить молебен кресту и панихиду по игуменьи Евпраксии, обещая тогда полное исцеление. Исполнив повеление, девочка совершенно выздоровела.

Самоотверженная жизнь, нравственная крепость и великая сила религиозного одушевления ставят игуменью Евпраксию Староладожскую в число замечательных русских женщин.

30. Девушка-язычница – образец необычайной жажды к слушанию евангельской проповеди

Григорий Дьяченко

Вот что известно об одной девушке-язычнице. В одну далекую страну, которая называется Индией, приехал проповедник слова Божия. Язычники стали ходить к нему. Между ними проповедник часто замечал убогую девушку, которая являлась к нему на проповедь вся мокрая. Оказалось, что эта девушка приходила слушать слово Божие за 14 верст с островов, окруженных водой. И так как у нее не было лодки, то она всякий раз переходила воду вброд, причем ей иногда приходилось погружаться в воду по самую шею. Но ничем не смущалась девушка, не страшилась она воды и всегда исправно ходила слушать слово Божие. Так сильно было желание у нее слышать благовестие об Иисусе Христе!

31. Помогите и вы, дети!

Послушайте, как поступали добрые христианские дети, когда слышали, что надо помочь язычникам обратиться ко Христу.

Одна юная девушка была слепа. Проводила она жизнь в большой бедности и добывала себе хлеб насущный только вязанием чулок. Но при своем убожестве она не забыла о язычниках, о которых ей приходилось слышать. И вот однажды она явилась к собиравшему на дело проповеди среди язычников и подала ему золотую монету.

– Как ты сберегла столько денег? – спросил он ее.

Слепая отвечала:

– Я зарабатываю вязанием чулок не более своих подруг, но я слепа и не нуждаюсь в освещении, потому что вяжу чулки без огня. И вот я вам принесла столько, сколько у меня могло бы выйти за зиму на керосин.

Так слепая, несмотря на свою нищету и убожество, скорбела о язычниках, которые не ведают Христа! Она, слепая телесными очами, заботилась, как бы помочь просвещению язычников светом учения Христова.

Трогательный также случай рассказывают об одной больной девочке. Лежа в постели, она выпросила себе небольшой ящичек и каждую неделю клала туда по монете, которые давал ее отец: она сберегла эти деньги для того, чтобы после отдать на дело распространения среди язычников христианства. После ее смерти ящик при отце был вскрыт, и в нем оказалось монет больше, чем могла девочка получить от отца. Вскоре недоумение разъяснилось: одна благотворительница обещала прислать умиравшей девочке апельсинов. Но больная упросила, чтобы вместо апельсинов в ее ящик положили что-нибудь на дело проповеди о Христе. Узнав это, отец со слезами возблагодарил Господа.

Вот как помогали добрые дети делу распространения слова Божия среди несчастных язычников. Пожалейте, пожалейте их, дорогие дети, и вы. И детское сердце ваше подскажет вам, чем и как вы можете помочь тем людям, которые доселе еще не познали Бога. Им нужны и ваша маленькая лепта, и ваша детская молитва, и ваше доброе сочувствие, и ваша любовь к ним...

Составлено по брошюре «Зернышки Божией нивы», изд. Свято-Троицкой Лавры, 1903 г., кн. 2

32. Флоренс Найтингель

Из «Книги взрослых» Алчевской

Флоренс Найтингель была англичанкой. Родители ее были очень богаты и ничего не жалели для воспитания ребенка. У нее были лучшие учителя: ее учили и иностранным языкам, и рисованию, и музыке; ее одевали, как куколку, веселили, баловали. Девочке предстояла блестящая светская жизнь. Но еще ребенком Флоренс не походила на детей-сверстниц: она избегала шумных игр, чуждалась веселья, была равнодушна к нарядам. Она уже в детстве хотела быть кому-нибудь полезной; ее маленькое сердце было полно сострадания и жалости ко всем несчастным: она любила навещать больных, ласкала бедных детей; все свои деньги она отдавала нищим, и всякое людское горе находило отклик в душе впечатлительного ребенка.

Прошли годы; из девочки Флоренс превратилась в молодую девушку. Она была красива, образованна, богата, она могла бы вести веселую, беззаботную жизнь; но такая жизнь ее мало интересовала. И в то время как другие девушки ее возраста и положения ездили на балы, в театры и концерты, она посещала больницы и училась там уходу за больными; ходила в бесплатные школы учить детей бедняков; посещала тюрьмы и исправительные заведения для малолетних преступников; и когда в мрачных стенах тюрьмы появлялась светлая фигура молодой девушки с ясными глазами и приветливой улыбкой, разглаживались морщины на самых суровых лицах и гостью встречали и провожали ласковым словом; она носила в тюрьму Евангелие и другие книги, покупала для заключенных съестные припасы; но дороже подарков были ее ласка, ее привет, ее доброе, участливое отношение к людям. Так проводила она свою молодость.

В 1854 году началась Крымская война. Англичане терпели под Севастополем много лишений; об этом красноречиво писали в английских газетах. Солдаты и голодали, и холодали; у них был недостаток в одежде, топливе, в продовольствии. Развились болезни, усилилась смертность, а ухода за больными и ранеными почти не было. Не хватало места в госпиталях, не хватало докторов, больничной прислуги. Все эти известия глубоко волновали Флоренс; она рвалась на помощь своим соотечественникам. Но как это сделать? И вот Флоренс решила собрать несколько молодых девушек, обучила их уходу за больными и предложила им ехать на место военных действий. Кроме того, она выхлопотала у

английского министра позволение открыть поблизости от места военных действий госпиталь за свой счет. Очень многие не одобряли плана отважной девушки: кто говорил, что она не принесет никакой пользы, кто предполагал, что она затеяла все это из тщеславия, чтобы все заговорили о ней. Но Флоренс не обратила внимания на все эти толки и со своим маленьким отрядом в 38 человек пустилась в далекое путешествие. Помощницы ее назывались сестрами; у них у всех была одинаковая одежда – простое серое платье, белый чепчик и такой же передник с нашитым на нем крестом.

Не близко путешествие из Англии к Севастополю. И морем, и сушей в продолжение многих дней приходилось ехать отважным девушкам; а с первого дня приезда надо было приниматься за дело. Работы было много. Флоренс обошла всех раненых, распорядилась немедленно привести в порядок запущенные, грязные помещения, распределила занятия между сестрами, и дело закипело. Уход за больными, хозяйство, белье, заботы о чистоте и порядке, переписка с английским правительством и требования от него помощи – все это лежало на обязанности Флоренс. Иногда ей случалось быть на ногах по 20 часов в сутки. Ласковая и нежная с ранеными, она дни и ночи проводила у изголовья самых тяжелых больных; впечатлительная, слабая, она присутствовала на самых тяжелых операциях, ободряя слабых, благословляя умирающих.

Когда кончилась война, Флоренс вернулась на родину, но не для того, чтобы отдыхать, а чтобы работать тому же делу. Она устно и письменно проповедовала всюду о великом значении общин сестер милосердия. Она устроила в Лондоне госпиталь для солдат; под ее руководством обучались уходу за больными сестры милосердия; она написала книгу об уходе за больными и ранеными. Книга эта переведена на многие языки. До конца жизни, слабая, больная, посещала она больницы и заботилась обо всех, нуждавшихся в ее помощи.

33. Анна Бергунион

Из «Книги взрослых» Алчевской

Анна Бергунион была французской девушкой. Семья у нее была небольшая: больная мать, отец и маленькая племянница. Жили они тихо, едва сводили концы с концами. Анна давно желала идти в монастырь; еще девочкой она мечтала об этом. Мать не отговаривала ее, и 18 лет Анна поступила в монастырь. Там ей жилось спокойно и хорошо. Но когда девушка вспоминала свою больную мать и старика-отца, ей становилось тяжело, что она оставила их и ушла на покой.

Недолго пробыла она в монастыре и вернулась к своим. Жить стало еще тяжелее: мать хворала, отец старел, работать приходилось за всех, а здоровье у Анны было слабое. Но она не унывала; всегда была весела и приветлива; никогда не жаловалась, что ей трудно. Она и хозяйничала, и ухаживала за больной матерью, и нянчила племянницу, и брала работу на дом. Мало того, она ходила еще в приют для бедных детей и учила девочек разным работам. Скоро она устроила целую белошвейную мастерскую: ее ученицы получали заказы и имели хороший заработок.

Так шли годы. Отец и мать Анны умерли; осталась она одна на свете. Но тот не один, кто любит людей и хочет помогать им. Своим добрым сердцем Анна с детства любила людей, особенно больных, слабых, беспомощных; работы же она не боялась. Мастерская ее шла по-прежнему, но ей казалось все мало дела. Она взяла на воспитание за небольшую плату несколько слепых девушек. Сначала ей было трудно ладить с ними. Они были грубы, ленивы, непослушны. Но кротостью и лаской Анна добилась своего: девушки исправились и горячо полюбили свою добрую воспитательницу. Скоро они стали помогать Анне в ее мастерской: убирали комнаты, готовили кушанья; одна даже учила девочек-мастериц шитью и вязанью. Дело мастерской шло отлично; всем жилось хорошо; но Анна думала о будущем. «Когда я умру, кто будет ходить за слепыми, – думала она, – кто о них позаботится, кто будет любить их?» Анна решила устроить общину вроде общины сестер милосердия; в этой общине сестры должны были учиться уходу за слепыми; тут должны быть и школа, и мастерская, и приют. Денег не было у Анны, но ей помогли добрые люди. Много хлопот и труда вынесла на своих плечах энергичная, деятельная девушка, пока добилась своего. Община была устроена. Было нанято просторное помещение. В одном этаже была школа для детей, которых учили слепые и зрячие сестры; в другом была мастерская. В этом доме

были и дети, и взрослые, и уже пожилые женщины. Все было обставлено очень просто: все ходили в одинаковых темных платьях; ели за общим столом; у всех сестер были одинаковые маленькие кельи: стол, стул и кровать – ничего больше. Такая же келья была и у Анны. Жизнь шла тихо и мирно. Днем все были за работой: кто учил детей грамоте, кто работал в мастерской, кто готовил кушанья; иные ухаживали за старыми и слабыми слепыми; те, кто не мог делать тяжелой работы, вязали чулки, шарфы на продажу. По вечерам занимались музыкой, которую так любят слепые. Анна Бергунион, приветливая, ласковая, спокойная, всем распоряжалась, всех ободряла любящим словом, всех учила своим примером любить людей и быть им полезной.

Прошли годы. Старушка Анна Бергунион сошла в могилу, а ее община существует до сих пор. Слепые сестры с глубокой благодарностью повторяют имя той, которая своей заботой и любовью скрасила их печальную жизнь.

34. Английская сестра милосердия мисс Кэт Марсден, путешествовавшая в Якутскую область для помощи прокаженным

По «Церковн. ведом.» изд. при Святом Синоде

I

Летом 1891 года английская сестра милосердия Кэт Марсден совершила замечательное по самоотвержению и любви к ближнему путешествие в Якутскую область для исследования на месте несчастных страдальцев, пораженных проказой, и для оказания им возможной помощи. Снабженная влиятельными рекомендациями к гражданским властям Сибири, мисс (девица) Марсден благополучно прибыла из Санкт-Петербурга в Якутск и оттуда совершила трудное, исполненное всяческих лишений путешествие верхом по Вилюйскому округу Якутской губернии, проехав до 3000 верст, разыскивая повсюду прокаженных. Появление человеколюбивой иностранки несчастные страдальцы повсюду принимали как явление ниспосланного им ангела Божия. Сердечное участие неизвестной благодетельницы в их судьбе, оказанная ею материальная помощь и обещание устроить для них приют утешили несчастных, подняли упавший от безнадежности дух их и воодушевили их надеждой на лучшую будущность. Преосвященный Мелетий, епископ Якутский и Вилюйский, в признательность за беспримерный подвиг мисс Марсден во благо впавших в несчастье его пасомых выдал ей благодарственную грамоту. В Вилюйском округе, который посетила мисс Марсден, прокаженных насчитывается до 80 душ, но Преосвященный Мелетий полагает их вдвое более. Неизлечимые, отторгнутые обществом, эти несчастные вызывают к себе величайшее сочувствие и сострадание; нельзя не одобрить благородного и человеколюбивого предприятия г-жи Марсден – изыскать средства на устройство постоянного для них приюта, в котором если и бессильна медицинская помощь, то, во всяком случае, они могли бы найти необходимые условия человеческого существования. Насколько жалко и ужасно положение прокаженных, где и как они живут, об этом считаем нелишним сообщить, к сведению людей сострадательных и христолюбивых, нижеследующий рассказ самой путешественницы.

«Во время Русско-турецкой войны 1877 года, ухаживая за русскими солдатами, я впервые увидела двух прокаженных, то были болгары. Совершенно изуродованный этой ужасной болезнью вид их и

беспомощное положение, в которое она их привела, так глубоко тронули мое сердце, что я тут же посвятила жизнь свою Господу, прося Его направлять ее единственно на помощь этим несчастнейшим из Его созданий.

Я видела прокаженных разных наций, но только два года тому назад я узнала, что в Сибири, в отдаленной Якутской губернии, есть тоже прокаженные между инородцами-якутами и что они имеют средство – траву, которая, по слухам вылечивает проказу. Сознавая, как важно приобретение этого средства несчастным прокаженным по всему миру, так как проказа считается до сих пор неизлечимой, я решила ехать в Якутск, чтобы отыскать эту траву и потом испытать и изучить ее целебные свойства. С этой целью я прибыла в Петербург в ноябре 1890 года и имела честь представиться Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице. Ее Величество, с обычной ее великой милостью и добротой, снабдила меня письмом, которое обеспечивало меня помощью и покровительством в продолжение всего моего путешествия по Сибири. Итак, все результаты этого труда я приношу к стопам Ее Величества, потому что, по милости Божией, Государыня Императрица дала мне возможность совершить этот труд, так как без ее доброго покровительства я не смогла бы сделать ничего.

II

Из Петербурга я отправилась в Москву и потом в Уфу, где имела удовольствие встретить Преосвященного Дионисия, епископа Уфимского, который с лишком сорок лет был миссионером в Якутской области. Преосвященный трогательно рассказал мне об ужасном положении несчастных прокаженных, которых истинно жалкое положение видел сам. Он тоже говорил об упомянутой траве, сообщил мне ее название и обстоятельства, где и как ее нашли. Преосвященный трогательно благословил меня, сказав, что его молитвы всегда будут сопровождать меня по всему пути, так как ему хорошо известны все трудности, лишения и опасности, через которые надо пройти, чтобы добраться до бедных прокаженных. Проехав Тюмень, Омск и Томск, я наконец прибыла в Иркутск. Его превосходительство генерал-губернатор подтвердил мне все, что я слышала о жалком положении прокаженных Якутской области, и с большой любезностью и усердием предложил свои услуги помочь им. Не медля, мы принялись за работу: составился комитет из генерал-губернатора Горемыкина, Преосвященного архиепископа Иркутского Вениамина, Преосвященного епископа Киренского, соборного протоиерея Виноградова, камергера двора Его Величества Сиверса, иркутского

городского головы Сукачева, врачебного инспектора Маковецкого, великобританской подданной Кэт Марсден и адъютанта командующего войсками штабс-капитана Львова с целью обсудить, как легче и лучше облегчить положение прокаженных. После того я выехала из Иркутска в Якутск. Большую часть пути приходилось делать по реке Лене в так называемом паузке (судно); хотя путешествие до Иркутска было нелегкое, но это было ничто в сравнении с тем, что пришлось перенести дальше. Три недели мы ехали в этом паузке, не имея возможности раздеться или переменить одежды; спали где попало, между грузом, питались самой простой пищей. Наконец добрались до Якутска; тут я имела счастье видеть Преосвященного Мелетия, епископа Якутского; его ласковую встречу я никогда не забуду. Он принял меня с такими словами: «Вы иностранка и чужая, но вы чадо общего нашего Господа и Спасителя, я Его слуга и во имя Его принимаю вас, благословляю и благодарю, что вы прибыли с целью помочь моим бедным прокаженным». Преосвященный – истинно верный служитель Христов, и деятельность его простирается не только на город Якутск и близкие его окрестности, но он посылает своих миссионеров за тысячи верст с благой вестью любви Христовой, и чужестранцам, как я, он простирает руки, как отец. В Якутске с помощью Преосвященного и вице-губернатора (сам губернатор был в отсутствии) мы основали еще другой комитет для помощи прокаженным, после чего я выехала в Вилюйск. Со мной ехал чиновник, говоривший по-французски, так как я не понимаю и не говорю по-русски и по-якутски, и казак-якут Иван Прокофьев, который, услышав, что я еду посетить прокаженных с целью помочь им и самой видеть, какая именно помощь им особенно необходима, так был рад, что предложил снабдить нас лошадьми до самого Вилюйска, и сам вызвался проводить меня до леса. За эту великую доброту я буду ему всегда благодарна. Вообще не нахожу слов выразить мою искреннюю признательность всем русским, как высокопоставленным, так и другим лицам.

III

Мы выехали из Якутска 10 июня 1891 года. Дороги по тайге, лесам и болотам нет никакой, даже нет тропинки, так что только верхом можно совершать путешествие летом, при всевозможных затруднениях и опасностях. Особенно трудно было это путешествие для меня, до сих пор никогда не ездившей верхом. Сильная жара днем, сильные холода ночью; мириады комаров и насекомых ослепляют вам глаза и наполняют вам рот и нос; сырость от болот, опасность от медведей, пища, состоящая обыкновенно из черных сухарей и чая, невозможность умыться или

раздеться в продолжение двух месяцев, часто промокшей насквозь; ночью никакого приюта, кроме палатки, – все это может дать понятие о трудностях этого переезда.

В Вилюйске мы были встречены отцом Иоанном Винокуровым; он – искренний друг бедных прокаженных и истинный христианин; он постоянно посещает прокаженных, не опасаясь ужасной заразы, с одной целью – помочь им и объяснить им учение Христа Спасителя. Он сопровождал нас ко всем прокаженным, находящимся в его округе, и было трогательно видеть его любовь к ним и к нему несчастных страдальцев: он – единственный человек, который посещает их, другие все боятся их, и потому истинно он – отец им и они ему – духовные чада, как он их всегда называет. Во всю жизнь свою не видела я более преданного Христу человека: любовь к Спасителю побеждает для него все трудности и опасности, лишь бы иметь возможность повествовать этим несчастным о Христе Спасителе.

В Вилюйске я расспрашивала многих местных жителей о положении прокаженных, и мне сообщили, что оно ужасно, что они находятся, по определению местных обществ, в полном одиночестве, в глубоких лесах, почти не имея, чем прикрыться, что в большинстве случаев юрты (хижины) их отвратительны и малы и что они живут, скорее, как домашние животные, чем люди.

Мы ехали верхом 2500 верст, говоря приблизительно, так как якуты не имеют понятия, что значит верста; иногда нам говорили: «Вот тут десять верст», а оказывалось не менее двадцати верст; я уверена, что мы сделали настоящих верст не менее трех тысяч.

Местные жители, услышав, что я еду с целью им помочь, были так благодарны и счастливы, что расчистили в лесу дорогу в тех местах, где иначе невозможно было бы проехать, построили мосты (стелюги) по болотам, наиболее опасным и непроходимым, и чтобы выполнить это, они отложили в сторону свои летние работы, что для них было очень убыточно, но, тем не менее, это было ими сделано совершенно охотно. По всему пути нам оказывали полное гостеприимство, прося меня при этом помочь их прокаженным.

Большим затруднением в дороге было то, что я не понимала ни русского, ни якутского языков и окружена была только мужчинами, в числе до 30 человек, говорившими непонятным мне языком, и для дамы очутиться одной в незнакомой стране очень тяжело и неудобно. Переводчик говорит по-французски, и только через него я могла говорить с населением.

15 июля 1891 года г-н исправник, фельдшер, два солдата, переводчик и я выехали из вилюйского улуса (селения) к озеру Абунгда, где находится самое большое поселение прокаженных. Мы спустились вниз по реке Вилюй на 20 верст, где были встречены выборными старостами-якутами в числе до 20 человек (при более чем 30 лошадях), находившимися здесь для того, чтобы проводить нас до места. Напившись здесь чаю, мы сели на лошадей и вступили в лес, поднявшись предварительно на гору. В 20 верстах от берега мы остановились при виде разложенного кем-то огня в надежде разузнать, далеко ли до места, где есть вода для питья и корм лошадям, которые должны были там смениться. Здесь, в то время как переводчик с кем-то говорил, я заметила что-то двигающееся между деревьями в лесу и спросила: что такое? Мне сообщили, что это прокаженный мальчик, который просит ему помочь. Я сошла с лошади и направилась к нему, чтобы с ним говорить, но бедный мальчик, думая, что я буду так же бояться его болезни, как и якуты, пятился назад, и я насилу могла его убедить, что хочу с ним говорить и даже к нему прикасаться. Я послала за его матерью и братом, которые рассказали мне историю этого бедного ребенка. Общество, решив, что у него проказа (надо знать, что между жителями этого общества не было ни одного русского, ни одного имеющего какое-либо понятие о медицине), распорядилось, чтобы этот мальчик жил одиноко в лесу, в юрте, которую ему построили в десяти верстах от матери, и чтобы он жил здесь всю свою жизнь. Слава Богу, мать его сжалилась над его одиночеством и построила позади своей юрты очень маленькую пристройку, куда ребенок тайно приходил ночевать, когда делалось темно. Но если бы общество открыло, что мать это сделала, ее наказали бы тем, что таким же образом выселили бы в лес на отдельное житье. Этот трогательный случай показал мне, что все сообщения, сделанные мне относительно жестокостей, применяемых к несчастным прокаженным, совершенно справедливы. Мы помогли ему по возможности, а исправник взял ребенка под свое покровительство, которое избавит его от повторения подобной жестокости.

За 60 верст от Абунгды нас встретил приходский священник (отец Георгий Мохначевский), у которого мы остановились, затем он провожал нас до Абунгды. Поблизости от прокаженных дорога всегда гораздо хуже, потому что их водворяют на места наиболее удаленные и наименее посещаемые, трудно проходимые, чтобы они не могли возвращаться домой. Мы направились в лесную чащу и на выезде из нее увидели юрты, где живут прокаженные. Нас ожидали и как только нас заметили, поклонились. После того как было роздано вспомоществование, мы все

вознесли молитвы о здравии Ее Императорского Величества Государыни Императрицы. Я уверена, что молитвы эти будут услышаны. Но слышать эти жалкие слабые голоса бедных прокаженных, видеть их на коленях, крестящихся исхудалыми руками, часто без пальцев, едва поднимающихся от слабости, видеть их лица, страшно обезображенные этой болезнью, и глаза, в которых вы можете прочесть, что всякая надежда у них потеряна, их ноги, у многих без пальцев, так что многие не могут ходить, а только волочат свое тело при помощи табуретки, вид этот умирающей жизни без надежды и без всякого утешения – все это нас так расстроило, что виденное нами ужасное зрелище останется памятным на всю жизнь.

В этом месте находятся две юрты, приблизительно в расстоянии 50 аршин одна от другой, и между ними до семи надгробных памятников, по-видимому, для того, чтобы отнять возможность у этих несчастных, хотя бы на одно мгновение, забыть, что смерть всегда около них. Когда прокаженный умирает, он остается в юрте вместе с живыми до трех дней. Обратите внимание при этом на внутренность юрт: они так малы, что прокаженные принуждены спать вдоль наружных стен на скамьях, без всякой подстилки, и так тесно, насколько это возможно, причем ноги одного прокаженного касаются головы другого, другие лежат просто на голой земле; отвратительный запах, ужасный холод, скот, находящийся в той же юрте, – и при всем этом здесь же должен находиться и труп умершего, увеличивая собой зловоние от прокаженных. К этому нужно прибавить, что, когда привозят гроб, прокаженный должен выйти на страшный холод, через силу втащить его в юрту, положить в него тело умершего и затем втащить гроб на сани, чтобы провезти на несколько аршин до могилы. Здесь была также оспа, и никто их не навестил: ни доктор, ни якуты, – чтобы помочь им. Они должны были переносить страдания этой болезни также в полном одиночестве, не имея около себя никакого ухода, не имея постели и почти без одежды, кроме отвратительных шубеек, способных только увеличивать раздражение кожи, которое так ужасно в этой болезни. Сколько им приходится перестрадать, никто никогда не поймет.

В этих юртах была девушка лет восемнадцати, которая жила вместе с прокаженными всю свою жизнь; мать ее была прокаженная, и потому общество определило, чтобы она жила навсегда с прокаженными, хотя сама она была совершенно здорова. После некоторого совещания между исправником и священником, фельдшером, переводчиком и мной решено не оставлять того места, прежде чем эта девушка не будет исторгнута из среды прокаженных. Исправник сказал, что он охотно возьмет ее к себе,

после того как она будет вымыта и одета в другую одежду, и прежде чем вторично покинуть Вилюйск, мы имели удовольствие видеть ее, водворенную уже у него.

На Абунгде прокаженные имели кров, и, во всяком случае, это лучшее их поселение из всех, которые мы посетили, хотя юрты были длиной лишь 12 аршин и шириной 5 аршин, и в такой юрте живут по 9 прокаженных, от 8 до 9 месяцев в году. Все прочие поселения прокаженных были несравненно хуже.

В одном месте, называемом Джикиндия, один мужчина, одна женщина и двое детей были почти голые. В другом месте, Имыжан, мы нашли 6 человек почти голых. Мужчины, женщины и дети живут все вместе, и более подобны животным, нежели похожи на людей. В другом месте, Абалак-кель, я видела женщину, которая была осуждена обществом на совершенно одинокую жизнь навсегда, и уже 4 года она живет таким образом, никого не видя, кроме своего мужа, который носит ей пищу, питье и топливо и изредка приводит детей, которые, однако, не подходят близко. Таким образом, она живет в постоянном одиночестве всю свою жизнь. Единственное ее развлечение зимой заключается в том, чтобы через силу протащить свое тело по снегу, насколько она в силах это сделать, потому что мужу приходится приносить все необходимое и класть за несколько аршин от юрты. Если она в силах, то разводит огонь, а если нет, то остается без огня. В другом месте, Харьялан, было три человека, которые жили одни, и они нам сказали, что медведь часто пугает их, подходя слишком близко к их юрте, но что у них есть очень умная собака, которая своим лаем отгоняет медведя в лес далеко от прокаженных, так что иногда возвращается совсем без голоса от сильного, продолжительного лая. Но только благодаря этой собаке медведь не вламывается в юрту; бедняки же не имеют ни ружей, ни револьверов. В другом месте, Гуккель, я видела человека, который пришел издалека просить моей помощи; он также говорил, что у него есть собака, которая отводит медведей таким же образом, и что он тоже принужден жить один в лесу всю свою жизнь.

Ни мужчина, ни женщина, ни дети, зараженные проказой, не могут избежать вечного одиночества, раз общество признает их прокаженными и приговаривает к удалению из своей среды; даже если у кого и нет проказы, но родители поражены ею, или если кто жил раньше с прокаженными, тех также удаляют.

IV

В некоторых местах юрты малы даже для двух человек, но мы

находили в них от 5 до 10 человек. Грязь, ужасный запах проказы, пища, состоящая в большинстве случаев из рыбы, масла, которое пьют, из древесной коры, и их отвратительная одежда могут дать вам некоторое понятие о их положении. Справедливо заметил отец Иоанн в Вилюйске, что во всем свете нельзя найти людей более несчастных, чем они.

Замечательна у якутов крайняя боязнь этой болезни: ни один не решится не только прикоснуться к прокаженному, но даже подойти близко никто не осмелится, будь это отец, мать, сын или дочь; прокаженный изгоняется из семьи и на всю жизнь обрекается на изгнание!

Рассказывали мне об одном ребенке-сироте, жившем верстах в 20 от Вилюйска, который получил в наследство коров (кажется, четырех). Родители его померли, и о нем должен был заботиться его дядя. Последний хотел завладеть этими коровами, и с этой целью он сообщил обществу, что его племянник поражен проказой. Общество решило, что его следует удалить, как это делается со всеми прокаженными, и поручило его дяде о нем заботиться. Дядя построил ему шалаш, который, как мне говорил фельдшер, видевший его (при следствии) на месте, был недостаточен даже для собаки, и оставил его там без пищи и питья. Через несколько времени дитя это нашли мертвым: оно умерло от голода и холода. Дядя закопал тогда его в землю без всякого гроба; тогда же фельдшер вскрыл его и почти ничего не нашел в его внутренностях, лишь немного глины. Сколько же должен был вытерпеть этот ребенок от страха, голода и холода!

В другом месте была женщина прокаженная, которая неоднократно приходила воровать к здоровым. Чтобы она не могла выходить из юрты, староста приказал отобрать у нее теплую одежду, но, тем не менее, однажды она вышла версты за две от юрты, и ее нашли замерзшей.

В Средне-Вилюйске мы видели одного, подозреваемого в проказе, как то в действительности и оказалось; было решено отвезти его за 30 верст, где живут прокаженные того же наслега (селения). Так как у него не было пальцев ни на руках, ни на ногах и он был ужасно обезображен болезнью, то я спросила: каким образом его перевезут? Сперва мне сказали, что он может дойти пешком, но я заметила, что это невозможно, и только после многих разговоров согласились положить его в сани с хорошей подстилкой сена. Человек больной, изуродованный, требующий самого тщательного ухода, не имеющий возможности держаться на лошади, – его заставляют мучиться таким образом.

При таких условиях жизни прокаженных, которые я видела на месте, необходимо подумать, как придти на помощь этим глубоко несчастным

страдальцам. В настоящее время, насмотревшись на все ужасы, я направляюсь прямо в Иркутск, чтобы обратиться к общественной благотворительности в пользу этих несчастных и собрать деньги на устройство для них больницы. Я положу все свои силы, все свое здоровье и всю свою жизнь для того, чтобы жизнь этих несчастных прокаженных улучшилась, чтобы устроить им, при помощи Божией, больницу или приют».

На обратном пути из Якутска мисс Марсден успела собрать от благотворительных людей около двадцати тысяч рублей на устройство церкви и бараков для вилюйских прокаженных. Деньги эти оставлены ею в Иркутске у преосвященного Иркутского.

35. Деревенские сестры милосердия

По «Воскресному дню»

Если мы обратим внимание на положение медицинского дела в деревне, то увидим, что оно весьма неудовлетворительно. В самом деле, число земских врачей очень недостаточно, и вследствие этого круг их деятельности слишком обширен, а именно: на каждого врача приходится средним числом 33 000 населения. Такое число врачей, конечно, не может удовлетворить даже самые насущные нужды, и действительно, наш крестьянин, за исключением разве ближайших к земской больнице мест, совершенно беспомощен. Очевидно, что врачебная помощь народу должна быть усилена. Но как это сделать? Теперь начинают убеждаться, что дело не в лечении, а в предупреждении возникновения и развития болезней. В самом деле, может ли принести какую-либо пользу лечение если каждое жилище представляет собой источник заразы, если в деревне нет хорошей воды, если условия жизни крестьянина, его питание идут наперекор требованиям медицины? На съездах русских врачей уже давно было предположено ввести в народных школах преподавание хотя бы самых элементарных сведений по гигиене (науке о том, как предупреждать возникновение болезней). Но дело тем и окончилось. На практике впервые осуществили его земский врач новоладожской больницы г-н Петровский и священник о. Лорченко; последний выбрал трех девушек, окончивших курс в подведомственной ему церковно- приходской школе, а доктор Петровский стал обучать их в земской больнице. Эти девушки обучались самым необходимым для сестер милосердия приемам, как то: перевязывать раны, давать лекарства, а также подавать первоначальную помощь в простейших и неотложнейших случаях; главное же внимание было обращено на усвоение наиболее важных гигиенических и санитарных сведений, необходимых в деревенской жизни. Летом ученицы возвращались к полевым работам, так как занимались врачебной наукой в зимнее время, и, таким образом, ученье не отрывало рабочих рук и не вредило благосостоянию учащихся. Плоды этого доброго начинания не замедлили обнаружиться. Когда в некоторых селениях Новоладожского уезда появилась эпидемия[32] сыпного тифа, то ученицы вызвались ухаживать за больными и самоотверженно выполнили свой трудный долг, чем и сыскали себе всеобщую симпатию. Вообще в короткое время сельские сестры милосердия так хорошо зарекомендовали себя безукоризненной и полезной деятельностью, что начинатели этого дела, о.

Лорченко и доктор Петровский, удостоились сердечной признательности, вполне ими заслуженной. Пусть же они послужат примером для других и пусть те, кто может, постараются открыть такие же общества деревенских сестер милосердия, которые принесут громадную пользу теперь, когда постановка медицинского дела в деревне заставляет желать лучшего.

36. Даша

Из «Весны» Чистякова

I

Отец и мать Даши были достаточные люди и могли бы жить в городе, но так любили деревню, что почти никогда из нее не выезжали, сами занимались полевыми работами или наблюдали за ними и ездили в город только месяца на два в течение зимы, чтобы запастись книгами. Они сами занимались воспитанием своей дочери. Развиваясь на свободе, как полевое растение, она, естественно, полюбила все, что представляет поле; для нее не было ничего страшного, ничего отвратительного: червяк, лягушка, жук, козявка для нее составляли не только предмет любопытства, но и предмет любви и заботливости. Особенно она любила цветы и птиц. К ним у нее образовалась какая-то странная привязанность. Всякий раз, когда ей случалось видеть их, она подмечала в растениях их разнообразные формы, краски, в птицах их полет, их разнообразный крик. Она давала им свои имена, придумывала для них свои ласки, чувствовала, что в них есть какая-то особенная жизнь, похожая на жизнь человеческую; поэтому здоровалась с ними, как с знакомыми, как будто они могли слышать и понимать ее; простые деревенские цветы она предпочитала пышным, роскошным городским, вырастающим в оранжереях или горшках в комнате. Наши птицы ее занимали гораздо более тех, которых привозят из чужих земель. Отец и мать знали, что она, живя на воле, приобрела большую ловкость и проворство, была смела, и поэтому позволяли ей уходить далеко от дома, нисколько не опасаясь того, что с ней случится какая-нибудь беда. Очень часто она вставала на заре и одна-одинехонька выбегала на луг или в поле и бродила по росе; но, чтобы не попортить платья и обуви, она платье подбирала, а башмачки скидывала и ходила босиком. Ее особенно радовало, как блестящие капли скатывались со стеблей к корням растений и, впитываясь в землю, пропадали там.

Любя поля, она благодаря этому полюбила и людей поля – крестьян. Крестьянские дети представлялись ей также вольными птицами, живыми и веселыми. Она видела их в лесу, на деревьях, в кустарниках; она видела тяжелые работы крестьян на пашне и с участием останавливалась и смотрела, как иногда очень старый крестьянин взрывал и бороздил поле, покрытый потом, несколько раз останавливаясь на середине нивы; очень часто она видела пастуха, который еще до рассвета выгонял стадо в поле, пускал его бродить по траве, садился где-нибудь на пашне и, не теряя ни

минуты, что-нибудь работал. Всякий раз, предполагая встретиться с ним, она выносила ему ломоть хлеба, или кусок пирога, или два-три яйца: остановится подле него и смотрит на бродящий скот, расспрашивает, почему он гоняет коров в ту или другую сторону, какая трава вкуснее и полезнее овцам и коровам, и таким образом – без книг, шутя, дыша ароматическим воздухом, забавляясь видом всего, чем красуется и сверкает весеннее утро, – она училась. Старик очень полюбил ее и сплел для нее детские лапотки.

– На, – говорит он, – ноженьки у тебя такие нежные, не то, что у наших детей; смотри, как ты их исцарапала; больно будет, да и маменька, чай, забранит.

– Нет, как же больно? Кровь только течет немножко, да она перестанет, а маменька меня никогда не бранит; но лапотки я у тебя возьму: они такие славные, красивые!

Иногда он ловил для нее маленьких птичек; но это ей не нравилось.

– Нет, – говорила она, – ты лучше мне покажи, где и как они живут; а то, вот видишь, ты ловил и крылышки помял; им больно, да и матери, пожалуй, не найдут, умрут с голоду.

Крестьянин слушался ее, подмечал разные птичьи гнезда, и когда видел Дашу, то прикликал ее к себе и показывал их. Очень часто эта замечательная девочка исходила на высокую гору и, сидя или прислонившись к дереву, сама свежая, как древесный лист, и молчаливая, как тень, она смотрела вдаль и задумывалась. Мать часто видела ее в таком положении, приходила к ней и спрашивала:

– Что ты тут делаешь, Даша?

– Смотрю, маменька.

– Что же ты смотришь?

– А так – смотрю, да и только.

– Что ж, это тебе хорошо кажется?

– Да, хорошо, что никогда, кажется, с этого места не сошла бы.

Так проходила ее детская жизнь. Вот вздумала она однажды насадить свой особенный садик; выйдет в поле, полюбится ей там какой-нибудь цветок – она выкопает его со всем, с землей, так, чтобы не повредить ни одного корешка, принесет в сад такой же земли, из которой она его выкопала, и посадит. Таким образом у нее собрался большой цветник.

II

Прошло много лет. Отца и матери у Даши уже не было. Бедность и разные несчастные обстоятельства заставили ее продать землю и родной домик; но этих средств было слишком мало для ее содержания. Надобно

было работать ей самой. К счастью, она получила образование. Ни Петербург, ни Москва ей не нравились; ее душе, развернувшейся под влиянием естественных впечатлений и самых простых привычек, была до крайней степени противна искусственная, принужденная жизнь столиц. Она приехала в один маленький город; обращается к одной знатной даме и говорит, что она намерена завести школу.

– Ах, моя милая, – отвечает дама, – это ведь требует большого ума, больших знаний и опытности; вы же сами так молоды, вам надобно прежде заслужить доверенность общества. Богатые люди у нас все имеют гувернанток (воспитательниц), а для бедных я не советовала бы вам: это все народ такой грязный, грубый; основывать для них заведение – значит себя конфузить.

– Но я бы для них и желала завести школу, – отвечает Даша, – если они грубы, то это потому, что их ничему не учили; если они грязны, то потому, что с детства имеют такую привычку.

– Но ведь вы не даром станете учить их, – сказала дама.

– Бедных даром, а те, которые будут в состоянии, конечно, захотят заплатить мне что-нибудь за труды.

– Но если вы станете набирать себе бедноту, то тогда порядочные люди ни за что не отдадут вам своих детей. Впрочем, вообще я бы вам не советовала заводить школу, это у нас совсем лишнее.

После такого первого приема Даша не решалась еще обращаться к кому-нибудь, а школу все-таки стала заводить. Прежде всего, она стала учить детей бедной мещанки, своей хозяйки. Когда они придут к ней, она их умоет, причешет, приберет, помолится вместе с ними, потом начинает их учить, показывает им разные цветки, рисунки и толкует. На другой, на третий день в маленьком городке разнесся слух, что явилась какая-то учительница, которая даром учит. Вскоре стало обучаться у нее уже более десяти детей. Она с ними точно так же поступала, как и с первыми. О ней стали везде говорить как о женщине необычайно доброй и ласковой; стали являться дети и богатых, увидели, что все ее воспитанницы необыкновенно опрятны, ведут себя очень прилично и скромно. Это упрочило ее известность и возбудило к ней доверенность, которую, как говорила знатная дама, заслужить очень трудно. Вскоре школа ее переполнилась; она должна была нанять для этого особую квартиру; но один богатый купец, понимавший всю важность, все благородство ее самоотвержения, предложил ей свой дом. Курсы устроились; Даша пригласила двух-трех преподавателей; ученье пошло живо; но больше всего помогали ученью и воспитанию ее полевые прогулки. Помня свое детство, она хотела тем же

самым путем образовать и других детей. Это представляло всегда занимательную картину, как она, окруженная толпой шумных, веселых детей, выходила вместе с ними за город; как они, разбегаясь по лугу и по кустарникам, собирали разные растения, ловили маленьких птичек, приносили ей разных червяков, насекомых, и она, сев вместе с ними где-нибудь на живописном месте, рассказывала историю то того, то другого существа. Дети с радостью ее слушали и потом, воротясь домой, рассказывали об этих удивительных уроках. Ученье, начатое таким живым образом, естественно, должно было продолжаться успешно, и воспитанницы ее, переходя в другие заведения, везде поражали своих наставников живостью соображения и необыкновенной свежестью мысли и чувства. Можно сказать, что ни одна воспитанница, прошедшая через ее школу, не боялась ни мышей, ни червяков, ни других гадин; а это уж много; ни один мальчик, бывший в ее школе, не дрался со своими товарищами и не употреблял дурных слов. Школа ее была не учебным заведением, но большим, многочисленным семейством, в котором веял живительный дух светлой мысли, взаимной любви и ласки. Радостно она встречала детей, с наслаждением и дети ловили свежими душами ее слова, дышавшие любовью. Как только можно было, они бежали к ней говорить, прыгать; дети тосковали, что не видятся с ней; они не говорили, что пропускают урок: учиться для них значило видеть и слышать ее. Раз бедное дитя, которому не во что было одеться, не видев ее долго, до того загрустило, что стало видимо вянуть. Она узнала об этом и пошла к нему. Ребенок, видя ее, бросился к ней на шею и заплакал от радости.

– О чем же ты плачешь? – спросила Даша, – ведь тебе здесь хорошо, ты отдыхаешь, ты не трудишься.

– Нет, нет, – отвечал ребенок, – я отдыхаю там. Какой же там труд? Мы там только сидим, говорим, слушаем да отвечаем.

– Так тебе очень хочется идти в школу?

– Очень, очень, – сказало дитя, – но вы видите, – и он указал на свою изорванную рубашку и босые ноги, – у маменьки ничего нет, чтобы купить мне платье, а заработать она не скоро заработает. Как мне быть?

И тоска, почти недетская, проступила на его личике. Чувство бедности, видимо, сознавалось им глубоко и горько.

– Погоди, дружок, – сказала она, – не горюй. Мы этому горю поможем.

Пробыв с ним, поговорив с полчаса, она его так успокоила, утешила, что он развеселился и шутил с полной беззаботностью своего возраста. Дети между тем собрались у нее. Это было делом необыкновенным, чтоб

она не являлась минута в минуту, в определенное время. Они все спрашивали о ней друг у друга, высыпали за ворота и смотрели во все стороны. Вот она показалась – они бегом бросились к ней, облепили ее со всех сторон, начали к ней ласкаться и спрашивать, отчего она так опоздала, так долго не приходила, не заболела ли она.

– Я-то не заболела, – отвечала она, – да вот ваш товарищ бедный заболел.

И она рассказала им, отчего он не является в школу; и вот без увещаний, без ее просьб и убеждений, на следующий день у бедного ребенка явились и сапожки, и рубашка, и верхнее платье. Это было повторение и применение тех уроков, тех мыслей и чувств, которые она внушала детям. Надо отдать справедливость прямоте и честности чувства богатых людей того города. Они сначала, как мы знаем, показывали к ней большую недоверчивость; некоторые даже подшучивали над ее методом обучения, который казался им новым до странности; иные положительно говорили, что из этого, кроме баловства и шалостей, ничего не выйдет; но, убедившись в противном на опыте, они с полным сочувствием поддерживали ее школу. Главная поддержка состояла не в том, что они помогали ей деньгами, но в том, что они посылали к ней своих детей на целые дни. Известие о ее учебном заведении скоро распространилось по целой губернии; купцы и помещики, нуждавшиеся очень в воспитательницах и не находившие средств воспитывать детей дома, привозили их в город и отдавали ей на полное попечение. Школа ее росла, можно сказать, с каждым днем. Но вскоре она получила благородную и вместе с тем весьма печальную известность. В городе открылась холера. Долгое время эта болезнь, проходя по целой России, миновала этот город, как будто огражденный какой-то тайной целебной силой или святыней. Жители считали себя навсегда безопасными, поэтому появление ее для них было ужасной внезапностью. Ничего не было приготовлено: ни достаточного количества лекарства, ни больниц, никаких распоряжений для предупреждения болезни и лечения ее, когда она кого постигнет. Доктор был только один. В страхе, вместо того чтобы собираться всем и советоваться об общих средствах ко спасению, каждое семейство запиралось в своем доме, и вследствие этого часто гибло все беспомощно. Школа Даши, которая опустела, была открыта для больных. Вскоре все комнаты были наполнены страждущими; она ходила за ними днем и ночью; к величайшему ее удивлению, стали являться к ней на помощь некоторые из старших детей и с удивительным терпением, находчивостью и самоотвержением проводили вместе с ней дни и ночи в этом страшном

приюте смерти. Она убеждала их вернуться домой, говоря, что родители о них должны беспокоиться, но они ей сказали, что родители не только не препятствуют им являться сюда, напротив, сами охотно соглашаются на это как на дело христианское, на дело Божие. Болезнь не прекращалась в продолжение нескольких месяцев и, кажется, становилась все больше и больше жестокой; наконец дошла до того, что человек, ею пораженный умирал иногда в продолжение двух-трех часов. Погибли многие из сотрудников и сотрудниц Даши, но сама она была еще здорова и сильна – так, по крайней мере, ей казалось. Вот однажды по городу разнеслась весть, что эта удивительная женщина сама подверглась болезни. Множество знакомых и незнакомых лиц бросилось в ее лазарет (т. е. больницу), употребляя все средства, чтобы спасти ее, но напрасно; смерть ее была неизбежна. Даша, со светлым спокойствием в душе и лице, обращаясь к присутствующим, умоляла их, чтобы они заботились о тех, которых вылечить есть еще какая-нибудь надежда. Собрались многие из ее учеников и учениц и, видя угасающую жизнь ее, оглашали плачем комнату.

– Не плачьте, дети, – сказала он тихим, иссякающим голосом, – ведь так умирать хорошо. Может быть, моя смерть спасла от несчастья и разорения не одно семейство. Помните это и, когда Бог потребует вашей помощи на пользу людям, не бойтесь смерти.

Потом, обратившись ко всем окружающим, она сказала:

– Я молю вас об одной милости. Поддержите мое учебное заведение не в том виде, как началось, но на тех началах (правилах) и с тем характером, который послужил его основанием. Я бы просила вас не ставить надо мной никакого памятника. В эту минуту, может быть, в одну из последних в моей жизни, мне сладко было бы думать, что памятником для меня будет моя школа. Прощайте, – сказала она едва внятно, перекрестилась и закрыла глаза навеки. Нечего говорить, сколько было пролито слез сожаления о такой прекрасной девушке, отдавшей жизнь свою на пользу бедных.

Великую награду получит она от Бога в Царствии Небесном. Мир праху твоему, дорогая, незабвенная труженица!

37. Моя учительница из приготовительной школы

Амичиса

Сегодня к нам пришла в гости моя прежняя учительница из приготовительной школы, как раз в ту минуту, когда мы с мамой собирались отнести немного белья одной бедной женщине, о которой писали в газете. Учительница уже с год как не была у нас в гостях. Мы все очень обрадовались ей. Она все такая же маленькая, худенькая; еще бледнее она стала, чем в прошлом году, несколько седых волос прибавилось, и все покашливает. Мама сказала ей:

– А здоровье-то, дорогая моя, – вы мало на него обращаете внимания.

– Э, что за беда, – ответила учительница со своей оживленной и в то же время грустной улыбкой.

– Вы постоянно говорите, и слишком громко, – прибавила мать, – и утомляетесь чересчур с девочками.

Мама говорила правду: учительница постоянно говорит в классе. Помню, когда, бывало, училась у нее, она постоянно говорит – говорит для того, чтобы дети не развлекались и научились чему-нибудь полезному. При этом она весьма часто показывала нам интересные картины из Священной и гражданской истории и очень хорошо объясняла их. Как легко и приятно было учиться у такой наставницы!

Никогда она не кричала и не наказывала нас: в этом не было никакой надобности. Все любили ее и все охотно слушались ее слов.

Я наверное знала, что она придет к нам, так как она никогда не забывает своих учениц и целыми годами помнит их по имени. В дни экзаменов она бежит к начальнице, чтобы спросить, какие отметки они получили; она поджидает их у выхода и просматривает их сочинения, чтобы видеть, успевают ли они в учении. Многие ученицы навещают ее даже тогда, когда кончают гимназию.

Сегодня она вернулась совсем усталая из картинной галереи, куда водила своих учениц; как и в прошлые годы, она каждый четверг водит детей в какой-нибудь музей и объясняет им все, что там находится.

Бедная учительница, опять она похудела. Но она все такая же бодрая и всегда так оживляется, когда заговорит о своей школе.

Она захотела снова взглянуть на ту кровать, где я лежала больная года два тому назад и на которой спит теперь мой брат.

Она торопилась от нас, чтобы сходить навестить одну из своих учениц, больную грудью, да еще ей надо было целую кипу тетрадок

поправить – на целый вечер работы, – да еще урок дать одной лавочнице.

– Ну что, Лена, – сказала она мне, уходя, – любишь ли ты еще свою прежнюю учительницу теперь, когда решаешь трудные задачи и пишешь длинные сочинения?

Потом она поцеловала меня и сказала:

– Ну, смотри, Лена, не забывай меня.

О, моя добрая учительница, конечно, я никогда не забуду вас. Даже когда стану совсем большой, то буду навещать вас и ваших учениц; и всякий раз, когда пойду мимо школы я услышу голос учительницы, мне покажется, что я слышу ваш голос, и я вспомню снова о двух годах, проведенных в вашем классе, где я столькому выучилась, где я видела вас часто больной и усталой, но всегда хлопочущей для нас, всегда снисходительной, огорчавшейся, если кто-либо из нас привыкал неправильно писать. Я видела вас всегда доброй и заботливой, как мать. Никогда, никогда я не забуду вас, моя добрая учительница!

38. Учительница Доброва

По журналу «Кормчий» за 1901 г.

В Одессе умерла от горловой чахотки народная учительница села Михайловское Аккерманского уезда Меланья Дмитриевна Доброва... Фамилия эта как нельзя более подходила к ее носительнице. Она была учительницей по призванию, а не по нужде. На первом плане у нее стояло только одно искреннее желание – просвещать крестьянских детей, и с первых же дней своего учительства Меланья Дмитриевна, деликатная, внимательная, терпеливая, ласковая, завоевала расположение учащихся, мальчиков и девочек. Но вот у михайловцев стряслась беда. Это было в 1900 году, когда неурожай посетил Аккерманский уезд. Начался период недоедания, голода, и выдача жалованья учительнице прекратилась.

– Прости, родная, – говорили крестьяне своей любимой учительнице, – и сама видишь, какая у нас нужда. На хлебушек даже нет; сами живем впроголодь.

– Да Господь с вами, – ласково отвечала учительница.– Разве я не понимаю, не вижу вашей нужды? Вы обо мне не заботьтесь. Как-нибудь перебьюсь. Вы же живете, ну и я жить буду.

Своих собственных средств у Добровой не было, и она наравне с населением деревни терпела крайнюю нужду, но не оставляла своего любимого дела и продолжала ходить в школу. Начальство ввиду полного истощения средств предложило временно закрыть школу. Но Меланья Дмитриевна не согласилась и ответила, что сумеет перебиться трудное время. Предложили ей наконец перевестись в другую школу, в уезд, который не чувствовал бедствия неурожая, и обещали своевременную уплату жалованья. Но она отказалась от этого и осталась в голодающей Михайловке, осталась для того, чтобы пить горе из одной чаши со своими учениками, ученицами и их родными. В деле устройства даровой столовой Доброва принимала самое горячее, самое деятельное участие...

Целых 15 месяцев прожила эта добрая и, должно сказать, великодушная народная учительница в труде, холоде и голоде и нажила чахотку. Но из Михайловки она уехала лечиться только тогда, когда убедилась, что ее детище – школа – передана в верные руки…

Мир ее праху!

39. Берегите детей

По «Душевному чтению»

Все мы, старшие, когда случимся среди младших, не забудем, что мы в дорогом плодовом саду, что вокруг нас слабые побеги, которые мы можем и укрепить, и загубить. Душа ребенка – богатая плодородная земля; в ней, что ни посеешь, растет быстро и пускает корни глубоко. Важные вопросы: что сеем мы, чему детей учим, какие примеры они берут с нас? Жалко бывает видеть в саду молодое деревце, сломанное ветром; больно глядеть на цветок, раздавленный грубой ногой. Берегитесь же набросить тень на чистую детскую душу, осквернить хотя бы каплей грязи невинность ребенка. В плодовом саду мы оберегаем каждое деревце от хищных птиц, укрываем побеги соломой от морозов. Неужели же душа ребенка стоит меньше, чем яблоня или вишня?

40. Бедственная слепота

По «Отд. хр.»

Одна девочка была слепа от рождения. Путем операции ей возвратили зрение, но к свету приучать ее нужно было постепенно, и ее долго держали в полутемных комнатах. Наконец мать вывела ее на простор, и она, увидев землю и небо, воскликнула: «О, мама! Почему же ты мне не сказала, как прекрасен Божий мир?» Мать прослезилась и отвечала: «Милая дочь! Много раз я пробовала тебе об этом рассказать, но ты не принимала к сердцу моих слов. Теперь ты восторгаешься, потому что видишь сама».

Так точно бывает с каждым из нас, пока наше духовное око – сердце – не отверзлось. Из одних описаний мы никогда не постигнем, как отрадны теплая вера в Бога, близость к нему и послушание Ему в делах нашей жизни. Пока мы далеки от Бога, мы живем во мраке и томлении. Молись, человек, Господу Иисусу, чтобы Он снял слепоту с твоих очей и наполнил твою душу небесным восторгом.

41. Елизавета Блекуэль – первая женщина-врач

Из «Книги взрослых» Алчевской

Елизавета Блекуэль родилась в 1821 году в Англии, в Бристоле. Семья была большая, дружная, и детство Елизаветы прошло мирно и весело. В 1832 году родители ее должны были переехать в Америку. Там дети учились в школах, а дома развивались под благотворным влиянием взрослых членов семьи. Дети уже подросли, когда отец умер, семья осталась без средств, и всем пришлось зарабатывать себе хлеб. Елизавета и ее сестра открыли школу, брат взял место, и все деятельно принялись за работу. Около года Елизавета пробыла начальницей училища в соседнем городе, но когда средства семьи поправились, она вернулась домой. Однако мирная жизнь дома не удовлетворяла ее: чтение, музыка, занятия языками – все это было интересно, но не казалось ей серьезным, настоящим делом. Она мечтала о таком деле, которое приносило бы пользу людям. Случайно ей пришла в голову мысль заняться медициной.

В то время женщин-врачей еще не было; и Елизавета решила сделаться врачом. Она поделилась своей мыслью со знакомыми и друзьями, но ни у кого не нашла поддержку. Многие пробовали отговаривать Елизавету от ее плана; иные говорили, что занятие медициной не по силам женщине; другие спрашивали, где же она будет учиться, потому что в мужские школы ее, конечно, не примут; находились и такие, которые говорили, что женщине неприлично быть врачом, что это не женское дело. Но Елизавета не испугалась всех этих толков. Она твердо решилась добиться своего. Прежде всего, надо было достать денег. И вот Елизавета поступила учительницей музыки, чтобы скопить себе нужную сумму. Между уроками, в немногие свободные часы, она готовилась к своим будущим занятиям, изучала латинский и греческий языки, читала медицинские книги. Через два года, скопивши нужную сумму, она отправилась в Филадельфию, где было 4 медицинских школы. Но напрасно добивалась она доступа в какую-либо из этих школ, напрасно обращалась с просьбами ко всем профессорам. Иные только смеялись над странной девушкой, вздумавшей сделаться врачом, другие прямо объявляли, что она просит невозможного, третьи даже принимали ее за сумасшедшую.

Елизавета не упала духом от этой неудачи. Она послала прошения во все школы Нью-Йорка; отказ получила и оттуда. Тогда она достала список всех медицинских школ Северных Штатов и послала прошения в 12 из

этих школ. Отказы приходили один за другим. Елизавета начинала уже терять всякую надежду, как, наконец, получила письмо из маленького городка Женевы (в штате Нью-Йорк). В письме было согласие принять девушку в число студентов медицинской школы; студенты, которым было предложено самим решить, допустить ли ее в школу или нет, согласились на это. С волнением и радостью поехала Елизавета в Женеву. Приезд ее в город ожидался с нетерпением. Всем любопытно было взглянуть на удивительную девушку, которая первая проникла в медицинскую школу. Разговоров об этой девушке было множество: кто уверял, что она помешанная, кто выдумывал еще худшее, многие просто поднимали ее на смех. Целая толпа собралась смотреть, когда она в первый раз пошла в университет; мальчишки бежали за ней, на нее указывали пальцами.

Тяжело было положение молодой девушки, одной в чужом городе, среди людей, которые сторонились и не понимали ее. Студенты-товарищи, впрочем, приняли ее хорошо; им тоже казалось странным появление среди них этой скромной девушки в простом темном платье, но они не позволяли себе ни насмешек, ни шуток. Этот прием ободрил Елизавету, и она с жаром принялась за работу. Скоро ее простота и серьезность заслужили всеобщее уважение. Студенты оценили в ней хорошего товарища, а профессора не могли не отдать справедливости ее способностям и усердию: Елизавета была из лучших по занятиям.

Но вот курс окончен; на торжество выдачи дипломов собралось огромное общество: профессора, студенты, городские жители. В толпе студентов скромно стояла тоненькая девушка в черном платье. Вот раздалось ее имя. Она подошла к трибуне[33] и при громе аплодисментов получила свой диплом на звание женщины-врача. Торжество Елизаветы было полное. К ней подходили и знакомые, и незнакомые люди, жали ей руку, горячо поздравляли ее, удивлялись ее характеру и настойчивости. Все, кто прежде смеялся над ней, точно раскаявшись, приветствовали самым искренним образом первую женщину-доктора. Итак, звание врача было получено, знания, равные знаниям врача-мужчины, были приобретены; оставалось приложить эти знания к жизни. Но это оказалось не так легко. С Елизаветой были любезны, ей удивлялись, ее поздравляли, но когда она искала себе работу – из этого ничего не выходило. В Париже, куда она поехала по окончании курса, ее допускали осматривать больницы, но не позволяли работать в них. С большим трудом она получила позволение работать в лондонской больнице, но и тут имела немало неприятностей. Вернувшись в Нью-Йорк, Елизавета вздумала заняться частной практикой. Все знали, что она отлично кончила

медицинскую школу, что она занималась много и добросовестно; однако никто не шел лечиться к ней: так велико было недоверие к женщине. Целых 7 лет ни одна больная не обратилась к ней за советом. На просьбу о месте при больнице получался отказ. Тяжело было на душе Елизаветы; глубоко оскорбляло ее такое отношение к ней. Денежные дела ее также были очень плохи, потому что заработка у нее не было. Однако мужественная девушка и тут не упала духом. Ей не удавалось практиковаться, она стала писать статьи по медицине и читать лекции. Статьи и лекции показывали, как основательны были знания женщины-врача, и доверие к ней росло. Но Елизавета хотела показать свои знания на деле: она задумала устроить собственную больницу. Дело это было нелегкое: надо было добиться разрешения, собрать деньги. Помощницами Елизаветы были ее сестра и еще одна девушка – обе они тоже получили докторские дипломы; после Елизаветы добиться этого было уже гораздо легче.

Три женщины деятельно принялись за работу; они достигли своей цели: больница для женщин и детей была открыта. Умелый уход, внимательное отношение к делу, отличное лечение привлекали все новых и новых больных, и больница ее получила большую известность. Елизавета усердно работала и как врач, и как распорядительница; но когда больница прочно устроилась, она передала ее своей сестре, а сама уехала в Англию.

Елизавете хотелось как можно шире распространить мысль о женском медицинском образовании. В разных городах Англии она прочла несколько публичных лекций, в которых доказывала способность женщин к медицинскому делу. И самый пример Елизаветы, и ее вдохновенный призыв к работе подействовали на общество: женщины и девушки начали изучать медицину. Стали открываться особые женские медицинские школы; в одной из них Елизавета стала профессором[34]. Начатое ею движение разрослось. Теперь за границей женщин принимают в университеты вместе со студентами-мужчинами. У нас в России, в Петербурге, недавно открыт особый женский медицинский институт. Получить медицинское образование женщине теперь уже нетрудно – сотни женщин посвящают себя великому делу помощи ближним, несут свои знания в деревни, села и города. Идти по проложенному пути уже легко; трудно начало, тяжелы первые шаги, терниста непроторенная дорога. По такой непроторенной дороге пришлось идти, без поддержки и сочувствия, отважной Елизавете Блекуэль, и имя этой замечательной и самоотверженной женщины не должно быть забыто.

42. Грозный урок непочтительной дочери

Из журнала «Нива»

В одной из южных газет помещен следующий рассказ очевидца: «В хуторе Варваровка Екатеринославской губернии трое лиц, охотившихся в имении помещика, по окончании охоты заехали к арендатору этого имения; через несколько времени им сказали, что в экономической избе, занимаемой приказчиком, произошло нечто особенное; охотники направились в избу и увидели в углу комнаты пожилую женщину, жену приказчика, которая плакала, а посреди комнаты – ее дочь, девушку лет пятнадцати, державшую руку у левого глаза; оказалось, что за несколько минут перед этим дочь начала бранить свою мать за то, что она заставляла ее работать, и между прочим сказала: «Чтоб тебе глаза повылезли!» Оскорбленная мать, женщина весьма кроткая, стала плакать и направилась к выходу. Не успела она за собой затворить двери, как вдруг услышала крики дочери: она вернулась назад и увидела, что с левым глазом ее дочери, до того совершенно здоровым, случилось что-то особенное. Охотники, подойдя к девушке, увидели красноватую опухоль, образовавшуюся вокруг глаза; зрачок упал в глубину, а белок остался на своем месте: очевидно, глаз лопнул, так как из него текла вода. Он имел ужасный вид и производил подавляющее впечатление: плева, гладко покрывающая зрачок, запала в середину и образовала несколько морщин. На расспросы девушка ответила, что в минуту выхода матери ее из комнаты она почувствовала в левом глазу зуд, а потом острую боль. Это так сильно на нее подействовало, что во все время рассказа она дрожала всем телом. Вот как грозно иногда Господь учит детей почитать своих родителей!»

43. Наставление девушкам, которые любят гадать о будущем

Из проповеди Филарета, митрополита Московского

Представим себе, что сын в доме отца, имея свободу пользоваться всем, что ему нужно, и многим, что приятно, не довольствуется этим и, встретив хранилище, от которого ему не дано ключа, подделывает ключ и отпирает его – положим, не для того, чтобы украсть, а только чтобы посмотреть, что там скрыто. Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совестно сыну? Не должно ли быть неприятно отцу? Вот суд о всяком гадании или ворожбы по самому простому взгляду на дело.

Филарет, митрополит Московский

44. Святые девы и жены не предавались излишней заботе об украшении себя одеждами

Григорий Дьяченко

1. Святая дева великомученица Варвара, не любила ни злата, ни многочисленных камней, ни украшений в одежде, а единого Бога («Четии-Минеи», 4 дек.).

2. Святая Феофания царица, как сказано в житии ее, телом своим к царскому не прилежала украшению, но извне была одета только малым неким благолепием («Четии-Минеи», 16 дек.).

3. Преподобную Сигклитикию, говорится в житии ее, не тешили ни наряды, ни дорогие каменья, и музыка не увлекала собою души ее. Она молилась и в молитве находила для себя лучшие утешения. Убежденная в том, что самый опасный враг для нее – молодое тело ее, она любила поститься и смиряла плоть воздержанием и трудами. Она так приучила себя к жизни умеренной, что, если случалось ей принимать пищу не в определенное время, это томило ее, лицо становилось бледным, и тело слабело.

«Жития святых подвижников Восточной Церкви» Филарета, архиепископа Черниговского

45. Молодые годы

Сост. по журналу «Церковно-приходская школа»

I

Что служит самым лучшим украшением для молодежи? *Прежде всего – набожность*. Она удерживает сердце юношей и девиц в невинности, предохраняет от нехороших мыслей, прогоняет грех, душе сообщает спокойствие, здоровью – крепость, и вместе с тем приобретает честь у людей. Почему и Екклезиаст учит: «Помни Создателя твоего в дни юности твоея» (Еккл. 12). Истинная набожность выражается в том, что молодой человек или девушка молятся, посещают богослужение и исполняют все христианские обязанности не по привычке только, не для людского глаза, не из страха перед упреками старших, но если в молитве, богослужении и исполнении христианских обязанностей находят внутреннее удовлетворение, чувствуют себя в сердце своем счастливыми, в общении с Богом имеют самое высшее наслаждение; иначе говоря, если с молодых лет станут христианами не по принуждению, но по сердцу – телом и душой. И как приятно, как отрадно бывает смотреть, когда, например, молодежь, невзирая на лютый мороз, на страшную метель и слякоть, спешит в церковь, куда тянет ее какая-то невидимая сила, – тянет то внутреннее наслаждение от слов Божественной литургии, от слов Святого Евангелия, от песен духовных, которое выше всех других радостей. Приятно, отрадно видеть, потому что никто не неволит ее, а сама она в жестокую метель идет, мерзнет, в церкви стоит бодро, испытывая от того счастье в сердце своем.

II

После набожности лучшим украшением молодежи служит любознательность. Она состоит в том, что молодежь старается приобрести для себя в юных летах как можно больше всяких полезных знаний. Знание, наука – это добро, которое не сожжет огонь, не возьмет вода, вор не украдет и червь не подточит. Наука возвышает человека честью пред людьми, она подает благо земное, ведет и к вечному спасению. В Евангелии святого Луки читаем: «*Иисус преспеваше премудростию и возрастом и благодатию у Бога и человек*» (Лк. 2:52). Иисус Христос на двенадцатом году жизни сидел уже в храме Иерусалимском между самыми первыми законоучителями и книжниками, предлагал им вопросы, давал ответы – и они удивлялись Его знанию Священного Писания. Отсюда урок для нашей молодежи – учиться прежде

всего всему святому: Священному Писанию, становиться в церкви на клиросе, петь и читать Псалтирь, паремии и Апостол – читать не устами только, но и умом и сердцем; что непонятно, о том спросить у старших, ученых, и с каждым днем преуспевать в премудрости. Кроме духовных наук, есть и другие полезные науки: надобно всему этому учиться, ничем не пренебрегать. Надобно заводить читальни, сходиться в них по праздникам для бесед, пристойно и разумно обо всем говорить и учиться одному у другого всему полезному и необходимому.

III

Третьим украшением молодежи служат благопристойность и добрые обычаи. Под благопристойностью разумеется то, когда молодой человек, скажет ли слово или сделает дело, прежде обдумает, хорошо ли то слово или дело, чтобы потом не пришлось стыдиться за него. Самое лучшее для молодых людей – поставить для себя раз навсегда правило: не употреблять никогда нечистых и скверных слов, раз навсегда расстаться с ними и не брать пример с тех несчастных подростков, которые употребляют подобные слова. Наши слова должны быть чистыми, потому что мы носим на себе чистейшее имя Иисуса Христа, Того, Который никогда не гневался, а еще молился даже за распинавших Его. Иисус Христос учит нас: «*Иже аще речет брату своему, рака* [35] *: повинен есть сонмищу: а иже речет, уроде (глупый): повинен есть геене огненной*» (Мф. 5:32). Лучше всего – не знать никаких скверных слов; когда же нельзя бывает сказать доброго слова, лучше или ничего не говорить, молчать, или в духе кротости и любви вразумить заблуждающихся или, наконец, если и это почему-либо нельзя сделать, помолиться в душе, чтобы Сам Господь вразумил заблуждающихся, и тут же подумать и о своих грехах. Одного великого ученого, немецкого философа Канта, спросили, как он, будучи очень слабого здоровья, прожил такой долгий век. Он ответил: «Я с молодых лет никогда не имел ни одного врага, потому что я никогда не осуждал никого, кроме себя самого; я был строгим судьей только для себя самого. Но я никогда никому другому не сказал горького слова; поэтому все меня любили, и я имел множество приятелей, но ни одного неприятеля; оттого и душа моя была спокойна, и она влияла на тело». Другой очень опытный человек (родом русин) говорил про себя: «С малых лет приучился я отдавать честь всякому. Быть может, он и не стоил того, но это мне не вредило, за то все меня любили и помогали в нужде». Чисты и приветливы должны быть слова у благопристойных молодых людей, чисты и праведны дела. Такими должны быть все юноши наши, такими же благоприличными должны быть и все

наши девушки, чтобы из уст их не вышло никогда нечистое, грешное слово, ни резкое осуждение других, но во всем чтобы были христианская снисходительность, благоразумная осторожность и соблюдалось приличие. Ссоры, заклятия, проклятия, пересуды и мерзкие песни прогоним далеко от себя.

IV

Наконец, еще одним из лучших украшений для молодежи служит трудолюбие. Для себя ли работаешь или для другого, за деньги ли или даром, по обязанности или добровольно, нужно работать усердно и не тратить по-пустому ни одного часа. А у нас ведь как бывает? Делает для себя – делает усердно, хорошо и скоро; делает другому – без надзора работать не будет, но будет лежать или стоять – нужен надсмотрщик. Нет! Кому бы вы ни работали, все равно, работа ваша должна быть честной, и она принесет вам честь, а ленивцам – позор и осуждение, если не наказание. Представлю пример. Раз, бывши за границей, зашел я далеко в поле и увидел там четырех работников, работавших около винограда. То были нанятые работники, при них не было надсмотрщика. Я вступил с ними в разговор. Они ответили мне несколько слов; но когда я хотел с ними побольше поговорить, то мне старая женщина сказала: «Извините, мы на работе и не имеем времени болтать». Так дорого ценит немецкий работник час – не свой, а того, кто ему за него платит, хотя работает и без надзора. И тот, кому он работает, знает, за что он платит, не захочет и выходить для надзора, так как знает, что ему там не истратили напрасно ни одной минутки. Будьте и вы такими же верными работниками. И добро вам будет, потому что работа ваша будет иметь честь у каждого.

46. Возносись к Вышнему

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Когда увидишь прекрасную девицу или женщину, или прекрасного юношу, немедленно вознесись к верховной, святейшей Красоте, виновнице всякой красоты земной и небесной, т. е. Богу; прославь Его за то, что Он из земли делает такую красоту; подивись в человеке красоте образа Божия, сияющего даже в поврежденном нашем состоянии; вообрази, каков будет образ наш в состоянии нашего прославления, если мы его удостоимся; вообрази, какова красота святых Божиих, святых ангелов, Божией Матери, приукрашенной Божественной славой; вообрази неизреченную доброту лица Божия, которое мы узрим, и не прельщайся земной красотой, этой плотью и кровью.

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

47. Знай, с кем бьешься об заклад

Из «Зимы» Чистякова

I

В Петербурге, в доме одного знатного доктора, были гости – общество чрезвычайно разнообразное: немцы, поляки, итальянцы и русские. Собрание было веселое, разговаривали о разных предметах. Между прочим разговор зашел о достоинствах и лучших свойствах разных народов. Немцы говорили об учености и аккуратности своего племени, итальянцы о своей любви к музыке, живописи и архитектуре, французы о своем геройстве, своей любезности и т. д.

В числе гостей была одна русская княжна, замечательной красоты, необыкновенно образованная, но чрезвычайно скромная. Один француз, как видно, довольно ветреного характера, обратился к ней и спросил:

– Княжна, что же вы ничего не скажете в пользу своего народа?

– Он и так хорош без всякой похвалы.

– Но каким же хорошим свойством он отличается? – спросил француз. – Науки у вас не в цветущем состоянии, живопись, музыка, торговля ваши плохи, народ ваш невежествен и груб. Он даже, кажется, суевернее испанцев.

– Все это чистая правда, – сказала молодая девушка, – но в характере нашего народа есть одно превосходное качество, которое выше ума и других талантов: это необыкновенное добродушие и готовность к самопожертвованию.

Француз бросил еще несколько шутливых слов насчет русского характера и заставил общество смеяться. В это время вдруг растворилась в залу дверь и вбежал крестьянин в нагольном тулупе, со всклоченной бородой и головой, в чрезвычайной тревоге, и сказал задыхающимся голосом:

– Кто здесь доктор? Бога ради, поскорей: жена моя умирает!

Молодой француз имел легкомыслие назвать себя доктором. Мужик повалился ему в ноги и просил о помощи. Некоторые засмеялись, на других эта выходка в такую печальную минуту произвела самое неприятное впечатление. Хозяйка побежала в кабинет своего мужа и сказала, что просят к больной. Он вышел.

– Ты доктор? – спросил мужик.

– Я.

– Я слышал, что ты добрый человек. Я тебе ничего не могу заплатить;

но жена моя умирает, не откажи, батюшка, помоги!

Между тем как доктор собирался, легкомысленный француз продолжал делать замечания насчет грубости и неопрятности крестьянина.

– Я уверен, – сказал француз, – что вы, княжна, при всем вашем патриотизме ни за что в мире не решились бы поцеловать его.

– Вы бьетесь об заклад? – спросила молодая девушка.

– Да.

– Сколько червонцев?

– Двенадцать.

– Хорошо. Деньги на стол!

Они положили червонцы. Княжна подошла к мужику и сказала ему:

– Любезный друг, позволь мне поцеловать тебя. Может быть, это принесет тебе счастье.

Мужику было не до поцелуев: он был глубоко опечален, взглянул на нее и сказал с выражением горечи в голосе:

– Целуй, пожалуйста, если хочешь.

Княжна поцеловала его; заклад был выигран. Она взяла двадцать четыре червонца, подала их мужику и сказала:

– Вот тебе деньги, они тебе пригодятся на помощь твоей больной жене и твоему бедному семейству. Прощай. Благодари вот этого господина (при этом она указала на француза): он тебе доставил двадцать четыре червонца.

Мужик обрадовался; доктор отправился с ним. Впоследствии узнали, что скоро оказанная помощь была в пользу больной, и она выздоровела.

II

Происшествие это было предметом разговоров в продолжение нескольких дней. Над ним пошутили, посмеялись и, как водится, совершенно забыли.

Прошло лет десять. В отдаленном краю Сибири, в глуши, между лесами, с двумя детьми, из которых одно было больное, ехала женщина. По чертам лица ее можно было узнать, что она принадлежала к образованному сословию, но видно было, что в жизни ее случилось какое-то несчастье. Она была крайне печальна, тем более, что болезнь ее дитяти становилось день ото дня опаснее, а ей надо было ехать еще около тысячи верст. С ней не было никакой прислуги; она ехала на простой телеге, лошадью правила сама. Селений кругом было до крайности мало. На расстоянии пятидесяти верст нельзя было видеть дома, а если где и попадалось жилье, то это бывала юрта (палатка из кожи) якута.

Наступила ночь. Женщина не знала, как ей быть, где ей остановиться.

Наконец вдали между деревьями она увидела поднимавшийся дым. Это ее очень обрадовало, и она стала погонять лошадь. Подъезжая к тому месту, где курился дым, она видит дом, построенный на европейский лад (образец), довольно обширный и красивый; кругом него было расположено множество служб. Она догадалась, что это был дом какого-нибудь золотопромышленника.

Бедность делает людей до крайней степени робкими и недоверчивыми. Им все кажется, что их оскорбят, что их примут грубо, или, по крайней мере, неласково. Поэтому, путешественница, подъезжая к дому, не осмелилась просить ночлега; но хозяин увидел ее и пригласил ее к себе. Он поместил ее в особенной комнате и доставил ей все удобства, чтобы успокоить ее от тяжелого пути. Когда она отдохнула и ее пригласили к обеду, то вышел старик, отец этого хозяина, одетый чрезвычайно чисто, по-купечески, и, взглянув на женщину, остановился перед ней с изумлением и спросил:

– Откуда вы, матушка? Я вас, кажется, когда-то видел. Не были ли вы в Петербурге? Мне лицо ваше так знакомо.

Всматриваясь все больше и больше и разговаривая с ней, он наконец узнал, что это та самая княжна, которая его некогда поцеловала и дала ему двадцать четыре червонца. Из дальнейших разговоров выяснилось, что мужик, приходивший к доктору, впоследствии на эти деньги сделал различные обороты, разбогател, поехал в Сибирь, сначала вступил в компанию (т. е. в общество) с одним золотопромышленником, потом взял на себя одного прииск и теперь сделался одним из самых богатых людей в целой Сибири. Это и был хозяин дома. Он доставил этой женщине средства добраться к месту ее назначения и обеспечил ее с детьми на целую жизнь. Посеянные некогда зерна добра принесли добро же – христианская любовь одной души вызвала любовь в другой. Так часто и в нашем грешном мире сбывается пословица: что посеешь, то и пожнешь.

48. Дикие лебеди (сказка)

По Андерсену

Далеко-далеко отсюда, там, куда улетают ласточки, когда у нас наступает зима, жил король; у него было одиннадцать сыновей и дочь Элиза. Хорошо было жить этим детям. Но недолго продолжалась такая хорошая жизнь. Отец их женился на злой королеве, и королева очень не любила бедных детей. Через неделю после свадьбы она отвезла маленькую Элизу в деревню и отдала ее в крестьянскую семью, а потом наговорила королю так много дурного о бедных принцах, что отец совсем перестал о них заботиться.

– Убирайтесь куда глаза глядят, – сказала королева, – и добывайте хлеб сами. Убирайтесь и бродите по свету, как большие птицы.

А королева была колдунья, и что она хотела, то и делалось. Вот принцы и превратились в прекраснейших диких лебедей. С громким криком вылетели они из окон дворца и понеслись далеко, через сады и леса.

Элизе исполнилось 15 лет, и она возвратилась к отцу. Но мачеха ее сделала такой безобразной, что даже родной отец не узнал ее. Элиза заплакала и решила уйти из замка и отыскать своих братьев. По дороге она умылась в ручье и стала красивее прежнего.

Долго шла Элиза. Перед самым заходом солнца она увидела одиннадцать лебедей. С золотыми коронами на головах они неслись один вслед за другим; издали можно было принять их за белую ленту. Элиза взошла на холм и спряталась за кустарником. Лебеди опустились недалеко от нее и захлопали большими белыми крыльями. Как только солнце совсем зашло, лебединые перья вдруг упали, и перед Элизой очутились одиннадцать принцев – ее братья. Элиза громко воскликнула; хотя они очень переменились, она все-таки знала, чувствовала, что это ее братья. Она бросилась к мим в объятия, называла каждого по имени; братья тоже были очень счастливы, увидев свою сестру. Они смеялись и плакали и рассказывали друг другу обо всем, что пережили в разлуке.

– Мы, братья, – рассказывал старший, – летаем, как дикие лебеди, целый день и только после захода солнца опять делаемся людьми. Поэтому мы всегда должны стараться, чтобы к часу солнечного захода быть на твердой земле. Очутись мы в этот час, например, под облаками, нам, как людям, пришлось бы упасть вниз и убиться. Живем мы не здесь – по ту сторону моря, лететь туда очень далеко: надо перелететь целое море,

а по дороге нет ни малейшего островка, где бы могли мы переночевать; только один утес выходит из моря, он так мал, что нам трудно поместиться на нем. Посещать родину нам позволяется раз в год, и тогда мы, одиннадцать лебедей, летим над большим лесом, откуда можно видеть дворец, в котором родились мы и где живет наш отец, и кладбище, где похоронена наша мать. Нам кажется, что здесь деревья и кусты – наши родные; нас тянет сюда, и здесь нашли мы тебя, милая, дорогая сестрица! Два дня еще нам осталось быть здесь, а потом надо опять лететь за море; там прекрасная страна, но она не наша родина. Как возьмем мы тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки.

И они разговаривали почти всю ночь; спали только два-три часа.

– Завтра, – сказали они, – мы должны улететь отсюда и не вернуться раньше года. Но мы не можем оставить тебя. Решишься ли ты последовать за нами? Руки наши довольно сильны, чтобы нести тебя по лесу, а днем, когда мы птицы, разве наши крылья не удержат тебя во время полета?

– Да, возьмите меня с собой, – сказала Элиза.

Всю ночь они провели в том, что плели сетку из гибкого тростника коры ивы, и сетка вышла большая и прочная. В нее легла Элиза, а когда солнце взошло и братья превратились в диких лебедей, они взяли сетку в клювы и понесли ее высоко-высоко со своей милой сестрой, которая еще спала. Солнечные лучи падали прямо на ее лицо; поэтому один из лебедей полетел над ее головой и заслонял ей свет своими широкими крыльями. Целый день они летели, как стрела, но все-таки медленнее обыкновенного, потому что им приходилось теперь нести свою сестру.

Собиралась гроза, и вечер приближался; с испугом смотрела Элиза на заход солнца, а между тем утес, о котором говорили братья, еще не был виден. Ей показалось, что братья все сильнее и сильнее взмахивали крыльями. Ах, это она виновата, что они не могли лететь с прежней быстротой. Страшно ей было подумать, что с заходом солнца они превратятся в людей, упадут в море и утонут. Элиза стала горячо молиться, но утеса все еще не было видно.

Черные тучи все больше и больше приближались, сильные порывы ветра возвещали бурю, страшные волны, как свинец, катились одна за другой, молнии сверкали беспрерывно. Между тем солнце дошло до самого края. Сердце Элизы билось от страха, потому что лебеди спустились книзу с неимоверной быстротой. Но тут они опять полетели тише. Солнце было уже половину под водой; тут только Элиза увидела маленький утес. Солнце опускалось очень быстро, и казалось уже небольшой звездой; в эту минуту ноги лебедей коснулись твердой земли.

Солнце погасло. Элиза увидела вокруг себя своих братьев в человеческом виде; но утес был так мал, что они с трудом помещались на нем. Море билось о него и осыпало Элизу брызгами, небо блестело беспрестанными молниями, раскаты грома следовали один за другим; но сестра и братья взялись за руки и начали петь молитвы, утешавшие и ободрявшие их. На рассвете буря совсем утихла, и воздух сделался чист; как только солнце взошло, лебеди полетели с Элизой с этого островка.

Наконец Элиза увидела ту страну, куда летели ее братья: там возвышались синие горы с кедровыми лесами, городами и замками. Задолго перед тем как солнце взошло, она сидела уже на утесе перед большой пещерой, обросшей зелеными вьющимися растениями; казалось, что это были вышитые ковры.

– Посмотрим, что тебе приснится здесь в эту ночь! – сказал младший брат, указывая на ее спальню.

– Дай Бог, чтобы мне приснилось, как спасти вас, – отвечала она.

И эта мысль сильно занимала ее; она горячо молилась Богу, чтобы Он помог ей, и даже во сне продолжала молиться. И приснилось ей, что летит она высоко по воздуху к терему волшебницы; волшебница сама вышла к ней навстречу, такая красивая, блестящая.

– Твоих братьев можно спасти, – сказала волшебница, – но хватит ли у тебя на это духа и терпения? Ты знаешь, что вода мягче твоих нежных рук, а между тем она шлифует (делает гладкими) камни; но вода не чувствует боли, которую почувствуют твои пальцы; у нее нет сердца, она не испытывает той горести, уныния и тревоги, которые тебе придется вынести. Видишь ли в моей руке крапиву? Такая же крапива растет вокруг пещеры, где ты спишь: только она и та, что растет на могилах кладбища, годна; не забудь этого. Этой-то крапивы ты должна нарвать, несмотря на то, что твои руки покроются жгучими пузырями. Потом растопчи ее ногами, и тогда ты получишь лен; из него сплети одиннадцать панцирей (рубашек) с длинными рукавами; когда сплетешь, накинь их на одиннадцать лебедей – и колдовство спадет с них. Помни только хорошенько, что ты не должна ни с кем говорить ни слова с той минуты, как начнешь эту работу, до тех пор, пока не кончишь; первое слово, которое ты произнесешь в это время, пронзит, как нож, сердца твоих братьев. От твоего молчания зависит их жизнь. Помни все это.

И с этими словами волшебница тронула руку Элизы крапивой; точно огонь коснулся девушки, и она проснулась. Было уже совсем светло, и подле самой ее постели лежала ветка крапивы, совершенно похожая на ту, которую она видела во сне. Тогда Элиза упала на колени, поблагодарила

Бога и вышла из пещеры, чтобы приняться за свою работу. Нежными руками начала она срывать крапиву, которая жгла ее, как огонь; большие пузыри горели на пальцах девушки, но она с радостью сносила эти мучения при мысли, что может спасти братьев.

После захода солнца пришли братья; они испугались, увидя, что их сестра не говорит ни слова. Но, взглянув на ее руки, они поняли, какую жертву она приносит для них; младший заплакал, и там, где на ее руки падали его слезы, девушка переставала чувствовать боль, и с ее руки стали исчезать жгучие пузыри. Ночь застала ее за работой; она не хотела успокоиться, прежде чем спасет братьев. Весь следующий день в то время, когда лебеди летали, она сидела совершенно одна, но никогда ей не казалось время таким коротким. Один панцирь был уже готов, и она принялась за другой, и жгла все сильнее и сильнее свои руки.

Однажды король той страны, охотясь в тех местах, случайно увидел Элизу, полюбил ее, и она его полюбила, и он женился на ней. В королевском дворце Элиза продолжала свою работу и не говорила ни слова. Король сначала любил Элизу, но его очень огорчало, что она немая. Потом он стал думать, что она колдунья, потому что никак не мог понять, для чего королева плетет из крапивы. Элиза не могла оправдываться, потому что первое ее слово должно было убить ее братьев. Тогда королевские судьи, невежественные и суеверные, решили сжечь ее, как колдунью, на костре.

Из великолепных королевских залов повели Элизу в темную, сырую темницу, где ветер свистел сквозь решетку; вместо бархата и шелка ей дали тот пук крапивы, который она набрала в последнюю ночь: это должно было служить ей изголовьем, а вместо одеяла принесли ей жесткие, жгучие панцири, выпряденные ею. Но лучшего подарка ей не могли сделать: она снова принялась за работу и молилась Богу.

Вдруг вечером у самой решетки тюрьмы послышалось хлопанье лебединых крыльев; это был младший брат. Он нашел сестру, и она зарыдала от радости, хотя знала, что это ночь будет, может быть, последней в ее жизни. Но утешала себя тем, что работа ее была почти окончена и что братья были здесь. В эту ночь она должна была закончить свою работу; иначе все то, что она испытала: боль, слезы, бессонные ночи, – все должно было пропасть даром. Маленькие мыши бегали по полу и, желая хоть немного помочь, притаскивали ей крапиву, а дрозд сел на решетку окна и пел, как только он мог, веселее, чтобы ободрить ее.

До рассвета еще оставался час, когда одиннадцать братьев подошли к воротам дворца и потребовали, чтобы их провели к королю. Но король

спал, и никто не смел разбудить его. Братья просили, угрожали, так что наконец король вышел и спросил, что значит этот шум. Но в эту минуту взошло солнце, и братьев не стало, только одиннадцать диких лебедей пронеслись над замком.

Толпы народа шли из городских ворот; все хотели видеть, как будут жечь колдунью. Старая кляча везла телегу, на которой сидела она, одетая в саван из грубой холстины; чудные волосы ее были распущены, щеки бледны, губы тихо двигались, а пальцы все плели зеленый лен. Даже на пути к казни она не переставала работать: десять панцирей лежали у ее ног, одиннадцатый она плела. Народ издевался над ней и говорил: «Смотри-ка, как эта ведьма бормочет. Небось, молитвенника у нее нет в руках, а все эта проклятая работа; разорвем-ка ее на куски...»

И они обступили телегу и хотели разорвать панцири; но в эту минуту прилетели одиннадцать диких лебедей, окружили несчастную и захлопали большими крыльями. Толпа с испугом отхлынула. «Это знамение неба! Она невинна!» – шептали многие, но не смели сказать этого громко. Она быстро набросила на лебедей одиннадцать панцирей, и в ту же минуту одиннадцать прекрасных принцев очутились перед народом. Но у младшего вместо одной руки осталось лебединое крыло, потому что в его панцире она не успела допрясть рукав.

– Теперь я имею право говорить, – сказала она, – я невинна!

И народ, увидевший, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, и она без чувств упала в объятия братьев, потому что изнемогла от волнения, боли и усталости.

Старший брат рассказал всю ее историю. И в то время как он говорил, по воздуху распространялось благоухание, точно от миллиона роз: высокий и длинный ряд душистых кустарников разрастался перед глазами всех, украшенный пунцовыми розами, а на самой верхушке его красовался цветок белый и блестящий, как звездочка. Король сорвал его и приколол к груди Элизы, я тогда она проснулась, веселая и спокойная. И все колокола загудели сами собой, и птицы прилетели огромными стаями, и во дворец королевский вернулся такой свадебный поезд, какого до тех пор не видел ни один король в свете.

49. Бывают ли колдуны и колдуньи?

По книге «Золотые колосья» Горбунова-Посадова

Вы прочли сказку о «Диких лебедях»? Славная, не правда ли, сказка? Когда вы читали ее, вы, должно быть, очень полюбили милую Элизу, а колдунью очень невзлюбили. Но помните, друзья мои, что это все сказка, что колдунов и колдуний на свете не бывает, и никакой человек не может сделать из нас оборотня или напустить на нас порчу.

Зачем же, спросите вы, рассказывали вы нам сказку про диких лебедей, если все это неправда?

А рассказывали мы вам для того, чтобы вы узнали из этой сказки, как братьям и сестрам надо любить друг друга и как братья и сестры должны жертвовать своей жизнью друг для друга, не только для братьев и сестер, а и для всякого человека, кто в беде или в несчастье, потому что все люди ведь – братья и сестры.

А колдуний и колдунов, как мы сказали сейчас, не бывает, и нет таких людей, которые бы могли напускать порчу. Между тем у нас по деревням, и по селам, и по городам верят многие, что бывают колдуны, что они могут портить людей, скотину, что они могут узнавать, кто украл, где краденое, верят в то, что бывают домовые, лешие, водяные, и во всякую такую глупость. И от этого большой вред.

Первый вред, что, где бы человеку самому позаботиться надо, он все на колдовство сворачивает, от колдовства помощи ждет. Заболеет у матери ребенок – и вместо того чтобы поберечь его, она несет его под насест к курам отчитывать или еще какие-нибудь глупости делает, от которых никакой пользы не бывает.

Другой вред тот, что, когда у человека беда, как и со всеми людьми бывает, случится, то человек не переносит ее с покорностью и терпением, ища утешения в молитве к Богу и в чтении слова Божия, а тотчас на других думает, на них злобится. Заболеет кто из молодых, особенно после свадьбы, – сейчас начинают указывать на того, кто испортил, и злобятся на него.

Заболевают от порчи только те, кто верит в колдовство и порчу. Заболевают они не от колдовства, а от думы; начнут думать, скучать, и точно заболеют. А кто не верит в пустяки эти, тот ни от какого колдовства не заболеет. Пора оставлять это язычество; еще простительно было так думать, когда люди истинной Христовой веры не знали; а теперь, когда в каждом почти дворе есть грамотный человек и Евангелие, в котором

людям истинная вера открыта, нельзя уж этим глупостям верить.

Жил я на свете долго и никогда не верил никаким колдовствам, и порчам, и бабкам, и много раз говорил, и теперь говорю, что я тому колдуну 1000 рублей дам, который меня испортит, только бы внутрь ничего не давал. А то пускай подает за меня за упокой, пускай волосы мои сучит, из следа вынимает. До сей поры не нашелся такой.

Великий народу вред от веры в колдовство. Это языческая вера, пора ее бросить. Христианину сказано Христом: «Узнаете истину и свободны будете». И потому христианин от всяких страхов, наговоров, порч и колдовства свободен.

50. Наставление о вреде ворожбы

Григорий Дьяченко

«Не ворожите и не гадайте... К волшебникам не ходите и не оскверняйтесь от них» (Лев. 19:26,31). Так заповедал Господь в Своем Писании; а между тем как часто, особенно в несчастных случаях, обращаетесь вы не к Богу, единому Помощнику и Покровителю нашему, а к так называемым знахарям, ворожеям. Случилась, например, беда в доме: покража, заболел кто-нибудь, муж не любит жену или свекр невестку, – вы спешите к знахарю или к ворожее. Пошли нашептыванье и наговоры на вино, на воду, пошли карты и бобы в ход и окачиванье больного холодной водой. И вот больной делается вовсе калека, муж еще больше ненавидит жену. В прорицаниях на картах и бобах взводят клевету на людей невинных; если покажут покражу на младшего семьянина, пожалуй, и в гроб его вгонят. А что делают во время святок, особенно молодые люди? Каких тут гаданий, какой ворожбы не бывает!.. Судьбы Божии от нас сокрыты, а мы силимся так или иначе узнать их. Грех, тяжкий грех принимают на себя эти шепотники и клеветники, эти ворожеи и знахари, да и те, которые обращаются к ним. Послушайте, как Господь наказывает людей, которые, забыв Его, желают узнать будущее через ворожбу.

Во времена пророка Илии в Самарии жил царь по имени Охозия. Однажды он упал из окна своего дворца и заболел, и вот Охозия отправил послов в город Аккарон к идолу Ваалу узнать: выздоровеет ли он или умрет? Но на дороге встретил царских послов пророк Божий Илия и сказал им: «Неужели в Израиле нет истинного Бога, и идете вы вопрошать идола аккаронского? Идите и скажите царю, что он не встанет со своей постели и умрет». Предсказание святого мужа вскоре исполнилось (4Цар. 1:2–4). Такому же наказанию от Бога за ворожбу подвергся царь израильский Саул. Когда ему предстояла война с филистимлянами, он впал в малодушие и, желая узнать будущее, обратился к аэндорской волшебнице, но во время сражения был убит (1Цар. 28). Видите, как Господь наказывает оставляющих истинного Бога и ищущих себе помощи у волшебников и гадателей?

Но вот заболел благочестивый царь Езекия. Пророк Исаия от имени Божия возвестил ему, что он умрет. Езекия не упал духом, не обратился к прорицателям, а только в пламенной молитве истинному Богу с горьким плачем просил Его о помиловании. И было слово Господне к Исаии: «Поди и скажи Езекии, – так говорит Господь, – Я услышал молитву твою,

увидел слезы твои, и вот Я прибавляю ко дням твоим пятнадцать лет». Езекия действительно выздоровел (Ис. 38:4–5). Понятно теперь, что вся наша жизнь зависит от единого истинного Бога; все наши горести и скорби, несчастья и неудачи, лишения и оскорбления силен отклонить только один Господь, а не ворожба или темная сатанинская сила, которая старается завлечь нас в свои сети. Прибегайте же к Богу и просите у Него помощи и помилования. Господь милосерд, Он же и помилует и спасет; обращайтесь к Его угодникам и молитесь им; это средство вернее всякой ворожбы и всяких прорицаний.

51. Чудное видение

Из «Русской старины»

В Санкт-Петербурге у одной благочестивой женщины жила на воспитании молодая, бедная и честная девица. Девица заболела какой-то странной болезнью; доктора не могли определить болезни; лекарства не помогали. В этой болезни она заснула летаргическим[36] сном, в котором лежала более недели, закрывши глаза, не пила, не ела. В таком состоянии она видит (так рассказывала по пробуждении ото сна) у постели своей Спасителя в терновом венце, лик Его прекрасный, но в страдальческом виде: с поникшей головой, а руки связаны веревкой. Господь взглянул на больную таким милостивым взором, которого она не может описать; видение этим и кончилось. Когда девица пришла в себя и открыла глаза свои, то рассказала о своем видении своей хозяйке, и с того дня стала здорова. В благодарение Господу Богу за свое исцеление девица пожелала написать образ Спасителя согласно ее видению и поручила работу живописцу, рассказав ему черты виденного образа. Записавший обстоятельства этого чудесного исцеления говорит: «Я видел ее после исцеления: цвет лица самый здоровый, и ходит она без усталости; я спросил ее о чувстве, которое она должна была ощущать, видя Спасителя; она отвечала мне, что век не изгладится этот Божественный лик из ее ума».

52. Из Апокалипсиса

Константин Романов
Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня в келью свою!
Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь, и далек,
Скитаюсь Я по миру, беден и нищ,
Стучуся у многих жилищ:
Кто глас Мой услышит, кто дверь отопрет,
К себе кто Меня призовет, –
К тому Я войду, и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе –
Я силы прибавлю тебе;
Ты плачешь – последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять...
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою!

53. Успокоение

Из журнала «Кормчий»
О, ум мой холодный!
Зачем, уклоняясь
От кроткого света
Божественной веры,
Ты гордо блуждаешь
Во мраке сомненья?
Ответь, если можешь:
Кто дал тебе силу
Разумной свободы
И к истинам вечным
Любовь и влеченье?
Кто плотью животной
Покрыл мне так чудно
Скелет обнаженный,
Наполнил все жилы
Горячею кровью,
Дал каждому нерву
Свое назначенье,
И сердце заставил
Впервые забиться
Дотоль ему чуждой
Неведомой жизнью?
Кто дал тебе средства
Чрез малую точку
Подвижного ока
Усваивать знанья
О видимом мире?
И как назовешь ты
Тот дух в человеке,
Который стремится
От грани земного
С сознаньем свободы
И сильным желаньем
Познаний и блага?
Который владеет

Порывами сердца,
Один торжествует
В страданиях тела,
Законы природы
Себе подчиняя?
Кто дал это свойство
Цветущей природе,
Что в ней разрушенье
Единого тела
Бывает началом
Для жизни другого?
Кто этот Художник,
Рукой всемогущей
В цветке заключивший
Целебную силу,
И яд смертоносный,
И яркие краски,
И тени и запах?
Смирись же и веруй,
О ум мой надменный:
Законы вселенной,
И смерть и рожденье
Живущего в мире,
И мощная воля
Души человека
Дают мне постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высший Разум,
Все дивно создавший,
Всем правящий мудро.

54. Просьба умирающей дочери

По «Христианскому чтению»

Один священник, проповедуя однажды в многочисленном собрании народа, увидел стоящего вдали еврея, одетого весьма хорошо и имевшего привлекательную наружность. Судя по его лицу, он был в великой печали. По занятии места, казалось, он обратил все свое внимание на поучение, потому что в продолжение его он часто плакал. По окончании проповеди священник не мог удержаться, чтобы не поговорить с этим незнакомцем.

– Позвольте, милостивый государь, спросить вас, не из чад ли вы Авраамовых?

– Вы не ошиблись: я еврей.

– Но, скажите, как это случилось, что я вижу еврея в христианском собрании?

Тут еврей рассказал священнику следующее.

– Я из числа самых богатых лондонских евреев. Незадолго перед этим поселился я со всем своим богатством и с единственной семнадцатилетней дочерью в Америке, на плодоносных берегах реки Огио. Жена моя скончалась перед отъездом из Европы, и я не находил ни в чем утешения, кроме любимой дочери моей. И поистине она была достойна таковой любви. Будучи одарена совершенной красотой, она имела в себе превосходные качества ума и сердца с наилучшим воспитанием. Кротким обращением своим она привязывала к себе сердца всех своих знакомых. Будучи ревностным евреем, воспитал я и дочь мою в строгом хранении еврейского закона, думая, что тем я усугубил совершенства ее.

Но вдруг дочь моя сделалась больна, и по всем признакам болезнь ее оказалась весьма опасной. Я не отходил от нее, и грусть моя была весьма велика. Не щадил я ничего: ни трудов, ни издержек, чтобы доставить ей пособие к облегчению ее болезни, но никакое искусство человеческое не могло отвратить смерти. Прогуливаясь в большой близ дома роще и орошая путь мой слезами, позван я был к умиравшей дочери моей. Удрученный печалью, пошел я к ней в комнату, которая вскоре должна была сделаться храминой смерти. Я вошел к ней, чтобы проститься с ней навсегда. Понятия мои о предметах духовных подавали мне только весьма слабую надежду увидеться с ней в будущей жизни.

Дочь моя взяла меня за руку и с живостью при ослабевших силах своих сказала:

– Батюшка! Любишь ли ты меня?

– Любезная дочь, ты знаешь, что я люблю тебя, что ты мне дороже всего на свете.

– Но, батюшка, любишь ли ты меня?

– Для чего, друг мой, ты предлагаешь мне такой вопрос? Неужели ты никогда не видела доказательств любви моей к тебе?

– Но, скажи, любезный батюшка, любишь ли ты меня?

Отец не мог отвечать, и дочь продолжала:

– О, знаю, что ты всегда любил меня; ты самый нежный отец, и я люблю тебя также. Исполнишь ли ты мою просьбу? Эта просьба, любезный батюшка, умирающей, твоей дочери. Исполнишь ли ты ее?

– Любезная дочь, скажи только, чего ты желаешь, хотя бы это стоило последнего рубля моего имущества, – одним словом, что бы то ни было, оно будет исполнено непременно.

– Батюшка, я прошу тебя никогда не говорить против Иисуса Назарянина.

Я онемел от удивления.

– Я мало знаю, – продолжала умирающая девица, – очень мало знаю об Иисусе Христе, потому что мне никто не говорил о Нем; но знаю, однако, что Он Спаситель, потому что открыл мне Себя таковым во время моей болезни; открыл Себя Спасителем души моей. Я верю, что Он спасет меня, хотя я прежде никогда не любила Его. Я чувствую, что иду к Нему и всегда буду с Ним. Итак, любезный батюшка, не отвергни моей просьбы; я умоляю тебя никогда не говорить против Иисуса Христа. Еще прошу тебя: достань книгу Нового Завета, которая говорит о Нем, и старайся познать Его, и когда уже меня не будет, то любовью, которую ты питал ко мне, возлюби Его.

Напряжение, с которым она это говорила, изнурило слабые силы ее. Она умолкла. Я в тяжкой горести моей не мог и плакать. Я вышел от нее и не успел придти в себя, как дух любимой мной дочери воспарил уже к Создателю, Которого она едва знала, но уже любила и чтила всем сердцем. Первое, что я сделал по предании земле праха моей дорогой дочери, было приобретение Святого Евангелия. Я стал читать его и, просвещаемый Духом Святым, сопричислился к смиренным поклонникам отвергаемого некогда мною Спасителя Иисуса.

55. Спасительная сила Христовых Таин

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Дивлюсь величию и животворности Божественных Таин: старушка, харкавшая кровью и обессилевшая совершенно, ничего не евшая, от причастия Святых Таин, мною преподанных, в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после причастия Святых Таин, в тот же день, начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тем как она была уже в беспамятстве, металась сильно и ничего не ела, не пила. Слава Животворящим и Страшным Твоим Таинам, Господи!

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

56. Помощь Богоматери

Из «Книги для чтения» Радонежского

На краю одного большого города (в Италии) стояла бедная лачужка. В ней жила старушка с дочерью. Пропитание доставляли они себе шитьем. С утра до ночи трудились; все-таки им приходилось нередко голодать. Старушка терпеливо переносила свою участь, дочка же часто роптала и жаловалась.

– Не кручинься, не плачь, моя дорогая! Лучше помолись Владычице, – утешала свою дочь старушка, набожно крестясь и устремляя взор в передний угол, где висела темная старинная икона с изображением Богоматери.

– Смотри, как благостно и приветно взирает на нас Владычица с божницы, словно с облаков. От Нее ль, Заступницы, не придет к нам помощь?

Однажды в жаркий полдень какой-то путешественник зашел в избушку попросить воды. Случайно взглянув в передний угол, он был поражен иконой. Знаток живописи, в иконе путешественник узнал работу великого мастера.

– Старушка, продай мне икону, тебе за нее я дам сто рублей, – сказал незнакомый гость.

– Господин! Я бедна, но душой не торгую и ни за какую цену не продам святое благословение своих родителей.

Путешественник ушел.

Скоро разнеслась по городу молва о драгоценной иконе. Посетители во множестве стали приезжать в лачужку смотреть на редкую икону, и каждый платил за вход небольшие деньги.

С тех пор старушка с дочкой жили безбедно. Так чудно и прекрасно оправдалась твердая вера в помощь Небесной Владычицы.

57. Чудесное исцеление расслабленной

Из «Воскресного чтения»

В Москве у одного графа была дочь, лет четырнадцати или пятнадцати, с давних пор больная и расслабленная. Девушка не могла ни ходить, ни шевелить руками и ногами. Некоторую помощь оказал больной врач, наложив повязки на все ее сочленения; эти повязки дали девице возможность хоть немного владеть руками. В таком параличном состоянии больная находилась до последнего времени. Однажды в то время, когда вся семья обедала внизу, в комнате больной, наверху, раздался пронзительный крик. Отец бросился туда и увидел следующую сцену: его расслабленная дочь стояла на полу, около кровати, и быстро срывала с себя покрывающие ее повязки. Отец хотел уложить ее в постель, думая, что она находится в болезненном припадке.

– Нет, нет, папа! – вскричала девушка. – Оставь меня. Разве ты не видишь, что я совсем здорова? Лучше помоги мне снять все эти противные повязки.

Изумлению отца и всей семьи не было границ. Больная, час тому назад не имевшая возможности подняться с кровати без посторонней помощи, теперь ходила и действовала, как совершенно здоровый человек.

От старушки няни, безотлучно находившейся при больной, узнали следующее. Во время обеда всей семьи больная по обыкновению лежала, и глаза ее были устремлены в передний угол комнаты, где в числе других висел старинный родовой образ Божией Матери.

– Няня, – сказала больная, – что это образ у нас такой темный? Надо бы его почистить.

– А вот, родная, к Светлому Празднику и почистим, – отвечала старушка.

– Няня, милая, давай теперь вычистим ризу, мне будет веселее молиться. Чтобы утешить больную, няня сняла образ.

– Няня, ты помоешь ризу, а я буду вытирать ее.

– Хорошо, голубушка.

– А дай-ка мне посмотреть икону, няня! – проговорила затем больная.

И едва взяла в руки икону, как быстро поднялась с постели, поставила икону на столик и, перекрестившись, вскрикнула неестественно громким голосом:

– Няня! Я здорова!..

58. Молитва к Божией Матери

Ю.Жадовской
Мира Заступница, Матерь всепетая,
Я пред Тобою с мольбой:
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты благодатью покрой.
Если постигнут меня испытания,
Скорби, утраты, враги, –
В трудный час жизни, в минуты страдания
Ты мне, молю, помоги.
Радость духовную, жажду спасения
В сердце мое положи;
В Царство Небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи.

59. Будь тверд в молитве

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Приступая молиться Царице Богородице, прежде молитвы будь твердо уверен, что не уйдешь от Нее, не получивши милости. Так мыслить и так быть уверенным относительно Нее – достойно и праведно. Она – Всемилостивая Матерь Всемилостивого Бога Слова, и о Ее милостях, неисчетно великих и бесчисленных, возглашают все века и все Церкви христианские; Она точно есть бездна благостыни и щедрот, как говорится о ней в каноне Одигитрии[37] (песнь 5, ст. 1). Потому приступить к Ней в молитве без такой уверенности было бы неразумно и дерзко, а сомнением оскорблялась бы благость Ее, как оскорбляется благость Божия, когда приступают в молитве к Богу и не надеются получить от Него просимое. Как спешат за милостью к какому-либо высокому и богатому человеку, милости коего все знают, который милость свою доказал многочисленными опытами? Обыкновенно с самой покойной уверенностью и надеждой получить от него, чего желают. Так надо и в молитве не сомневаться и не малодушествовать.

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

60. Любовь к людям прогоняет скуку жизни (сказка)

Свящ. Г.Петрова

Есть старинная немецкая сказка, как высоко-высоко на горе, за облаками, жил великан. У него была дочь, также великанша. Тоскливо ей было. Соседей-великанов было немного, виделись часто. Лица все примелькались, наскучили; речи давно были все переговорены, опротивели. Не знала, что делать, великанша. Пробовала было рядиться, музыкой занималась, рисовала – ничего не веселило, не трогало сердце, не занимало. Душа оставалась пуста и холодна. Видела она у себя под ногами, далеко внизу, в долинах, как там копошились люди; случалось, иногда подолгу сверху наблюдала их жизнь, но не понимала смысла их действий и движений, и это притупляло интерес: шевелится муравейник, ползают взад и вперед муравьи, а толку как будто не видится никакого. И это не развлекало: скучно было у себя, наверху; скучно внизу, у людей. Скучно шла вся жизнь. Томилась душа. Но вот заприметила она однажды ясным днем, как у самых ног ее по уступам карабкался куда-то человечек и как с ним стряслась беда. Сорвалась с кручи снеговая лавина и засыпала бедняка. Подошла великанша, разрыла груду снега, достала человека, положила за пазуху и отогрела его на груди у сердца. Ожил человечек. Тогда она поднесла его ближе, наклонилась к нему ухом, и он благодарил великаншу за спасение и рассказал ей, зачем он попал на утесы: у него была дома больная жена и крошки-дети, а хлеба ни куска, и он пошел на охоту за козами в горы.

С интересом слушала великанша человека и просила ей рассказать еще про жизнь внизу, в долине. Человек говорил ей о своих горестях, нуждах и радостях, и великанша боялась проронить слово. Никогда в детстве нянюшки не рассказывали ей таких интересных волшебных сказок, никогда у отца она не читала таких занимательных книг, как теперь ей рассказывал человечек. Жизнь этих мелких людишек оказалась увлекательнее всех сказок и повестей.

Полюбила она человечка, и потеплело у нее на душе. Захотелось ей помочь ему и его братьям. Стала вникать в их скорби и нужды. Явился интерес, тоска миновала. Целые дни собирала великанша травы и варила из них людям лекарства; смотрела, не сползала ли где-нибудь лавина на людские селенья, не грозила ли на них обрушиться скала, отводила их своей сильной рукой.

Люди благословляли великаншу, а она благословляла час, когда

судьба тесно сблизила ее с людьми. Сердце ее теперь всегда было полно радости и счастья.

61. На труд!

Омулевского
Светает, товарищ!
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край!
Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали
Ночью и днем!
Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет,
Не бойся, что дум наших
Мир не поймет.
Работай с любовью
На ниве людей,
Да сей только добрые
Мысли на ней!

62. Русская княжна – друг арестантов

Свящ. Г.Петрова

– Я в молодости была девушкой порывистой, – говорит о себе одна русская княжна. – Меня не удовлетворяла пустая, чопорно-холодная светская жизнь. Мне хотелось какого-нибудь подвига. Я долго думала, искала дела; наконец нашла. Я решила идти в тюрьмы, к арестантам, к тем несчастным, которые были приговорены уже к ссылке в Сибирь, на каторгу. Мне было их жаль до глубины души. Человеческое правосудие их покарало. Они нашли себе возмездие за сделанное ими зло; но они не встретили сострадательной милости, любовной жалости к их тяжкой, хотя и заслуженной доле. Мне хотелось идти к ним, за их железные решетки внести хоть одно слабое слово любви, ласки, привета. Мне говорили, что это безумие, что идти к каторжникам – почти то же, что в клетку к диким зверям, что я обрекаю себя на грубые оскорбления, что там словом любви и правды ничего нельзя поделать. Я настаивала на своем, добилась разрешения – и не раскаялась. Отлично помню первое мое посещение. Тюремный смотритель согнал всех арестантов. Большая комната была полна ими. Почти все были в цепях. Лица были мрачные, глаза смотрели как-то зловеще, исподлобья. Мне стало невольно жутко, но я сейчас же превозмогла себя и спросила:

– Все ли они сами пожелали придти сюда?

Смотритель улыбнулся:

– Мы их не спрашивали о желании. Им было приказано.

Я попросила впредь никого не принуждать, а теперь предложила остаться только желающим, остальным предоставила право идти в свои камеры. Человек сорок-пятьдесят, почти половина, звеня кандалами, вышли.

Подле меня стояли смотритель тюрьмы и два стражника с револьверами. Мне это казалось излишним. Было дико идти к людям говорить им о том, что веришь в их сохранившуюся еще человечность, и держать наготове револьверы. Я попросила оставить меня одну.

– Этого нельзя, – сказал смотритель, – вы не знаете, княжна, кто тут перед вами.

– Тут люди, – сказала я, – и я им доверяюсь вполне. Я прошу вас оставить меня здесь без охраны.

Смотритель вышел. Лица арестантов просветлели, потеряли жестокость, стали приветливее, мягче. Я прочла им евангельский рассказ,

как Христос ходил к грешникам и мытарям, прочла притчу о блудном сыне и немного поговорила от себя. Сказала, что для них не все еще потеряно, что разбойник покаялся на кресте, что расслабленный встал на ноги после тридцати восьми лет. Слушали прекрасно. Под конец благодарили. Просили приходить еще.

На третий раз были уже все арестанты. Впоследствии я узнала, что смотритель тюрьмы моими посещениями пользовался даже в целях карательных. Провинившихся не пускал ко мне на чтения.

Спустя три месяца арестантов стало не узнать: сделались тише, не было прежних постоянных буйств и ссор. Видимо, у многих началась серьезная внутренняя работа.

– Эх, княжна-матушка, солнышко ты наше, – сказал раз какой-то с бритой головой каторжник, – если мы бы раньше слыхали, что ты нам теперь читаешь и говоришь, может быть, мы бы здесь и не были совсем. Спаси тебя Христос! Через тебя многие и здесь, в тюрьме, свет увидели. Теперь легче на каторгу идти. Главное, злобы нет больше, сердце растаяло. Пошли тебе, Господи, чего ты у Него просишь!

Так я проработала среди арестантов несколько лет и всегда с любовью вспоминаю эти годы. Я шла в тюрьму на подвиг, ждала тяжелой борьбы с закоренелой злобой озверелых людей – и нашла одно удовольствие, радость, отраду. Арестанты встречали меня, молодую девушку, как сестру, как мать; несли мне свои горести, просили совета, жадно ловили каждое мое ласковое слово. Тюремное начальство меня в шутку прозвало укротительницей зверей. И действительно, арестанты меня слушались, как никого. Однажды в тюрьме вышла грустная история. За какую-то провинность арестантов им в приемный день не разрешили видеть жен. Арестанты подняли бунт, выломали нары и досками стали выбивать двери. Тюремный смотритель потребовал солдат. В эту минуту как раз я вошла в тюремный коридор.

– Что, – говорю, – за шум? В чем дело?

– Ах, княжна, не в пору вы пришли. Арестанты совсем с ума сошли, двери ломают, бунт учинили.

– Как же тогда вы говорите: не в пору? Именно, вовремя пришла. Их надо успокоить. Пустите меня к ним в общую камеру.

– К ним? В камеру? Господь с вами, княжна. Да они вас и всех нас разорвут на клочки.

– Не бойтесь, все будут целы, и они успокоятся, избегнут суровой кары. Надо беречь и без того уже тяжко наказанных людей. Дайте мне ключ.

Смотритель послушно дал ключ. Я подошла к тяжелой, обитой железом двери. Из-за нее неслись дикие крики и треск ломаемых досок. Стекло в узеньком окошечке было разбито. Я крикнула в него:

– Тише! Это что такое?

За дверями шум смолк. Послышались возгласы:

– Княжна! Братцы, княжна пришла!

Я отворила дверь и смело вошла в камеру буянов. Толпа почтительно отступила. Затем мы мирно пробеседовали около часа, и все было улажено. Бунт прекратился.

Все это меня окончательно убедило, что добрым словом, любовной лаской и приветом можно смягчить самое грубое сердце. Мне после моих тюремных друзей люди теперь представляются в виде градусника. На улице лютая стужа – в градуснике за окном трубочка пуста, вся ртуть от холода сжалась, ее не видать. Но стоит только подойти к шарику, дохнуть на него или взять его в руки, и наша теплота сейчас отзовется на ртути. Ртуть из шарика выйдет, станет подниматься вверх. С людьми бывает то же самое. Много холода у нас в отношении друг к другу. Немудрено, что иной одинокий, бесприютный бедняк и совсем закостенеет душой, залютеет, станет зверем. У него все доброе уйдет куда-то глубоко внутрь и там сожмется в комок. Подойдите же к нему с любовью, попробуйте на него дохнуть сердечной лаской, пригреть его у своего сердца – сейчас увидите, как он начнет таять, как в нем самом любовь ртутью быстро пойдет вверх.

63. Правда

А.Круглова
Я есмь путь и истина и жизнь
(Ин. 14:6)
«Где правда? В чем?» Кто нам ответит?
«Где свет?» Не праздный ли вопрос?
Одна нам правда в мире светит,
Ее на землю Бог принес.
Его ученье – слово света,
Все ложь, что вне Его завета,
И все то правда, что Христос.

64. Пословицы о милостыне

Милостыня – сухари на дальнюю дорогу.

Приготовь домашним пищу, а потом подай и нищу.

Просит убогий, а подашь Богу.

Милостыня пред Богом оправдает.

Пост приводит ко вратам рая, а милостыня отверзает их.

Подавая милостыню в окно, отворачивайся и молись иконам (не гляди, кому подаешь). Подай, Господи, пищу на братию нищу!

Дай Бог подать, не дай Бог брать!

Дающего рука не оскудеет.

65. Пословицы о жизни

Все по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?
Жить – Богу служить.
Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда.
Отвяжись, худая жизнь; привяжись, хорошая!
Будьте живы и Богу милы.
Жизнь дана на добрые дела.
Божья тварь Богу и работает.

66. Пословицы о труде

Бог тому подает, кто рано встает.
Не торопись, сперва Богу помолись.
Кто перекрестясь работает, тому Бог в помочь!
С Бога начинай и Господом кончай.
Бог труды любит.
На Бога уповай, а без дела не бывай.
Без дела жить – только небо коптить.
Скучен день до вечера, когда делать нечего.
Делу – день, веселью – час.
Ты от дела на шаг, а оно от тебя на десять.
Сам будешь плох, так не подаст и Бог.
Дал Бог руки, а веревки сам вей.
Трудовая копейка два века живет.
Доброе начало – половина дела.
Лучший отдых – перемена занятий.
С молитвой в устах, с работой в руках.
Сей, рассевай, да на небо взирай.
Что худо, того бегай; что добро, тому следуй.
Боже, поможи, но и сам ты не лежи.

67. Пословицы о терпении

Христос терпел, да и нам велел.
Не потерпев – не спасешься.
За терпенье Бог даст спасенье.
На этом свете помучимся, на том порадуемся.
В беде не унывай, а на Бога уповай.
В печали не унывай, в радости не ослабевай.
Здесь радость не вечна и печаль не бесконечна.
Бог по силе крест налагает.
Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст.
Бедность учит, а счастье портит.
Кто малым доволен, тот у Бога не забыт.

68. Пословицы об отношении к людям

Где любовь, там и Бог, там тишь, да гладь, да Божья благодать.
В простых сердцах Сам Бог почивает.
Смиренье – девушке (и молодцу) ожерелье.
Гордым Бог противится, смиренным дает благодать.
Диавол гордился, да с неба свалился.
Не бойся никого, кроме Бога одного.
Делай добро и никого не бойся.
Сей добро, посыпай добром, жни добро, оделяй добром.
Доброму Бог помогает.
Час в добре пробудешь, все горе забудешь.
Торопись делать добро: не равно не успеешь.
Доброе дело на два века: на тот и на этот.
За неблагодарных Бог благодарит.
Человек не для себя родится.
Дай, Боже, меж людьми быть побольше любви!
Торгуй правдою: больше барыша будет.
Другу дружи, а недругу не вреди.
Дружбу помни, а зло забывай.
Своего спасиба не жалей, а на чужое не напрашивайся.
Денежка чужая твой рубль сожжет.
Неправедное собранье – прах.
Честный человек дороже каменного моста.
Не обижай голяка: у голяка такая же душа.
Бедного обижать – себе добра не желать.
Из-за сирот и солнце сияет.
Бойся не богатого грозы, бойся убогого слезы.
Чужой бедой сыт не будешь.
Не сбывай с рук постылого, отберет Бог милого.

69. Надпись в Евангелие

Константин Романов
Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,
Пусть в ваше сердце вливаются –
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

70. Сара Мартин – друг заключенных в тюрьме

По журналу «Юный читатель»

Как часто многие говорят следующую обычную и всем знакомую фразу, когда к ним обращаются за содействием в добром деле: «Если бы у меня было больше времени и денег, то я сделал бы многое». Такого рода слова являются только фразой, которой прикрывают лень, равнодушие или отсутствие любви к людям. Примером того, что можно сделать, не имея особо свободного времени и денег, но лишь доброе, отзывчивое сердце и стремление принести пользу ближним, может служить Сара Мартин, англичанка, жившая в начале XIX века.

Сара Мартин родилась в 1791 году в Кестере, в графстве Норфолк. Рано потеряв родителей, она жила с бабушкой и занималась шитьем. Ремесло портнихи приносило ей небольшую сумму денег, которые она присоединяла к средствам бабушки, имевшей около 100 рублей ежегодного дохода.

Кроткая, добрая, отзывчивая Сара нередко, сидя за работой и напевая грустную песню, задумывалась над участью преступников, заключенных в тюрьме. Она сожалела о несчастных и не знала, как помочь им. Мысль о посещении тюрьмы неотступно преследовала Сару, но боязнь злословия не допускала ее осуществить свои мечты на деле. После нескольких лет колебаний и сомнений она воспользовалась наконец одним случаем и на 28-м году своей жизни отправилась в тюрьму.

В 1819 году была арестована женщина, обвиненная в жестоком обращении со своим ребенком. Это событие, взволновавшее весь город, особенно сильно повлияло на Сару, которая решила исполнить свое заветное желание, несмотря ни на какие препятствия. Не желая слышать замечаний, направленных к тому, чтобы удержать ее от намерения, и советов окружающих, она никому не сообщила о своем решении посетить заключенную. Неоднократные просьбы Сары о допущении ее в тюрьму доставили ей наконец возможность видеть арестантку, которая обошлась с ней очень грубо и с насмешкой осведомилась о цели ее посещения. Застенчивая и робкая швея взглянула на несчастную с чувством глубокого к ней сожаления. Этот взгляд проник в душу преступницы, и она быстро преобразилась, увидев искренность и сочувствие посетительницы. Арестантка горько заплакала и бросилась целовать руки Сары, умоляя простить ее грубость и помочь ей исправиться. Это сердечное раскаяние, пробудившееся в испорченной женщине, послужило еще новым поводом

для начала благотворительной деятельности Мартин в тюрьмах. С этого дня она начала посещать заключенных по воскресеньям и будням в немногие свободные часы от работы. Истинно религиозная и глубоко верующая в силу учения Христова, Сара советовала арестантам уделить ежедневно несколько часов на чтение Евангелия. Некоторые из них возражали, желая узнать цель этого чтения. «Если это полезно мне, – говорила она, – то почему не может быть полезно и вам? Начните, как начала я, и вы увидите пользу, о которой я говорю». Такая кротость и простота объяснений обезоруживали преступников, и они невольно подчинялись советам и желаниям этой женщины. Ее сердечность привлекала всех к ней, благодаря чему она приобрела громадное влияние. Несчастные и испорченные люди понимали безграничную любовь к ним Сары.

Сознавая необходимость религиозного и нравственного развития для преступников, Мартин читала им назидательные рассказы, которые составляла сама применительно к пониманию своих слушателей. Преступники со вниманием слушали поучительные повествования своей покровительницы. Голос Сары производил на этих отверженных людей магическое (волшебное) действие; при первом слове, которое она произносила, все смолкало и все взгляды были обращены на нее.

Рядом с заботами о нравственном возрождении несчастных Мартин заботилась и о их просвещении: она учила их читать и писать.

Занятия для арестантов представляли для Сары особенно серьезную заботу; она понимала вред праздности, которая вызывает дурные мысли и ведет к порокам. Будучи швеей по профессии, Сара выучила арестантов шить детские платья, которые продавались, и вырученные деньги, за исключением расходов на материал, шли в пользу арестантов при выходе их из тюрьмы. Для многих эти сбережения были средством для исправления и началом честной трудовой жизни. Вместе с доставлением работ преступникам в тюрьме Сара имела в виду приучить их к труду и выучить ремеслам, которые дали бы им самостоятельный заработок после отбытия ими срока наказания. Многих, у кого не было сбережений, она снабжала деньгами, товаром для ведения торговли или инструментами для ремесленного производства; некоторым из них Мартин сама приискивала места, зная, что позор, наложенный на них пребыванием в тюрьме, лишает их возможности честно трудиться и снова влечет на порочный путь. Не жалея ни времени, ни труда, Сара ходила по городу и просила принять выпущенных из тюрьмы, в виде пробы, на места, занимаемые ими до заключения.

Таким образом Мартин заботилась о заключенных, поселяя в них надежду на лучшее будущее. Каждого она старалась утешить, успокоить и пробудить силу и бодрость духа. Страдания несчастных были ее страданиями, их радости – ее радостями.

В 1828 году, после смерти бабушки, Сара, получив около 100 рублей ежегодного дохода, оставила ремесло портнихи, всецело посвятив свою жизнь на пользу ближних. Но этих средств было недостаточно для ее содержания, почему она иногда сильно нуждалась. Городские жители нередко присылали ей деньги и вещи, но она все употребляла для своих питомцев.

В 1843 году 17 апреля Сара заболела и 15 октября того же года скончалась.

Самоотвержение и благотворная деятельность бедной швеи в пользу заключенных оставили о ней постоянную благодарную память среди жителей ее родного города.

71. Напоминание

А.Круглова
Несчастного от твоего порога
Не отгоняй,
И у тебя просящим ради Бога
Всегда подай!
От Бога все, что человек имеет...
Завет ему:
«Дающего рука не оскудеет».
И – верь сему!

72. Мелочи

По книге «Бережливость» С.Смайльса

I

Пренебрежение мелочами составляет скалу, о которую разбивается большинство людей. Вся человеческая жизнь составляет не что иное, как ряд незначительных происшествий, каждое из которых, взятое в отдельности, неважно, но, тем не менее, счастье каждого человека в значительной степени зависит от этих мелочей. Характер человека также складывается из мелочей, когда на них обращается должное внимание. Успех человека в делах вполне зависит от его внимания к мелочам.

Увеличение знаний и опытности есть не что иное, как результат самых малых частиц знания и опыта, тщательно собранных в одно целое. Люди, которые ничего не скапливают в течение своей жизни, терпят во всем неудачу – именно потому, что пренебрегают *мелочами*. Сколько бы они ни говорили, что «целый свет идет против них», но единственными врагами являются они же сами. Долго существовало поверье в «удачу», в «авось», но, как и всякое народное поверье, оно наконец исчезло. Теперь более распространено то мнение, что трудолюбие есть мать возможного на земле счастья, или, другими словами, счастье человека соответственно его усилиям, его прилежанию, его вниманию к мелочам. Ленивый, небрежный, распущенный человек ни в чем не найдет удачи.

Удача, так выразился один американский писатель, всегда ожидает, чтобы обстоятельства сложились в ее пользу, а труд, обладая проницательным взором, сильного волей, всегда сам приготовляет для своего дела такие обстоятельства, какие нужно. Удача любит лежать в постели и рассчитывать, как бы это было хорошо, если бы сейчас явился почтальон с известием о каком-нибудь неожиданном наследстве; труд поднимается с рассветом и старательно действует пером или молотком, сам закладывает прочное основание достатку. Удача полагается на случайность; труд на характер. Удача незаметно понижает человека до самоугождения; труд возвышает человека и ведет его к независимости.

II

В домашнем хозяйстве существует много мелочей, внимание к которым необходимо для здоровья и спокойствия. Чистота предлагает собой внимание ко множеству кажущихся пустяков – например, чтобы был вытерт пол, сметена пыль с кресел, вытерты дочиста чашки. Общим же результатом этого является целая атмосфера нравственного и

физического[38] благосостояния, условия, благоприятные для высшего развития человеческого характера. Иному покажется безделицей, каков воздух в доме: воздух нам не виден, да и многие ли что-нибудь о нем знают? Однако ж если мы не позаботимся, чтобы был правильный приток чистого воздуха в наши жилища, то неизбежно пострадаем за свою небрежность. Казалось бы, невелика важность, если кое-где видно несколько пятен грязи, невелика важность, если дверь или окно постоянно затворены; но из-за этого могут произойти болезни, которыми расстроена будет целая жизнь, и потому даже небольшое количество грязи и дурного воздуха на практике составляет дело крайне серьезное. Все домашние распорядки, взятые сами по себе, – пустяки, но такие пустяки, из которых могут произойти важные последствия.

Булавка – очень ничтожная вещь в одежде, но характер человека нередко выказывается и в том, каким образом булавка воткнута в его платье. Некто, человек тонкий и наблюдательный, искал себе жену и для этого посещал знакомое семейство. Однажды в комнату, в которой он сидел, вошла одна из дочерей главы семейства, красивая девушка, с не застегнутым платьем, с неопрятными волосами. Посетитель после этого раза не бывал здесь более никогда; между тем это был человек умный и впоследствии сделался хорошим мужем. Он судил о женщинах, как и о мужчинах, по мелочам, и он был прав.

Пренебрежение к мелочам пошатнуло не одно хорошее состояние, испортило самые лучшие предприятия. Корабль, нагруженный богатствами купца, погиб потому, что при отплытии его не замечено было маленького отверстия в дне. По неимению гвоздя потеряна была подкова адъютанта действующей армии; не было подковы, пала и сама лошадь; из-за павшей лошади погиб и сам адъютант, так как неприятель захватил и убил его; со смертью хорошего офицера погибла армия его генерала; все эти несчастья, в конце концов, произошли потому только, что ничтожный гвоздь не был как следует прикреплен к лошадиной подкове. «Сойдет!» – вот обычное выражение людей, которые пренебрегают мелочами. Это слово испортило не одно состояние, было причиной гибели многих кораблей, пожара многих домов и безвозвратно разрушило тысячи радужных проектов (предложений) добра человечеству. Слова «сойдет!», «авось», «небось» и «как-нибудь!» означают, что человек правильно поступать перестал, означают нечистоту дела, неудачу и гибель. Стремиться должно не к тому, чтобы дело *как-нибудь* было сделано, но чтобы было сделано *самым лучшим образом*. Если раз человек усвоил себе правило делать «как-нибудь» и «авось», то это значит, что он предался

врагу добра, что перешел на сторону людей неспособных, дурных, и мы от него отступаемся как от человека безнадежного.

III

Один французский писатель (Сэй) рассказывает следующий пример пренебрежения к мелочам. На сельской ферме (усадьбе) постоянно раскрывались, по неимению задвижки, ворота от загородки, в которой содержались скот и куры. Расход в 10 копеек, несколько минут времени – и все было бы поправлено. Дверь распахивалась каждый раз, когда кто-нибудь проходил; тотчас запереть дверь было нельзя, потому немало кур от времени терялось. Раз ускользнула таким образом из изгороди отличная молодая свинья; ее стали разыскивать садовник, стряпуха, молочница – словом, целый дом. Садовник первый увидел свинью; перепрыгивая через канаву, чтобы загородить дорогу свинье, он вывихнул ногу и должен был пролежать в постели недели две. Стряпуха, возвратившись на ферму, увидела, что сгорело белье, которое она развесила перед огнем для просушки, а молочница впопыхах забыла привязать коров, и одна из них перешибла ногу жеребенку, который случайно содержался в том же самом сарае. Сожженное белье и потерянный труд садовника стоили не меньше 35 рублей, а жеребенок стоил почти вдвое более этого: таким образом, здесь в течение нескольких минут утратилась большая сумма денег просто из-за неимения маленькой задвижки, которую можно было поставить за несколько копеек.

Жизнь полна подобных примеров. Если пренебрежение к мелким обстоятельствам вошло в привычку, то недолго дойти до разорения. Богатство создается рукой человека старательного; человек старательный, как мужчина, так и женщина, бывает внимателен как к самым малым предметам, так и к большим. Вещи сами по себе могут казаться ничтожными, незначительными, но внимание к ним столь же необходимо, как и к предметам большой важности.

Возьмем, например, самую мелкую монетку – копейку. Какой, казалось бы, пользы можно ожидать от этого маленького кусочка меди – от одной копейки? Что можно на нее купить? Копейку стоит разве коробочка спичек. Эта монета для иных людей годится разве только, чтобы подавать нищему. А между тем как много людского счастья зависит от разумной траты одной копейки!

Положим, человек работает сильно, зарабатывает себе пропитание; но если он допустит, чтоб маленькие монеты, копейки, составляющие результат этого тяжелого труда, проскальзывали у него сквозь пальцы: то на питье пива, то туда, то сюда, – то выйдет, что его трудовая жизнь

немногим выше житья водовозной клячи. С другой стороны, если тот же работник позаботится сберечь эти ничтожные монетки, будет каждую неделю вносить несколько таких монеток в общество взаимного вспоможения или в страховой капитал, несколько других – в сберегательную кассу, а остальное вверит своей жене, чтобы заботливо приберечь, чтоб устроить у себя дома кой-какие удобства, а также на образование детей, то такой заботливый человек вскоре увидит себя вознагражденным за свою внимательность к мелочам: средства у него увеличатся, дома будет спокойно и удобно, а сам он будет спокоен за будущее.

Все сбережения составляются по мелочам. Из копеек составляется рубль. Сбережена копейка – значит, соберутся и рубли, а сбережение больших сумм доставит средства к удобствам жизни, независимости. Но копейка должна быть нажита честно. Недаром говорится, что трудовой грош лучше выпрошенного рубля. Шотландская пословица говорит: подаренное платье никогда не бывает так красиво, как платье нажитое.

Если человек не умеет беречь свои заработки, то он должен быть готов ко всему. Нужда может нагрянуть на него, как вор ночью. Бережливость имеет магическое (волшебное, необыкновенное) действие: раз начавшись, она обращается в привычку и дает человеку сознание удовлетворения, силы, безопасности. Гроши, отложенные в шкатулку, в сберегательную кассу, служат владельцу порукой за удобство во время болезни, за спокойствие в старости. Человек бережливый имеет при себе щит против нужды, а не умеющий беречь должен знать, что между ним и горькой, жестокой бедностью нет решительно никакой преграды.

Но мужчина, быть может, и склонен беречь деньги, откладывать их на случай болезни или для других целей; однако ж не может выполнять этого, если ему не помогает в этом жена его. *Благоразумная, бережливая, трудолюбивая женщина составляет поистине венец счастья для своего супруга*. Она содействует ему во всех добрых решениях, может обнаружить его лучшие качества путем спокойной, кроткой поддержки; своим примером она в состоянии насадить в нем возвышенные начала, служащие семенем наибольших жизненных добродетелей. *А хорошо прожитая жизнь стоит многих речей, потому что пример гораздо красноречивее слов*: это – поучение в лицах, правила мудрости на деле.

IV

Повседневная жизнь человека служит лучшим пробным камнем и его нравственного, и общественного положения. Возьмем двух рабочих по одному и тому же ремеслу, зарабатывающих одинаковые деньги; как

различны могут быть эти два человека по отношению к их настоящему положению! Один смотрит совершенно свободным человеком, другой рабом. Один живет в уютном домике, другой – в грязной лачуге. На одном всегда надето приличное платье, другой в лохмотьях. У одного дети опрятны, хорошо одеты, ходят в школу; у другого грязны, жалки и нередко валяются в канавах. Один обладает обыкновенными жизненными удобствами, даже многими удовольствиями; у другого мало отрадного: нет ни удовольствий, ни развлечений, ни книг, а между тем заработок обоих одинаков. Что за причина такой разницы?

Вот причина: один умен и предусмотрителен; другой – напротив. Один жертвует собой для пользы своей жены, семьи, домашнего крова; другой не отказывает себе ни в чем, но живет под гнетом дурных привычек. Один – человек трезвый, находит удовольствие в том, чтобы сделать свой дом привлекательным, доставить семье удобство; другой вовсе не заботится ни о доме, ни о семействе, а тратит большую часть своих денег в питейной лавке или трактире; один смотрит вверх, другой вниз. У одного высокая мера удовольствий, у другого низкая. Один любит книги, развивающие его и возвышающие его ум; другой предан пьянству, которое стремится его принизить и оскотоподобить. Один бережет свои деньги; другой их мотает.

– Вот что, товарищ, – сказал последний первому однажды вечером на обратном пути с работы, – скажите-ка мне, как вам удается устраивать свои дела так? Каким образом вы можете содержать и одевать свою семью так, как теперь, да еще сверх того откладывать деньги в сберегательную кассу? Вот я, кажется, добываю столько же, как и вы, да и деток у меня меньше, а ведь едва могу сводить концы с концами...

– Хорошо, я вам скажу, в чем тут секрет: это все только благодаря моей заботливости о сбережении наживаемых копеек.

– Как! И тут вся причина?

– Да, и причина хорошая. Не наберется и из 50 человек один, который бы знал этот секрет. Например, вы не знаете.

– Я? Как это так? Любопытно бы знать.

– Теперь, когда вы спросили мой секрет, я расскажу вам все. Только не обижайтесь, если я буду говорить прямо. *Я ничего не трачу на питье*.

– Ничего? Но это значит, что вы не платите угощением за угощенье, а блюдолизничаете у соседей?

– Никогда. Я пью воду, которая не стоит ничего. Старинная пословица говорит, что за каждым пьяным днем идет горькое похмелье; я стараюсь, чтобы у меня не было дней похмелья, когда болит голова и трясутся руки,

и берегу деньги. Пей воду: не заболеешь и не задолжаешь, да и жена не останется скоро вдовой. А ведь это составляет значительную разницу в наших издержках.

– В том и состоит весь ваш секрет?

– Да: заботьтесь о каждой мелкой монете – вот и все. Я берегу, и потому не терплю нужды, а вы нуждаетесь. Очень просто, не правда ли?

– Просто-то просто; только из этого нет никакого толку.

– А вот такой толк, что вы должны были спросить, почему я живу хорошо и еще откладываю, тогда как вы, при тех же доходах, едва сводите концы с концами. Деньги значат независимость, и они складываются мало-помалу. Сверх того, я да и вы также работаем так много, что мне даже не хочется тратить денег на питье, когда я могу отложить эти трудовые гроши на черный день. В этом все и дело; ведь отрадно подумать, что, какая бы случайность меня ни постигла, мне не будет нужды ни просить, ни идти в рабочий дом. Сбережения делают меня человеком свободным. Человек, который всегда в долгу или без гроша под рукой, немногим лучше раба.

73. О христианском поведении девицы

Сост. по книге «Семья правосл. христианина» свящ. А.Рождественского

Чтобы лучше нарисовать картину поведения девицы-христианки, я представлю сначала живой образец такого поведения из жития святых. Такой образец дает нам празднуемая 22 августа святая мученица девица Евлалия. Святая Евлалия была дочерью благочестивых родителей, живших в Испании, в селении, находящемся близ нынешнего города Барселоны. Родители сильно любили свою дочь за ее кротость, смирение и послушание. Научившись грамоте, святая Евлалия часто читала священные книги, а молитва, можно сказать, была ее пищей: она славословила Господа «во дни и в нощи», по выражению ее жития. Под влиянием непрестанной молитвы и чтения религиозно-нравственных книг у нее в сердце рано зародилось святое намерение посвятить себя девственной жизни. Жила она в особой комнате при доме родителей и тут предавалась молитвенным трудам, читала своим подругам священные книги, объясняла им прочитанное, за что те любили ее, как свою душу. Когда святой Евлалии было 14 лет, началось гонение на христиан со стороны римского императора Диоклетиана. По приказанию императора в город Барселону прибыл игемон (т. е. начальник) Дикиан: он разыскивал христиан, заставлял их приносить жертвы идолам, а тех, кто отказывался, подвергал страшным мучениям и казнил. Узнавши об этом, святая Евлалия решила идти в город. Увидевши игемона, сидевшего на городской площади, она смело подошла к нему и сказала:

– Судья неправедный! Вот ты сидишь на высоком престоле и не боишься Бога, Который выше всех. Затем ли ты сидишь здесь, чтобы губить невинных людей, созданных по образу и подобию Божию? Люди должны служить одному истинному Богу, ты же принуждаешь их служить сатане, а непокорных подвергаешь смертной казни.

Удивленный игемон спросил святую деву: кто она и откуда?

– Я Евлалия, раба Господа Иисуса Христа, Который есть Царь царей и Господь господей; на Него уповая, я не убоялась придти сюда и обличить тебя, – ответила Евлалия.

Разгневанный игемон приказал обнажить ее и жестоко бить палками по спине. При этом он издевался над святой страдалицей, поносил христианского Бога, советовал ей раскаяться и просить прощения; а юная дева говорила мучителю:

– Знай, жестокий мучитель, что я не ощущаю болезни от налагаемых тобой мне ран, потому что меня защищает мой Владыка Христос, Который в страшный день суда осудит тебя на вечные муки.

Озлобленный игемон повелел тогда повесить святую Евлалию на дереве и строгать ее тело железными гребнями. Но этого мало было жестокому мучителю: он приказал зажечь свечи и опалять ими тело святой девы до тех пор, пока она не умрет. А святая отроковица, как бы не чувствуя страданий, так молилась: «Господи Иисусе Христе! Услыши молитву мою, соверши милосердие Твое и упокой меня с избранными Твоими в Царстве Твоем». Сказавши эти слова, она скончалась. Народ, присутствовавший при этом, видел белую, как снег, голубицу, которая вылетела из уст святой мученицы и воспарила к небу. На третий день по кончине святой страдалицы тело ее было тайно взято с площади и с честью предано погребению.

Вот высокий образец христианского поведения девицы, которому должны подражать по мере своих сил и современные девицы. *Из жития святой Евлалии мы видели, что молитва была ее непрестанным занятием*, она славословила Господа «во дни и нощи». Молитва дома и в храме, в начале и конце каждого дела должна быть отличительной чертой поведения и каждой христианской девицы. Она должна углубить в сердце своем твердую веру в Бога и детскую преданность премудрому водительству, должна всегда памятовать, что в мире ничего не совершается без воли Божией, и быть готовой на все, что бы ни послал ей Господь в жизни. При таком только настроении девица смело может вступать на жизненный путь, который, кстати сказать, бывает усеян больше шипами, чем розами, – при таком только настроении она бодро может нести на своих раменах жизненное бремя, налагаемое на нее долгом жены и матери: она не упадет духом, не опустит в отчаянии руки, какой бы тяжелый крест ни выпал на ее долю, а с глубоким смирением и покорностью донесет его до самой могилы. При этом не могу обойти молчанием следующего обстоятельства. У некоторых девиц рождается иногда желание посвятить себя девственной жизни, поступить в монастырь. Такое желание само по себе свято, чисто, высоко, похвально, но, прежде чем приводить его в исполнение, надо остерегаться сделать ошибку, надо строго проверить его, обсудить его получше, взвесить при этом все обстоятельства, соразмерить свои силы с условиями суровой монастырской жизни. Лучше не решаться на этот великий шаг, чем, решившись, изменять его потом, плакать и скорбеть о мирской жизни. Самое лучшее в подобном случае – обратиться за советом к опытному

старцу или духовному лицу: они наставят, как поступить, что сделать. Во всяком же случае надо всегда усердно просить Господа, чтобы Он Сам указал жизненный путь, так как Ему одному известно наше сердце и что в нем сокрыто.

К родителям своим христианская девица, по примеру святой Евлалии, должна питать уважение, любовь, должна быть покорной, послушной им во всем. К сожалению, нередко приходится видеть и слышать, что некоторые девицы не только не слушают их, но даже держат себя в отношении к ним заносчиво, дерзко, надменно, дозволяют грубые выходки, часто говорят, что они люди отсталые, отжившие свой век, что теперь-де время не то; встречаются даже такие, которые без согласия и благословения родителей выходят замуж. Явление печальное, достойное горького сожаления. Нет, девицы должны всегда уважать и почитать родителей своих, кто бы они ни были; это предохранит их от многих ошибок. Пусть они всегда имеют в виду, что и у них могут быть дети, которые будут относиться к ним так же, как они сами к своим родителям. Непочтительные дети – самое великое горе для родителей. Кто почитает родителей, того и самого почтут его дети, и наоборот.

Христианская девица должна вести трудовую жизнь, избегать праздности, лени. Она должна быть ближайшей помощницей своей матери в ведении хозяйства. Поступая так, она рано научится порядку, хозяйству и вступит в жизнь с полным знанием своего дела: ей не придется учиться тогда, когда надо бывает работать, трудиться, а не учиться. Мы знаем, что многие девицы, вступая в жизнь, горько раскаиваются в том, что в свое время не приучились к труду, к хозяйству. Еще находясь в доме матери, каждая девица должна уметь все сшить, связать, приготовить хоть самое простое кушанье. Рукоделие, помощь матери в хозяйстве, милостыня, странноприимство, уход за младшими братьями и сестрами должны быть ее непрестанными упражнениями.

Христианская девица должна избегать роскоши в нарядах, что составляет общую слабость почти всех девиц. Надо довольствоваться тем, чем наградил Бог, а не придавать себе искусственную красоту. Лучшее украшение девицы и женщины вообще составляет, по апостолу, «не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1Пет. 3:3–4). Смысл слов святого апостола такой: главным предметом забот девицы должна быть не внешность, а «сокровенный сердца человек», т.е. душа, сокрытая в теле, сердце человека. Под «кротким и молчаливым духом» разумеется

самообладание, которое состоит в том, чтобы ни на что не обижаться, никого не обижать, не давать воли языку, не празднословить, не осуждать, вести себя скромно и смиренно. Такое самообладание есть долг всякого христианина, особенно христианки. Ничто так не унижает женщину, как отсутствие кротости и скромности, бранчливость, придирчивость, болтливость, склонность к пустословию, к пересудам.

Наконец, христианская девица должна вести знакомство только с хорошими подругами и избегать дурных знакомств. Мы знаем, что святая Евлалия читала своим подругам священные книги и объясняла прочитанное. Точно так же и теперь девицы-христианки должны в кругу своих подруг избегать лишних разговоров, песен, пляски, гаданья, игры в карты, ряженья. В настоящее время, с развитием просвещения, есть много девиц грамотных, много также и книжек хороших, духовно-нравственных. Значит, девицы могут в свободное время собираться вместе, читать хорошие книги и беседовать по поводу прочитанного: это будет занятием приятным, полезным и угодным Богу. Во многих местах теперь заведены воскресные чтения с туманными картинами. Прекрасно девицам посещать их вместо того, чтобы идти на улицу «водить хороводы», которые далеко не всегда безукоризненны, по суду благочестивых людей.

74. Завещание невесты

Из книги «Доброе слово» прот. Г.Дьяченко

Храмы Божии составляют драгоценное украшение нашей православной Руси. Все эти храмы большей частью возникли из лепты трудовой – на пожертвования, собираемые усердием простых, набожных сердец. Ходят сборщики по деревням, селам, городам,

Ходят в зимушку студеную,
Ходят в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной.

Большая часть крестьян, собирающих на построение храма, служит делу Божию по данному обету.

Один обещался во время тяжкой болезни, если смерти избежит; другой – в благодарность за спасение от явной гибели, при встрече с лютым зверем; третий пошел собирать потому, что паче всего возлюбил благолепие дома Господня и спасение души своей.

При встречах я охотно беседую со сборщиками. Раз, встретивши одного старика-сборщика с образом и книгой, я спросил: откуда он?

– Я, батюшка, дальний – из северного края, от студеного моря – из Архангельской губернии.

– Давно собираешь?

– Первый год. Да уж иду назад, домой.

– Что же Бог дал?

– Слава Христу! Новый храм, богатый, каменный строить будем (старик перекрестился).

– Так скоро?

– Велика благодать Господня.

– Что же, пошел сам или миром избрали?

– Сам, сам, по обещанию, радетель. Был больнешенек: смерть у изголовья стояла, грехов-то бездна... Пошлет Господь облегчение, пойду, подумал я в себе. А храм у нас совсем ветхий, деревянный, во имя угодника святителя Николая. Как встал после болезни, поправился, выправил разрешение на сбор – книжку, помолился Богу и пошел, сам

хорошо не знаю куда.

Пойду, мол, куда поведет святой угодник; но держу путь к Москве. У нас малолюдно, селения редкие. На дороге застала ночь: пришлось ночевать в лесу. Лег я под дерево, образок поставил на сучок, заснул да вижу сон. Святой угодник показывает мне рукой на полдень и говорит: «Иди на Волгу, в Рыбну» (город Рыбинск Ярославской губернии).

Добрался я до Рыбной, где пешком, где на барке, где на пароходе... Нигде не останавливаюсь... Пристал пароход в Рыбной к берегу. На берегу богатейший собор. Я в собор. Навстречу мне от собора идет пожилая женщина, по виду купчиха, и спрашивает:

– Откуда ты?

Я сказал.

– Приди ко мне на дом. Я живу вот там...

И указала на дом возле собора. Я пришел. Дом большой, каменный. Просила меня остаться, отдохнуть и переночевать. На утро расспрашивала меня обо всем, а потом и говорит:

– Вот тебе от меня лепта на построение храма. Начинайте с Богом строить скорее... Тут сорок тысяч.

И подала мне сумку с деньгами. Я повалился в ноги да так и заревел от радости. Она мне сказала, что у нее дочь-невеста недавно померла и завещала отдать свое приданое на построение храма первому сборщику, который встретится матери в сороковой день.

– Сегодня сороковой день по голубушке моей, я шла из церкви, и вот тебя первого встретила...

Когда я рассказал ей про сон, она удивилась, прослезилась, перекрестилась и сказала:

– Чего не хватит, доплачу, стройте храм высокий, пятиглавый, просторный, с приделом во имя святой мученицы Раисы. (Это имя ее дочери покойной). Колокола, утварь и облачение пришлю отсюда, а на освящение храма сама приеду.

Не велела никому говорить о своем пожертвовании и своей фамилии не назвала, так я и не узнал, кто она такая; только просила поминать за упокой девицу Раису да молиться о здравии Серафимы...

Слезы радости не сходили с глаз у сборщика во время рассказа. Я радовался со стариком.

Вырастет-выстроится благодаря старому сборщику и неизвестной благодетельнице в далекой северной стороне новый благолепный, пятиглавый, громкозвонный храм на красу и утешение целого края. Гул святого благовеста далеко будет оглашать окрестность и пробуждать в

душах сладость молитвы... Пройдут десятки, сотни лет, истлеет прах щедрых жертвовательниц и усердного сборщика, но сохранится новосозданный храм. Каждый раз, как на призывный благовест соберутся в церковь поселяне, понесется к Богу молитва о создателях и благотворителях храма сего, и вечно будет жить под сводами этого храма память о возлюбивших благолепие дома Господня – сборщике-крестьянине, набожной невесте, свое приданое завещавшей на святое дело, и о ее благочестивой матери.

75. Сорванная роза

Григорий Дьяченко

Один престарелый отец потерял единственную, нежно любимую дочь: она внезапно умерла; хотя отец и не роптал на Бога, но ему очень тяжко было переносить свою невозвратную потерю.

С глубокой скорбью поселился он в своем маленьком загородном доме, и единственным его удовольствием было то, что он часто ходил в близлежащий прекрасный сад, принадлежавший соседнему богатому владельцу. Тут ежедневно проводил он по нескольку часов, не видя никого, кроме садовника, потому что хозяин сада по большей части проживал в городе.

Безутешный отец с особенным удовольствием любил сидеть подле великолепного розового куста, на котором был только один-единственный цветок; зато как была хороша эта роза!

Садовник, видя, какое удовольствие доставляет горестному отцу эта роза, обещал ему с особенным усердием ухаживать за ней и никому ее не отдавать, чтобы он мог, сколько возможно, наслаждаться ее красотой и запахом; и бедный отец считал розу не иначе, как своей собственностью. Но – увы! В одно время, утром, к удивлению старика, роза исчезла. Ее сорвали.

– Что ты сделал? – сказал он с упреком садовнику. – Не ты ли обещал мне беречь и сохранять цветок?

– Это правда, – отвечал тот грустно, – но что же делать? Господин пожелал сорвать именно ее.

Слова садовника «господин пожелал сорвать ее» занимали печального отца целый день и были утешением в его горести и печали. «Моя дочь, – сказал он сам себе, – была также подобна прекрасному цветку, и я думал, что она принадлежит только мне. К чему же роптать? Ведь она принадлежала Богу, и Господь Бог захотел ее взять к Себе... Господь дал, Господь и взял. Буди имя Господне благословенно отныне и до века».

76. Ожерелье Марии

Свящ. Г.Петрова

Подарил царь любимой дочери Марии ожерелье. Дорогой был подарок. Ожерелье стоило дороже всех сокровищ на земле. Каждая жемчужина в отдельности была редкой красоты, славилась своим блеском по всему миру и была известна под особым именем. Одну жемчужину называли любовью, другую правдой, третью кротостью, четвертую послушанием, пятую лаской, шестую усердием и т. д.

Вырядится, бывало, Мария, украсится ожерельем: жемчуга горят, переливаются – чудо-девочка, загляденье! Смотреть – сердце радуется. Думаешь: если бы все дети да всегда такими были, такие пригожие да радостные, светлые да приветливые!

Не умела только Мария ценить разумно отцовский подарок. По своему детству не могла еще как следует понять ценность ожерелья. Она не только надевала его в важных случаях, а шалила с ним; шутя, забавлялась, бросала без призору. Часто нить обрывалась, жемчужинки рассыпались по полу, с трудом потом находили их. Попортились кое-где жемчужинки; на одной случилась царапина, на другой оказалось пятнышко, потускнело ожерелье.

Пришел праздник великий. Пир был у царя. Вырядили девочку, надели ожерелье на шею. Не блестит ожерелье, не переливаются жемчуга. Увидел отец, опечалился.

– Деточка, милая, что это значит? Отчего нет в ожерелье прежней красоты? Не берегла ты мой подарок, вот и испортился он. Впрочем, пока еще исправить горе можно; царапинки загладим, пятнышки счистим, ожерелью вернем прежний блеск: порча пока еще чуть-чуть тронула жемчужинки. Но если ты и дальше так же небрежно будешь относиться к моему подарку, пропадет он совсем. Вместо царапин будут трещины, пятнышки испещрят все жемчужинки, погубится вся красота.

Детки, вы поняли, конечно, притчу: царь – это Бог, царская дочь – наша душа, жемчужины – наши добродетели, пятна – наши недостатки. На жемчужине, что правдой называется, по нашему недосмотру заводятся ложь, хитрость, лукавство; на любви – зависть, важничанье, гордость; на кротости и послушании – грубость, резкость в словах, резкость и в делах. Так и погибает все ожерелье. Чаще, дети, пересматривайте отдельные жемчужинки: все ли в исправности, нет ли где пятен?

77. Преподобная Макрина как образец для девиц, отказавшихся от брака

По «Воскресному дню»

Преподобная Макрина (см. рассказ 2, глава I), отказавшись от замужества, нашла себе дело: она устремила свою деятельность на попечение о счастье и спокойствии семьи своей. Когда отец ее умер, а у матери после его смерти родился сын Петр, Сам Бог указал ей, что делать. Этого маленького брата она взяла совершенно на свое попечение: она ходила за ним во время его детства, потом выучила читать и занималась его образованием до его юношеского возраста. Но это не мешало ей исполнять и другие домашние дела; не было работы, которую бы она сочла слишком трудной и унизительной для себя; она трудилась, как последняя из служанок, правила домашним хозяйством, утешала вдовицу-мать, наставляла братьев и сестер и была для них второй, нежной и заботливой, матерью. Возвратился из Афин окончивший там курс учения брат ее Василий, и представилось ей, что он несколько гордится своими познаниями. Святая Макрина прямо заметила ему, что получившему высокое образование нужно быть как можно смиреннее и стараться употребить его во славу Божию. Брат принял слова ее к сердцу и изменился. Когда воспитание детей было окончено, братья избрали себе звание, а сестры вышли замуж, то Макрина умолила мать удалиться с ней от мира. И вот поселились они в прекрасном и уединенном месте, близ реки. Недалеко от них было пустынное жилище брата Василия. С Эмилией и Макриной поселились еще несколько благочестивых жен и некоторые служанки их. Они вели жизнь тихую, преданную молитве, все у них было общее, все трудились вместе, изучали Священное Писание и жили в любви и согласии, повинуясь избранной ими начальнице. Достигнув старости, мать Эмилия умерла. Прошло девять лет, умер и брат Василий Великий, краса Православной Церкви. Остался другой брат, Григорий, епископ Нисский. Он долгое время был в изгнании по проискам еретиков-ариан, а когда возвратился в отечество, то первым долгом пожелал повидаться с сестрой своей Макриной. Но он застал ее уже больной. Он вошел в ее келью и увидел ее лежащей на полу, покрытую ветхим рубищем. Она очень обрадовалась, увидев брата, поцеловала его и благодарила Бога за ниспосланное ей утешение. Вспомнили они о брате Василии умершем, и при имени его Григорий не мог удержаться от слез. Макрина имела силу утешать брата и долго говорила с ним о благости Божией, о цели жизни

человека на земле, о блаженной вечности, ожидающей всех любящих Господа. Григорий чувствовал нужду в отдыхе и пошел в сад. Через несколько времени Макрина снова позвала его и новую начала с ним беседу. Полная радости духовной, она припоминала благодеяния, явленные Богом всему их семейству, и славила и благодарила Бога. «Как от некоего источника, текла благодать от уст ее, – говорит Григорий, – и весь ум ее был на небесах. Я с наслаждением слушал ее». Но все это было накануне смерти Макрины. На другой день она имела еще силы для беседы с братом и его окружающими, потом погрузилась в молитву и скончалась. Перед смертью она запечатлела очи и сердце брата крестным знамением, вручила ему в наследство частицу Животворящего Древа и крест, который носила на шее. Казалось, что она заснула, – так тиха и безмятежна была ее смерть; лицо ее сияло небесной радостью и красотой необычайной. Инокини громко рыдали, потому что любили ее, как мать. После ее смерти остались только острая власяница, вся в заплатах ряса и ветхая мантия. Она все раздавала бедным. При великом стечении народа похоронили тело Макрины, так горячо любившей Господа и всю жизнь служившей Ему одному.

Вот образец жизни христианской девицы, отказавшейся от замужества и жившей в семействе. Многие девицы, которым суждено испытывать такую жизнь, в нынешнее время часто скучают, приходят в уныние и говорят: «Что моя за жизнь? Для чего я живу? Кому я нужна? Кому могу быть полезна?» Смотрите на святую Макрину – и увидите, кому вы можете быть полезны. Есть у вас мать, отец? Им будьте полезны, за ними ходите на старости лет их, их старайтесь успокоить. Есть у вас братья и сестры, меньше вас? Для них живите с пользой, им давайте добрые наставления, их учите и молиться, и слово Божие с ними читайте, и в храм Божий с ними ходите, и в храме следите за ними, как они стоят. Святая Макрина не убоялась сделать замечание даже брату Василию, только что блестяще окончившему образование. Смело говорите правду братьям и сестрам, и вы им принесете пользу. У ваших родителей есть какое-нибудь домашнее хозяйство? В хозяйственных делах им помогайте. Ах, как часто дорог бывает в подобных случаях близкий, верный человек, ни за какие деньги нельзя бывает его найти. Будете помогать в хозяйстве, и оно пойдет хорошо и успешно, а это должно утешать и радовать вас. Было бы желание – как не найти дела, как не поставить себе цель жизни, чтобы с пользой для других и для души своей жить? К чему же тут уныние и недовольство жизнью? Цель нашей жизни – это воспитание себя для неба; кто ж вам мешает тут приготовляться к небу? Скажете: тут суета,

беспокойство, волнение, постоянное отвлечение мысли от неба, – но вы употребите усилие и старайтесь все делать в мирном настроении души, постоянно призывая Бога на помощь. Как поступала святая Макрина? Она все делала с молитвой – так и вы. Будете домогаться духа молитвенного – получите: Бог увидит ваше желание все делать с мыслью о Нем и как бы для Него и подаст вам, чего ищете. *Просите, и дастся вам*. А трудиться и молиться вместе – что может быть лучше этого? Сам Господь чрез ангела указал это средство для спасения и отгнания духа уныния преподобному Антонию.

Но вы скажете: скучная такая жизнь – трудиться и молиться. Но это могут сказать такие девицы, которые еще не поставили целью своей жизни искание Царствия Небесного, которые еще привязаны к земному, чего-то ищут на земле. Нельзя вдруг отрешиться и от земного: враг силен, плоть тоже влечет к чувственному, к греховному. Вдруг нельзя, но постепенно отрешаться можно. У одних благодатью Божией это отрешение от всего земного, мирского происходит скоро, но другим нужно побороться с собой. Будете с Божией помощью бороться – и победите себя. Главное – не унывайте в самой борьбе, которая может быть очень и очень продолжительна. Здесь опасность не в том, что вы долго не можете победить себя и приобрести то, что вам хочется, а в том, как бы не оставить самой борьбы. Вот самое опасное состояние, когда скажете: «Нет уж, должно быть, не дождаться мне того времени, когда всем сердцем предамся Господу, должно быть, и не спастись мне, я чувствую, что я на пути к погибели». Избави Бог говорить и мыслить так! Нет, боритесь с собой и не отчаивайтесь: рано или поздно придет победа – и вы всем сердцем отдадитесь Господу. Господь, не хотящий ничьей погибели, спасет и вас.

В нынешнее время многие девицы, скучая жизнью домашней, ищут деятельности себе и вне ее. Что сказать на это? Можно, не грех трудиться с пользой и вне семьи, у кого есть возможность. Но тут много опасностей, и может быть много искушений, увлечений и падений. Выходит девица на поле общественной деятельности. С кем она будет работать? Кто спутники ее жизни? Какого они направления? Каких мыслей? А если придется ей иметь службу среди общества мужчин, да еще свободномыслящих? Как ей нужно быть внимательной и осторожной на каждый час! Как подобные девицы должны усердно молиться Господу, Пречистой Матери Его, чтобы Они сохранили их от всех соблазнов и искушений, в целомудрии и чистоте до конца дней их! Самое лучшее для образованной девицы – быть учительницей в семье или в школе: вот самое лучшее поприще ее, вот где

она с истинной пользой может послужить другим. Но где бы, при каких занятиях ни пришлось работать нашим девицам, отказавшимся от замужества, пожелаем им одного; чтобы они Бога помнили, храм Божий, молитву, слово Божие любили, уставы Церкви строго исполняли, а главное – страх Божий имели, о звании своем христианском никогда не забывали. Будут Бога помнить, Бога бояться, Бога любить, по Его закону жить – везде спасутся, где бы ни судил им Бог проводить жизнь свою.

78. Слепая корзинщица

По «Воскресному чтению» 1865 г.

Елисавета слепа была от рождения. Прекрасный Божий свет был для нее совершенно неизвестен. Она не имела никакого понятия о том, что люди подразумевают, когда говорят о далеком голубом небе, о тучах и блестящем солнечном свете, о свежей весенней зелени и о цветах, или когда говорят: какой прекрасный и веселый этот сад, усеянный разными душистыми цветами!..

Она не могла постигнуть, какую ощущаем мы радость при виде каждой прекрасной краски, которыми Создатель украсил всякий маленький цветочек, пьющий утреннюю росу.

Но зато Отец Небесный, Которому угодно было лишить ее этого чувства, по Своей великой милости усилил все остальные ее чувства. Ее осязание было так чутко, что достаточно было коснуться пальцами какой-нибудь вещи, чтобы почти точно угадать ее форму и употребление. Слух ее был такой острый, что она с удивительной верностью могла различить каждый звук. Всякую певчую птицу она знала по пению, а многих насекомых – по их жужжанию и чириканью.

Нашлись добрые люди, которые выучили Елисавету читать Евангелие, напечатанное собственно для слепых выпуклыми буквами. Трогательно было видеть, как прояснилось ее лицо, когда она, после того как научилась ощупывать буквы, а потом из них составлять слова и фразы, узнала, что это были знакомые слова, которыми люди всегда разговаривают. С горячим чувством принимала она в свое сердце драгоценные истины, которые читала концами своих пальцев. Духу Святому угодно было указать бедной слепой девочке в Законе Божием дела, исполненные чудес; Он открыл слепой духовную жизнь, которую она доселе мало знала: она была теперь богата верой, весела надеждой, терпелива в печали и сделалась наследницей Христовой.

Вскоре после этой благодатной перемены научилась слепая плести корзины и зарабатывать тем себе насущный хлеб. Она была очень довольна своим новым искусством, посредством которого она могла не быть в тягость другим.

Но с прискорбием стала она замечать, что чем способнее делались ее пальцы к плетению корзин, тем неспособнее к чтению Евангелия, потому что от постоянной и довольно грубой работы пальцы ее сделались тверды и жестки, так что она с большим трудом могла различать буквы. Елисавета

находилась в большом затруднении, не зная, что делать, пока в один день, прохаживаясь ощупью в саду возле домика, не наткнулась на точило. Внезапно пришла ей в голову новая мысль: что если бы она могла концы своих пальцев так обточить, чтобы они опять получили свое прежнее нежное осязание? Тогда бы она могла опять читать Благую весть своего Спасителя!

Она решилась попробовать это средство и старательно обчищала с концов своих пальцев твердую кожу до тех пор, пока не заметила, что может опять продолжать чтение пальцами прекрасной истории спасительной любви, описанной в Евангелии.

Такова была, милые дети, Елисавета, слепая корзинщица, веселая и радостная христианка, и снова усердная читательница Евангелия.

79. Роза Гавана, основательница женских общин

По журналу «Детское чтение» за 1901 г.

Роза Гавана родилась на острове Сардиния, в городе Мондове, в 1716 году, в семье бедных мещан. На четырнадцатом году она осталась круглой сиротой, без всяких средств к жизни, и была предоставлена исключительно собственным силам. Взявшись за шитье, она скоро стала настолько искусной мастерицей, что зарабатывала средства на стол и на квартирку.

Проходя по улице, Роза однажды встретила плакавшую девушку. Узнав, что последняя такая же сирота, как и она, и вспомнив свое прошлое, Роза подала ей дружескую руку, привела к себе на квартиру и сказала:

– Живи со мной, спи на моей кровати, пей одну со мной воду, но хлеб ты должна сама себе зарабатывать. *Трудами рук своих ты должна себя кормить и содержать*.

Эти слова сделались правилом всей их жизни.

Приютив одну несчастную и устроив ее, Роза сообразила, что точно так же их может устроиться не две, а много, когда организуется общество сирот и нуждающихся девушек, при условии жить согласно тому правилу, каким руководствуются теперь они вдвоем.

И вот начала она отыскивать сирот. Скоро квартира ее наполнилась так, что ее пришлось увеличить. Но и это помещение скоро оказалось тесным.

Над входной дверью в дом сирот, нанятый на общие средства Розой Гаваной, красовалась надпись: *«Трудами рук своих будешь содержать себя»*.

Городской магистрат[39] обратил внимание на деятельность Розы и ее услуги, оказываемые городу в деле борьбы с нуждой посредством взаимопомощи и труда, и предоставил в распоряжение Розы большой дом за городом. Когда и этот дом переполнился девушками, магистрат дал Розе и другой дом. Тогда Роза сообразила, что надо ввести разнообразие труда, и устроила в одном доме шитье, а в другом доме – тканье и вязанье шерстяных изделий.

Когда Роза сочла дело прочно поставленным в своем городе, она отправилась в Турин. Здесь о ней уже слышали. Она обратилась прямо к губернатору и успела выхлопотать для приюта несколько больших комнат в одном монастыре. Сюда благодаря покровительству губернатора ей

прислали несколько сенников, столов, скамеек. Это была первая помощь Розе в Турине. С тремя подругами, приехавшими с ней в Турин, она принялась за дело, и вскоре приют обратил на себя внимание других властей и горожан.

Однажды мастерскую Розы посетил министр финансов, до которого давно уже дошел слух о замечательной девушке. Оставшись доволен мастерской и работами трудящихся девушек, министр донес королеве, и вскоре по велению последней Роза получила в свое распоряжение громадное здание. Однако и это здание, как улей с рабочими пчелами, вскоре наполнилось труженицами. Король до того заинтересовался делом Розы, что пожелал познакомиться с правилами, которыми руководствуется это оригинальное[40] товарищество. С этого времени Роза приобрела себе прочную и верную опору.

В Турине она устроила две ткацкие фабрики: в одной выделывали сукно для войск, а в другой – шелковые ткани. Триста молодых тружениц имели там возможность работать и приобрели приют, а заработок имели настолько значительный, что откладывали и на черный день. Их связывало единственное правило, красовавшееся в виде надписи над входом каждого здания: *«Трудами рук своих будешь содержать себя»*.

Каждой участнице предоставлялось оставить общину или выйти замуж, когда ей заблагорассудится.

Роза имела единственную цель: поддержать каждую нуждавшуюся девушку и дать ей возможность честно прожить. Иных намерений и целей не было. Потому-то всякая девушка чувствовала себя хорошо, и никому не приходилось ни ломать себя, ни стеснять, ни подчиняться всевозможным параграфам устава, которых вовсе не существовало. Благодаря этому дело Розы Гаваны развилось, разрослось, оказалось жизненным и нашло себе подражателей во всей стране.

По образцу домов, основанных в Мондове и Турине, Роза основала дома трудолюбия во многих выдающихся городах Италии.

80. Дети-благотворители

По журналу «Детское чтение» за 1901 г.

В одной из южных газет была недавно помещена корреспонденция об учреждении в г. Оргееве Бессарабской губернии детского благотворительного кружка, успевшего оказать существенную помощь детям, сиротам бедняков. Такое явление весьма отрадно, и нужно желать, чтобы и в других городах следовали примеру оргеевских детей. Сталкиваясь с нищетой, отдавая свои карманные деньги, предназначенные на лакомства и удовольствия, дети состоятельных классов не будут вырастать самодовольными эгоистами. Правда, ребенок не имеет ничего приобретенного личным трудом, но очень желательно, чтобы он как будущий гражданин и работник с детства пробрел привычку видеть и не забывать о чужой беде и о чужом несчастье.

81. Сострадательная девочка-якутка

По журналу «Детское чтение» за 1901 г.

В Восточной Сибири, в Якутской области господствовала страшная эпидемия оспы. Боясь заразы, здоровые люди бросали больных и уходили от них в другие юрты. Маленькая полудикая якутка, видя брошенных всеми больных, одна подавала им помощь: она готовит им кушанья, кормит их, лечит, как умеет, утешает, между тем как взрослые, родные и близкие этих больных, приносят запасы пищи и ставят их на некотором расстоянии от юрты.

Но вот умирает заезжий торговец. Девочка бежит к юрте взрослых и с плачем передает о случившемся; взрослые делают такое распоряжение: работник должен выкопать подальше от юрты яму, запрячь лошадь, привязать к седлу длинный ремень и ехать к юрте, откуда бедный ребенок должен вынести труп.

Девочка привязала покойника к ремню, работник подвез его, волоча по земле, к могиле, и опять-таки бедной крошке пришлось скатывать покойника в яму.

Оспа не пощадила и эту маленькую героиню Алыксу…

Она была так больна, что не могла зажечь очага, и все ее больные и она были лишены тепла и пищи. В юрте было холодно, как на улице. Последняя вода, которой ребенок утолял мучительную жажду, замерзла, и бедняжка терпела ужасные мучения. Наконец она лишилась чувств и сама не могла после сказать, долго ли была без памяти.

Очнувшись, она была еле жива; ее бедное покрытое струпьями тельце присохло к одежде, и каждое движение приносило невыносимые страдания. Юрта за это время превратилась в дом смерти: все больные умерли, и ребенок оказался среди замерзших страшных трупов. Девочка, собрав последние силы, выползла из юрты и подползла ко двору своих родных. Слушая ее стоны, они наконец сжалились, натопили хлев и разрешили ей вползти туда, где она и находилась до и полного выздоровления.

82. Что говорит человеку лилия?

По «Воскресному чтению»

Я бела, как первый снег – будь и ты чист и светел душой. Расту я открыто и беспритворно – будь и ты откровенен чистосердечен, прост и невинен сердцем. Я всегда обращена к небу и клоню мою головку к солнцу – приклоняй и ты голову на святую молитву, а душой взирай туда, где живет Бог святой и возлюбленный. С неба течет ко мне роса – с неба притечет и к тебе благодать (помощь свыше, милость) Господня, если ты будешь ждать ее, как я жду росы небесной, – утро и вечер. Я делю мой душистый запах и мою нежную влагу со всеми, кто хочет, – разделяй и ты свои дарования, свои труды и все, что имеешь, с братьями-людьми. Я служила образцом для украшения в храме Соломона: служи и ты по своей чистоте и благочестию примером душевной красоты в Церкви Христовой; пусть твои слова, поступки, обращение с людьми будут примером для твоих братий. Смотря на меня, человек, вспоминай о том, как Господь любит Свою Церковь; всей душой, всем сердцем люби и ты своего Господа.

Отдел третий. Из жизни женщин-христианок

1. Любовь к матери

Из «Детского чтения» за 1901 г.

Пятьдесят лет тому назад в захолустье Пермской губернии жила вдова бедного сельского псаломщика. Оставшись после мужа с огромной семьей на руках, она тяжелым физическим трудом воспитала своих детей. На ее горе, дети, достигая возраста, когда могли бы освободить мать от тяжелого труда, умирали. Остался в живых только один сын Ваня. По окончании курса духовной семинарии Иван Первяшин как очень даровитый ученик был переведен в духовную академию, где блистательно закончил свое образование. Молодой академик, очень любивший математику, мечтал сделаться профессором этой науки. Начальство предсказывало ему, что он пойдет далеко.

Старушка-мать давно уже ожидала возвращения сына и заранее гордилась тем, что в том же селе, где отец Вани был псаломщиком, сын его будет священником. К этому же времени случайно освободилось место священника, и мать написала сыну, чтобы он немедленно ехал домой, что уже и невеста для него готова.

Молодой человек не нашел в себе силы бороться со старушкой-матерью, не хотел разбивать ее надежды и решился взять место священника. Приход любит и уважает его. Всякому умеет он вовремя помочь и делом и словом. В свободное время отец Иван занимается математикой, выписывает множество книг и сотрудничает в одном из научных журналов. И вот этот высокообразованный человек, знающий четыре языка и читающий в подлиннике философские сочинения, живет в самой глуши, среди величественной, но мрачной природы Уральских гор. Зимой и осенью, во вьюгу и непогоду, он идет по первому зову к больному, возле которого нередко проводит целые ночи.

2. Прекрасная жена по Соломону

По Библии

Соломон дал нам прекрасный образ добродетельной жены в последней главе Книги притч: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчугов; уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздает ему добром, а не злом, во все дни жизни своей. Добывает шерсть и лен и с охотой работает своими руками. Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и должную работу служанкам своим. Задумает она о поле, и приобретает его; от плодов рук своих насаждает виноградник. Она чувствует, что занятие ее хорошо, и светильник ее не гаснет и ночью. Протягивает руки свои к прялке, и персты ее берутся за веретено. Длань свою она открывает бедному и руку свою подает нуждающемуся. Не боится стужи для семьи своей, потому что семья ее одета в двойные одежды. Она делает себе ковры, виссон и пурпур – одежда ее. Муж ее известен у ворот, когда сидит со старейшинами земли. Крепость и красота – одежда ее, и весело смотрит она на будущее. Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Встают дети и ублажают ее, муж хвалит ее: много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их».

Миловидность обманчива и красота суетна; «но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы. Дайте ей от плода рук ее, и да прославят ее у ворот дела ее» (Притч. 31:30–31). Далее, в Песни песней, мы видим прелестную картину любви чистой деревенской девушки к своему возлюбленному, решительно отвергшей все соблазны богатого сластолюбивого двора ради распускающихся цветов, гранатовых деревьев, виноградных кистей, пения птиц и журчания быстрых горных потоков ее родных лугов.

3. Маргарита Тучкова, впоследствии игумения Мария

По книге «Простая речь о мудреных вещах» проф. М.Погодина

Маргарита Тучкова, урожденная Нарышкина, в 1806 году вышла замуж за генерала Александра Тучкова. Наступил знаменитый 1812 год. Тучков со своим полком стоял в Минской губернии, когда получил приказ двинуться к Смоленску. На этот раз молодой женщине было невозможно сопровождать мужа, и было решено, что она вместе с маленьким сыном и француженкой- гувернанткой проводит полк только до Смоленска и затем вернется к родителям своим в Костромскую губернию. Недалеко от Смоленска, в одной деревушке, полк был остановлен на ночевку. Генералу с его семейством была отведена небольшая избушка. Будучи крайне утомлена долгой и трудной дорогой, г-жа Тучкова вскоре заснула и увидела сон. Ей снилось, что над ее головой висит рамка, в которой написана кровавыми буквами следующая надпись: «Твоя судьба решится в Бородине». Большая капля крови отделилась от букв и струилась по бумаге. Несчастная женщина испустила крик ужаса и соскочила с кровати. Генерал и гувернантка в страхе бросились к ней. Она была бледна и стонала, как в лихорадке.

– Где Бородино, мой милый, тебя убьют в Бородине!

– Бородино? – повторил генерал. – Я первый раз в жизни слышу это имя.

И действительно, Бородино в то время никому не было известно. Тогда г-жа Тучкова рассказала свой сон. Ее начали утешать, говоря, что Бородино – просто вымышленное имя, и хотя во сне было сказано, что ее участь *решится* в Бородине, отчего же генерал будет непременно там убит? Следовательно, толкование ее является совершенно произвольным.

– Твои нервы расстроены, дорогая, – сказал в заключение генерал, – постарайся лучше заснуть!

Утешенная спокойным видом мужа, г-жа Тучкова скоро опять заснула. Но снова увидела тот же сон: та же рамка, та же надпись, те же капли крови. Но на этот раз, кроме того, близ рамки она видит стоящего священника, отца ее Нарышкина и брата Кирилла. Она проснулась в таком ужасе, что окружающие ее были не на шутку испуганы. Истощив все средства успокоить жену, генерал предложил посмотреть ей военную карту России, чтобы убедиться, что никакого Бородина в России нет. Немедленно же был отправлен гонец в полковой штаб. Дежурный офицер, испуганный требованием карты среди ночи, привез ее сам. Генерал берет

карту, развертывает ее на столе, но самое тщательное изучение ее не открывает и следов Бородина.

– Судя по его гармоническому имени, – сказал тогда генерал, – Бородино, должно быть, какое-нибудь итальянское название. Но крайне невероятно, чтобы война была перенесена туда: следовательно, ты можешь успокоиться.

Но несчастная женщина была неутешна, и когда настала минута разлуки, она была в сильном отчаянии. Нарышкины уехали в свою деревню близ Кинешмы. Но г-жа Тучкова, чтобы иметь свежие новости с театра военных действий, предпочла остаться в Кинешме, где и наняла маленький домик. Всякий почтовый день она ждала с нетерпением. Генерал писал очень аккуратно. Наступило 1 сентября, день ее ангела. Возвратившись от обедни, г-жа Тучкова села к столу и погрузилась в глубокую думу. Вдруг голос ее отца заставил очнуться. Первой ее мыслью было то, что г-н Нарышкин приехал из деревни, чтобы поздравить ее с днем ангела. Она подняла голову: пред ней стоял отец ее с маленьким сыном на руках и священник. Все страшные подробности рокового сна мигом воскресли в ее памяти. Недоставало только брата для пополнения картины.

– А Кирилл... – прошептала она в ужасе.

В это мгновенье он показался на пороге.

– Муж убит! – закричала она в отчаянии и лишилась чувств.

Когда она пришла в себя, близ нее хлопотали отец и брат.

– Было страшное сражение близ Бородина, – сказал ей сквозь слезы брат, который был адъютантом Барклая-де-Толли и по дороге в армию заехал в деревню нарочно, чтобы известить семью о постигшем ее горе.

Как только позволили ей силы, г-жа Тучкова отправилась на поле сражения, чтобы отыскать тело своего мужа. Ночью, сопровождаемая лишь старым, седым монахом, освещавшим ей путь факелом, бродила она по Бородинскому полю и рылась среди массы трупов, преграждавших ей дорогу. Но тщетны были все ее поиски... Место, где пал генерал, было приблизительно известно, и здесь в память мужа г-жа Тучкова воздвигла женский монастырь во имя Спасителя. Император Александр I прислал ей 10 000 рублей для этой цели. Она была первой игуменьей монастыря, удостоилась похвалы императора Александра I и умерла в 1852 году, оставив по себе самую светлую память во всех тех, кто имел только случай знать ее. Монастырь существует и по сие время[41].

4. Графиня Варвара Николаевна Бобринская

Из журнала «Отдых христианина» за 1903 г.

Она полна любви к тем, которые многих восхищают только на сцене и в произведениях писателей. Деятельность графини началась в голодный год в Тульской губернии. Там свирепствовал голод вместе с союзниками – тифом и холерой. На борьбу с ними и ополчилась эта энергичная женщина, не знающая красивых фраз, не считающая за дело лишь проповедь о любви, но любящая ближнего до самозабвения.

Под командой графини, говорит хроникер[42], бабы и девушки весной, в самый разгар голода, на лугу шьют, кроят для больных, в пекарне пекут хлебы, в столовой довольствуют жителей даже чужих деревень. Вырастает приют на 75 человек.

Графиня перебрасывает свою деятельность на другую тропинку: она переезжает в другой уезд и основывает народную библиотеку, первую в уезде. Она же основывает в том же уезде первую воскресную школу. Благодаря ее энергии открылись чтения с волшебными фонарями.

После этого она принялась за хлопоты о передвижных библиотеках. Графиня переезжает в Москву.

Здесь она стремится к самым несчастным, к сидящим в тюрьмах. Ее поражает положение детей, поистине ужасное положение. Нашлись дети, которые из одиннадцати лет жизни своей шесть провели в тюрьме. Таких детей нашлось очень много. И графиня бросилась на помощь этим несчастным, безвинным страдальцам.

А результат?

Вот: в Волоколамске открыт приют для детей тюрьмы. Графиня идет дальше. Она научает крестьянскую девушку и устраивает крестьянские воскресные школы. Графиня знакомится с фабричной жизнью и устраивает в Москве женский клуб для фабричных работниц.

Ремесленницы обращают на себя внимание чуткой графини. И вот на Смоленском рынке возникает общежитие для ремесленниц. За два рубля в месяц работница получает светлое, хорошее помещение. Все это люди труда. Но есть и те, которые по слабости, по неволе свернули с пути труда и погибают «на дне». И к ним пошла графиня, полная любви к ближнему. Она устраивает мастерскую для обитателей Хитровки[43], ночлежный приют для женщин. По ее инициативе (т. е. почину) открывается хитровское попечительство. Графиня возится с алкоголичками[44], с падшими, старается, кого можно, поднять, вырвать, а другим, безусловно,

все-таки *несчастным*, дать утешение сестры-христианки. Ни капли брезгливости, ни единого упрека, а лишь жалость и любовь во Христе.

Графиня теперь работает не одна: она создала себе сотрудниц, и их уже 104! Что выносят эти воистину настоящие христианки, ясно само собой. Прежде всего, представьте себе атмосферу, насыщенную вонючими парами. Кругом тяжелое, часто пьяное хрипенье. Скандалы не редкость. Но христианская, не лицемерно-фарисейская, а истинная любовь все переносит. Нет проповеди словом, дело учит всех, любовь побеждает все.

Вот что сделала женщина, одухотворенная любовью, желающая служить ближнему не на словах только. Конечно, ей пришлось перешагнуть немало порогов на своем пути, употребить много энергии, чтобы достигнуть того, что мы теперь видим, имеем как факт. Значит, можно работать, и если другие не делают, так не потому, что нельзя, а потому, что не хотят делать. Говорить о деле и высказывать любовь несравненно легче, чем работать в такой ужасной обстановке, в какой трудятся графиня и ее помощницы. У нас мало желающих идти этим путем, мало в сравнении с говорунами и людьми, возлагающими бремя на других и не шевельнувшими пальцем для ближнего, – но, собственно говоря, вообще людей добра и любви не так уже мало, только они находятся всегда не среди тех, которые много и сладко говорят о любви. Любовь – это дух и жизнь учения Христа, постоянно делом свидетельствовавшего Свою любовь к людям и окончательно засвидетельствовавшего эту любовь на Голгофе Своей крестной смертью.

5. Варвара Евграфовна Чертова

Из «Московских Ведомостей» 1903 г., № 33

1 февраля 1903 года скончалась представительница московского Совета приютов, кавалерственная[45] дама Варвара Евграфовна Чертова, родившаяся 14 февраля 1808 года.

Покойная всю свою жизнь посвятила благотворению: она была одной из главных и самых деятельных помощниц супруги московского генерал-губернатора княгини Щербатовой, при коей в Москве начала проявляться общественная благотворительная деятельность. Не было учреждения, в коем бы Варвара Евграфовна не принимала участия и не помогала чем только могла.

Обширный проницательный ум, необыкновенно доброе сердце, чуткое ко всякому горю, приветливое, ласковое обращение со всеми без различия положения создали Варваре Евграфовне громадную популярность. Сердце ее привлекало всех. Ежедневно шли к Варваре Евграфовне бедняки, люди, убитые каким-нибудь горем, и все одинаково принимались ласково, и никто не уходил без той или иной помощи.

Создаваемые ей учреждения росли и развивались. Так, обширное Александро-Мариинское женское училище, как покойная называла – «детище мое», стоимостью в миллион рублей, передано в полном порядке в 1899 году в военное ведомство для воспитания и образования дочерей военных чинов московского военного округа. Убежище для слепых женщин и детей, Барыковская богадельня для старух, убежище во имя Христа Спасителя с бесплатными кроватями, многочисленные учреждения московского Совета детских приютов и некоторые другие, которые переданы были покойной другим еще при жизни, развивались и крепли под талантливым, сердечным управлением Варвары Евграфовны.

Всегда приветливая, ровная, не щадившая себя для помощи состоявшим под ее ведением учреждениям, сколько она оказала помощи, сколько она сделала добра ближним!

Едва ли можно найти ей подобных. Мир праху твоему, добрая, сердечная душа!

6. Сестра Варвара (Варвара Александровна Шкляревич)

По «Душеполезному чтению» за 1901 г.

I

Сестра Варвара – дочь богатого малороссийского помещика. Красавица и хорошо образованная, Варвара Александровна с первого появления в свете была замечена и скоро же вышла замуж за блестящего офицера, а после его смерти – за инженера Шкляревича. Когда умер второй муж, она, уже гораздо ранее понявшая светскую пустоту, решила теперь окончательно посвятить себя на служение ближнему – больным и бедным. Первые шаги на новом пути были сделаны в Елисаветинской общине в Варшаве, откуда В. А. переехала в Киев, в Покровский монастырь. Когда она прибыла в монастырь, то спросила жившую там Великую княгиню Александру Петровну, что должка делать. Великая княгиня отвечала: «На первый раз вот вам послушание: раньше всех вставайте, позже всех ложитесь, меньше всех кушайте и ниже всех кланяйтесь. Когда вы раньше всех встанете, вы покажете другим пример бодрости и деятельности. Ложась после всех, вы будете иметь возможность проверить: все ли улеглись и все ли в порядке. Если будете всех меньше кушать – приучитесь к воздержанию, а частые низкие поклоны вас приучат к смирению. Когда вы это исполните, я скажу вам, что дальше делать». После этого Варвару Александровну послали на кухню, затем в хлебную месить и печь хлебы. Затем В. А. работала в огороде, была прачкой и, наконец, семь месяцев – десятником при постройке собора. Когда она прошла все эти послушания, княгиня позвала ее и сказала ей: «Вы теперь можете быть игуменьей монастыря». Но сестра Варвара выбрала другое дело. Из Киева она прибыла в Петербург и некоторое время выполняла обязанности как бы диакониссы[46] при Покровском храме на Боровой улице, и потом много работала в Обществе ревнителей веры и милосердия. По поручению епископа Назария она проверяет жизнь бедняков, подающих прошения о помощи, снабжает их деньгами, одеждой, книгами и лекарствами. Ей пришлось обойти все окраины столицы, все грязные кварталы и трущобы, наполненные беднотой. Она посещает все жилища нужды, пьянства, болезней и воочию знакомится с массой нравственно падших людей. В это-то время у В. А. и зародилась мысль – подойти поближе к этим заброшенным людям и что-нибудь сделать для восстановления их нравственности. И вот она идет на

большую дорогу и открывает даровую столовую для всех прохожих.

II

Сестра Варвара прибыла в селение Любань в 1897 году, наняла там себе избу и, пока не выстроила дом, жила в наемной избе, которая была всегда открыта для всех, кто имел нужду в помощи или совете. Больные, изъязвленные находили облегчение у сестры. Она давала им лекарства, сама делала им перевязки. Всех она умела обласкать, успокоить; особенным вниманием пользовались женщины и дети. Она устраивала для детей елки, учила их грамоте, беседовала со взрослыми и скоро приобрела у всего населения любовь за свое бескорыстное служение.

– Я встретился с сестрой Варварой в первый раз в доме местного священника, отца Кирилла Озерова, – говорит один писатель. – Несколько фраз, которыми мне удалось с ней обменяться, убедили меня в ее горячей вере и беззаветном уповании на Бога. Когда я сказал ей: «Ведь это опасно, что вы затеваете. Вас могут убить золоторотцы», она отвечала: «Я верю в Промысл Божий. Без воли Божией ни один волос не упадет с головы. Если суждено быть убитой – я покорно приму Божие назначение». Осенью 1898 года мне пришлось посетить домик сестры Варвары, говорит тот же писатель (А.Круглов). Это – небольшой домик, окруженный деревьями, только посаженными. Около дома огород. Все это обнесено забором из жердей. Ни ворот, ни калитки. Чтобы попасть, нужно перелезть через изгородь[47]. Вы входите в просторную комнату, обставленную большими иконами и гравюрами. Посреди стол, покрытый клеенкой, у окна аналой с книгами. Прежде всего в глаза вам бросается огромного размера деревянный крест с распятым Спасителем. Вас встречает хозяйка, сестра Варвара, уже женщина пожилая, но с живыми глазами, с быстрыми движениями; аскетическая[48] худоба, бледность лица и морщины от труда и подвига преждевременно старят ее. Говорит она увлекательно, красиво, и ее разговор сразу обличает и развитой светлый ум, и большое знание жизни и людей. Она сама ходит за покупками в лавку, на станцию за полторы версты, приготовляет кушанья, убирает комнаты и моет их. При этом она работает в огороде и шьет для «босяков». Она встает в четыре часа утра, в восемь часов утра готов обед, и сестра ждет «разбойничков». Во время обеда и после него она читает им Евангелие и разные религиозные книги, беседует с ними, молится, а иногда все вместе поют. Она ведет совершенно монастырский образ жизни. «Глядя на ее истощенное тело, – справедливо замечает ее знакомый, – зная ее прошлую жизнь в неге и роскоши, удивляешься тому, откуда у нее такая сила, и энергия, и воля, которые помогли ей переломить себя». Сестре Варваре

помогает подслеповатая девушка, живущая у нее.

Интересны некоторые эпизоды из жизни сестры Варвары в ее «пустыньке», характеризующие босяков. «Как-то раз, – рассказывала сестра Варвара, – приходит ко мне вечером один босой золоторотец, как их здесь зовут, и просит накормить. Судя по его речи и по облику лица, мне казалось, что я вижу перед собой несчастного человека из благородного сословия, и хотя обед уже весь вышел, я пригласила его напиться чаю с хлебом. Он спрашивает, что заставляет меня заботиться о них. Я сказала, что бесконечно счастлива служить во имя Христа, что моей наградой пусть будет та маленькая, но чистая радость, которую я вызываю своим ничтожным участием в их тяжелой жизни. Он внимательно слушал, пока не кончил закусывать, а потом встает и просит у меня обуви. А я даю иногда этим жалким путникам и обувь, и платье, но на этот раз у меня ничего не оказалось. Я сказала ему об этом.

– Нет, уж вы мне дайте сапоги, если служите во имя Христа.

Я говорю, что у меня сейчас нет.

– Ну, так дайте мне ваши галоши.

– Если вам впору, возьмите.

И я тотчас же сняла галоши и отдала ему. Он надел и, ни слова ни говоря, ушел. Через несколько дней приходят два человека обедать.

– А помните, – спрашивают они меня, – кто у вас снял галоши? Теперь он их вовек не забудет.

Оказывается, узнав о его проделке, они побили его. Был и другой подобный случай, из которого я заключаю, что они оберегали меня. Также приходит ко мне одни из босоногой команды и грубо требует дать ему рубашку. Я твердо сказала, что рубашки он не получит.

– Ну, так вот тебе, – говорит он, – мой совет: приготовься, исповедуйся и причастись.

И ушел. К моему удивлению, этот озорник снова приходит. Я не отказала ему, но только заметила:

– Как ты сказал, так я и сделала: приготовилась и причастилась.

Он смутился и ничего не ответил. На другой, кажется, день опять он приходит, вызывает меня на крыльцо и падает мне в ноги.

– Простите меня...

– Бог тебя простит. Иди, пообедай.

– Не могу войти в дом. Товарищи пригрозили дать мне двадцать пять плетей в ночлежном приюте, если я осмелюсь перешагнуть ваш порог. Они приказали просить у вас прощения и сейчас же убираться вон из Новгородской губернии.

Я дала ему на дорогу чаю, сахару, хлеба, дала и рубашку и отпустила с миром. Нет, они хранят меня. Недаром они зовут меня своей матерью».

Интересен очень взгляд сестры Варвары на босяков.

– Ведь эти люди, – говорила раз она, – обречены на непрестанное скитание. Его гонят из столицы на родину, дают ему «проходной билет» с маршрутом по 25-ти верст в день и обязательством ночевать только в ночлежном приюте, а кормись, как знаешь. Теперь представьте себе, такой человек босоногий, в лохмотьях, явится в свою деревню. Там отлично знают, что он выгнан из Петербурга как негодный человек, а потому сторонятся от него, гнушаются его отрепьем и очень скоро доводят до того, что он снова идет шататься и прежде всего в столицу как наиболее знакомое место. Он знает, что при первой облаве его снова арестуют и погонят вон; но к этому он относится пассивно (т. е. безучастно), спокойно; он уже получил апатию (т. е. равнодушие) к жизни, и ему, пожалуй, безразлично, где бы ни быть. И до того так дошатается, что сельские власти исключат его из своего общества, и тогда он окончательно становится между небом и землей. Скажите, куда им идти? Что им делать? Эти несчастные, отверженные люди, для всех лишние, они всем мешают. У них есть только один несчастный выход из этого неопределенного положения – попасть на каторгу. Так неужели мы должны навсегда отвернуться от этих горемык? Неужели мы должны забыть, что и они носят образ Божий? Разве нет у них сердца, души, чувства? Разве глаза их не плачут? Разве тела их не страдают от холода, и желудок не просит пищи? К чему же мы заранее обрекаем их на единственный страшный исход – совершить преступление? Помню, приходят ко мне однажды сразу двенадцать человек, но один из них пьяный, с ножом в руке. Я не пустила его в дом.

– Ты не войдешь, – говорю я ему. – Мы здесь собираемся во имя Христа, и пьяный человек не должен оскорблять этот дом своим присутствием.

Я заперла дверь, но он стал ломиться в нее и грозить. Тогда я обратилась к остальным и просила их унять своего товарища.

– Мы боимся, он отчаянный, и у него нож в руке, – говорят они.

Это меня страшно расстроило, и я просила всех немедленно уйти. Через неделю опять приходит этот буян, но трезвый, и смиренно умоляет простить его.

– Зачем же ты ходишь с ножом? – спрашиваю его.

– Да нашему брату как же иначе промыслить пропитание? – отвечает он. – Ведь никуда не пускают и никто не принимает на работу...

Скажите, разве не может такой человек в отчаянии решиться даже на убийство? Впрочем, этот несчастный скоро был наказан... Но ведь рядом с такими идут и странствующие на поклонение святым местам. Паломники[49] по святым местам – тоже небогатый народ на Руси. Они тоже нуждаются по дороге в куске хлеба. А крестьяне, идущие на заработки? А фабричные, которым отказали от места? А вышедшие из больницы? А обкраденные, не имеющие ни копейки в кармане? О, если бы вы видели, какая смесь этих нуждающихся людей ежедневно проходит мимо моего дома! А какие они жалкие, грязные, иззябшие, голодные, несчастные! Зимой подойдут к двери, жмутся, вздрагивают в своих лохмотьях, переступают с ноги на ногу в опорках, в рваных валенках, в башмаках, в лаптях... О, Боже мой, думаешь, ведь это же люди, люди! Ведь Ты их всех одинаково искупил Своим страданием – как я осмелюсь судить их, бедных! Ведь это Твои «малые», которые и просят-то как немного... В это время, кажется, чего бы им не отдала... Осенью я помучилась с ними. Придут без обуви, а на дворе стужа, дорога вся в лужах. Не утерплю, побегу в Любань, накуплю им дешевых лаптей. Все-таки не босиком. Я прошу в Петербурге присылать мне старые, рваные сапоги. Стыдятся. Да если бы знали, с какой благодарностью, с какой радостью принимают они в это время всякий опорок».

III

Ежедневно у сестры Варвары бывает человек тридцать или сорок. Личные средства ее невелики. Это – ежемесячная пенсия в 50 рублей. Но сестра много хлопочет для своего дела, и ей помогают со стороны. Раз был такой случай: долгу накопилось много, денег нет, кормить нечем. Сестра уехала в Петербург просить для своих бродяжек.

– Просить для них очень трудно, – говорит сестра Варвара. – Бродяжки не возбуждают сочувствия в публике. Только та смиренная душа, которая хорошо помнит слова молитвы: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» – не разбирает достоинств и недостатков ближнего и помогает оборванцам-пьяницам. Почем знать, – справедливо говорит сестра Варвара, – может быть, мы перед Богом еще более мерзки по грехам нашим, чем эти люди в глазах наших.

Сестра Варвара вернулась из Петербурга домой с нерадостными думами. Денег она везла мало. Подъезжает к своей «пустыньке» и видит, что у ворот стоит целый воз муки и крупы. От кого? – Неизвестно. Но она сразу разбогатела провизией.

Сестра Варвара продолжает свою службу и развивает свое дело. Она выстроила баньку и, кроме золоторотцев, теперь помогает и арестантам,

которых провозят по Николаевской железной дороге мимо Любани. В те дни, когда арестантские вагоны следуют через Любань, к их приходу на вокзал является сестра Варвара с порцией нарезанного хлеба и с гостинцами для детей. Но главное дело ее все-таки – помощь босякам, для которых ее пустынька является не только местом, где они питаются хлебом, но и тем маяком, который освещает их темные, озлобленные души. Вся обстановка домика сестры Варвары действует сильно на этих людей. Церковная атмосфера этого мирского монастыря сдерживает их разнузданность, заставляет их смиряться, и многие из них, растроганные молитвой, душевной беседой, лаской, которой они так давно не видели, с рыданием бросаются к подножию креста и, как перед священником, начинают каяться перед сестрой во всех грехах. Эти минуты для сестры Варвары являются самыми дорогими в жизни, и в это время она изливает всю силу своего красноречия, всю горячность своей любви к ним, чтобы тронувшееся сердце привести в полное раскаяние и установить человека на новом нравственном пути. И многих несчастных ей удалось вернуть на путь труда и нравственной жизни.

7. Родная

А.Голенищева-Кутузова
Покинув родину и дом, она пошла
Туда, куда текли все русские дружины.
Под ветхим рубищем в душе она несла
Бесценный клад любви, участья и кручины.
Не ей твердыни брать, не ей смирять врагов,
Мужичке-страннице иные внятны звуки,
Иной с побоищ к ней несется громкий зов –
Томящей жажды клик и вопли смертной муки.
И вот она в огне: визжит над ней картечь,
Летают пуль рои, гранаты с треском рвутся,
Увечья, раны, смерть! Но ей ли жизнь беречь?
Кругом мольбы и стон – и реки крови льются!
Страдальцев из огня, из схватки боевой
Она уносит прочь, полна чудесной силы,
И жаждущих поит студеною водой,
И роет мертвецам с молитвою могилы.
Как звать ее? Бог весть! Да и не все ль равно?
Луч славы над ее не блещет головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русские зовут ее родною.

8. Луиза Легра

По журналу «Детская помощь» за 1885 г.

Из всех благотворительных обществ, возникших в Западной Европе, ни одно не достигло такого развития, как *Общество сестер милосердия*. Эта община была основана известным благотворителем человечества Винцентом де Полем. Главной помощницей его в этом благородном деле была некто Луиза Легра. Г-жа Легра сначала помогала Винценту в управлении учрежденными им обществами, но потом и она сознала необходимость учредить общину женщин, исключительно посвятивших себя на служение страждущему человечеству. Г-жа Легра собрала вокруг себя смиренных тружениц, простых деревенских девушек; таким образом составилась знаменитая община, насчитывающая теперь более 15000 членов. Жизнь г-жи Легра заслуживает поэтому особенного внимания.

Луиза де Марильяк родилась в Париже в начале XVII века. Она рано лишилась матери и была предметом заботливых попечений отца, который старался развить ее замечательные способности, изучал с ней разные науки. Она любила искусства и хорошо рисовала.

После смерти отца, оставшись 22 лет без покровителей и опоры, она решилась принять предложение г-на Легра, секретаря королевы Марии Медичи. Выйдя замуж, она была по-прежнему скромна и благочестива. Она усердно занималась изучением Священного Писания и отеческих творений. Она заботливо воспитывала единственного сына и много старалась о духовном преуспеянии (совершенствовании) своей прислуги. Будучи преданной мужу женой, она во время тяжкой и долговременной болезни его с любовью ходила за ним, облегчала его страдания, предупреждала желания и кротко переносила его болезненную раздражительность. Это было как бы приготовлением ее к той деятельности, на которую она себя потом посвятила. Муж г-жи Легра постоянно выражал ей благодарность и любовь и умер с чувствами истинного христианина. После его смерти г-жа Легра захотела посвятить всю свою жизнь Богу, но еще чувствовала недоверие к себе самой.

Епископ и родственник, к которому она обратилась за советами, убедил ее сблизиться с Винцентом де Полем и избрать его своим руководителем. Она поселилась недалеко от того места, где Винцент учреждал в это время общество священников и мирян для проповеди и служения бедным. Пример Винцента одушевил г-жу Легра: она тотчас же выразила желание разделить его труды. Но Винцент не вдруг согласился

принять ее в сотрудницы: он велел ей серьезнее обдумать свое намерение, испытать свои силы. Это испытание продолжалось четыре года. В продолжение этого времени Винцент мог убедиться, что никакие трудности, никакие препятствия не могут охладить рвение г-жи Легра. В 1629 году он предложил ей посетить женские общества, устроенные им в разных приходах, осмотреть их, узнать положение больных и бедных, придумать средства помочь им. С радостной покорностью приняла г-жа Легра предложение своего духовного отца: она немедленно отправилась, приняв от него благословение и письменное наставление, – и во все время путешествия продолжала переписываться с ним и руководствоваться его советами. Г-жу Легра сопровождали другие благочестивые женщины. Они переезжали с места на место на деревенских телегах, останавливались в бедных домах, мало заботясь о собственной пище и помещении, и вообще разделяли ту нищету и те лишения, которые старались облегчить. Они привозили с собой большой запас белья и лекарств и снабжали ими всех нуждающихся. Так они ездили в продолжение нескольких лет, посетив многие местности Франции. Приехав в село, где находилось приходское общество, г-жа Легра собирала всех женщин, в нем участвовавших, расспрашивала их о их трудах, наставляла их, указывала, как ходить за больными. Она собирала к себе деревенских девушек и учила их Закону Божию. Если в деревне уже существовало женское училище, она поощряла и ободряла наставницу; если же училища не было, она немедленно учреждала его и избирала наставницу.

Во время подобной трудной и многолетней деятельности г-жа Легра не раз встречала всякого рода затруднения; ей часто приходилось бороться с разными препятствиями; но иногда она делалась предметом восторженной благодарности – везде пример ее одушевлял жителей, и не было такого места, где бы она не находила ревностных сотрудниц. Не щадя своих сил, мужественно служила она зараженным и чумным и наконец сама заболела от чрезмерных трудов.

Приходские женские общины быстро умножались под надзором и руководством г-жи Легра. Прежде они были учреждены только в отдаленных селах и местечках; теперь во многих городах устроились подобные общества, и даже в некоторых приходах. Самые богатые и знатные дамы желали участвовать в них. Они обязывались носить больным пищу и лекарства и ходить за ними в качестве служанок. Но богатые женщины часто охладевали. Тогда Винцент решил привлечь на служение ближним простых крестьянских девушек. Собрав их, он назвал их *служанками бедных* и поручил их г-же Легра. Она поместила их в своем

доме. В день Благовещения она произнесла обет совершенного посвящения своего на новое предпринятое ею дело, и ревностно принялась за руководство духовными дочерьми своими. Новая община развивалась с быстротой и успехом, какого не ожидали сами учредители. Вскоре «служанки бедных» стали трудиться во всех приходах Парижа: постоянно ходили они от больного к больному, старясь помочь всякому, чем только они могли. Богатые жители столицы, тронутые их самоотвержением, поддерживали новое учреждение щедрыми пожертвованиями.

Число сестер умножалось с каждым годом, и вскоре дом г-жи Легра оказался слишком тесным для новой общины. Она решилась переехать в небольшую деревню в окрестностях Парижа. Здесь ей нравилась простота сельской жизни. Она постоянно напоминала сестрам о необходимости смирения и трудолюбия и не позволяла им удаляться от простоты и скромности. Здесь занималась она обучением крестьянских девочек, собирала их по воскресным и праздничным дням, объясняла им обязанности христианина и учила катехизису. Дом ее сделался в это время убежищем несчастных, которых война принудила искать спасения в окрестностях столицы. Г-жа Легра охотно принимала их, старалась облегчить их нужды и способствовать духовному просвещению. Многие богатые и благочестивые дамы посещали новую общину и удалялись в нее на некоторое время от городского шума и суеты. Некоторые из них впоследствии вступили в число усердных тружениц; другие, например г-жа Мирамион, сами основали благотворительные заведения на пользу страждущих. Из разных городов Франции обращались к г-же Легра с просьбой о присылке сестер для служения в больницах и приходах. Г-жа Легра сама отправлялась во многие города, учреждала новые приходские женские общества и оставляла им письменные уставы и руководства. Чума и другие прилипчивые болезни не страшили ревностных тружениц: не было тех несчастий и страданий, которых они не старались бы облегчить. Чистая, усердная молитва была источником той силы и твердости, с которой г-жа Легра исполняла свои многотрудные и разнообразные обязанности на пользу страждущего человечества.

9. Женщины-христианки – образцы ухода за больными

По «Московским церковным ведомостям» за 1903 г.

Анастасия Узорешительница, диаконисса Олимпиада, императрица Плакилла, баронесса Вревская, великая княгиня Александра Петровна (в инокинях Анастасия)

1. Многие богатые христианки, в особенности вдовы (1Тим. 5:10), безбоязненно проникали в темницы к подвергавшимся пыткам своим собратьям, чтобы ходить за ними. Симеон Метафраст повествует о *святой мученице Анастасии Узорешительнице*, пострадавшей при Диоклитиане, что она, переодеваясь и подкупая стражей, часто приходила в темницы, в которых были заключены христиане, искалеченные ужасными пытками, и здесь промывала им раны, одевала в чистые одежды, питала принесенными с собой кушаньями.

2. Такова же была и *диаконисса Олимпиада*, известная своей дружбой со святителем Иоанном Златоустом. Вообще в древности нередко бывали случаи, когда благочестивые вдовицы и вообще женщины, даже знатного происхождения, считали своей священной обязанностью заботиться о больных и ходить за ними, памятуя слова апостола Павла (1Тим. 5:10): вдовица должна *принимать странников, умывать ноги святым, помогать бедствующим и быть усердной ко всякому доброму делу*. Поэтому служение больным считалось добродетелью, которая особенно должна украшать христианку.

3. Случалось иногда, что усердно ухаживали за больными даже лица из царствующего дома. Об *императрице Плакилле*, супруге императора Феодосия Великого, блаженный Феодорит рассказывает, что она «всячески заботилась об изувеченных и расслабленных, но при этом не пользовалась услугами рабов и провожатых, а сама ухаживала за ними, приходя в их приюты и доставляя каждому нужное; также посещая церковные госпитали, она ходила за больными, пробуя суп, подавая чаши, преломляя хлеб, поднося куски, омывая посуду и делая все прочее, что обыкновенно считается делом рабов и служанок».

4. Здесь мы не можем не сказать: что было в древности, то и теперь видим у нас в России. Нередко в наше время женщины знатного происхождения, побуждаемые христианской любовью, с замечательным самоотвержением посвящают себя служению больным. Стоит вспомнить только хотя о *баронессе Ю.П.Вревской*, положившей жизнь свою в уходе за нашими ранеными в Болгарии во время русско-турецкой войны.

Тургенев посвятил ей следующие прекрасные строки в своих стихотворениях в прозе: «Нежное, кроткое сердце!.. И такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи – она не ведала другого счастья, не ведала и не изведала».

5. Точно также, говоря об императрице Плакилле, мы невольно вспоминаем о *Великой княгине Александре Петровне, в инокинях Анастасии*, почившей 13 апреля 1900 года в Киеве, в основанном ею Покровском общежительном монастыре. Почившая Великая княгиня, дочь принца Петра Георгиевича Ольденбургского, родилась 21 мая 1833 года и была в замужестве за Великим князем Николаем Николаевичем-старшим. Можно сказать, что всю жизнь свою она посвятила заботам о больных, не гнушаясь непосредственно сама ухаживать за ними. Вскоре после замужества Великая княгиня основала в Петербурге Покровскую общину сестер милосердия, больницу, клиническую амбулаторную (т. е. для приходящих больных) лечебницу, отделение для девочек младшего возраста, училище для фельдшериц (преобразованное ныне в женскую гимназию министерства народного просвещения). В 1881 году в Бозе почившая Великая княгиня переселилась для постоянного жительства в Киев. Здесь вскоре она на свои средства основала Покровский женский общежительный монастырь, при котором устроена была образцовая хирургическая больница и другие благотворительные учреждения. В этой монастырской тиши двадцать лет протекала подвижническая жизнь Великой княгини. Здесь она приняла иночество и здесь оставалась до самой своей кончины, посвятив себя служению больным. Известный врач профессор Сикорский так писал о почившей Великой княгине вскоре после ее смерти: «Она стала на службу страждущим с той любовью и с тем величайшим нравственным и физическим напряжением, которое можно назвать исключительным и беспримерным. Она была для больных и сестрой милосердия, и сиделкой, и матерью; и все это – так просто, так радостно. Целые годы ею проведены среди больных – в полном значении этого слова. Она жила в одной из больничных палат в постоянном непосредственном соприкосновении с больными, проводила дни и ночи в таких условиях и при такой обстановке, что эту жизнь необходимо признать непрерывным подвигом. Дверь ее комнаты не закрывалась для того, чтобы и в ночное время она могла слышать стоны и жалобы больных и идти к ним на помощь. По ее собственным словам, тишина и покой будили ее, так как она боялась пропустить минуту необходимой помощи страждущим. Ко всем трудным больным она вставала по нескольку раз в течение ночи и тем нередко лишала себя и того наименьшего отдыха,

который необходим для поддержания здоровья и сил. Из ее рук больные получали лекарства, из ее уст они слышали слова ободрения, утешения, сострадания. Она присутствовала при всех операциях, деятельно помогая, как опытный помощник, своей умелой и твердой рукой. Всех больных, которым предстояли тяжелые операции, она мыла собственными руками, чтобы обеспечить необходимую чистоту. Снизойдя с царственной высоты, она заняла самое скромное внешнее положение, усвоив себе самый простой образ жизни и приняв иночество».

Нужно ли говорить, сколько сходства между древней императрицей Плакиллой и Великой княгиней нашего времени? Блаженный Феодорит в V веке и профессор Сикорский в XIX, описывая христианский подвиг двух великих женщин, не совпадают ли в своих описаниях?

10. Под Красным Крестом (памяти баронессы Ю.П.Вревской)

Я.Полонского
Семь дней, семь ночей я дрался на Балканах,
Без памяти поднят был с мерзлой земли,
И долго в шинели изорванной, в ранах,
Меня на скрипучей телеге везли.
В каком-то бараке очнулся я, снятый
С телеги, и понял, что это барак.
День ярко сквозил в щели кровли дощатой,
И день безотраден был – хуже, чем мрак.
А вот подошла и сестра милосердья!
Волнистой косы ее свесилась прядь...
Я дрогнул: «К чему молодое усердье?
Без крика и плача могу я страдать...
Оставь ты меня умереть ради Бога!»
Она ж поглядела так кротко и строго,
Что дал я ей волю и раны промыть,
И раны промыть и бинты наложить.
И вот над собой слышу голос я нежный:
«Подайте рубашку!», и слышу ответ –
Ответ нерешительный, но безнадежный:
«Все вышли, и тряпки нестиранной нет!»
И мыслю я: Боже, какое терпенье!
Я – дышащий труп, я одно отвращенье
Внушаю, но нет его в этих чертах
Прелестных и нет его в этих глазах!
То грезил я, то у меня дыбом волос
Вставал; то, в холодном поту, я кричал:
«Рубашку, рубашку!» – и долго мой голос
В ту ночь истомленных покой нарушал.
В туманном мозгу у меня разгорался
Какой-то злой умысел, и порывался
Бежать я, как вдруг, слышу, катится гром,
И ветер к нам в щели бьет крупным дождем!
Притих я, смотрю: среди призраков ночи
Сидит, в красноватом мерцанье огня,

Знакомая тень, и бессонные очи,
Как звезды сквозь сумрак, глядят на меня.
Вот встала, идет и лицо наклоняет
К огню, и одну из лампад задувает...
И чудится, будто одежда шуршит,
По белому темное что-то скользит...
И странно, в тот миг, как она замелькала –
Как дух, над которым два белых крыла
Взвились, – я подумал: бедняжка устала,
И если б не крик мой, давно бы легла.
Но вот снова шорох, и снова в одежде
Простой (в той, в которой ходила и прежде)
Она из укромного вышла угла
И светлым виденьем ко мне подошла,
И с дрожью стыдливой любви мне сказала:
«Привстань! Я рубашку тебе принесла…»
Я понял: она на меня надевала
Белье, что с себя потихоньку сняла.
И плакал я... Детское что-то, родное
Проснулось в душе, и мое ретивое
Так билось в груди, что пророчило мне
Надежду на счастье в родной стороне.
И вот я на родине! Те же невзгоды...
Но нет! Не забыть мне сестрицы святой!
Рубашку ее сохраню я до гроба...
И пусть наших недругов тешится злоба
Я верю, что зло отзовется добром:
Любовь мне сказалась под Красным Крестом!

11. Бурские героини

Из журнала «Юный читатель» 1902 г.

Прославленный бурский вождь в Южной Африке Деларей еще недавно заявил всенародно: «Не будь наших жен и матерей, мы давно сдались бы; они слушать не хотели о мире, они хотели защищать свою родину до последней капли крови.

– Умрем, но не сдадимся! – говорили они своим сыновьям, братьям, мужьям, которые вследствие жалости к ним же и к малюткам, терпящим холод и голод, заговаривали порой о необходимости сложить оружие».

Одной немецкой писательнице привелось недавно встретиться с женой генерала Деларея, проявившей в минувшую войну не меньше героизма, чем ее муж. Вот что рассказывает немецкая женщина о подвигах и страданиях своей южноафриканской сестры, в течение 18 месяцев отбивавшейся от врага, спасая своих детей, из которых немногие уцелели. Она рассказала о том, как англичане забрали все ее имущество, разрушили ее дом и предали ее ферму огню, в котором сгорело все, чего не мог забрать победитель. Она бежит со своими детьми куда глаза глядят, стараясь не попасть в один из устроенных англичанами лагерей, куда они сгоняли беззащитных женщин с маленькими детьми, обрекая их на всевозможные лишения. Она часто не знает, куда, собственно, занесла ее судьба, и только по зареву пожара, по пушечной пальбе она выбирает тот или другой путь. Провидение, видимо, хранит ее. Часто во сне она видит себя плененной, окруженной врагами, и, просыпаясь, она чувствует, что надо, не теряя ни минуты, бежать без оглядки, невзирая на погоду, на голод и усталость.

И вот настал день величайшей опасности. Всю ночь накануне она бродила в лесу, и к рассвету надо было подумать об отдыхе. Детям, измученным и голодным, надо дать хоть по куску хлеба... Верный кафр[50] отправился на разведку, а мать расположилась с детьми на голой земле. Маленький Иоганн едва успел прочитать молитву, как прибежал кафр и, задыхаясь от усталости, закричал: «Бегите, скорей бегите: англичане вблизи!»

Но бежать было поздно. Не прошло и минуты, как мать с детьми окружили англичане. «Мир заключен, вы не имеете права вредить нам», – кричит захваченная врасплох женщина, и ее маневр оказывается необычайно удачным. Твердый голос пленницы производит впечатление на офицера. Он кое-что слыхал о заключении мира, да к тому же перед

ним стояла жена генерала Деларея, имя которого наводило страх, жена бурского вождя, давшего свободу английскому генералу Метуэну вместо того, чтобы повесить его. Хитрость и находчивость спасли жизнь матери и ее семи детей. Англичане поверили, что мир заключен, и пошли дальше своим путем.

И что всего удивительней – г-жа Деларей рассказывает о пережитом и выстраданном с тем спокойствием и самообладанием, с которым люди обыкновенно говорят о чужих страданиях и лишениях. Но слезы показались в ее глазах, и тоской, глубокой тоской по родине зазвучал ее голос, когда она заговорила о своем младшем внуке. Ему шестой годок пошел, он не умеет еще писать, но его маленькой ручкой отец начертал: «Мы все здоровы, милая бабушка, приезжай скорее», – и она разрыдалась.

С чувством глубокой гордости она говорит о своем старшем сыне. Он сражался рука об руку с отцом, выстрелы его всегда достигали цели, и он был любимцем всего отряда. Долго английские пули щадили его, но юноша сам себя не щадил. Как раз в тот день, когда ему минуло 19 лет, пуля пробила ему череп, и он замертво упал. «Я видела, как товарищи хоронили его, и никогда этого не забуду», – закончила она свой рассказ.

Разве может погибнуть народ, восклицает автор приведенного рассказа, народ, среди которого живут и страдают такие матери и жены!..

12. Мать, умершая от радости при виде сына

Из проповеди архиепископа Илии Минятия

Римляне вели войну и победили неприятеля. Воины-победители возвращались в свой город; к городским воротам сбежались их сродники: отцы, матери, братья, – чтобы увидеть, кто из воинов находится в живых и кто убит. Среди них была и некая вдова, имевшая единственного у себя сына, и она стояла и ждала возвращения с прочими своего сына; то она спрашивала у входящих в город, не видали ли ее сына, то всматривалась вперед, чтобы самой издали разглядеть его. «Сын мой, – говорила она, – где ты находишься? Почему не выступаешь? Отчего тебя не видно? Где ты замешкался?» И когда она начала тужить, что не видит своего сына, в это время от других людей она услыхала, что сын ее убит на войне; и вот тут-то она стала громко рыдать, ударяя себя в грудь, и неутешно плакать. Но вот она видит своего сына, возвращающегося живым; она тотчас к нему бежит, обнимает, целует его; она так ему обрадовалась, что от избытка радости внезапно умерла. Там, где недавно мать плакала по сыну, теперь сын оплакивает мать. Можно ли представить себе, какова была радость той матери!

Этот рассказ показывает, с одной стороны, как сильна бывает у родителей любовь к детям, которые поэтому и должны ценить их и платить им той же любовью; с другой – как опасно сообщать вдруг, без подготовки, любящим сердцам печальные или радостные вести о судьбе любимых ими существ.

13. Корнелия, мать братьев Гракхов

Из «Книги взрослых» Алчевской

Корнелия была женой знаменитого человека Тиверия Гракха, который всю жизнь работал на пользу бедных, защищал их от насилия, помогал во всех горестях. По смерти мужа Корнелия осталась одна с тремя детьми; она горячо любила их, и ее самым сильным желанием было – сделать их похожими на отца. Дети были для нее единственной радостью жизни и гордостью; она воспитывала их в любви к бедным и обиженным. Пришла раз в гости к ней одна из ее приятельниц и просила показать ей самые лучшие драгоценности ее. Корнелия провела подругу через свои комнаты и, войдя в уютную маленькую комнатку, остановилась перед опущенной занавеской. «Вот все мои драгоценности!» – произнесла она, указывая по направлению к занавеске. Удивленная приятельница подняла занавеску и увидела в кроватке двух спящих детей Корнелии. Сыновья ее выросли и оправдали надежды матери; они доставили ей высочайшую радость, возможную на земле: бедные, униженные рабы горячо благословляли в своих мрачных лачугах мать, воспитавшую таких людей, которые всю свою жизнь положили на защиту обиженных и обездоленных.

14. Маргарита Ропер

По книге «Семейный очаг» Фаррара

Некоторые писатели утверждают, что развитие умственных способностей детей умаляет в них привязанность к родителям. Маргарита Ропер, дочь англичанина Фомы Моруса, представляет собой видимое опровержение этого. Она, лучшая и любимая из дочерей, была одной из ученейших женщин своего времени. Она так прекрасно писала на латинском языке, что приводила в восхищение знатоков. Она могла рассуждать со своим отцом об очень серьезных богословских и политических вопросах.

Приведем прекрасные места описаний отношения Маргариты Ропер к своему отцу.

«Когда Фома Морус пробыл больше месяца в тюрьме, его дочь Маргарита, чувствуя сильную тоску по отцу, после долгих, горячих страданий добилась наконец сильно желанного свидания с отцом; сперва они помолились, а затем отец обратился к ней: «Вероятно, Маргарита, люди, посадившие меня в тюрьму, думали, что сделали мне большую неприятность, но я уверяю тебя, моя дорогая дочь, что если бы я не счел для себя долгом заботиться о моей жене и моих детях, что я считаю моей главной обязанностью жизни, то я по собственному желанию давно бы удалился в подобную темницу или в темницу еще тесней этой».

Когда Фому Моруса привели к пристани близ лондонской тюрьмы, то его горячо любимая дочь Маргарита Ропер, страстно желая видеть его, бросилась ему навстречу; упав перед ним на колени и получив от него благословение, она встала и обняла его. Не думая о себе, расталкивала народ и стражу, окружавшую его с алебардами и пиками, обнимала и целовала его на глазах всех, не будучи в состоянии от волнения ничего вымолвить, кроме: «О, мой отец! О, мой отец!»

Его очень тронула ее безграничная любовь к нему, и, благословляя ее, он говорил, что все, что он терпел, хотя и не виноват ни в чем, происходило не без воли Господа, советуя ей вполне подчинить себя Ему и относиться терпеливо к потере отца земного. После этого она должна была расстаться с отцом, но не успела она отойти от него шагов на десять, как отчаяние, что она теряет дорогое существо, снова заставило ее вернуться в объятия отца, и несмотря на громадную толпу народа, который, как стеной, отделял и удалял горячо любящую дочь от ее родителя, она пробилась к нему, обняла его голову и осыпала ее поцелуями. Он не

проронил ни одного слова и казался как бы успокоенным, но струившиеся из глаз слезы выдавали его; немногие могли удержаться от рыданий... Наконец ее силой вырвали из объятий отца и удалили».

Накануне казни Фома Морус написал дочери углем письмо (ему было запрещено давать как чернила, так и перо); в этом прощальном письме он излил все свое горячее чувство к семье, благодарил дочь за ее безграничную любовь к нему и оставил ей свою власяницу.

15. Сказание о доброй королеве, пожелавшей взять на себя крест ближних (Кармен Сильвы – королевы румынской Елизаветы), (легенда)

По журналу «Радость христианства»

В былые времена жила одна добрая королева. Она желала облегчать страдания всех несчастных на земле. Но чем больше она делала добра, тем, казалось, больше она встречала несчастных. Ее богатства были недостаточны, чтобы удовлетворять всем нуждам бедняков. Ее слова были бессильны, чтобы избавлять от горя, а ее руки не могли возвращать здоровье больным. Тогда явилась ей мысль о том, что не мог же Господь сотворить мир столь полным горя; она чувствовала, что человечеству предназначено быть счастливым, но как это сделать, она не знала.

Однажды она пошла в церковь и молилась Богу с таким усердием, о котором она прежде понятия не имела. Она молилась так, как молятся те из смертных, которые не знают, что было бы с ними, если бы услышана была их молитва. Она молилась: «Господи, дай мне создать счастье тех, кто страдает, даже если бы мне пришлось *нести их крест*». Она вышла из церкви, со страхом спрашивая себя, услышана ли ее молитва, потому что порой кажется, что Господь не всегда внимает нашим мольбам. Но в тот же день она могла убедиться, что ее молитва принята.

Она встретила мальчика, которого везли в кресле, он всю жизнь не мог ходить. Она его давно знала, и он любил добрую королеву от всей души. По привычке своей она подошла к нему, взяла его слабую, худую ручку в свои и своим звучным, мягким голосом она сказала ему, что он скоро выздоровеет. Глаза ребенка, казалось, расширились, пока она говорила. Она же чувствовала, что это отнимало у нее всю ее силу, и ею овладело ощущение усталости, какого она прежде никогда не знала. Вдруг мальчик поднялся в кресле и произнес, как во сне: «Мне кажется, я могу ходить». Затем он встал на ноги и пошел, словно никогда не хромал. Королева печально улыбнулась при виде этого чуда. Она возвратилась к себе и в продолжение многих недель оставалась в постели, больная, без движения. Ее члены казались иссохшими. Но помощи врача она не желала, говоря, что когда Господь захочет этого, Он ее исцелит. Так и случилось. Но с этой минуты она постоянно болела то одной, то другой болезнью ближних, которых она исцеляла. Она слепла, глохла, делалась нема, ее била лихорадка, но после каждого недуга она делалась моложе и

прекраснее, возвеличенная, казалось, каждым испытанием, через которое она проходила. Никто никогда не слыхал от нее ни малейшего ропота. Молва о чудесной силе исцелений разнеслась далеко, хотя она сама никогда о ней не говорила, и люди всегда стекались отовсюду к ней, умоляя ее облегчить их страдания и не подозревая, какую жертву это вызывало для нее. Разнесся только слух, что королева подвергала себя всяким заразам и не хотела принимать никаких мер предосторожности, особенно когда касалась детей.

Скоро ее бедность сравнялась с прочими ее испытаниями. Она искусно умела доставлять работу другим, но сама ничего не могла дать. Она вынуждена была отказать себе в малейшей роскоши, потому что не было у нее никаких средств содержания. У нее осталось одно платье, а в то же время имя ее благословлялось всюду. И близкие, и далекие приходили к ней. Им хотелось только коснуться ее руки, поймать ее взгляд, блеск которого облегчал всех, на кого он был направлен. Вокруг нее распространялось веяние мира и счастья, и даже те, которые с сомнением к ней относились, черпали в ней мирное успокоение. Никто не мог противостоять нежному влиянию всей ее личности. Тягостнее всего были часы мрачного разлада, когда она старалась вселить во всех мир, а ее жалило злоязычие даже в ее собственном доме. Она безмолвно плакала. Скоро тучи рассеивались, и она понимала, что ей суждено брать на себя душевные страдания других. Особенно тяжело было для нее, когда она брала на себя мучительное раскаяние виновной совести, как будто она совершила какое-либо преступление. Это бывало тогда, когда она наставляла на путь истины согрешившего или павшего перед соблазном. Переносить это было так ужасно, потому что она сознавала себя невинной, и бедное сердце ее билось день и ночь в смертельном терзании. Временами ей казалось, что это было лишь переходное состояние ее души, подобное, испытанному уже ею. Но в действительности ее страдания были ужасны.

Однажды к ней пришла одна бедная женщина. «О, дорогая моя, несравненная королева, – сказала она, – мой единственный сын умирает, а я знаю, что у вас есть чудодейственные целебные травы, которые исцеляют, когда ни одно средство земное не может принести пользы».

Не медля ни минуты, королева поспешила к изголовью умирающего юноши. Его глаза были уже полузакрыты, он взглянул на королеву, и одного этого взгляда было достаточно, чтобы вспыхнуло опять пламя потухающей жизни. Дыхание возвратилось. Его бледные, холодные уста опять сделались красными и теплыми, а благодарная мать бросилась к

ногам королевы, целуя ее ноги, потом обняла спасенного сына.

Возвратившись к себе, королева не чувствовала такой слабости, как это бывало обыкновенно, но была уверена, что ее ожидает опасная болезнь или даже смерть. Но каков был ее ужас, когда на другой день ее сын опасно занемог, и, казалось, смерть была близка. «Господи, Господи, – молилась она, – не требуй от меня этой жертвы – она выше сил моих». Ее мольба была напрасна, так же как и умелый ее уход. Взор ее потерял свою силу. Ее сын не встал. Временами он только что-то шептал об ангелах и цветах, пока однажды он не остался холодным и бледным в ее объятиях. Она была сражена, без слез, без силы, без вздохов, вся охваченная скорбью. С этого дня, казалось, ее чудодейственная сила ее покинула...

Люди говорили, что она потеряла веру в свои целебные травы. Еще более мрачные дни предстояли несчастной королеве. Она, которая до того никогда не жаловалась, пока она могла помогать ближним в их недугах, она говорила себе теперь, что Провидение жестоко, и она более не могла радоваться с матерью, ребенка которой она спасла от неминуемой смерти.

Однажды, в первый раз после многих дней, проведенных в тревогах и сомнении, она уснула. И ей показалось, что дверь отворилась, и ее сын подошел к ней – счастливый и сияющий. Он сел к ее изголовью, взял ее руку, и вдруг бремя ее тяжелого горя перестало давить ее сердце. Ребенок дышал чудным запахом фиалок, а она была в восторге и радости. Он заговорил с ней звучным, чистым голосом, подобным колоколу:

– Не плачь, мать! Ты мне дала счастье выше того, которое на земле, даже выше любви, ты небо мне открыла. Мне дано вернуться сюда без страданий, без горя, ради твоей жертвы. Мать, не плачь! Я все около тебя. Ты впала в добродетельную ошибку, задумав изгнать страдания с лица земли. Эту ошибку нужно было тебе искупить в горести и слезах. Мир такой, как пожелал его Господь: рудник, пещера, горнило, быстрый переход от одного мимолетного бытия к другому, более высокому или более низкому, смотря по жизни нашей на земле. Потерпи, мать, еще немного: час твоего избавления близок, а я с тобой, со всей любовью, со всей моей силой. Ты можешь еще утешать других, потому что ты веришь в будущую жизнь, потому что ты уверена, что эта жизнь ожидает всех нас. Смерти не существует. Есть только возрождение, и если б ты знала, о моя мать, как оно хорошо, ты с радостью ожидала бы его рассвета и ты никогда не плакала бы более. Надо, чтобы бедность существовала, и с ней неправда и война, так как это пути к очищению и к милосердию. Блаженны те, которые всеми силами своими приходят на помощь страждущим и добровольно жертвуют всеми силами своими, жертвуют всем, что имеют.

Но из мира они не могут сделать рая. Это им не дозволено.

В эту минуту королева проснулась, и с тех пор мир осенил ее душу. Она могла по-прежнему делать добро, утешать ближних, доставлять им радость, но она более не могла их исцелять. И она не просила себе этой силы.

16. Екатерина Великая в домашнем и царском быту

Муханова

Екатерина Великая была среднего роста, стройна, пленительной красоты, следы которой не истребились до самой ее кончины. В глубоких ее глазах изображались скромность, доброта и спокойствие духа. Она говорила тихо, и приятная улыбка ее обвораживала всех. Как ни старалась она скрывать свой сан, но необыкновенно величественный вид ее вселял уважение во всяком; не видавший ее никогда признал бы в ней императрицу и среди толпы. Знаменитые иностранцы говорили об этой государыне, что она рождена быть владычицей народов.

Екатерина была нрава спокойного, веселого, но иногда и вспыльчивого.

Оплошность, медлительность, недогадливость служителей она извиняла снисходительно, а при необходимости упрекала с кротостью, как мать, поучающая своих детей. Приветливость, ободрение, доставление какого-нибудь удовольствия входили в ее правила. Она обладала превосходным искусством давать оттенки всякой своей речи, всякому своему движению и даже взгляду.

Она кланялась, принимала вельмож не одинаково – по достоинствам, летам и заслугам.

Екатерина пробуждалась всегда в 6 часов и не требовала себе никакой прислуги. Сама обуется, оденется, зажжет свечу, затопит камин, и, тогда как почти все люди во дворце спят еще, императрица уже исполняла свои обязанности. До такой степени она дорожила спокойствием последнего из своих подданных.

Однажды, во время такого уединения, когда пылал огонь в камине, когда все вокруг нее безмолвствовало, раздался дикий голос:

– Потушите скорее огонь!

Изумленная императрица спросила:

– Кто так кричит?

– Я, – отозвался сквозь пустоту камина трубочист, – я чищу трубу: погасите скорее, мне горячо.

Императрица принесла кружку воды, залила дрова и, узнав, что труба от самого верха была прямая, приказала ее исправить.

После того как Екатерина одевалась, она пила кофе. Затем садилась за дела и занималась до 9 часов. В это время являлись к ней разные вельможи с бумагами.

Екатерина была для домашних своих не повелительницей, а нежнейшей матерью; государыня обходилась с ними кротко, вежливо, извиняла их недостатки, входила в их положение, доставляла им разные удовольствия, дорожила ими. Однажды она захотела пить и, зная, что дневальный камердинер (слуга) в это время, по обыкновению своему, дремлет, несколько раз осторожно отворяла дверь и всякий раз без успеха возвращалась к своим креслам. Прошло более получаса; наконец она позвонила; выспавшийся камердинер принес ей воды, и тогда императрица объявила ему, что его дремота долго мучила ее жаждой.

Екатерина садилась за обед в два часа. За столом находилось всегда восемь или десять особ. Обходились просто, говорили свободно. Рассуждали иногда об европейских новостях, о поступивших в свет сочинениях, о смешных приключениях, причем не позволялось обидных слов на счет другого: Екатерина не терпела злословия. Гости видели в ней ласковую, добрую хозяйку, а не императрицу, и время, проведенное с ней, оставалось у всех надолго в памяти. Она дорожила самолюбием каждого; обращала внимание на его рассуждения, соображая, что, кто доволен собой, тот доволен и ею. Природа наделила Екатерину превосходным искусством восхищать взоры, душу и сердце.

После обеда, выпив чашку кофе, Екатерина уходила в свой кабинет, садилась за рукоделие, вязала на длинных спицах из шерсти одеяла, фуфайки, а начальник воспитательных заведений Иван Иванович Бецкой читал ей книги. Ужинов, кроме праздничных дней, не было. В 10 часов она удалялась, ложилась в постель, пила кипяченую воду и спокойно засыпала. Императрица исполняла с точностью все уставы веры, слушала в воскресные и праздничные дни заутрени, обедни, соблюдала посты и собою подавала пример в благочестии.

17. Встреча с императрицей (Екатериной II)

А.Пушкина

Марья Ивановна[51], узнав, что Двор находился в то время в Царском Селе, решилась тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с ней разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и рассказала, в котором часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась. Марья Ивановна слушала ее со вниманием.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос:

– Не бойтесь, она не укусит.

И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

– Вы, верно не здешние? – сказала она.

– Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

– Вы приехали с вашими родными?

– Никак нет-с. Я приехала одна.

– Одна! Но вы так еще молоды.

– У меня нет ни отца, ни матери.

– Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

– Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

– Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

– Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

– Позвольте спросить, кто вы таковы?

– Я дочь капитана Миронова.

– Капитана Миронова! Того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

– Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута.

– Извините меня, – сказала она голосом еще более ласковым, – если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при Дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь.

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменилось, – и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

– Вы просите за Гринева? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

– Ах, неправда! – вскрикнула Марья Ивановна.

– Как неправда? – возразила дама, вся вспыхнув.

– Неправда, неправда. Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня.

Тут она с жаром рассказала все, что ей было известно о ее женихе.

Дама выслушала ее со вниманием.

– Где вы остановились? – спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкой:

– А! Знаю! Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо.

С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкой чая только было принялась за бесконечные рассказы о Дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошел с объявлением, что Государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась.

– Ахти, Господи! – закричала она. – Государыня требует вас ко Двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по придворному не умеете... Не проводить ли мне вас? Все-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье?

Камер-лакей объявил, что Государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение своей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Чрез несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед ней отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас о ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устрашала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня позвала ее и сказала с улыбкой:

– Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащей рукой и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с ней.

– Знаю, что вы не богаты, – сказала она, – но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние.

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же дань Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

18. Рассказы об императрице Марии Феодоровне, супруге императора Павла Петровича

Муханова

I

Под покровительством императрицы Марии Феодоровны находилась, между прочим, Мариинская больница. Старший доктор этой больницы ежедневно являлся к императрице с рапортом[52]. Раз он доложил, что одной из больных женщин необходимо отнять ногу и что дело не терпит отлагательства.

– В таком случае, – сказала императрица, – сделайте сегодня же операцию.

На следующий день она встретила доктора словами:

– Что эта бедная женщина? Хорошо ли удалась операция?

Доктор немного растерялся: операция еще не была сделана, и он пытался извинить свое замедление недостатком времени и заботой о других больных. Но императрица выразила ему свое неудовольствие.

– Предупреждаю вас, – сказала она, – что я не намерена выслушивать завтра подобных объяснений и требую, чтобы дело было окончено сегодня же.

Однако на другой день оказалось, что к операции не приступали. Императрица вспыхнула от гнева.

– Как, – воскликнула она, – несмотря на мои приказания?

– Умоляю, Ваше Величество, не гневайтесь на меня, – ответил доктор, – я, право, не виноват. Эта женщина просто сошла с ума она объявила, что допустит операцию лишь в вашем присутствии. Я не посмел доложить вам об этом вчера.

– Как вам не стыдно! – заметила императрица, – за что вы промучили ее даром?

Она приказала немедленно подать карету, взяла с собой доктора, поехала в больницу и присутствовала при операции.

II

Императрица Мария Феодоровна входила во все малейшие подробности воспитания детей во многих заведениях, вверенных ее попечению. Она заботилась даже об удовольствиях своих питомцев: посылала им лакомства, доставляла различные развлечения.

Один мальчик принужден был долго лежать в постели по болезни; императрица приказала ежедневно доносить ей о состоянии его здоровья и

снабжала его картинками, карандашами и разными безделушками.

Все воспитанники института при воспитательном доме во всю свою жизнь пользовались покровительством этого заведения и могли возвращаться туда, когда были недовольны своими местами в частных домах. Все было продумано нежным сердцем императрицы. И приезд ее в институт был настоящим праздником: дети с радостными лицами бросались к ней.

Однажды тайный советник Муханов, сопровождавший государыню при одном из ее посещений воспитательного дома, выразил удивление, что она нежно целует ручки и ножки несчастных подкидышей, осматривает белье на кормилицах и т. п.

– Ох, – отвечала она, – все эти брошенные дети теперь мои и во мне должны находить попечение, которого лишены.

19. Груня Богоданная

По Печерскому-Мельникову

Испокон века народ говорит: «Жена добрая, домовитая во сто крат ценнее золота, не в пример дороже камня самоцветного». Правдиво то русское известное слово: правду его Иван Григорьевич на себе сознал. Хозяйка у него молодая, всего двадцати двух лет, но такое сокровище, что дай Бог всякому доброму человеку. Свежая, здоровая, из себя пригожая, Аграфена Петровна вот уже пятый год живет за ним замужем, и хоть Иван Григорьевич больше, чем вдвое, старше ее, любит седого мужа всей душой, день и ночь благодаря Создателя за счастливую долю, посланную ей. Тихо и мирно проходила жизнь этой любящей и всеми любимой женщины. Всегда спокойная, никогда ничем не возмутимая, красным солнцем сияла она в мужнином доме, и, куда в люди ни показывалась – везде ей были рады, как светлому гостю небесному. Куда ни войдет – всюду несет с собой мир, лад, согласие и веселье. При ней и мрачные старики, угрюмо на постылый свет глядевшие, юнели и, будто сбросив десяток годов с плеч долой, становились мягче, добрей и приветливей. Никогда не слышно было при ней пересудов, ни злых попреков, ни лихих перекоров. Как достигла Аграфена Петровна такого влияния на всех своих знакомых – сама не знала и другие не ведали. Как-то само собой вышло; а когда началось и с чего началось, никто бы не сумел дать и ответа.

Самый вздорный человек, самый охочий до ссор и брани стихал на глазах кроткой разумницы и потом сам на стороне говорил, что при Аграфене Петровне вздорить никак не приходится. Росла она круглой сиротой, но святый Божий покров всегда был над ней. За молитвы, видно, родительские не довелось Груне изведать горечи и тяги, неразлучных с сиротской долей. С младенческой колыбели до брачного венца никогда почти не знавала она ни бед, ни печалей, а приняв венец, рай в мужнин дом внесла и царила в нем. Почти не знала она бед и печалей, но не совсем же они были ей неведомы. Без горя, без печали человеку века не изжить. И над Груней, еще девочкой, внезапно грозой разразилась беда тяжелая, и пришлась бы она ребенку не под силу, если б не нашлось добрых людей, что с любовью отвели грозу и наполнили мирным счастьем душу девочки.

Отец ее достатки имел хорошие и жил душа в душу с молодой женой, утешаясь, не нарадуясь на подраставшую Груню. Дети у них не жили, поэтому крепко любили родители белокурую дочку свою. Поехали отец с матерью в Нижний на ярмарку – там у них в Щепяном ряду, на Песках,

лавка была; взяли они с собой и маленькую дочку. Год был тяжелый: холера на ярмарке губила народ. У Грунина отца в день двое молодцов заболело, свезли их в больницу, там они и померли. Прошел день, другой. Разом у Груни отец с матерью заболели, и их свезли также в больницу. Одна одинешенька осталась в лавке Груня. Урвавшись как-то от соседних торговцев, Христа ради приглядывавших за маленькой девочкой, она, не пивши, не евши, целый день бродила по незнакомому городу, отыскивая больницу; наконец, выбившись из сил, заночевала в кустах волжского откоса.

Поутру, чуть еще брезжило, голодная девочка уже стояла у ворот Мартыновской больницы. Девочку гнали прочь от больничных ворот и сказали, что ни тятьки, ни мамки у нее больше нет, что до свету обоих на кладбище снесли. Но Груня прочь от больницы не шла.

Тогда взглянул Господь на сироту милосердным оком и послал к ней доброго человека.

Проведал один ярмарочный торговец из-за Волги, что в Щепяном ряду выморочная (пустая) лавка явилась, и в ней один-одинешенек малый ребенок остался. Бросил свое дело добрый человек и пустился на розыски. Отыскал он Груню у ворот больницы и взял сиротинку в дом свой. Вспоил, вскормил ее и воспитал наравне с родными дочерями, ни на волос их от богоданной дочки не отличая. Этого доброго человека звали Потап Максимыч Чапурин.

Только что Груня заневестилась, стал Потап Максимыч присматривать хорошего, степенного человека, на руки которого без страха за судьбу, без опасения за долю счастливую можно бы было отдать богоданную дочку.

На ту пору овдовел Иван Григорьевич. Покинула его жена, оставив троих деток, мал мала меньше. Бедовое время настало: известно, вдовец деткам не отец, сам круглый сирота. Беда, горе великое малым детям остаться без матери, пуще беды, чем пчелкам без матки. Понимал это горемычный Иван Григорьевич, и тоской разрывалось сердце его, глядя на сироток.

Заехал раз Иван Григорьевич к Потапу Максимовичу размыкать тоску свою в совестной беседе с другом изведанным. Пора была вечерняя. В передней горнице вся семья Потапа Максимовича за чаем сидела.

– Вот и живу я, кумушка, ровно покойник, – говорил Иван Григорьевич Аксинье Захаровне. – Один, как перст. Слова не с кем перемолвить, умрешь – поплакать некому, помянуть некому.

– Что ты, батька, – возразила Аксинья Захаровна, – детки по

родительской душе помянники.

– Что детки? Малы они, кумушка, еще неразумны, – отвечал Иван Григорьевич. – Пропащи они детки без матери!.. Нестройно, неукладно в дому у меня. Не глядел бы... Да что дом? Пропадай он совсем! Не дом крушит меня – сироты мои бедные. Как расти им без матери! Ни приласкать, ни приголубить... Призору нет: приедешь из города али с мельницы: дети неумыты, нечесаны, грязные, оборванные. При покойнице разве водилось так? Недавно проведал, без меня иной раз голодными спать ложатся. Горькое житье мое, кумушка!

И, склонив голову на руку, тяжким вздохом вздохнул Иван Григорьевич. Слезы в глазах его засверкали.

Пристально глядела на плачущего вдовца Груня. Жаль ей стало сироток. Вспомнила, как сама, голодная, бродила она по чужому городу.

Долго толковали про бедовую участь Ивана Григорьевича; он уехал; Аксинья Захаровна по хозяйству вышла зачем-то. Груня стояла у окна и задумчиво обрывала поблекшие листья розанели. На глазах у нее слезы. Потап Максимыч заметил их, подошел к Груне и спросил ласково:

– Что ты, дочка моя милая?

Взглянула дочка на названого отца, и слезы хлынули из очей ее.

– Что ты, что с тобой, Грунюшка? – спрашивал ее Потап Максимыч. – О чем это ты?

– Сироток жалко мне, тятя, – трепетным голосом ответила девушка, припав к плечу названого родителя. – Сама сирота, разумею... Пошлет ли Господь им родную мать, как мне послал? Голубчик, тятенька, жалко мне.

Молчал Потап Максимыч, глядя с любовью на Груню; она продолжала:

– Сама сиротой я была. Недолго была по твоей любви да по милости, а все же я помню, каково мне было тогда, какова есть сиротская доля. Бог тебя мне послал да маменьку, оттого и не сознала я горя сиротского. А помню, каково было мне бродить по городу. Ничем мне не заплатить за твою любовь, тятя, одно только вот перед Богом тебе говорю: люблю тебя и маменьку, как родных отца с матерью.

– Полно, полно, приветная, полно! – говорил растроганный Потап Максимыч, лаская девушку. – Чего ж нам еще от тебя? Любовью своей сторицей нам платишь. Ты нам счастье в дом принесла... Не мы тебе, ты добро нам сделала.

– Тятя, тятя, не говори... Не воздать мне за ваши милости. А если уж вам не воздать, Богу-то как воздать?

Припала Груня к груди Потапа Максимыча и зарыдала.

– Добрыми делами, Груня, воздашь, – сказал Потап Максимыч, гладя по головке девушку.

– Слушай, тятя, что я скажу, – быстро подняв голову, молвила Груня с твердостью, – как ты меня призрел, так и мне сирот призирать. Этим только и могу я Богу воздать... Как ты думаешь, тятя? А?

– Ты это хорошо сказала, Груня, – молвил Потап Максимыч, – по Божески.

– Жаль мне сироток Ивана Григорьевича, – сказала Груня. – Я бы, кажись, была бы им матерью, какую он ищет.

– Как же так? – едва веря ушам своим, спросил Потап Максимыч. – Нешто пойдешь за старика?

– Пойду, тятя, – твердо сказала Груня. – Он добрый. Да мне не он... Мне бы только сироток призреть.

– Да ведь он старый, тебе не ровня, – молвил Чапурин.

– Стар ли он, молод ли, – по мне все равно, – отвечала Груня. – Не за него, ради бедных сирот...

– Ах ты, Грунюшка, моя Грунюшка! – сказал глубоко растроганный Потап Максимыч, обнимая девушку и нежно целуя ее. – Ангельская твоя душенька. Отец твой с матерью теперь взыграли на небесах. И если согрешили чем перед Господом, искупила ты грехи родительские. Чистая, святая твоя душенька!

Богоданная дочка и названый отец крепко обнялись.

На другой день, прямо поутру, Потап Максимыч собрался наскоро и поехал в Вихорево.

– Невеста на примете, – говорил он, входя в дом Ивана Григорьевича.

– Какая тут невеста! – с досадой отозвался Иван Григорьевич. – Где ты ее за ночь-то выкопал?

– Да хоть наша Груня, – молвил Потап Максимыч.

– С ума ты спятил, – отвечал Иван Григорьевич. – Хоть бы делом что сказал, а то натко поди!

– Делом и говорю.

– Да подумай ты, голова, у нас с тобой бороды седые, а она еще ребенок. Охота ей за старика на детей идти.

– А как согласна будет – женишься? – спросил Потап Максимыч.

– Пустячное дело, кум, говоришь, – отвечал Иван Григорьевич. – Охотой не пойдет, силой взять не желаю.

– Ну, так слушай же, что было у меня с ней оговорено вечор, как ты из Осиповки уехал.

И рассказал Потап Максимыч Ивану Григорьевичу разговор свой с

Груней. Во время рассказа Иван Григорьевич больше и больше склонял голову, и когда Потап Максимыч кончил, он встал и, смотря плачущими слезами на иконы, перекрестился и сделал земной поклон.

– Голубушка! – сказал он. – Святая душа! Ангел Господень!..

На другой день были смотрины, но не такие, как бывают обыкновенно. Никто из посторонних тут не был, и свахи не было, а жених, увидав невесту, поступил не по старому, не по дедовскому обряду.

Как увидел он Груню, в землю ей поклонился и, дав волю слезам, говорил, рыдая:

– Матушка! Святая душа! Аграфена Петровна! Будь матерью моим сиротам!..

– Буду, – тихо с улыбкой промолвила Груня.

Через две недели обвенчали Груню с Иваном Григорьевичем.

Растит Груня чужих детей, растит и своих: два уж у нее ребеночка. И никакой меж детьми розни не делает, пасынка с падчерицами любит не меньше родных детей. А хозяйка какая вышла, просто на удивление.

И прошла слава по Заволжью про молодую жену вихоревского тысячника. Добрая слава, хорошая слава. Дай Бог всякому такой славы, доброй по людям молвы.

20. Графиня Анна Григорьевна Толстая

По журналу «Кормчий»

В 1889 году умерла графиня Анна Григорьевна Толстая. Будучи знатного рода, имевшая связи с высшим современным обществом, она была всегда глубоко верующей в душе, всегда благоговейно настроенной в жизни. Религия проникала всю ее жизнь и всю ее деятельность. С любовью относилась она ко всем обрядам церковным, любила благоговейное служение в церкви и заботилась о благолепии храмов Божиих, нескудно жертвуя на украшение их всем, кто бы к ней ни обращался. Ежедневно, особенно в последние годы, она посещала церковь и часто наперед читала Апостол или Евангелие, чтобы с большим вниманием слушать в церкви; не только строго соблюдала все посты, но во все посты считала долгом говеть и причащаться Святых Таин. Во время же своей болезни она особенно часто приобщалась Святых Таин и в Таинстве елеосвящения искала себе врачевания от недугов душевных и телесных.

Отличаясь искренней любовью к Богу и Святой Церкви с ее постановлениями, графиня, естественно, всегда оказывала глубокое уважение не только архипастырям, но и пастырям Церкви; почитала для себя великой честью, когда архипастыри посещали ее, и оказывала большое внимание пастырям Церкви. Она всегда принимала благословение от пастырей и другим делала замечания, если они не исполняли этого христианского обычая. Не только сама никогда не позволяла себе говорить что-либо дурное о пастырях Церкви, но и других увещевала относиться к ним с уважением как к слугам Христовым и строителям Таин Божиих. Свою любовь к пастырям она выразила особенно в том, что основала приют для престарелого духовенства и завещала свой дом, в котором жила, для другого такого же приюта и даже оставила значительные средства на его содержание.

При глубоком благочестии и любви к пастырям Церкви особенно она отличалась необыкновенной благотворительностью. Эта ее добродетель известна во всех концах первопрестольной Москвы, и многие из нуждающихся отовсюду шли к ней за помощью, и она никому не отказывала. Многие даже и из знатных, но бедных, получали от нее значительную ежемесячную помощь, не говоря о частых ежедневных подаяниях нищим и убогим. Любящее сердце ее не могло оставаться хладнокровным к нуждающимся, и она всегда была первой жертвовательницей на разные богоугодные учреждения. Кроме того, от ее

щедрот устроены в Нижегородской губернии обширный приют и училище для сирот. Она оказывала значительную помощь приходскому в Москве попечительству о бедных. И все это она делала не из тщеславия, она даже не любила, когда ее благодарили за оказанную помощь, – нет, это она делала единственно из своей великой любви ко всем бедным и несчастным и притом делала тайно, так, чтобы правая рука ее, по заповеди Спасителя, не знала, что делала левая.

Наконец, в отношении к себе она была всегда строга, воздержанна в жизни, не позволяла себе никаких прихотей, ни излишних удовольствий. В обращении с ближними она всегда была очень ласкова, кротка, добродушна со всеми и гораздо низшими себя, никогда никого не обижала, всем благо желала, ко всем относилась с участием, с любовью; она не позволяла себе никогда глумиться над недостатками ближних, ни на кого не сердилась, никогда не помнила зла – она воплощала в себе, насколько было возможно, всеобъемлющую любовь к человечеству. «Это ангел, а не человек», – часто приходилось слышать о ней от многих, и с этим соглашался всякий, кто знал ее.

21. Бичер-Стоу – защитница негров

Из «Книги взрослых» Алчевской

В Америке издавна велась торговля неграми. Американские торговцы ездили в Африку, закупали там целые сотни негров и с барышом распродавали свой «товар» на американских рынках. На рынках негров оценивали так же, как оценивают скотину: пробовали силу, заставляли поднимать тяжести, приказывали открывать рот и осматривали зубы, чтобы определить возраст и здоровье. Обращение с неграми было бесчеловечное: на них наваливали непосильную работу и за малейшую провинность били, истязали, заковывали в цепи. У негра не было никой собственности; он ничего не мог заработать для себя: все принадлежало его хозяину. Не было у негра и семьи, потому что он каждую минуту должен быть готов к тому, что его жену или детей продадут на сторону и он останется один. Жаловаться также было некому: по закону господин не отвечал за свое обращение с рабами и имел право истязать и убивать их безнаказанно.

Много лет продолжалась эта бесчеловечная торговля людьми. Были попытки изменить этот ужасный порядок; однако тысячи и миллионы негров все-таки продолжали влачить свое жалкое существование. Рабовладельцы, конечно, не говорили об этом; сами негры не умели ни просить защиты, ни описать свои мучения: избытые, поруганные, униженные, они могли только терпеть и молча умирать. Надо было, чтобы кто-нибудь взялся рассказать целому миру про всю горечь страданий и унижений черного человека. И это исполнила женщина, писательница Гарриэт Бичер-Стоу, написавшая знаменитую книгу «Хижина дяди Тома». В этой книге описана история нескольких негритянских семей, и эта простая, правдивая история облетела весь мир и во всех сердцах пробудила горячее сочувствие к угнетенным людям.

О неграх заговорили везде: и в Америке, и в Европе; а вскоре нашлись люди, которые грудью стали за свободу негров. Прошли годы, рабство пало, и негр, прежнее полуживотное, был признан человеком. Толчок этому движению был дан знаменитой повестью г-жи Бичер-Стоу.

Гарриэт Бичер родилась в 1811 году в семье американского пастора (т. е. священника) в маленьком городке Северной Америки. Детство ее прошло беззаботно и счастливо, в кругу большой, веселой семьи. С пяти лет девочка бегает в школу, а дома забирается в отцовскую комнату и, забившись в уголок, чтобы не мешать отцу, читает книги. Училась Гарриэт

хорошо и считалась в школе одной из самых способных учениц. Свое учение она докончила в другом городе, в школе, устроенной ее старшей сестрой. Здесь Гарриэт пробует писать небольшие, очень удачные рассказы для детей, в которых уже обнаруживается ее талант. В 25 лет она выходит замуж за профессора Стоу, человека образованного, умного и серьезного. Семейная жизнь ее была очень счастлива; с мужем она жила душа в душу, разделяя с ним радость и горе. Через год у Гарриэт Бичер-Стоу родились две дочери-близнецы, а через несколько лет она была матерью семерых детей.

Однако семейные обязанности и домашние заботы и хлопоты не заглушили в душе Бичер-Стоу интереса к участи черных невольников.

Вскоре Бичер-Стоу задумала написать повесть из жизни негров «Хижина дяди Тома».

В 1851 году были отпечатаны первые главы, а через полтора года вся книга была издана отдельно и в первые же недели разошлась в сотнях тысяч экземпляров. Вскоре появились переводы ее на всех языках; сама повесть была переделана для театра, давалась на сцене и привлекала тысячную толпу. Вся Америка, вся Европа заговорили тогда о неизвестной до тех пор жене профессора Стоу; тысячи писем полетели к ней с выражением сочувствия, благодарности и уважения.

Деньги, вырученные от продажи книг, навсегда выгнали бедность из семьи Бичер-Стоу. Но ни деньги, ни известность, ни слава не изменили простого трудового образа жизни писательницы. По-прежнему сама входит она во все, ведет домашнее хозяйство, занимается в своей домашней школе, где вместе с ее детьми учатся и дети негров, как бы в подтверждение того, что не на словах только проповедовала она о равенстве людей, но и на деле. В ее доме находят приют и помощь все преследуемые рабовладельцами негры; они смело идут к ней, зная, что встретят в ней свою защитницу и покровительницу. У нее образовалась целая контора для помощи неграм. Сюда присылаются со всех сторон деньги, потому что все верят, что писательница сумеет хорошо распорядиться ими.

Немного лет прошло со времени выхода в свет «Хижины дяди Тома», как в Америке произошла полная перемена. Прежде всего, был отменен закон о беглых невольниках, а затем пало и само рабство негров.

Цель жизни Бичер-Стоу была достигнута. Она исполнила то дело, которое была призвана исполнить, – она честно потрудилась для людей и тихо сошла с поприща жизни. Последние годы писательница провела в своем поместье, в кругу любимой семьи и близких друзей. Ей пришлось

пережить всех дорогих ей людей: ее муж, сестра, любимый брат – все умерли раньше ее. Эти потери так сильно потрясли ее, что она помешалась и вскоре умерла в лечебнице для умалишенных на 78-м году жизни.

22. Царица-гусляр

Народная сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицей. Пожил он с ней немалое время и задумал ехать в чужедальнюю землю. Отдал приказы министрам, попрощался с женой и отправился в дорогу.

Долго ли, коротко ли, – приехал он в чужедальнюю землю; а в той земле правил тогда злой король. Увидал этот король царя, велел схватить его и посадить в тюрьму. Много у него в тюрьме всяких невольников: по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них злой король хомуты и пашет пашню до вечера.

Вот в такой-то муке прожил царь целых три года и не знает, как ему выбраться оттуда, как дать о себе царице весточку. И выискал-таки случай, написал к ней письмецо. «Продавай, – пишет, – все наше имение да приезжай выкупать меня из неволи».

Получила царица письмо, прочитала его и заплакала: «Как мне выкупить царя: если сама поеду – увидит меня злой король и возьмет к себе вместо жены; если министров пошлю – на них надежды нет». И что же она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказавши; отправилась в путь-дорогу дальнюю.

Приходит она к злому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушать – не наслушаешься; король, как услыхал такую славную музыку, тотчас велел позвать гусляра во дворец.

– Здравствуй, гусляр! Из какой земли ты, из какого царства?

Отвечает ему гусляр:

– Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю и тем свою голову кормлю.

– Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий, а я тебя щедро награжу.

Гусляр остался; день-деньской перед королем играет, а тот все досыта не наслушается: «Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает!» Прожил гусляр у короля три дня и приходит прощаться к королю.

– Что же тебе за труды пожаловать? – спрашивает король.

– А пожалуй, государь, мне единого невольника; у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ для дороги. Хожу я по чужедальним государствам; иной раз не с кем слова вымолвить.

– Изволь, выбирай себе любого! – сказал король и повел гусляра в темницу.

Гусляр оглянул заключенных, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать.

Подходят к своему государству. Царь и говорит:

– Отпусти меня, добрый человек! Я ведь не простой невольник, я – сам царь; сколько хочешь, бери выкупа: ни денег, ни крестьян не пожалею.

Тут они распрощались и пошли каждый своей дорогой.

Царица побежала окольной дорогой, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гуслярское платье и нарядилась, как быть следует. Через час все забегали и засуетились во дворце. Царя вышли встречать все придворные. Царь обратился к ним и сказал:

– Вот какая у меня жена: как сидел я в неволе и писал ей, чтобы все добро свое продавала и выкупала меня, – ничего не сделала. О чем же она думала, коли мужа позабыла?

Министры доложили царю:

– Ваше величество! Как только получила царица ваше письмо, в тот же день скрылась она неизвестно куда и все это время пропадала; во дворец только сегодня явилась.

Царь сильно разгневался и приказывает:

– Господа министры, судите мою жену по правде истинной. Где она по белу свету таскалась? Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки-вечные, если бы не молодой гусляр; за него стану Бога молить, ему половину царства не пожалею отдать.

Тем временем царица успела нарядится гусляром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услыхал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, проводил во дворец и говорит своим придворным:

– Вот тот гусляр, что меня из неволи выручил.

Гусляр сбросил с себя верхнюю одежду – все тотчас узнали царицу. Тут царь возрадовался; начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и веселился.

23. Чудесный ящик

Григорий Дьяченко

Одна госпожа ежедневно замечала, что расходы ее по хозяйству неизвестно отчего увеличивались, и запасы домашней провизии слишком скоро издерживались. Она решилась посоветоваться о том с пустынником, жившим в лесу. Объяснив причину своего посещения, она говорила ему:

– Мое хозяйство совершенно расстроилось, что для меня кажется удивительным; я желала бы вас просить посоветовать мне, как его улучшить.

Пустынник просил ее немного подождать, потом принес небольшой закрытый ящик и подал ей, говоря:

– Надобно, чтобы вы целый год носили этот ящик три раза днем и три раза ночью в кухню, в погреб, в конюшню и во все хозяйственные заведения вашего дома. Обещаю, что вы увидите перемену. Через год вы должны возвратить мне этот ящик.

Госпожа, имевшая веру в действие таинственного ящика, в точности исполнила совет пустынника. Она постоянно в назначенное время ходила с ним по всем домашним строениям. На следующий день, когда она пошла в погреб, то застала там конюха, кравшего бутылку вина; в кухне – служанок, угощавших своих гостей разными кушаньями. В коровнике увидела коров, стоявших без корма в навозе, и в конюшне лошадей, которых вместо овса кормили сеном и никогда не чистили. И так она почти каждый день открывала новые неисправности в доме.

Когда год прошел, она понесла ящик к пустыннику и подала ему, говоря:

– Действительно, мое хозяйство сделалось гораздо лучше; я желала бы вас просить оставить на год еще у меня этот ящик, в нем справедливо заключается необыкновенная сила.

Пустынник с улыбкой сказал:

– Ящик я дать не могу, но, открывши его, вы сами увидите тот способ, который вы уже испытали собственным опытом.

Он открыл ящик, и госпожа увидела в нем лист бумаги, на котором было написано: «Чтобы в доме все шло должным порядком, хозяину нужно наблюдать за всем самому».

24. Материнская любовь (истинное происшествие)

По книге «Осень» Чистякова

I

В 1783 году на острове Сицилия было ужасное землетрясение, от которого прекрасный торговый город Мессина сильно пострадал.

Ужаснейшее землетрясение началось совершенно неожиданно; вся земля дрожала, как живая, поднималась и опускалась; из-под нее слышались какой-то наводящий ужас гул, треск, гром и стон. В это же время поднялся сильный ураган. Морские волны поднимались и со стоном разбивались о прибрежные скалы. Прибавьте к этому треск и грохот ломающихся зданий.

Люди бегали по улицам, кричали отчаянно, падали под развалинами домов, погибали или жалобно стонали от боли, не будучи в состоянии освободиться от навалившихся на них груд. Все это вместе представляло такую ужасную картину, что нет возможности описать ее.

Перед этим землетрясением были некоторые предвещавшие признаки, по которым сведущие люди догадывались о наступавшем бедствии; но, как всегда бывает, мало кто верил их словам; никто не принимал предосторожностей; только некоторые вовремя выехали за город.

После первого подземного удара, после первого колебания всякий бежал, кто только мог, чтобы спастись от падающих камней; но удары следовали так быстро один за другим, что многие погибли и в домах, и на улицах.

Общий ужас был так велик, что люди теряли всякое соображение; у них пропало чувство сострадания; они не обращали внимания на погибавших; всякий думал только о себе; никто не помогал встать упавшему, не вытаскивал придавленных из-под камней; все бежали с безумной торопливостью; каждый думал только о том, как бы поскорее выбежать за город. Отцы и матери позабывали о своих детях, и дети не вспоминали о родителях.

II

На лучшей улице Мессины стоял чудесный мраморный дворец маркиза Спадара, одного из богатейших людей острова Сицилия.

Богатства его были неисчислимы; жена у него была прекрасная, молодая и добрая; маленький двухлетний сын дополнял счастье маркиза; казалось, ему нечего было желать.

Он, подобно всем сицилианцам, был знаком с последствиями

землетрясения. От соседства таких огнедышащих гор, как Этна на Сицилии и Везувий в Италии, землетрясения бывают очень часто, но если они не сильны, то на них обращают мало внимания; напротив, если первые толчки так ужасны, как те, которые потрясли остров в 1783 году, то каждому известно, чего можно опасаться, и тогда у всех появляется только одна мысль: спасаться, бежать из города.

В несчастный день землетрясения маркиз Спадара сидел в комнате своей жены; сын их спал рядом, в другой комнате.

Вдруг дом задрожал и застонал от ужасного подземного удара; за первым ударом последовали второй и третий. Казалось, стены рушатся; двери сами собой хлопали; столы, стулья и шкафы падали; зеркала и картины срывались со стен и с грохотом разбивались; оконные стекла сыпались, полы и потолки трещали.

На улице и в доме послышался отчаянный вопль: «Землетрясение! Землетрясение!» Вся прислуга стремглав бросилась из дворца.

– Землетрясение! – воскликнула маркиза и без чувств упала на землю.

– Землетрясение! – повторил маркиз и с испугом вскочил. Он побледнел, как мертвец, и как бы закаменел – не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Но из-под земли раздались те ужасные звуки, о которых мы говорили; повторились еще толчки и возвратили ему сознание. Он взглянул на безжизненную жену, и в душе его мелькнула мысль: «Надобно спасаться. Надобно спасать ее». Сына он позабыл.

Он с силой отчаяния взвалил себе жену на плечи и бегом бросился со ступеней дворца, вон из колеблющегося дома.

– Куда бежать? – спросил он сам себя и с помутившимися мыслями в недоумении остановился на улице. Какой-то человек бежал мимо, заметил маркиза, потому что он мешал ему пройти, и крикнул:

– В гавань! В гавань! Чего стоишь? Когда на земле нет места, то вода спасет. А умирать, так утонуть лучше, чем умереть под развалинами!

Человек пробежал мимо; слова его пробудили в маркизе сознание, и он тоже побежал; там, в гавани, – спасенье: там большая яхта (корабль), и в ней места много.

У всех мессинских богачей всегда бывают свои лодки или маленькие корабли-яхты, чтобы ездить по прекрасному Средиземному морю, между островами, с которых веет ароматическим благоуханием цветущих апельсиновых и померанцевых деревьев. Море до сих пор служило местом прогулки; теперь же он надеялся отыскать на нем себе спасение. Он спешил к нему.

Земля после первых подземных толчков еще продолжала дрожать, и

ужасная сила скопившихся под ней испарений еще выражалась грохотом, стоном и как бы отдаленным раскатом грома. Сицилианцы знают, что если землетрясение начинается сильными ударами, что если за ними следует подземный шум и колебание продолжается, то, значит, это только начало ужасного бедствия и ударов будет еще много и землетрясение может продолжаться довольно долго. Все эти явления теперь наводили ужас на несчастных жителей Мессины, и все с безумной торопливостью спешили к морю, на открытое место. Маркиз тоже спешил, но непривычная тяжесть замедляла его шаги; во всякое другое время он не пронес бы жены своей по всем комнатам своего дворца, но теперь ужас смерти и отчаяние придавали ему двойную силу; он задыхался, ноги у него подгибались, но он шел.

Боже мой! По какому ужасному пути пришлось ему идти! Сколько препятствий на каждом шагу!

Воздух был наполнен пылью от разрушенных зданий; кроме того, сернистые испарения из земли делали его еще тяжелее для дыхания. Множество домов уже обрушились и своими развалинами загромождали улицы; колебания земли еще продолжались, и многие дома еще шатались и грозили падением. С чрезвычайным усилием маркизу надобно было перелезать через развалины, или, при счастливо разбросанных камнях, обходить их; но это удавалось редко и гораздо труднее было перелезать через груды щебня и камней. Иногда приходилось останавливаться и переждать или падение стены, или чтобы поднявшаяся на улице пыль улеглась хотя немного и открыла возможность смотреть, куда ступать. Опасность с каждым мгновением увеличивалась; земля дрожала сильнее, здания падали чаще и отчаяние бегущих усиливалось.

Из-под обломков иногда слышались стоны заживо погребенных или раздавался отчаянный крик раненых. Трупы попадались поминутно; усталые цеплялись за его платье и замедляли его шаги; он шатался от усталости, голова его кружилась от всех этих ужасов, волосы поднимались дыбом; он с отчаянием вырывался из рук несчастных, которые за него цеплялись, и спешил далее, далее от смерти; он не рассуждал, а, покоряясь инстинкту (влечению), шел далее, далее к морю. Одна только мысль наполняла его душу: «Скорее, скорее! Сейчас повторится удар, я не успею спастись!»

Силы его истощались, ноги подгибались; ему казалось, что он упадет и умрет тут же на месте. Он напрягал остаток сил, чтобы не упасть и добраться до спасительной гавани.

Вот перед ним прямая улица, оканчивающаяся морем; оно уже видно;

но и по нему ходят и мечутся белые волны и раздробляются пеной и брызгами; ветер и подземные силы крутят и пенят воду. Во всякую другую пору никому бы не пришла мысль отважиться выйти из гавани, но теперь одно спасение – на воде, и к ней-то спешил народ.

Ноги отказываются служить, маркиз шатается, как опьяневший, но он еще раз превозмогает свое смертное истомление, собирает всю свою силу, прорывается через густо сомкнувшиеся ряды народа и вбегает на набережную; перед ним мечется и рвется яхта, волнами ее подбрасывает; спасение близко – но несчастный не смог сделать и шага более и всей тяжестью своей двойной ноши без памяти рухнул на землю.

III

Постепенно ли маркиза приходила в себя или от сильного ушиба при падении, только глаза ее открылись; она обвела ими вокруг, бессознательно посмотрела на чужих людей, ее окружавших, потом взглянула на мужа, который, как мертвый, лежал подле нее, и бросилась к нему с отчаянным воплем:

– Он умер! Умер! Умер!

Женщина, стоявшая поблизости, сжалилась над несчастной, наклонилась к ней, оттащила ее и сказала:

– Нет, он жив, он только в обмороке, не душите его, он придет в себя. Вы сами были точно такие же, когда он притащил вас сюда. Должно быть, от усталости и от страха с ним сделался обморок. Вы только отойдите от него, дайте ему воздуха, он очнется.

Эти слова успокоили маркизу; она приподнялась, но в это мгновение вспомнила о сыне; она вскочила, испуганно оглядываясь, искала его глазами и вдруг закричала раздирающим голосом:

– Сын мой! Где сын мой? Я его не вижу! Скажите, где он?

– Неужели у вас есть сын? – спросила та же женщина. – Если есть, то не знаю, где он. Он не приходил с вами и с отцом, должно быть, отстал. С мужем вашим никто не приходил. Никого не видела, – повторяла женщина.

– Боже мой! Он там! – воскликнула маркиза еще раз голосом нечеловеческим и страшным – в нем слышались горе, отчаяние и страдание материнской любви. Голос этот проник в сердце маркиза; он очнулся, приподнялся на локте, успел схватить жену за подол платья и сказал едва слышно:

– Ты передо мной лежала, как мертвая, я тебя схватил, вынес из города, но о сыне не вспомнил. Никого из людей наших не видел; если бы видел, то наверное вспомнил бы о нем и кому-нибудь поручил бы вынести

его из дома. О, умилосердитесь! – прибавил он к окружающим, – спасите моего сына, я маркиз Спадара, я богат, отдам половину всего, что имею, тому, кто спасет мое дитя. Я сам не могу. У меня нет сил. О, спасите его! – и слезы потекли по бледному лицу полуживого, истомленного маркиза.

– О, видно, что ты не мать! – воскликнула маркиза, вырывая у него из рук платье, за которое он держался, и бросилась вперед.

– Ради Бога останься! Спасти его нельзя! Умоляю тебя, останься! Не ходи, себя погубишь, а его не спасешь!

На отчаянный вопль она остановилась, оглянулась и отвечала:

– Не могу. Должна идти. Спасу сына или умру вместе с ним!

И опять побежала. Маркиз приподнялся, с отчаянием кликнул ее по имени и опять в беспамятстве упал на землю.

Еще раз остановилась она, с любовью и горестью взглянула на мужа, который, как мертвый, лежал на земле, но не осталась, а бросилась вперед, в город, навстречу ко всем, бегущим из него. Она не бежит, а летит, еле касаясь земли; ее распустившиеся волосы развеваются по ветру. Вот она исчезла в городских воротах.

– Остановите эту женщину! – кричат за нею, – она с ума сошла, бежит в город, там смерть.

Некоторые встречные пытаются остановить ее, но она всех отталкивает и спешит вперед. Ничто не может замедлить ее бега; она верным взглядом заранее выбирает себе дорогу, перескакивает через камни, бревна и кучи мусора: ее тянет сильнейшее чувство женского сердца – материнская любовь.

Она видела перед собой колыбель своего сына, только мысль о нем занимала ее. Никакое внешнее впечатление не доходило до нее: она не слыхала отчаянных криков раненых и погибающих; она не замечала, что колебания земли с каждым ее шагом усиливаются; она не предугадывала близости новых подземных ударов. До нее не долетали подземные громы, которые то трещали, как будто кто-нибудь бросал там железными полосами, то стучали, как будто кто катает железными шарами, и наконец разражались оглушительным треском. Она спешила вперед без устали и остановок. Не думая и не выбирая дороги, она все-таки не сбилась и бессознательно бежала по самому прямому и короткому направлению. Вот перед ней церковь, в которой она всегда молилась, но ее колокольня обвалилась и засыпала собой все соседние дома; сам корпус здания расселся сверху донизу и мог тотчас упасть.

– Боже мой, дай мне силы спасти моего Альфонса! – воскликнула она.

Только одна улица осталась, совсем недалеко. Стоит ли дом? Мысли,

одна другой страшнее, толпятся в ее голове; сердце бьется все сильнее и сильнее; дыхание с усилием вырывается из ее полуоткрытого рта; но бег ее такой же быстрый, как и вначале; никакое препятствие не останавливает ее. Она огибает последний угол. Мраморный дворец стоит невредимо, как прежде; землетрясение не пошатнуло его.

Сердце несчастной матери радостно сжалось и потом забилось так, как будто оно хотело выпрыгнуть.

– Боже мой, дай мне найти мое дитя, а там делай со мной, что хочешь.

Среди обрушившихся домов, в печах и каминах которых горел огонь, вспыхнул пожар и с каждым мгновением распространялся все далее и далее. Соседние с дворцом остатки домов пылают; пламя уже коснулось дворца; крыша дымится, переплеты окон загорелись. Ветер свищет, ревет и распространяет пожар; чего еще не разрушило землетрясение, то погибло от пламени.

Маркиза не видит пожара, не видит, что огонь уже охватывает ее дворец; она вбегает в отворенную дверь, вверх по мраморным ступеням лестницы; безостановочно пробегает отворенные комнаты, в которых валяются дорогие вещи; она топчет их, не видит, и всей душой стремится туда, где лежит ее счастье, ее сын.

В одной детской дверь не отворилась; мать с замирающим сердцем отворяет ее, и перед ней колыбель посреди комнаты, как стояла, и от колебания земли только сильно качается. Мать бросается к ней и видит: сын ее спит, укачиваемый землетрясением. Мать вскрикнула от радости; малютка проснулся, улыбнулся сквозь сон и протянул ей руки. Она схватила его и прижала к замирающему сердцу; на мгновенье подняла глаза с благодарностью к небу, прошептала молитву – и спешит вон из этого страшного, прежде милого дома.

Но тут подземный гром грянул сильнее, земля дрогнула от сильного удара; полы и стены колеблются; мать с ужасом летит к знакомой лестнице, но в ту минуту, когда хочет ступить на нее, она с грохотом рухнула, и из зияющей глубины поднялся густой дым, и пыль взвилась столбами. Маркиза чуть-чуть с разбега не соскочила в глубину, но вовремя вернулась назад и бросилась к другой лестнице; выходов много; вот она у второй – и этой уже нет. Предсмертный ужас охватил ее душу; она не знает, куда ей деваться, но вовремя вспомнила, что есть еще один выход. Она бросается в один длинный, узкий коридор, в конце которого была узкая витая лестница в стене: она вела в нижний этаж. Маркиза бежит с отчаянной скоростью и с трепетом прижимает к себе младенца; за ней обваливаются потолки, стены шатаются больше и больше. Едва сбежала

она в нижний этаж и успела дойти до окна, которое выходило на террасу, новый подземный удар потряс всю землю, и казалось, она распадается, потолки и крыши обвалились, от прежнего великолепного дворца осталась груда камней.

Несчастная мать успела выскочить в окно; ее задело по голове куском падавшего карниза; кровь бежала по лицу ее, но она, не помня себя, не чувствуя боли, бежала по двору; слышала, как за ней все рушится, чувствовала волнообразное движение земли; добежала до берега пруда посреди сада и без чувств повалилась на землю.

Долго ли она пролежала – неизвестно, но когда пришла в себя, первое, что поразило ее, – это плач дитяти. Когда она очнулась, то увидела, что при падении своем прижала сына к земле так, что он не мог высвободиться и плакал, потому что ушибся и ему было тяжело. Убедившись, что он здоров, маркиза посмотрела кругом.

Ей было жарко от пламени, которое стояло над дворцом и дожигало то, что еще оставалось после землетрясения; некоторые деревья в саду сгорели; повсюду дым, смрад и удушливый жар. Но посреди картины истребления в душе маркизы проснулось чувство глубокой благодарности. Она бросилась на колени и со слезами благодарила Бога за свое чудесное спасение и спасение своего дитяти. Потом успокоила его, обмыла кровь у себя с лица, завязала себе платком голову, потому что кровь еще лилась, взяла малютку на руки и пошла отыскивать или выход из сада, или место, где можно было бы переждать пожар.

Земля не колебалась более, только под ней все еще слышался гул и она изредка вздрагивала. Ветер свистал с ужасной силой. Маркиза с трудом передвигала ноги; она истомилась от напряжения, от двух обмороков и от большой потери крови. Она пошла к одному выходу из сада, но навстречу ей дым и пламя от соседнего дома; в другом месте еще груда неостывших и тлевших развалин загораживала ей дорогу и т. д. Куда она ни направлялась, везде что-нибудь загораживало ей выход. Она была, как на острове посреди пылающего моря огня.

Жар становился нестерпимым; несчастная женщина не знала, чем защищать дитя; наконец вспомнила о земляном подвале, в котором прятали земледельческие орудия; она поспешила туда и в его сырой глубине нашла защиту от пылавшего кругом пожара. Она просидела тут несколько часов; сын ее, утомленный плачем, уснул; она скинула с себя часть одежды, укутала малютку, подложила под его голову травы и положила его на землю.

Альфонс уже несколько раз просил есть, и когда он уснул, первой

мыслью ее было: нельзя ли где-нибудь найти съестного. Она пошла ходить по саду, нашла с пяток спелых апельсинов да две груши и принесла их в свой земляной подвал. Пожар все еще продолжался, но подземные удары и сотрясения прекратились.

Плоды на этот день утолили голод маленького Альфонса; мать его надеялась, что к утру пожары уймутся и можно будет попытаться выйти из сада и поискать маркиза, который теперь, может быть, тоскует и плачет о них как о умерших. Ночь для маркизы прошла бессонная, в тревоге и печали: маленький Альфонс озяб и плакал. Наутро мать дала ему последнюю грушу, оделась, взяла его на руки и пошла ко дворцу, надеясь через него выбраться на улицу; но тут с одной стороны лежали такие груды камней, что по ним не было возможности сделать и шага; с другой стороны еще курилось, раскаленные обломки лежали огненной грудой и зола едва прикрывала уголья.

– Нет, здесь нет выхода, – подумала маркиза и печально пошла искать другого выхода.

Беспокойство ее возрастало; Альфонс плакал. Она медленно шла вдоль развалившейся ограды сада и отыскивала, нет ли где выхода. Наконец в одном направлении не было видно огня, только лежали развалины. Маркиза вернулась назад к пруду, напилась воды, напоила сына, сорвала ветку с незрелыми апельсинами и пошла.

Путь пришлось ей выбрать невообразимо трудный: на каждом шагу надобно было карабкаться на груду камней, или перелезать через стену, или пробираться между наклонившимися и нависшими камнями, которые с каждой минутой могли обвалиться и раздавить ее своей тяжестью.

Она никак не могла отыскать знакомой улицы: все были до того завалены и искажены, что ни одной нельзя было узнать.

Только к вечеру начали ей попадаться люди, которые вскользь отвечали ей на вопросы и спешили отыскивать тех, которых потеряли в этом бедствии.

По этим кратким и неточным указаниям маркиза, однако ж, выбралась наконец на такое место, откуда была видна пристань. Она совершенно изнемогала, потому что двое суток ничего не ела; малютка Альфонс плакал от голода; слава Богу, тут есть люди, можно что-нибудь купить. Денег у нее с собой не было, но она вынула серьгу, и ей за нее дали булочку, которая хоть немного утолила ее голод и голод дитяти.

Она села на ступеньку набережной и задумалась: «Где найти мужа? – спрашивала она себя. – Здесь все чужие, я всех боюсь. Жив ли он? Вчера я видела, как он упал, точно мертвый. Господи! Ты меня вывел из огня, Ты

меня оградил от падающих камней, Ты меня вывел к людям. Господи, дай мне найти моего мужа, отца моего сына!»

После этой короткой молитвы она поднялась и слабым тусклым взглядом обвела вокруг себя; везде люди копошатся, хлопочут, суетятся; но нигде ни одного знакомого лица. Маркиза взглянула на море; там сотни лодок, лодочек и больших судов, которые, как чайки после бури, оправлялись и стремились к земле, теперь спокойной и опять на время безопасной.

IV

Бедная женщина задумчиво глядела вдаль, думала о том, как бы ей узнать, что стало с ее мужем.

– Это вы, прекрасная сеньора? – вдруг послышался за ней знакомый голос. Маркиза обернулась: за ней была та же женщина, которая накануне показала ей свое сочувствие.

– И сын ваш жив и спасен? Над вами свершилось чудо, Святая Божия Матерь охраняла вас, – и еще многое в этом тоне говорила словоохотливая старуха.

Выбрав минуту, когда можно было сказать слово, маркиза спросила:

– Что сделалось с моим мужем, где он? Я его вчера здесь оставила.

– Ах, бедный, бедный, как он убивался по вас; очнется от обморока придет в себя, крикнет: «Изабелла», и опять потеряет чувства. Так пролежал он до темной ночи. Море стало потише, матросы с одной большой, красивой яхты сошли на берег, один наткнулся на вашего мужа, всплеснул руками и воскликнул:

– Ах, Боже мой, да это сеньор, надобно спасти его.

Он позвал другого моряка, и они вдвоем отнесли его на яхту, где он и по сю пору лежит.

– Нет ли тут лодки, нельзя ли меня отвезти к яхте? Там за это заплатят! Я бы сейчас дала денег, но у меня нет с собой.

– Время-то, сеньора, теперь плохое; у каждого свое горе, даром никто шагу не сделает.

– Вот серьга, одну уже я отдала, а эта стоит сотню червонцев; возьмите ее, но поищите для меня лодку и лодочника.

Старуха с жадностью схватила серьгу, на лету поцеловала руку маркизы и исчезла. Через пять минут она привела молодого рыбака и сказала:

– Сеньора, вот внук мой, Луиджи, он вас отвезет на яхту; она стоит вон там, на том конце гавани, поближе к выходу в открытое море.

Маркиза с сыном сели в лодку; молодой Луиджи ударил веслами, и

маленькая лодочка полетела по спокойному заливу; свидание маркизы с мужем было трогательное.

Маркиз был болен, но при виде жены и сына какая болезнь не прошла бы? Особенно, если она произошла, как эта, от горя, что потерял их.

С этого времени маркиз уехал из Мессины и переехал в Северную Италию, где таких землетрясений не бывает, и не хотел больше жить в больших каменных домах, а выбирал себе всегда деревянные. Счастье их более не нарушалось землетрясением. Альфонс вырос, сделался умным и добрым человеком.

25. Казачья колыбельная песня

М.Лермонтова
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю!
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!
По камням струится Терек[53],
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал.
Но отец твой – старый воин,
Закален в бою;
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю!
Сам узнаешь – будет время –
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю!
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой;
Провожать тебя я выйду,
Ты махнешь рукой!..
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью...
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю!
Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,

По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю!
Дам тебе я на дорогу
Образок святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой,
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю!

26. Материнская молитва

Из «Воскресного чтения»

Сын одной бедной вдовы попал в худое общество. Мать постоянно, но безуспешно упрашивала его оставить своих дурных товарищей. Однажды, увидев, что сын собирается к своим друзьям пьянствовать, она употребила все усилия удержать его, но напрасно.

– Прощайте, я все-таки иду, – сказал он ей холодно.

– В таком случае, – ответила мать, – я знаю, что сделаю. Я затворюсь в своей комнате, стану на колени пред образом и не перестану молиться за тебя до тех пор, пока ты не возвратишься.

Сын ушел, но не нашел желаемого удовольствия. Образ его матери, на коленях молящейся за него перед иконами, представлялся ему все яснее и неотвязчиво теснился в его воображении... Наконец он решился идти домой и посмотреть, что делает мать. Он застал ее в том же коленопреклоненном положении, в каком оставил ее, сам упал на колени перед нею, обнял ее и благодарил Бога за то, что Он дал ему такую многолюбящую мать. С этих пор он совсем переменился.

27. Совет благоразумной супруги

По «Воскресному чтению»

У матери блаженного Августина супруг был весьма вспыльчив и крут нравом; но она жила с ним согласно и спокойно, так что подруги ее, часто ссорившиеся со своими мужьями, просили у нее совета, как бы смягчить их строптивый нрав. «Любезные подруги, – отвечала она, – вы сами виноваты, что терпите большие оскорбления от своих мужей: вы на каждое оскорбительное слово их отвечаете с досадой, и взаимным оскорблением тем больше их огорчаете. А я, когда вижу, что муж сердит, молчу и только в душе своей молюсь Богу, чтобы возвратилась тишина в его сердце. Его вспыльчивость проходит сама собой, и я бываю всегда спокойна. Подражайте мне, любезные подруги, и будете также спокойны».

28. Картина прекрасной семейной жизни, по описанию Тертуллиана

Христианский писатель III века Тертуллиан рисует такую картину семейной жизни.

«Как счастливо супружество, одобренное Небом. Как описать мне счастье супружества, соединенного Церковью, подтвержденного Таинством, закрепленного благословением, – супружества, о котором объявляют ангелы и которое Господь Отец считает действительным. Как благословенна свадьба двух верующих с одинаковой надеждой, одинаковым благочестием, общими ко всему чувствами. Они братья, оба вместе трудятся, они вместе молятся, просвещают, ободряют и поддерживают друг друга. Они неразлучны в церкви Божией, в радостях, горе, преследованиях и утешении. Никто из них не избегает другого, никто не суров. Добровольно они навещают больных, помогают бедным. Господь Иисус Христос, видя подобное, радуется, Он посылает им мир Свой. Где они, там и Он, и диавол бежит от них».

29. Муж и жена

Никитина

Девятнадцати лет после смерти отца
Я остался один сиротою;
Дочь соседа любила меня, молодца;
Я женился и зажил с женою.
Словно счастье на двор мне она принесла –
Дай Бог Царство Небесное бедной!
Уж такая-то, братец, хозяйка была –
Дорожила полушкою медной.
В долгий вечер, бывало, лучину зажжет
И прядет себе, глаз не смыкая;
Петухи пропоют – ну, тогда отдохнет
И приляжет. А чуть рассветает,
Уж она на ногах: поглядишь – побежит,
И овцам, и коровам даст корму,
Печь истопит и снова за прялкой сидит.
Или что прибирает по дому.
Летом рожь станет жать иль снопы подавать
С земли на воз, и горя ей мало.
Я бывало, скажу: «Не пора ль отдыхать?»
«Ничего, – говорит, – не устала».
Иногда ей случится обновку купить
Для утехи, так скажет: «Напрасно!
Мы без этого будем друг друга любить;
Что ты тратишься, сокол мой ясный!»
Как в раю, с нею жил... Да не нам, верно, знать,
Где и как нас кручина застанет.
Улеглася жена в землю на веки спать...
Вспомнишь – жизнь не мила тебе станет.

30. О женских пересудах

Сост. по книге «Подвижницы Восточной Церкви» Филарета, архиеп. Черниговского

Блаженная Елизавета, будучи при жизни настоятельницей одной из женских обителей, ревностно заботилась о спасении сестер ее о Господе. Опытная подвижница, хорошо знавшая сердце женщин, внушала сестрам и женам особенно остерегаться злоязычия как греха, очень частого между женщинами. «Кто, изворачиваясь во лжи, – говорила она, – думает, что высказывает тем ум и силу, тот ошибается до жалости: он – послушное орудие сатаны, отца лжи. Отец тьмы наводит на такую душу тьму, она не сознает грехов своих, не видит своей опасности и остается в бесчувствии. Говорливость женская тем более грешна, что при недостатке рассудительности и раздражительности сердца расточаем мы чаще всего пустоту, ложь, клевету, легкомыслие, вредные для себя и других. «Сердце праведного подумав отвечает, а уста беззаконных рекою льют худое», – говорит премудрый (Притч. 15:28). Что обнаруживает собой болтливое злоязычие? Злость гордости, беснующейся от своей слабости. В бедности женщина по зависти чернит других; богатая унижает других по гордости. Сколько бед, сколько страданий выходит от того для людей! Как все это пагубно для бессмертной души! Любите друг друга, а не злобствуйте, сказано нам».

31. «Положи, Господи, хранение устом моим»

Из журнала «Кормчий»
Пророк и царь, певец Творца вселенной!
Из уст твоих могучею волной
Лилась хвала, и песни вдохновенной
Дивился мир, и вторил звук святой.
Но молишь ты, чтоб Бог, тобой воспетый,
Запечатлел хвалебные уста.
Певец! Твоей певницею согретый,
Мой дух смущен... Твоя ль молитва та?
Ведь слово – дар, дар Божий, чище злата,
Ценней всех благ, дар, всех даров святей;
Не им ли мы врачуем язвы брата,
Громим порок, смиряем пыл страстей?
Не им ли мы и горе, и тревогу
Спешим друзьям иль небу передать?
В нем мысль и дух, оно ведет нас к Богу,
Отъемлет грех, низводит благодать.
Хвала Творцу от первых дней творенья
Звучала в нем – как эхо чистых дум.
Да, слово – дар! Но в страшный день паденья
Померкла мысль, оземленился ум.
И стал язык, язык – певница слова –
Органом зла, и зла, всех зол страшней:
Он вне преград, его стрела готова
Разить врагов, и ближних, и друзей.
Семейный рай он может сделать адом,
Набросить тень на правду и на честь,
Воздвигнуть брань меж царств, и града с градом,
Смутить умы, раздуть вражду и месть.
Пророк, ты прав! И в день поста священный
Сияет храм, струится дым кадил,
Затем, чтоб мир коленопреклоненный
Храненья уст у Господа просил.

32. Избегай злоречия

Из книги «Моя жизнь во Христе» протоиерея Иоанна Сергиева

Злой и гордый человек готов видеть в других только гордость и злобу и рад, если о ком-либо из его знакомых, особенно счастливо, богато живущих, но не близких к нему душевно, говорят худо, и чем хуже, тем более радуется, что другие худы, а он совершеннее их, и готов видеть в них только одно зло и сравнивать их с бесами. О злоба! О гордыня! О отсутствие любви! Нет, ты отыщи и в злом человеке что-либо доброе и порадуйся об этом добре, и с радостью говори об его добрых качествах. Нет человека, в котором не было бы какого-нибудь добра; зло же, в нем находящееся, покрывай любовью и молись за него Богу, чтобы Бог лукавыя благи сотворил благостию Своею. Не будь сам злою бездной.

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

33. Не осуждай

Из книги «Моя жизнь во Христе» протоиерея Иоанна Сергиева

Когда мы слышим какие-либо дурные отзывы о каком-нибудь человеке, то, внутренне сравнивая его с собой, говорим в сердце своем: я не таков, я, в сравнении с ним, совершенство, и мечтая так о себе, и осуждая внутренне других, услаждаемся своим превосходством пред ними. Это – гордость сатанинская, это – зловоние плотского, греховного человека. Да бегут из души прочь такие помышления! Да помышляем мы себя худшими всех людей. Когда будут о ком отзываться дурно, вздохнем и скажем про себя: мы хуже, грешнее этого человека во сто раз, и от души помолимся об осуждаемом брате.

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

34. Изречения слова Божия о мире с ближним

Так говорит Господь Саваоф: любите истину и мир (Зах. 8:19).

Мир имейте между собою (Мк. 9:50).

Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в едином духе (1Кор. 1:10).

Будьте в мире между собою (Кол. 5:13).

Ищи мира и следуй за ним (Пс. 33:15).

Держись мира со всеми, призывающими Господа от чистого сердца (2Тим. 2:22).

Будем искать того, что служит к миру (Рим. 14:9).

Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним (Мф. 5:25).

Если возможно с своей стороны, будьте в мире со всеми людьми (Рим. 12:18).

Старайтесь иметь мир со всеми (Евр. 12:14).

Весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не терпеть лишения? (1Кор. 6:7).

Кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла; ищи мира и стремись к нему (1Пет. 2:10–11).

Будьте единомысленны, мирны, и Бог любви и мира будет с вами (2Кор. 2:11).

Коварство в сердце злоумышленников, радость у миротворцев (Притч. 12:20).

Блаженны миротворцы: ибо они будут наречены сынами Божиими (Мф. 5:9).

35. Заповедь Христа

Из журнала «Кормчий» 1900 г.
Если ты врагам не хочешь
От души обид простить,
То и сам напрасно будешь
У Творца того ж просить.
Только тот получит милость
Отпущения грехов,
Кто с любовию прощает –
Молит Бога за врагов.
Помня заповедь Христову,
Братья, будем же всегда
В мире жить, любить друг друга,
Зла не делать никогда!

36. Есть женщины в русских селениях

Н.Некрасова
Есть женщины в русских селеньях
С покойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, –
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет – словно солнце осветит!
Посмотрит – рублем подарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет.
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.
И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!
По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.
Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» –
Твердят мужики меж собой.
В игре ее конный не словит,
В беде – не сробеет, – спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:

Семейство не бьется в нужде,
Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.
Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди;
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,
Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

37. Пословицы из вседневной жизни

Порядок – душа всякого дела.
Хозяйкой все стоит.
Один раб двум господам не служит.
Всякий человек у дела познается.
Человек красит место, а не место человека.
За честное обхожденье всегда получишь почтенье.
Начинаючи дело, о конце размышляй.
Скажи, с кем ты знаком, а я скажу, кто ты таков.
Доброе братство лучше богатства.
Новых друзей наживай, а старых не забывай.
Старый друг лучше новых двух.
Друг познается в несчастье.
Кто кого любит, тот того и слушает.
Где любовь, там угожденье; где же страх, там принужденье.
Любовь братская лучше каменных стен.
Займом богат не будешь.
Береги денежки про черный день.
Не выноси из избы сору, так меньше будет вздору.
Не плюй в чужой колодезь: случится в нем воды испить.
Частые пирушки изведут полушки.
Чем богат, тем и рад.
Потчевать потчуй, а неволить – не неволь.

38. Тайная подвижница крестьянка Пелагия

По журналу «Странник»

Как много иногда таится дивной, небесной любви в сердце крестьянина! Но кто даже и подумает предполагать здесь урок для христианского назидания? Я расскажу об одной труженице – Пелагие, жившей лет шестьдесят тому назад в деревне Шипилове Костромского уезда.

Эта крестьянка жила в одном доме с двумя невестками, которых мужья большую часть года находились в отлучке для заработков. Домик у них был маленький и небогатый; кроме одной тесной избы, в которой они помещались, на дворе построена была еще так называемая скотница, или нечто вроде хлева для впуска домашнего скота. Пелагия сначала жила с детьми в одной комнате; но потом для тайных ночных подвигов молитвы и богомыслия стала уходить в хлев, где и проводила целые ночи, и ложилась спать только перед рассветом. Наконец, чтобы скрыть свои подвиги от людских взоров, она решилась и навсегда остаться в душной избе, и только изредка ночевала с ней одна любимая невестка. Она не хотела, чтоб кто-нибудь, кроме этой невестки, видел ее молитву. И между тем как последняя сидела в той избе и занималась рукоделием, Пелагия уходила в сени и молилась. Пища ее была самая грубая; она даже придумала для себя особенную пищу, именно: густо разбалтывала ржаную муку, и это сырое тесто употребляла вместо хлеба, да и то очень мало, другую же пищу принимала редко. Днем она, по обыкновению, пряла лен, а заработанные деньги разделяла на две части: одну часть отдавала в церковь, а другую бедным, притом подходила к дому бедного тихо и клала свое подаяние на окно, немного открыв его.

В одну ночь труженица, по своему обыкновению, молилась в сенях, а сноха спала в избе. Пред утром сноха пробудилась и увидела, что свекровь ее стоит на коленях в молитвенном положении. Постояв несколько минут в страхе и смущении, она сказала ей: «Матушка, а матушка!» Но ответа не было: матушка уже была холодна. Тут пришла и другая сноха для домашней работы. Видя, что свекровь их умерла, они одели тело усопшей и положили его на стол, а на третий день положили в гроб и собрались уже везти ее в церковь, как вдруг лицо ее оживилось, она открыла глаза, откинула руку и перекрестилась. Семейство испугалось и бросилось в печной угол. Спустя несколько времени ожившая сказала тихим голосом: «Дети! Не бойтесь, я жива»; и потом поднялась, села и при помощи

окружающих встала из гроба.

– Успокойтесь, дети, – говорила она, – вы испугались, почитали меня мертвой? Нет, мне назначено еще немного пожить. Бог, по благости Своей, желает спасения всякому и, таинственными судьбами руководя нас к блаженству, так все устрояет, чтобы и самая смерть, и возвращение к жизни служили многим на пользу.

Что было с ней, когда считали ее умершей, об этом она почти ничего не говорила; только со слезами увещевала детей своих жить благочестиво и удаляться от всякого греха, утверждая, что великое блаженство ожидает праведных на небе и ужасны мучения нечестивых в аду. После того она продолжала свою труженическую жизнь еще шесть недель, умиленно устремляя мысленный взор свой в страну небесного отечества, и наконец переселилась в небесные кровы.

39. Самоотверженный подвиг русской женщины, жены железнодорожного мастера

Из журнала «Кормчий»

В журнале «Воскресенье» напечатан рассказ женщины-врача о самоотверженном подвиге жены одного железнодорожного мастера, по имени Настасья, за каковой подвиг она получила золотую медаль. Вот как об этом рассказывала сама Настасья.

– Это было в прошлое лето, вскоре после Ильина дня. Мужу нужно было ехать по службе. Я накормила его обедом и, когда он сел с рабочими на дрезину (передвигающийся по рельсам экипаж) и уехал, вздумала на село сходить по своим делам. Взяла я с собой детей, заперла дом и отправилась. День-то был такой ясный, хоть бы тебе облачко; только уж парило больно. На селе-то я и засиделась. Зашла к матушке, а она у нас такая ласковая, разговорчивая, да мы с ней к тому же и знакомство ведем; без чаю не отпустила, а там поговорили немного – и не заметили, как время-то прошло. Стала я собираться домой, простилась. Вышла на крыльцо: глядь, туча находит, да такая грозная, страшная. Все-таки я пошла не робея. Вася уснул у меня на руках, а Таня ухватилась за мое платье и улепетывает за мной, а сама все болтает, разговаривает. Вдруг как грянет над нами гром! Мать сыра земля застонала... Я с ребенком и Таня – так мы все и рухнули на землю. И почудилось мне тогда, будто все деревья под корень повалило, – такой ужасный треск по лесу пошел. Опомнилась я чуточку, вижу: все мы в воде лежим. Вася раскричался благим матом... Встали мы с Таней. Ливень идет такой, что и под деревом укрыться нельзя, и укрываться было незачем – промокли мы все до костей. Подумала я тут, что уж лучше скорей домой бежать, укрыться от беды. Спускаемся мы это так, глядь – а с этой стороны насыпи по низине вода разлилась и уж поднялась в иных местах вровень с насыпью; трубу каменную, через которую вода должна была стекать, вижу – совсем затопило. Стали мы забирать левее, где насыпь была выше, добежали до насыпи, взобрались на нее, смотрим: уж и с другой стороны вода низину затопляет и уж к самой нашей казарме подступает. Побежали мы по полотну; чем ближе к переезду, тем выше вода с одной стороны полотна становится, а в иных местах и до шпал добралась, вижу: насыпь размывает. Потом уже насыпь совсем под водой скрылась. Сошла я с насыпи и побежала к дому; он уже был водою окружен, пришлось прямо по воде идти. Добежали мы; отперла я дверь, достала из сундука сухие рубашки, переодела детей, хотела было и

сама переодеться – глядь, а вода уж снизу из-под половиц начала выступать. Бросилась я тогда из сундука, где белье и платье лежало, выбирать и класть повыше, чтобы не подмочило; но всего еще не успела выбрать, как вода в комнате по щиколотку поднялась. Посадила я детей на подоконники. Вижу, смеркаться начинает. Дождь, слышу, утих. Дай, думаю я, поскорее переодеться, заберу ребят, да и уберусь отсюда подобру-поздорову, пока ночь совсем не наступила. Вдруг я услышала вдали свисток и догадалась, что это пассажирский поезд: он всегда мимо нас в этот час проходил. Вспомнила я, что насыпь-то теперь размыта, отворила дверь и начала кричать сторожу, но никто мне не отозвался. Подумала я только, что ведь это поезд-то перед выемкою свистел, что от нас до этой выемки, если прямо, версты три будет, а если по линии, так и всех семь наберется, потому что линия поворачивала к нам от выемки большим закруглением. И тут меня словно подтолкнул кто. Вбежала я в комнату, схватила красный фонарь, зажгла его, пересадила детей на стол, в угол, под образа – стол был выше подоконников – и приказала дочери:

– Сиди, Таня, держи крепче Васю и не урони! Сиди до тех пор, пока я приду.

Попался мне под руки ухват, я его и захватила с собой вместо палки. Выбежала я на улицу и полетела по ней. Вода уже везде лилась через полотно и доставала мне чуть не до колен, а в иных местах, где полотно размыло, я и по пояс ныряла и только все поднимала фонарь, боясь, как бы его не залило водой. Но в одном месте полотно размыло так глубоко, что, не догадайся я взять ухвата, наверное бы тут и сама утонула. Вода бурлила в промоине, словно речка в половодье; померила я глубину – весь ухват ушел, и до дна не достала. Эх, думаю, неужто Бог не пронесет? Недалеко мне оставалось уж добежать до подъема, где дорога не должна быть залита. Пощупала я ухватом под водой рельсы и шпалы: вижу, они не опустились. Сотворила я крестное знамение и стала через промоину по шпалам переходить. Тут-то мой ухват мне всего больше пригодился. Перебралась я благополучно и побежала дальше. Вот, вот уже недалеко, думаю... Вдруг поезд из-за поворота показался. Тут уже я и ухват бросила и побежала, ничего не разбирая, ему навстречу, а сама все фонарем машу. Слышу – частые свистки раздались; у меня на сердце сразу полегчало, приостановилась я и перевела дух. Вот, вижу, и поезд остановился. Когда я подошла туда, там уже много пассажиров повышли, окружили меня и стали было расспрашивать, но тут только я вспомнила о детях и закричала не своим голосом:

– А, дети, дети мои! Их там зальет водой!

И бросилась было бежать назад; но меня удержали. Сейчас же кондуктора и несколько человек из пассажиров с фонарями отправились к будке, а меня ввели в вагон. Помню я, что вся храбрость моя куда-то пропала, и силушки не стало; опустилась я на диван, вся разбитая, изломанная, словно больная, и начала плакать, как малый ребенок. Меня окружили барыни, сняли с меня мокрое, окутали чем-то сухим и все уговаривали меня, успокаивали, а некоторые и сами плакали. Не знаю, сколько времени прошло, смотрю: отворяется дверь, несут моего Васю и Таню ведут. Сразу вся тяжесть и горе тогда с сердца свалились. Схватила я на руки мальчика, а Таня сама впилась в меня... Заласкали тогда совсем моих детей барыни, – окончила рассказ Настасья, – сколько им конфет, денег и разных подарков надавали, пока поезд назад к станции двигался...

Простой, безыскусный рассказ Настасьи производит большое впечатление. Эта женщина, не умевшая высказать того, что она перечувствовала и передумала в моменты, когда бросала в опасности собственных детей и рисковала своей жизнью, очевидно, сама не сознавала всей величины нравственного подвига, совершенного ею.

Вот они – истинные-то герои!..

40. Геройский подвиг крестьянки Софьи Осетровой

Из журнала «Кормчий»

Не так давно в газетах сообщалось о самоотверженном подвиге крестьянки села Песчаный Брод Софьи Осетровой. Проходя недалеко от реки, Осетрова услышала отчаянные крики о помощи и, подбежав к реке, увидела, что какой-то мальчик, катавшийся по льду, провалился в прорубь и тонет. Лед был очень тонок, так как река недавно покрылась им, и ходить по нему взрослому человеку было крайне опасно. Недолго думая, Осетрова сбросила с себя верхнее платье, несмотря на мороз, и, разбивая лед ногами, поспешила добраться до утопающего. Острый лед врезался в тело самоотверженной крестьянки, но она, не обращая никакого внимания на струившуюся из пораненных мест кровь, точно не чувствуя никакой боли, геройски стремилась к своей цели и успела вовремя схватить мальчика, которого стало уже уносить под лед. Выбравшись с мальчиком на берег, крестьянка стала его откачивать, и скоро ей удалось привести его в чувство; тогда только она заметила свои раны и обильно струившуюся из них кровь. Обессиленная и окоченевшая от холода, добралась кое-как Осетрова домой, сопровождаемая похвалами и восторженными выражениями благодарности явившихся впоследствии на место происшествия крестьян. За свой самоотверженный поступок Осетрова представлена местной полицейской властью к награде. Спасенный мальчик, сын крестьянина А.Кондратенко, скоро совершенно оправился.

41. Самоотвержение матери

С.Аксакова

Моя мать, уезжая в последний раз из Казани, заставила моего дядьку Евсеича дать слово, что он уведомит ее, если я сделаюсь болен. Он давно намеревался исполнить свое обещание и решился действовать, не спрашивая никого: один из грамотных дядек написал ему письмо, в котором, без всякой предосторожности и даже несправедливо, он извещал, что молодой барин болен падучей болезнью и что его отправили в больницу. Можно себе представить, каким громовым ударом разразилось это письмо над моими отцом и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло во время совершенной распутицы; дорога прорывалась на каждом шагу и во всякой долочке была зажора, т. е. снег, насыщенный водой; ехать было почти невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло: она выехала в тот же день со своей Парашей и молодым мужем ее Федором; ехала день и ночь на переменных крестьянских неподкованных лошадях, в простых крестьянских санях в одну лошадь. Всех саней было четверо: в трех сидело по одному человеку без всякой поклажи, которая вся помещалась на четырех санях. Только таким образом была какая-нибудь возможность подвигаться шаг за шагом вперед, и то пользуясь утренними морозами, которые на этот раз продолжались, по счастью, до половины апреля. В десять дней мать моя дотащилась до большого села Мурзихи на берегу Камы; здесь вышла уже большая почтовая дорога, крепче уезженная, и потому ехать по ней представлялось больше возможности; но зато из Мурзихи надо было переехать через Каму, чтобы попасть в село Шуран, находящееся, кажется, в 80-ти верстах от Казани. Кама еще не прошла, но надулась и посинела; накануне перенесли через нее на руках почту; но в ночь пошел дождь, и никто не соглашался переправить мою мать и ее спутников в Мурзихе; боясь каждой минуты промедления, она сама ходила из дома в дом по деревне и умоляла добрых людей помочь ей, рассказывала им свое горе и предлагала в вознаграждение все, что имела. Нашлись добрые и смелые люди, понимавшие материнское сердце, которые обещались ей, что если дождь в ночь уймется и к утру хоть крошечку подмерзнет, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмут то, что она пожалует им за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя в углу на коленях перед образом той избы, где провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: ветер разогнал облака, и к утру мороз высушил дорогу и тонким ледочком затянул лужи.

На заре шестеро молодцов, рыбаков по промыслу, выросших на Каме и привыкших обходиться с нею во всяких ее видах, каждый с шестом или багром, привязав за спину нетяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крест, взяли под руки женщин, обутых в мужские сапоги, дали шест Федору, поручив ему тащить чуман, т. е. широкий лубок, загнутый спереди кверху и привязанный на веревке, взятый на тот случай, что неравно барыня устанет, отправились в путь, пустив вперед самого расторопного из своих товарищей для ощупывания дороги. Дорога лежала вкось, и надо было пройти около трех верст. Переход через огромную реку в такое время так страшен, что только привычный человек может совершить его, не теряя бодрости и присутствия духа. Федор и Параша просто ревели, прощались с белым светом и со всеми родными; в иных местах надо было силой заставлять их идти вперед; но мать моя с каждым шагом становилась все бодрее и даже веселее. Провожатые поглядывали на нее и приветливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться по сложенным вместе шестам через трещины; мать моя нигде не хотела сесть на чуман; и только тогда, когда дорога, подойдя к противоположной стороне, пошла возле самого берега по мелкому месту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость. Сейчас постлали на чуман меховое одеяло, положили подушки, мать легла на него, как на постель, и почти лишилась чувств; в таком положении ее дотащили до ямского двора в Шуране. Мать моя дала сто рублей своим провожатым, т. е. половину своих наличных денег, но честные люди не захотели ими воспользоваться: они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнациями). С изумлением слушая изъявления горячей благодарности и благословение моей матери, они сказали на прощанье: «Дай вам Бог благополучно доехать!» – и немедленно отправились домой, потому что мешкать было некогда – река прошла на другой день.

42. По молитве матери (быль)

В.Прохорова

– Много, много есть необъяснимого на свете. Бывают чудеса и в наш неверующий век! – произнес наш хозяин, отставной моряк, прохаживаясь взад и вперед по столовой. В подтверждение своих слов он рассказал нам следующий случай из его жизни.

– Я был мичманом[54], молодым, веселым юношей. Плавание наше в тот раз было очень трудное и опасное. Океан угрюмо шумел... Я отлично помню тот вечер. Наш командир был очень добрый человек, но суровый на деле и взыскательный. Мы страшно боялись его... Все кругом было спокойно. Матрос зажег нам лампу. В окна каюты долетали сердитые брызги океана.

Вдруг мы слышим поспешные, твердые шаги капитана и заключаем по его походке, что он раздражен чем-то.

– Господа, – сказал он, остановившись в дверях каюты, – кто позволил себе сейчас пробраться в мою каюту? Отвечайте.

Мы молчали изумленные, недоуменно переглядываясь.

– Кто же? Кто был сейчас там? – грозно повторял он, и, вероятно, прочтя полное недоумение на наших лицах, быстро повернулся и ушел наверх. Там грозно зазвучал его голос. Не успели мы опомниться, как нам приказано явиться наверх. Наверху выстроилась вся команда, все наши люди.

– Кто был у меня в каюте? Кто позволил себе эту дерзкую шутку? Кто? – грозно вопрошал капитан. Общее молчание и изумление были ему ответом. Тогда капитан нам рассказал, что сейчас он, лишь только прилег в своей каюте, как слышит в полузабытьи чьи-то слова: *держи юго-запад, ради спасения человеческой жизни. Скорость хода должна быть не менее 300 метров в минуту. Торопись, пока не поздно*. Мы слушали рассказ капитана и удивлялись. Решено было идти в указанную сторону.

Рано утром мы все, по обыкновению, были на ногах и толпились на палубе.

Рулевой молча указал капитану на видневшийся вдали черный предмет. Капитан подозвал боцмана и что-то тихо сказал ему. Когда капитан повернулся к нам, лицо его было бледнее обыкновенного... Через полчаса мы увидели невооруженным глазом, что черный предмет был чем-то вроде плота, и на нем две лежащие человеческие фигуры. Это были матрос и ребенок. Волны заливали плот, еще бы немного, и было бы

поздно.

Капитан, как самая нежная мать, хлопотал около ребенка. Только через два часа матрос пришел в себя и заплакал от радости. Ребенок крепко спал, укутанный и согретый.

– Господи, благодарю Тебя, – воскликнул матрос, простой парень, – видно, матушкина молитва до Бога дошла!..

Мы все обступили его, и он рассказал нам печальную повесть корабля, разбившегося о подводные камни и затонувшего. Народу было много, но иные успели спастись в лодке, остальные утонули. Он уцелел каким-то чудом на оставшейся части корабля. Ребенок был чужой, но дитя ухватилось за него в минуту опасности и спаслось вместе с ним.

– Матушка, видно, молилась за меня, – говорил матрос, благоговейно крестясь и смотря на небо, – ее молитва спасла меня. Видно, горячо помолилась она за меня. Вот в кармане и письмо ее ношу при себе... Спасибо родимой моей.

И он вынул письмо, написанное малограмотной, слабой рукой женщины. Мы перечитали его все, и оно произвело на всех нас сильнейшее впечатление. Последние слова его, помню как сейчас, были: «Спасибо, сынок, за твою память да ласку, что не забываешь ты старуху. Бог не оставит тебя. Я день и ночь молюсь за тебя, сынок, а материнская молитва доходна к Богу. Молись и ты, сынок, и будь здоров и не забывай твою старую мать, которая молится за тебя. Сердце мое всегда с тобой, чую им все твои горести и беды и молюсь за тебя. Да благословит тебя Господь и да спасет и сохранит тебя мне».

Матрос, видимо, глубоко любил свою мать и постоянно вспоминал о ней.

Спасенный ребенок, семилетний мальчик, полюбился капитану, человеку бездетному; он решил оставить его у себя.

Вот и вся история, господа. Я рассказал вам сущую правду. Все мои товарищи, матросы, были свидетелями этого происшествия.

Дивны пути Провидения! Велика сила материнской молитвы. Много есть на свете таинственного, необъяснимого, непонятного слабому человеческому уму.

43. Христина Даниловна Алчевская

Григорий Дьяченко

Для первоначального женского образования в Харькове устроено такое учреждение, которым можно гордиться, – *это воскресная школа*. Она возникла по почину Христины Даниловны Алчевской, которая уже около трех десятков лет с необыкновенной любовью, энергией и успехом трудится на поприще первоначального женского образования. Школа эта пользуется от города даровым помещением, имеет музей для наглядного образования, обладает капиталом в 12 000 рублей, и в настоящее время в ней бескорыстно и добросовестно занимаются около пятидесяти учительниц. Более 3000 девушек и женщин благодаря этой школе уже выучились читать и писать.

В 1900 году под редакцией (т. е. руководством) Кристины Даниловны Алчевской изданы три превосходные книги для самообразования, равных по достоинствам которым нет во всей Европе. Это – «Книги взрослых», где опытной рукой изложены сведения по всем отраслям знания.

Харьковская воскресная школа удостоилась внимания покойной императрицы, которая наградила госпожу Алчевскую подарком – брошкой в виде пчелы, сделанной из драгоценных камней. Известный педагог барон Корф и г-н Миропольский отозвались о харьковской воскресной школе с необыкновенной похвалой, а последний о ней сказал следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что, если бы подобная школа была за границей, она пользовалась бы общим почетом; она изучалась бы иностранцами и служила бы предметом общих симпатий; но у нас к делу относятся иначе, и кто знает, разве не может найтись педагогический башибузук[55], которому доставит удовольствие бросить тень на самое лучшее из дел». Барон Корф говорит: «Харьковская воскресная школа служит лучшим доказательством несправедливости того мнения, будто русская женщина способна только на слова, а не на дело».

44. Слава труду

Перевод из Беранже Курочкина
Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!
Дружно же, дети,
Громкую славу споем
Тем, кто живет в этом мире
Честным трудом.
Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.
Слава святому труду!

45. Русская писательница А.Н.Бахметева

Из журнала «Кормчий»

Личность недавно почившей г-жи Бахметевой была поучительна полнотой внутреннего духовного содержания, в силу которого она являла собой прекрасный образец цельного человека, с твердо выработанными, истинно русскими, православными духовно-религиозными убеждениями. Достойная представительница благородного дворянского сословия, она представляла собой величавый образ высоконравственной личности, у коей и в разговорах, и во всех действиях проявлялись необыкновенная мягкость и сердечность чувства, необыкновенная задушевность, свойственная исключительной натуре. Она живо интересовалась всеми вопросами, касающимися православной веры и Церкви, вникала в нужды общественной благотворительности, содействовала развитию приходской благотворительности под сенью святого храма и была деятельной сотрудницей Старо-Пименовского, в Москве, приходского попечительства.

Обладая прекрасными литературными способностями, она посвятила свой писательский талант исключительно на пользу Святой Православной Церкви, причем истинно христианское настроение почившей руководило ей и в ее литературных трудах. Она обогатила церковно-историческую литературу, вообще у нас не особенно богатую, своими произведениями. Ее перу принадлежат «Рассказы для детей о земной жизни Спасителя», «Подвиги и чудеса святых апостолов», «Избранные жития святых». Особенно замечательными являются ее «Рассказы из истории Церкви» – всеобщей и Русской, написанные для русского юного поколения в простой, но изящной, увлекательной форме. Рассказы эти отличаются истинно церковным духом и оставляют в душе читателя назидательное впечатление от изображения церковно-исторических событий и деятелей, прошедших почти по двухтысячелетнему поприщу Церкви Божией. Книги ее легко усваиваются, производя на ум читающего твердое убеждение в непоколебимости вселенской истины Православия и воспламеняя в сердце любовь и благоговение к великим историческим церковным деятелям. Можно сказать, что книги ее «Рассказов» – самый лучший для нее надгробный памятник.

46. Добрый обычай

Из «Книги взрослых» Алчевской

В деревне Медвежий Угол к концу жнитво подходит. Крестьянки наперегонки друг перед другом торопятся кончить работу.

Одна, помоложе и попроворнее других, дожала свою полосу всех раньше, перекрестилась и пошла помогать соседке, которая от нее немного поотстала. Вдвоем они скоро дожали, и обе переходят к третьей, потом, уже втроем, – к четвертой, к пятой. У последней, хворой бабы, которая всех больше отстала, собирается уже целая «помочь».

Этот добрый обычай ведется в Медвежьем Углу по завету прадедов и дедов и ненарушимо всеми хранится.

47. Мужество христианки

Из «Воскресного чтения»

При императоре римском Валенте, последователе еретика Ария, было множество православных христиан в городе Едессе в Месопотамии. Император, жестокий враг православных, приказал запереть и запечатать у них все храмы. Но верные дети Церкви по воскресным дням собирались за городом и там совершали свое богослужение. Император, наученный еретиками, приказал умертвить всех православных, которые соберутся за город и будут совершать богослужение. Городской префект (начальник) Модест тайно уведомил православных о предстоящей им опасности, советуя им не делать никаких собраний. В следующий воскресный день, к крайнему удивлению Модеста, собрание православных было так многочисленно, как никогда еще не бывало. Префект получил приказ немедленно отправиться туда с войском, чтобы предать смерти мужественных исповедников веры православной. Проходя по городу, он увидел бедную женщину, которая, держа на руках малолетнего сына, с поспешностью выбежала из дома, оставив незапертыми двери, и торопливо пробегала ряды воинов. Модест приказал остановить ее.

– Куда ты бежишь так поспешно? – спросил ее префект.

– Бегу туда, – отвечала женщина, – где собрались православные.

– Разве ты не знаешь, что я послан предать смерти всех, кого застигну там?

– Знаю, – сказала женщина, – для того-то я и спешу, чтобы не упустить случая потерпеть мученичество.

– На что же несешь с собой малолетнего сына?

– Чтобы и он был участником того же блаженства, – отвечала мужественная христианка и с поспешностью побежала вперед.

Модест, пораженный таким мужеством, тотчас возвратился во дворец и убедил императора отменить свой жестокий приказ.

48. Няня

И.Тургенева

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо няни, но она скоро привыкла к ней и крепко ее полюбила. Агафья с ней не расставалась. Странно было видеть их вдвоем. Бывало, Агафья, вся в черном, с темным платком на голове, с похудевшим лицом, сидит прямо и вяжет чулок; у ног ее на маленьком креслице сидит Лиза и трудится также над какой-нибудь работой или, важно поднявши светлые глазки, слушает, что рассказывает ей Агафья; а Агафья рассказывает ей не сказки: мерным и ровным голосом рассказывает она житие Пречистой Девы, жития отшельников, угодников Божиих, святых мучеников и мучениц; говорит она Лизе, как жили святые в пустынях; как спасались, голод терпели и нужду; сильных не боялись; Христа исповедывали; как им птицы небесные корм носили и звери их слушались; как на тех местах, где кровь их падала, цветы вырастали. Агафья говорила так важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей произносить такие высокие и святые слова. Иногда она будила Лизу рано на заре, торопливо ее одевала и уводила тайком к заутрене; Лиза шла за ней на цыпочках, едва дыша; холод и полусвет утра, свежесть и пустота церкви, осторожное возвращение в дом, в постельку, – все это потрясало девочку. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чем-нибудь недовольна, она только молчала, и Лиза понимала это молчание.

49. История одной иконы

Из журнала «Детский отдых»

Люблю я старинные семейные иконы! Сколько слышали они молитв, сколько видели слез, переходя из рода в род; сколько раз умирающие родители передавали их детям с последним благословением, и часто к этим живым воспоминаниям предков относятся трогательные предания.

Есть и у меня икона, перед которой я молилась еще ребенком, – икона Иоанна Воина. Угодник Божий стоит с копием в руке, и темный его лик резко отделяется от позолоченной ризы. Нам внушали с детства особое уважение к этому изображению воина Христова и рассказывали не раз, по какому случаю оно было написано.

Г-н Норов, один из родственников моего дедушки, Александра Борисовича Новикова, обещался соорудить церковь, и в продолжение многих лет откладывал на ее постройку часть своих доходов. Многочисленная родня Норова смотрела на его обет как на общее дело, и каждый жертвовал свой посильный вклад на церковь. Наконец необходимая сумма была пополнена, и Норов уже собирался приступить с помощью Божией к благому делу. Деньги его хранились в шкафчике, стоявшем в спальне жены. Никто не переступал через порог этой комнаты, кроме самих хозяев дома и доверенной женщины, которую звали Анной.

Все родство готовилось к торжественной закладке храма. День был назначен, когда Норов, бледный и расстроенный, приехал к моему дедушке.

– У меня беда, Александр Борисович, – сказал он, входя, – украли вчера церковные-то деньги.

Дедушка всплеснул руками.

– И мы знаем вора, – продолжал Норов, – вообрази: наша Анна.

– Быть не может.

– И нам не верилось, да улики налицо. Ведь уж сам знаешь, что мы Анне все доверяли. Послал я ее вчера поутру вынуть бумаги из шкафчика, и по этим бумагам сводил счета. Вечером я их проверил еще раз и хотел положить счетные книги в ящичек. Отпираю его и вижу: выдвинут немного ящик, где деньги лежали; глядь – а ящик-то пустой. У меня просто в глазах позеленело. Я сейчас за Анну принялся – ну, разумеется, знать, говорит, не знаю. А кто же мог, кроме нее? Рассуди ты сам. Она уверяет, что забыла запереть спальню, когда приносила поутру бумаги. Так как же, спрашиваю, она была заперта, когда я пришел вечером? Я,

говорит, уже после обеда хватилась, что дверь-то не на ключе, тогда и заперла. Клянется, божится, а как ни говори, кроме нее некому.

– Как знать, – заметил мой дедушка, – мало ли что бывает? Я за Анну готов поручиться. Не обижай ее, не бери греха на душу.

– Ты думаешь, мне самому-то легко? Ты знаешь, как мы Анну любили. Жена бедная плачет, да делать нечего: вора при себе держать не станешь.

– А что же ты думаешь с Анной сделать?

– В степное имение ее отошлю.

– Ей, не греши! – повторил мой дедушка. – Да что же она сама-то говорит?

– Разливается-плачет. Ни на кого, говорит, показать не могу, а не я. Хочет она отслужить молебен Иоанну Воину: за меня, мол, угодник Божий заступится. Просит, чтоб все за нее помолились. А уж мне следует больше всех молиться, коли я точно на нее грешу; может, Господь и откроет истину ходатайством Своего угодника. Завтра поутру пригласил священника. Не придешь ли ты?

– Непременно, – отозвался дедушка.

– А теперь я объеду наших, – продолжал Норов, – ведь вы все вносили вклады на эту церковь, пусть и помолимся вместе.

На другой день приехал священник, который и начал служить молебен Иоанну Воину.

Вдруг среди молебна раздался звук тяжелых шагов, и повар, пробравшись сквозь толпу, подошел к одному из гостей и сказал ему вполголоса:

– Батюшка, Нил Андреевич, ваш человек умирает, вас к себе просит.

– Как умирает? Да где он?

– У меня в кухне.

Нил Андреевич вошел в кухню, Больной лежал бледный и изнеможенный на полу. Нил Андреевич к нему нагнулся.

– Батюшка, – проговорил тот слабым голосом, – простите меня Христа ради и развяжите мою грешную душу: я украл деньги.

Нил Андреевич взглянул на повара и сказал почти шепотом:

– Он бредит.

– Нет, – начал опять Иван, – я в памяти; я украл деньги: вот меня угодник Божий и карает. Умираю. Хоть бы христианский долг исполнить да перед Анной повиниться.

Он переводил дух с трудом, однако начал рассказывать, как его попутал грех; но барин, убедившись, что он действительно в памяти,

перебил его словами:

– Бог тебя простит! Успокойся, я сейчас приглашу к тебе священника.

Вот в чем состоял рассказ виновного. Накануне Нил Андреевич Новиков обедал у Норовых, а Иван его сопровождал, так как в то время выезжали не иначе, как в карете, заложенной четверней, и с лакеем, а для праздничных визитов (посещений) их требовалось два. В обычный час люди пошли обедать, и Иван за ними. Шедши мимо спальни, которую Анна забыла, действительно, запереть, ему вздумалось заглянуть в эту комнату, отлично убранную, по рассказам норовской прислуги. Он любовался в продолжение нескольких минут роскошью, окружавшей его, и вдруг смутил его лукавый. Пришло Ивану на мысль попользоваться чужим добром. Спальня была в конце длинного коридора, так что можно было заслышать издали приближавшиеся шаги и объяснить свое присутствие здесь чувством любопытства, которое его, действительно, туда завлекло. Это соображение пришло ему мгновенно в голову. Он бросился к столу и выдвинул ящик, в котором ничего не нашел, кроме ключа. Иван всунул его наугад в замок шкафчика и повернул. Замок щелкнул, рука вора дрожала и кровь бросилась ему в голову; но, не давши себе времени одуматься, он выдвинул первый попавшийся ему ящик и схватил лежавший в нем бумажник. Затем он сунул его в карман, запер шкафчик, положил ключ на место и выбежал из комнаты.

Нил Андреевич, выслушавши признание своего слуги, вернулся в дом, когда молебен уже отошел и все прикладывались к иконе.

– Анна, – воскликнул он, входя быстрыми шагами, – услышана твоя молитва: вор нашелся.

Анна воскликнула и упала на колени перед образом.

– Заступился великий угодник, – молвила она сквозь рыдания, – заступился! Выручил мою сиротскую головушку!

Поднялась общая суматоха: иные окружили Нила Андреевича, другие бросались к Анне, обнимали и поздравляли ее. Хозяева дома подошли к ней, и Норов поклонился ей, промолвил:

– Прости меня, Христа ради, обидел я тебя.

Она просила, чтобы был отслужен немедленно благодарственный молебен, но Нил Андреевич объявил, что надо повременить, потому что Иван желает повиниться перед ней и просит священника пойти за Святыми Дарами.

Но Иван оправился. Исповедавши свой грех и приобщившись, он почувствовал немедленное облегчение. Барин не наказал его за проступок, говоря, что наказание взял уже на себя угодник Божий.

Мой дедушка велел списать образ Иоанна Воина и благословил им мою мать. Но в чьих руках теперь икона, пред которой молилась так горячо бедная Анна, того я не знаю.

50. В храме

М.Розенгейма

Вечерня отошла, последний возглас клира
Замолк под сводами; волнуется народ.
Молитва кончена, и снова голос мира
В растворенную дверь своих детей зовет.
Покорная ему, спешит толпа густая –
Те к отдыху домой, а те к ночным трудам,
Кто набожно крестясь, кто нищих оделяя;
Народ расходится, пустеет Божий храм.
Вот наконец прошел священник торопливо,
И звук его шагов на каменном полу
Замолк на паперти; и сторож молчаливый
Лампады затушил и тихо сел в углу.
Я здесь один. О нет! Мне слышатся рыданья!
Здесь плачут, здесь скорбят, здесь люди быть должны.
Еще здесь кто-то ждет, тая в груди страданья,
Уединения, безлюдья, тишины.
Ищу: кто б это был? Чье горе, укрываясь,
Пришло наедине излиться пред Творцом.
Вот группа... Женщина, слезами заливаясь,
С малютками двумя склонилась пред крестом.
Невидим за столбом, я вижу их свободно.
Бедняжка думает, что здесь она одна,
И пред распятием, припав к плите холодной,
Рыдает, жаркою мольбой поглощена;
Как будто хочет все, весь гнет сердечной боли
В ней вылить из души растерзанной своей.
Малютки – старшему девятый год, не боле –
Сробели, бедные, и плачут вместе с ней...
И группу скорбную как будто осеняя,
Воздвиглося над ней распятье в высоте;
И к плачущим с него объятья простирая,
Склонился Праведник, распятый на кресте.
Забыв о собственном страдании суровом,
Покрытый язвами и кровию облит,
Склонил Он бледный лик, в венке Своем терновом,

И, полный благости, с любовию глядит.
Случайно освещен в тот миг лучом заката,
Он, мнится, говорит им взглядом кротких глаз:
«Придите все ко Мне, кого гнетет утрата,
Ко Мне, скорбящие, – Я успокою вас!»

51. Истинная вдовица

По «Воскресному чтению» 1884 г.

В праздник Сретения Господня мы слышим повествование Евангелиста: *И бе Анна пророчица, дщи (*дочь*) Фануилева, от колена Асирова: сия заматоревши* (т. е. состарившись*) во днех мнозех, живши с мужем седмь лет от девства своего. И та вдова яко лет осмьдесять и четыре, яже не отхождаше от церкви, постом и молитвами служащи день и нощь* (Лк. 2:36–37).

Святая Анна – венец вдовицам; жена по полу, пророчица по достоинству. Вдовством она украшалась, как диадемой царской; дряхлея телом, крепка была духом; при ветхости лица была лепообразна мудростью; согбенная старостью, бодра была познанием; увядая от многолетия, цвела боговедением, постилась, а не пресыщалась; молилась, а не скиталась; пребывала во храме, а не обходила чужие дома; пела псалмы, а не пустословила; пророчествовала, а не баснословила; занималась предметами Божественными, а не заботилась о суетном... Вы слышали, что сказал о ней Евангелист: *и та,* т. е. Анна, *исповедашеся Господеви, и глаголаше о Нем (*т. е. Иисусе Христе*) всем чающим избавления во Иерусалиме* (Лк. 2:38). Видишь ли величие Анны?

Из поучения св. Амфилохия Иконийского,

см. «Воскресное чтение», 1884 г., № 6

52. Вдова и пророк Елисей (Книга Царств, 4. гл. 4)

К.Льдова
Одна из бедных жен пророческих сынов,
Рыдая и стеня, сказала Елисею:
«О, сжалься надо мной, рабынею твоею,
Печален жребий мой, и горек, и суров...
О, сжалься надо мной, несчастнейшей из вдов!
Мой муж, твой верный раб, в страдании скончался.
При жизни, знаешь ты, он Господа боялся
И свято чтил Его. Заимодавец злой
Теперь пришел ко мне и хочет взять с собой
Двух сыновей моих и сделать их рабами...
О, сжалься, господин, и смилуйся над нами!»
И бедная вдова склонилася, скорбя,
Исполнена любви и трепетной надежды,
И стала целовать края его одежды.
И молвил Елисей: «Что сделать для тебя?
И чем тебе помочь? Скажи мне, дорогая,
Что в доме есть твоем?» – «Супруг мой, умирая,
Оставил лишь долги. Все продано – увы! –
Заимодавцами беспомощной вдовы;
Остался у меня один сосуд с елеем».
И пала вновь она с мольбой пред Елисеем.
И Божий человек ответствовал жене:
«Поди и попроси в соседстве и в родне
Как можно более вместительной посуды
И призови к себе обоих сыновей,
Закрой плотнее дверь у хижины твоей
И смело наливай в порожние сосуды
Во славу Господа прозрачный твой елей».
И сделала она по слову Елисея,
И светлая струя чудесного елея
Потоком полилась, и бедная вдова
Прославила в душе величье Божества...
И вновь она пришла смиренно к Елисею
И говорит ему: «Сосуды все полны,
Что делать мне теперь?» И благостно над нею

Он руки распростер и на вопрос жены
Ответил ласково: «Ступай и не смущайся,
Продай ниспосланный Создателем елей,
И заплати долги; избытком же питайся
Пока не вырастишь любимых сыновей».
В ком капля веры есть, елей в том не иссяк,
Разлейте лишь его – и совершится чудо...
Неисчерпаема кошница Божьих благ,
И нет конца струе Господнего сосуда.

53. Фабиола

Из брош. прот. И.Петропавловского «Историч. очерк благотворительности»

Фабиола, происходившая из знатного рода Фабиев, имела несчастье выйти замуж за развращенного человека, который скоро покинул ее, после чего она посвятила себя исключительно служению больным. Богатые сокровища свои она употребила на постройку первой в Риме общественной больницы. Здесь нашли себе убежище и попечение люди с искалеченными руками или ногами, вырванными или лопнувшими глазами, со смердящими ранами или одержимые проказой. Нередко Фабиола сама приводила больных в дом, обмывала и обвязывала им раны, приносила им пищу и освежала их питьем. По словам блаженного Иеронима, с такой материнской любовью она пеклась о больных, что бедные желали быть больными, чтобы только попасть на ее попечение.

54. Вдовица Олимпиада

Из брош. прот. И.Петропавловского «Историч. очерк благотворительности»

Олимпиада, происходившая из знатного рода, богатая и красивая, отличавшаяся высокими умственными дарованиями, по смерти мужа Невридия, константинопольского префекта[56], оставшись вдовой всего восемнадцати лет, дала обет Богу вечного вдовства с целью посвящения своей жизни Богу и людям. Император Феодосий, желавший видеть снова ее в замужестве за своим родственником Елпидием, решил было принудить ее к тому отнятием у нее управления имением; но Олимпиада прислала ему в ответ благодарственное письмо следующего содержания: «О, государь! Вы оказали по отношению к вашей смиренной рабыне мудрость и доброту не просто владыки, но и попечителя, так как тяжкое бремя богатства, которым я владею, возложили на другого и таким образом освободили меня от тех забот и беспокойств, к которым меня вынуждала необходимость доброго управления моим имуществом. Об одном прошу вас, чем увеличили бы мою радость: прикажите разделить мое имение между Церковью и бедными. Уже давно я чувствовала в себе некоторые движения тщеславия, которые обыкновенно сопровождали мою собственную раздачу милостыни бедным...» Спустя несколько времени Феодосий возвратил ей управление имуществом, и она знала только одно употребление из него – помощь бедным и Церкви.

55. Утешение вдовы

По «Четии-Минеи»

Мать преподобного Паисия, овдовев с семерыми малолетними детьми, горько плакала о смерти мужа. Однажды является ей ангел и говорит: «Зачем ты так безутешно плачешь о муже? Дети твои теперь не на твоем попечении находятся. Бог, Отец сиротствующих, больше тебя заботится о них»

«Четии-Минеи», 19 июня

56. Драгоценное наследство одной вдовы

По «Воскресному чтению»

Одна бедная женщина лежала больной, и смерть ее уже была недалеко. Женщина эта была вдова и все время своего вдовства проводила в молитвах и слезах. Теперь настал час разлучения ее с миром. Вокруг ее постели стояли уже взрослые дети ее и глазами, полными любви, смотрели на умирающую мать. Собрав последние силы, она еще раз приподнялась и, взглянув на детей сияющим радостью взором, сказала:

– Дети, я оставляю вам огромное сокровище.

Дети посмотрели с удивлением на мать и сказали:

– Милая матушка, как же это может быть? Разве была когда-нибудь вдова беднее тебя?

– Так, дети мои, – отвечала мать, – но я все-таки оставляю вам большое сокровище, которое принесет вам благословение: посмотрите!

С этими словами она подала им свою Библию, которая лежала у нее под подушкой, и сказала:

– Знайте, дети, что нет ни одного листка в этой книге, который бы не был орошен моими слезами; вот это и есть сокровище, которое я оставляю вам: исполняйте все, что в ней написано, – и вы будете счастливы.

Дети с благоговением приняли последний дар матери. Слова ее глубоко легли в сердцах детей. Они старались исполнить, чего требует от нас слово Божие, и были людьми благочестивыми, добрыми и счастливыми, и они всем повторяли, что Библия есть сокровище, которому нет цены на земле.

57. Счастливая страна

Из «Воскресного чтения»

Отец с матерью и двумя детьми жили на пустынном острове среди океана, заброшенные туда бурей. Питались они кореньями и травами, пили из ручья и жили в пещере. Часто бывали на этом пустынном острове грозы.

Дети уже не помнили, как туда попали; они забыли материк (землю), на котором родились, и не знали ни хлеба, ни молока, ни плодов.

Однажды к берегу пристала лодка с четырьмя неграми. Родители им очень обрадовались, думая, что наконец настало их освобождение; но, к несчастью, лодка была так мала, что не могла поднять всей семьи, и отец решил отправиться первым.

Мать и дети горько плакали, видя, как он уселся в утлой лодочке и как четверо людей собрались его увезти. Но он сказал детям:

– Не плачьте, там лучше; мы скоро все соединимся. Когда лодочка вернулась и увезла мать, то дети стали еще более плакать, но мать сказала:

– Не плачьте, мы скоро свидимся в лучшей стране!

Наконец лодочка вернулась за двумя детьми. Они испугались черных людей и дрожали, увидя себя в беспредельном море. Этот страх продолжался во все время путешествия и не совсем прошел, когда они достигли берега.

Но какова же была их радость, когда на берегу встретили их родители, протягивая им руки. Они отвели детей под тень пальм, на зеленый луг, и стали угощать их медом, молоком и всякими плодами.

– О, как безрассуден был страх наш! – говорили дети, – вместо опасения мы должны бы иметь радость, видя черных людей, приехавших, чтобы увезти нас в страну, гораздо лучшую дикого острова.

– Милые дети! – сказал отец. – В переходе нашем с пустынного берега на плодородную почву большой смысл: всем нам предстоит переход из худшего мира в лучший. Земля наша походит на остров; страна, в которой мы теперь живем, – слабое подобие Неба, а бурный переход с острова сюда – смерть. Лодочка – это носилки, на которых нас понесут четверо носильщиков в черной одежде. Но не бойтесь, когда придет время покинуть землю; людям благочестивым, любящим Господа и покоряющимся Его воле, переход не страшен, для них смерть – переход в лучшую жизнь. Смерть не страшна; это желанный гость: только этим путем можно достигнуть Царствия Небесного.

58. Матери не должны роптать на Бога при потере детей своих

Из книги «Уроки и примеры христианской любви» прот. Г.Дьяченко

Святая Афанасия жила в молодости с благочестивым мужем Андроником и имела от него двоих детей – сына и дочь. Господу было угодно взять их к Себе. Андроник и Афанасия были глубоко огорчены смертью детей. Афанасия от великой печали пришла в совершенное изнеможение и просила себе смерти.

– Лучше всего умереть теперь с ними, – говорила она.

Но, конечно, умерших горем не воскресишь, и они были отпеты патриархом и погребены в церкви мученика Иулиана, где и деды их лежали. После погребения их Афанасия предалась еще большей скорби. Она осталась на могиле детей своих и не переставала о них плакать. Прошел после погребения день, наступила ночь. И вот в самую полночь является Афанасии святой мученик Иулиан в образе инока и говорит:

– Зачем, жена, не даешь покоя почивающим здесь?

Афанасия отвечала:

– Не гневайся на меня, господин мой. Я имела двоих детей и сегодня обоих вместе похоронила здесь.

Мученик спросил:

– К чему же ты о них плачешь? Лучше бы тебе было, если бы ты сидела дома и плакала о грехах своих. Да и незачем тебе плакать о детях своих – ведь они пребывают на Небесах.

Услышавши это, Афанасия умилилась сердцем и сказала:

– Если дети мои живут на Небесах, то зачем же я плачу об них?

Потом она хотела продолжать беседу с явившимся, но его уже не было. Она обратилась к церковному сторожу и спросила:

– Где же инок, который беседовал со мной?

Сторож отвечал:

– Ведь ты видишь, что двери церковные заперты, и никто не может поэтому войти сюда: зачем же говоришь, что какой-то инок беседовал с тобой?

Тут только Афанасия поняла, что это было видение. Поспешно пошла она домой, рассказала мужу о явившемся ей и о беседе с ним, и оба утешились.

59. Письмо святителя Феофана Затворника к умирающей сестре

Из «Троицких листков»

«Прощай, сестра! Господь да благословит исход твой и путь твой по твоем исходе. Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в другой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая. Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им, и наши им передай приветы, и проси попещись об нас. Тебя окружат твои дети с своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся смерть, она для тебя – дверь в лучшую жизнь. Ангел-хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит. И будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаждает. Изглаждены и твои грехи, когда покаялась. Эту веру поживее восставь в себе и пребудь с нею неразлучно.

Даруй же, Господи, тебе мирный исход! День-другой, и мы за тобой. Скоро свидимся. Потому не тужи об остающихся.

Прощай! Господь с тобою!»

Как трогательно это письмо старца-святителя к его умирающей сестре! Каким спокойствием, какой крепкой верой, живой уверенностью в будущей блаженной жизни дышит оно! Будто старец провожает сестру в недальнюю путь-дорогу; путь этот не в неведомую страну: он ведет в дом Отчий, где ждут нас наши присные (близкие), прежде нас туда Богом позванные... Старец-святитель посылает всем им поклон и привет, просит их молитвенного попечения о себе. А любимой сестре желает мирного, доброго пути – христианской непостыдной кончины – и сам обещает не замедлить: «День-другой, и мы за тобой...»

Вот как праведник-христианин смотрит на смерть. Вот как он провожает и дорогих сердцу в загробную жизнь. Не слышится ли в его словах победного слова: «*Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа*?» (1Кор. 15:55). Пусть же всякий из нас будет так же смотреть на смерть, как святитель Феофан, пусть он не страшится ее более, а с любовью принимает определение Божие о нашей кончине.

60. Таинственные сны и видения, удостоверяющие бытие загробной жизни

Из книги «Из области таинственного» прот. Г.Дьяченко

I

Владимир Энгельгардт перед отправлением из Москвы в Архангельск по делам службы, 5 февраля 1858 года, письмом просил мать свою, жившую в Петербурге, благословить его на дальний путь. Отправившись в дорогу, он остановился для ночлега на одной станции и тут, лежа на диване, увидел перед собой наяву, 13 февраля в три часа утра, мать свою с сестрой, скончавшейся еще в 1846 году. Мать благословила его крестным знамением. Пораженный этим видением, он зажег свечку, чтобы яснее рассмотреть явившихся, но явившиеся внезапно стали невидимы. Впоследствии он узнал, что в это самое утро мать его скончалась в Петербурге.

II

Один высокообразованный христианин, – говорит в своей проповеди Высокопреосвященный Никанор, архиепископ Одесский, – рассказал про своего брата-офицера следующее. Брат его в одном городе ехал с товарищем домой с вечерней пирушки в одном экипаже. Приехал и вошел в свою квартиру, а товарищ поехал дальше, в свой дом. Входит брат в кабинет, сопровождаемый денщиком и собакой. В кабинете видит: за его письменным столом, к ним спиной, сидит его товарищ, с которым он только что сию минуту расстался. Денщик говорит: «Вот и не заметил, как они вошли...» Даже собака обнаружила признаки, что видит стороннего человека. Брат заглядывает в лицо сидящему и видит ужасное, мертвенное лицо товарища. В эту же минуту слуга товарища прибежал доложить, что барин сию минуту воротился домой и умер.

III

Один кавказец сидел ночью у себя в квартире и читал книгу. Поднимает глаза и видит против себя в углу туман. Машет рукой, чтобы рассеять туман. Но из тумана выделяется светлая фигура его невесты, которая была в эту минуту далеко в России. Тут он невольно падает перед тенью на колени. Невеста кладет ему венок на голову и исчезает в тумане. Он долго чувствовал на голове тот круг, к которому коснулся венок. Идет сейчас же к своим родителям и рассказывает о видении. Записали день и час; оказалось, что в этот день его невеста умерла.

IV

Один из товарищей знаменитого русского ученого и писателя Ломоносова, академик Штелин, рассказывает следующее сновидение великого русского писателя.

– На возвратном пути в Россию, когда Ломоносов плыл морем, с ним случилось происшествие, которое глубоко затронуло его и которого он никогда не мог забыть. Он проснулся после странного сновидения, в котором очень ясно видел своего отца, выброшенного кораблекрушением и лежащего мертвым на необитаемом, неизвестном острове в Белом море, не имевшем имени, но памятном ему с юности, потому что он некогда был прибит к нему бурей с отцом своим. Лишь только он приехал в Петербург, как поспешил справиться об отце своем на бирже у всех прибывающих из Архангельска купцов и у холмогорских артельщиков, и наконец узнал, что отец его отправился на рыбную ловлю прошлую осень и с тех пор еще не возвращался, а потому и полагают, что с ним случилось несчастье. Ломоносов так был поражен этим известием, как прежде своим пророческим сном. Он дал себе слово отправиться на родину, отыскать тело своего несчастного отца на острове, известном ему в юности и представившемся ему теперь во сне со всеми подробностями и признаками, и с честью предать его земле. Но так как занятия его в Петербурге не позволяли ему исполнить это намерение, то он с купцами, возвращавшимися из Петербурга на его родину, послал письмо к тамошним родным своим, поручил брату своему исполнить это предприятие на его счет, описал подробно положение острова и просил убедительно, чтоб тамошние рыбаки, отправившись на рыбную ловлю, пристали к нему, отыскали на нем тело отца его и предали земле. Это было исполнено в то же лето: ватага холмогорских рыбаков пристала к этому дикому острову, отыскала мертвое тело на описанном острове, похоронила и взвалила большой камень на могилу. Известие о совершенном исполнении его желания, полученное им в следующую зиму, успокоило его всегдашнюю тайную печаль, причину которой он только впоследствии сообщил другим.

61. Помни о будущей жизни

Из книги «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева

Чтобы не раболепствовать ежедневно страстям и диаволу, надо задать себе цель, постоянно иметь ее в виду и стремиться к ней, побеждая именем Господним все препятствия. Какая же это цель? Небесное Царство, Божественный чертог славы, уготованный верующим от сложения мира. Но так как цель достигается известными средствами, то необходимо иметь в своем распоряжении и эти средства. Какие же это средства? Вера, надежда и любовь, особенно же любовь. Веруй, надейся, люби, особенно люби, несмотря ни на какие препятствия, Бога больше всего, а ближнего, как себя. Нет сил у тебя сохранить в сердце эти бесценные сокровища духа человеческого, припадай чаще к Богу любви, проси, ищи, толцы: приимешь, обретешь, отверзется (Мф. 7:7–8) – верен Обещавший. Ходя, сидя, лежа, собеседуя, занимаясь, во всякое время молись сердцем о даровании веры и любви. Ты не просил еще как следует, с жаром и постоянством, не имел твердого намерения стяжать (т, е. приобрести) их. Отселе скажи: *се начах*.

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

62. Две вдовы и незнакомец (легенда)

Из книги «Осень» Чистякова

Посреди диких, угрюмых гор, в узкой долине, заросшей густым лесом, жили две вдовы-старушки. Их бедные, полуразвалившиеся избы так лепились одна к другой, что, казалось, стояли под одной крышей; они часто, не выходя из своих изб, разговаривали друг с другом, только отворяя для этого свои крошечные оконца. Но, несмотря на такое тесное и близкое помещение, соседки не вмешивались в хозяйство друг друга; каждая делала, что хотела, у себя в избе и распоряжалась своим добром по-своему. Одна из них была скупая и редко кому помогала; другая же, напротив, щедрая и сострадательная, отдавала бедным последний грош, хотя и у самой на столе часто бывал последний кусок хлеба.

Невдалеке от них, на выступе увесистой горы, стоял монастырь. Монахи этого монастыря проводили время в посте и молитве, делали много добра в окрестностях и, кроме того, работали постоянно на полях, на огородах или в лесу. Они-то вместе с сердобольными людьми помогали бедным женщинам, так что те, несмотря на свою крайнюю бедность, топили печи, когда наступал зимний холод, и имели хлеб и кружку молока каждый день.

Однажды разбушевалась сильная буря; деревья в лесу жалобно стонали, пригибаясь к земле; с гор струились тысячи ручьев и с шумом и грохотом уносили камни в долину. Гром грохотал беспрерывно, и молния – огненными зигзагами освещала темную ночь. Потоки дождя стучали по деревянным крышам бедных лачужек и в маленькие их окна. Старушки со страхом прислушивались к завыванию бури. Вот слышит скупая старушка, что к ней в дверь кто-то стучится.

– Ах ты, Боже мой, и поужинать-то не поспела, – сказала она с досадой, убирая в шкаф свой недоконченный ужин, и, слыша, что стук все продолжается, пошла отпирать ветхую дверь.

– Ишь, ночь-то какая ненастная, бурная, ну выйдет ли кто, кроме бродяги, в такую ночь? – ворчала она. – Этакий нетерпеливый, стучит без умолку. Того и смотри, что дверь выломит.

С этими словами дверь отворилась и в комнату вошел монах; темный плащ окутывал его всего, так что лица его нельзя было видеть. Старушка, ожидая увидеть какого-нибудь бродягу, испугалась, смешалась при виде монаха, и своей предупредительностью и лаской старалась загладить свои дурные мысли; она ему предлагала садиться на стул, старалась почти

насильно снять с него плащ, приговаривая жалобным голосом:

– Ах ты, голубчик мой, да как же ты промок, весь до последней нитки, ни одного сухого местечка нет на твоем плаще, весь хоть выжми!..

– Ну, полно жалеть меня, я-то не вымок, это мой верхний плащ только отсырел от дождя! – прервал монах ее сожаления. – А я, кажется, помешал тебе: ты и поужинать не успела.

«Ахти! – подумала вдова, – да как же он узнал, что я только что ужинала! Ну, делать нечего, надо дать ему краюху хлеба».

– Да, – продолжала она громко, доставая трехдневную корку, – вот что я ела, возьми ее себе, съешь, может быть, ты издалека пришел и, чего доброго, целый день ничего в рот не брал.

Ей было жаль отдавать и эту черствую корку бедному, почти нищему монаху, который ничем не мог ее одарить за оказанное ему добро.

Монах отгадал ее нехорошие мысли и не взял даже черствого хлеба; он сбросил свой плащ и сел на него, ожидая, что хозяйка затопит хотя печь, чтобы обсушить его плащ и отогреть его окоченевшие руки. А она в то время оглядывала его с ног до головы через свои круглые очки. Тут она заметила, что этот монах нисколько не походил на ее прежних благодетелей; ни у одного монаха из нагорного монастыря не замечала она такого строгого и вместе с тем доброго лица; его блестящие черные глаза, казалось ей, заглядывают к ней в душу и видят все ее тайные мысли. Она с трудом разглядела его красивые, благородные черты при слабом мерцании сального огарка.

Вдруг его лицо осветилось ярким светом и сделалось почти совершенно прозрачным, и старушке показалось, будто он с сожалением смотрит на нее.

«Да зачем же это он пришел? Что ему надо от меня?» – думала она, беспокоясь все больше и больше.

– Что за ненастная ночь! – сказал тихим голосом монах. – Каково-то тем теперь, у кого нет ни избы, чтобы защититься от непогоды, ни куска хлеба, чтобы утолить свой голод; каково-то тем беднякам, которым некуда головы своей приклонить, и они, измученные долгой ходьбой и пронизанные до костей дождем, дожидаются где-нибудь в лесу под сосной рассвета и окончания бури; что-то с ними, бедными, теперь?

– Да, беда! Истинное несчастье быть теперь в лесу, – пробормотала старушка, решаясь прямо взглянуть на монаха. – Что было бы с бедными людьми в такую ненастную ночь, если бы добрые люди не помогали им?

– Да, плохо тому, кто останется теперь в лесу бесприютный! – сказал он, и его глаза заблестели так добро, и голос стал еще мягче и нежнее. –

Знаешь ли ты: к нам в монастырь пришли такие несчастные; помоги им, дай одеяло или хотя платок: они за тебя будут Богу молиться, чтобы Он и тебя не оставил в несчастии. Постарайся и ты им помочь.

– Да благословит вас Господь за доброе намерение! – сказала с жаром старушка.

– Господь Бог всегда награждает и благословляет людей великодушных! – отвечал монах. – Вспомни Священное Писание, и ты там найдешь множество примеров; помнишь, что там говорится: кто пожалеет бедного, приютит его и обласкает, тому за все это воздастся сторицей!

– Что за счастливцы те, которые могут делать добро своим ближним! – сказала, вздыхая, вдова. – Что это за счастье.

– Послушай, дочь моя, и ты можешь быть счастлива, как другие! Я пришел просить тебя помочь несчастным, которые в десять раз беднее тебя; помоги им, чем можешь.

И он стал рассказывать, как в монастырь пришло двое несчастных. Молния ударила в их избы, разрушила и сожгла их до основания; спасти из своих вещей они не успели ничего решительно.

– К несчастью, – продолжал монах, – в наш монастырь набралось сегодня столько народу, что мы не находим свободного угла, где бы этим бедным людям можно было провести ночь, и они стоят теперь у монастырской ограды, полуобгорелые и бесприютные. Позволь, дочь моя, придти им к тебе и провести здесь ночь; они век тебя благодарили бы за это, а к утру, может быть, многие из странников пойдут дальше, и мы возьмем их к себе в монастырь.

Вдова чуть не рассердилась от досады.

– Как? Пустить теперь! Помилосердуй, отец! – почти со слезами вскрикнула она. – Зачем же ты ко мне пришел? Разве богаче меня не найдется никого в соседней деревне? Я старая, бедная вдова и сама-то не знаю, как справиться с хозяйством... Не то что отдавать другим.

– Ну полно, будто у тебя не найдется одеяла; дай его нам, после возвратим тебе, – упрашивал ее монах. – Ведь тебе кто-то еще так недавно принес толстое шерстяное одеяло в подарок; дай его, оно, верно, лежит у тебя без дела.

«Кто бы мог сказать ему, что мне подарили новое одеяло?» Но нечего делать, надо было достать хоть что-нибудь для несчастных. Незнакомец так строго и гневно смотрел на нее: ослушаться его она боялась, сама не знала отчего. «Ну, новое-то я не отдам ему, – думала она, перебирая в своем чулане всякое тряпье. – Не могу же я отдать хорошее, теплое одеяло, чем же прикрою свои бедные старые кости? Да мне жаль и старого одеяла:

оно еще не совсем плохо. Оно мне до конца жизни могло бы послужить, если я стану его беречь, а кто знает, что это за люди, эти незнакомцы, и правда ли, что они издалека пришли в монастырь. Бог знает, может быть, это какие-нибудь бродяги рассказали сказку сострадательным монахам. Пожалуй, и одеяла никогда не видали, а спят обыкновенно под простой грязной рогожей». И чем больше раздумывала вдова, тем естественнее казалось ей, что не следует отдавать даже старого одеяла Бог знает кому; эти люди, может быть, в лихорадке или в какой-нибудь заразной болезни, в тифозной горячке. И как потом жаль будет сжечь хорошее одеяло! Так думала она, глядя на старое одеяло.

«Одеяло-то недорого, но ведь мне купил его еще мой покойный муж на второй год после нашей свадьбы, и если б что случилось с ним, я себе этого никогда бы не простила. Отдам этим беднякам свой старый платок, он еще довольно хорош, особенно для них». Так разговаривая сама с собой, она рассматривала платок свой со всех сторон. «Все ж бы он мог служить мне, он довольно крепок и хорош для осенних дней; ну, да уж отдам его монаху, может быть, он мне за это и сам чем-нибудь отплатит».

– Вот, возьми этот платок, – сказала она, подходя к монаху, – хотя он довольно изношен, но все же может согреть иззябшее тело.

– Так это все, что можешь отдать беднякам, больше у тебя нет ничего? – спрашивал ее монах.

– Да, конечно, у меня больше нет ничего, святой отец! – отвечала она, – и, верно, без этого платка у меня от простуды и в руках, и в ногах сделается ревматизм; я ведь старуха, и в мои годы дорого обходится спать без теплого платка в холодную ночь.

– А эти-то бедняки – у них никакого платка не осталось, нет такой кофты, как на тебе, которая так тепло тебя греет. У них все сгорело; они пришли в монастырь в том, в чем заснули.

Но, что ни говорил монах, ничто не трогало сердце скупой вдовы, и она, кроме платка, ему ничего не дала. Со скорбью ушел он от нее и постучался в дверь соседки.

Эта его встретила очень ласково; тотчас же развела огонь, поставила на стол кружку молока и достала все, то у нее оставалось в чулане. Он и ей рассказал то же самое, что и первой старушке, но тут его слушали совершенно иначе.

– Ах ты, Боже мой, – говорила добрая старушка, – да как же ты раньше ко мне не пришел? Ведь они, бедные, ждут не дождутся тебя?

Она хлопотливо бегала из чулана, приносила ему то старое одеяло, то подушку, отдавала последнюю свою одежду.

– На, на, возьми ее, авось и она пригодится им; все же лучше, теплее им будет... Ах, да, чуть не забыла, кстати, возьми уж и эту холстину, все же лучше спать, чем на голом полу.

Так, принося ему то то, то другое, она набрала порядочный узел, связала его крепкой веревкой и почти вытолкнула монаха из дверей, говоря:

– Ступай, ступай скорей к беднякам, ведь они на дожде ждут тебя не дождутся! Да, если надо, приведи их обоих ко мне.

Монах ушел, благословляя ее.

После ухода его буря заревела еще сильнее прежнего, удары грома раздавались все чаще и чаще, и вдруг молния с оглушительным треском ударила в крыши бедных лесных лачужек. Крыши вспыхнули, и через минуту обе избушки были в огне. Обе вдовы со страхом выбежали из своих изб, не успев ничего захватить с собой; в лесу они встретили того же монаха. Он их взял обеих за руки и повел к монастырю, как маленьких детей.

В стене монастырской ограды было углубление, в нем-то и были сложены все вещи сострадательной вдовы, и к ним еще прибавилось много новых вещей.

– Вот тебе, возьми все это, добрая дочь моя, – сказал ей монах, – ты сама наградила себя своим великодушием!

– Зачем же ты мне отдаешь все это? Что же ты отдашь несчастным, про которых рассказывал? – спрашивала с удивлением вдова.

– Вы сами эти несчастные и есть! – отвечал монах и, оборачиваясь к другой вдове, он продолжал говорить, вынимая из-под плаща старый платок:

– Я с радостью отдаю тебе то, что успел спасти из твоего добра от огня. Платок хотя и очень выношен, но все же может согреть твои продрогшие плечи.

Скупая старушка совершенно растерялась, надела свой платок, бормоча про себя: «Ах, если бы я только знала, что это он про нас самих рассказывал...» Монах улыбнулся.

– О, я не сомневаюсь, что ты поступила бы иначе, – сказал он, – это тебе урок, моя дочь; впредь ты будешь думать, что и ты можешь нуждаться!

В то время как он говорил, молния осветила его всего с ног до головы, так что казалось, что он стоял в светлом сиянии. В ярких лучах он казался грозным в своей чудесной красоте, и когда старушки опомнились, монаха перед ними больше не было. Обе старушки вошли в монастырь, где добрые

монахи их приютили и обогрели, и стали там расспрашивать о монахе. Но никто из них никуда ночью не выходил, и никто нигде не видал никакого монаха.

63. Дарья Никитишна

Печерского

Осталась пятилетняя Даренька сиротой: и мать, и отец в один год померли. Что было в дому, еще раньше прожили.

Пришлось сироте слоняться по чужим дворам где день, где ночь; где обносочки Христа ради дадут, где хлебцем впроголодь покормят, где в баньку пустят помыться.

Сиротой жить – слезы лить. Немало колотушек попадало Дареньке, а от деревенских ребятишек и вовсе проходу не было: только завидят сиротку, тотчас и обидят, а пожалуется – ей же пуще достанется. Горько бывало глядеть безродной сиротке, как другие ребятишки отцом-матерью пригреты, одеты, обуты, накормлены, приголублены.

Как ни горько жилось сиротке, а она росла себе да росла, и выросла такой пригожей, такой работницей – всем на удивленье: цепом ли, серпом – за двоих работает.

Стали мужики друг перед другом Дарью Никитишну к себе зазывать: «Ко мне поди!» да «У меня поживи». – «Мы ведь тебе, Дарьюшка, люди свои!» Такие речи только и слышит.

Хоть житье теперь Дарье не плохое, да старых колотушек она не забыла: «Теперь хорошо, а выбьюсь из сил, так под старость без крова останусь». И решила она хоть за нищего замуж пойти, только бы самой хозяйкой быть.

И вышла Дарья замуж. Полтора года Дарья пожила с мужем, слова неласкового от него не слыхала, взгляда косого не видала. Рекрутский набор подошел, и взяли его в солдаты. Себя не помнила Дарья, как прощалась со своим соколиком. Трех недель не минуло, грамота издалека пришла: не дошел соколик до своего полку, на дороге заболел да Богу душу и отдал. Поплакала, потужила Дарья, да и пошла в город.

Там к богатому барину в судомойки нанялась, на подмогу повару. Пожив при поваре годов шесть, Никитишна к делу присмотрелась.

Стал тем временем повар запивать, кушанье готовил все хуже да хуже, а накануне самых бариновых именин и сбеги со двора. Остался барин без повара: гости-то на именины названы, а обеда готовить некому. Выручила барина Никитишна: такой обед состряпала – всем на удивленье. Стала с той поры Никитишна за большое жалованье в поварихах ходить. И жила так без малого тридцать лет. А деньгу копить мастерица была: как стала из сил выходить, было у ней деньгами восемьсот рублей. «Ну, –

думает Никитишна, – будет по чужим людям жить, надо свой домишко ладить».

Хоть родину добром ей поминать было нечего, а все же в родную сторону тянуло. Приехала Никитишна на родину, поставила домик на краю деревни, обзавелась хозяйством, отыскала где-то троюродную племянницу, взяла ее вместо дочери, вспоила, вскормила, замуж выдала, зятя в дом приняла и живет себе – не налюбуется на маленьких внучаток.

Хоть и ни в чем не нуждается Никитишна, но всегда с охотой и даже радостью ездит к богатым купцам и к деревенским тысячникам столы строить, какие нужно: именинные аль свадебные, похоронные аль поминальные, либо на случай приезда важных гостей. И везде-то она нужный человек, желанный гость.

64. Старушка няня

Из сборника «Утренняя заря»
Нянюшка лениво
Колыбель качает
И сквозь сон тоскливо
Песню напевает.
На дворе играет –
Свищет буря злая,
Няня все качает,
Под нос напевая.
У икон в лампадке
Огонек горит.
Няня у кроватки
Еле уж сидит:
Вот и опустилась
Голова седая,
И бормочет что-то
Няня, засыпая.
А в кроватке нежно
Спит соколик Ваня,
Подле, как младенец,
Так же безмятежно
Спит старушка няня.

65. Добрая старушка

Из книги «В городе и деревне»

Марфа Ивановна Близнецова, известная в городе более под именем капитанши, жила на Мироносицкой улице. Маленький домик ее, в три окна, выглядывал весело и приветливо между другими домами, все больше какими-то мрачными, старыми... В крошечном садике еще цвели, несмотря на позднюю осень, левкои и резеда; там и сям из кустов крыжовника и смородины выглядывали желтые шапки подсолнечников...

Было холодное, дождливое утро. Тоскливое осеннее солнышко, глянувшее было из-за тучи, опять спряталось. Марфа Ивановна только что вернулась из собора, от поздней обедни, и села пить чай. В небольшой, но весьма опрятной, чистенькой комнате весело шипел на столе блестящий, как золото, самовар. В переднем углу перед киотом горела фарфоровая лампада.

Холодно, сыро, грязно было на улице; мрачно, невесело глядело серовато-свинцовое небо; но зато здесь, в этой комнате, было так чисто, тепло, уютно. Ярко и весело горел огонек в лампадке, освещая золоченые ризы икон; ярко горел и вспыхивал огонь в печке, разливая кругом живительную теплоту; везде были чистота и порядок; отовсюду веяло чем-то приветливым и родным...

Порядком уставшая и озябшая Марфа Ивановна принялась было за четвертую чашку, но вдруг вспомнила что-то.

– Ульяна! Ульянушка! – закричала он.

– Сейчас, барыня, – послышалось за стеной, и в комнату вошла здоровая баба лет сорока пяти, в сарафане, с засученными рукавами.

– Уж не отстряпалась ли ты, Ульянушка? – спросила Марфа Ивановна.

– Да, скоро, барыня. Щи давно кипят; пирог тоже сейчас садить буду... А вас там какой-то старик спрашивает безногий. Нищий, должно быть. Так прямо и лезет в кухню, да еще с собакой. Куда ты? – говорю. – Барыню, говорит, увидать надо. Зайти велела.

– Ах, да это тот, видно. Зови его, Ульянушка! Зови, пусть войдет.

– Как? Сюда? В горницу? – изумилась Ульянушка. – Да что вы, барыня! Ведь он грязный, мокрый такой, весь пол загрязнит.

– Ничего, вымоем.

– Вымоем? Да когда мыть-то? Время разве теперь? Мне ведь не разорваться.

– Ну ладно, ладно, ступай...

– Еще не стянул бы чего там, на кухне-то, – ворчала Ульяна, уходя, – много их шляется здесь убогих. В горницу – ишь ты. Ладно бы и в сенях постоять.

За стеной послышался стук деревяшки. Дверь отворилась, и в комнату вошел старый нищий. Ветхий, покрытый бесчисленными заплатами кафтанишко его был промочен до нитки; с растрепанной седой бороды текли чуть не потоки. Трезорка, такой же мокрый и грязный, как и его хозяин, также проскользнул в комнату. Старик перекрестился на образа, робко и с удивлением оглядел комнату и остановился на пороге, очевидно, не смея идти дальше.

– Проходи, дедушка, проходи! – ласково обратилась к нему Марфа Ивановна. – Садись, отдохни...

– Спаси тебя, Господи, и помилуй, матушка! – заговорил старик и перекрестился. – Награди тебя Царица Небесная за доброту за твою. Идти-то мне только, идти-то сюда, родная, не след: ишь, здесь чистота, благодать какая, точно в раю. Промок я, в грязи весь. На кухне бы лучше...

– Ну вот еще! Чего тут – садись. Звать-то тебя как, дедушка?

– Петром, матушка, Петром зовут.

Старик доковылял до стула, на который указала ему Марфа Ивановна, оставляя на полу целые лужи воды, и робко присел.

– Чайку вот, дедушка Петр, выпей-ка. С холоду-то оно хорошо. Вот тут сливочки, кренделька...

– Спаси тебя, Господи, и помилуй!

– Да что же за наказание такое! – вдруг завопила Ульяна, врываясь в комнату с кочергой. – Ведь собачонка-то сюда забежала! Ах ты, мерзкая! – и она кинулась на Трезорку, разлегшегося перед печкой. – Вон, гадина, вон!

Трезорка с визгом бросился под диван, но Ульяна тотчас же вытащила его оттуда за хвост и уж не пожалела ни кочерги, ни рук: удары посыпались градом.

Страшная мука вдруг исказила лицо старого нищего. Стакан задрожал в его исхудалой руке.

– Да откуда эта собака? Чья? – спрашивала Марфа Ивановна.

– Моя, кормилица, – почти простонал старик. – Прости, Христа ради. На дворе-то не хотелось оставить: холодно, дождь. Нагрязнила она у вас тут, воды нанесла. Да и я-то ведь тоже...

– Оставь, Ульяна! – крикнула Марфа Ивановна. – Жалости в тебе нет никакой. Ну, чего ты бьешь собачонку? Поди сюда, милая, поди сюда! – поманила она Трезорку. Тот робко подошел к ней и, получив кренделек,

замахал хвостом в знак благодарности.

– Любишь ли собачку-то? – спрашивала старика Марфа Ивановна.

– Как не любить, матушка, умная собачонка, привязанная... Вместе мы с ней горе мыкаем, вместе и голодаем, и холодаем. Щеночком я еще ее, вот каким махоньким, подобрал, выкормил. Вот и ходит с тех пор за мной, ни на шаг не отстанет. Куда я, туда и она. На войне даже вместе были, – усмехнулся старик.

– Это как же? – удивилась Марфа Ивановна.

– Да вот так, матушка. В походе, собственно, я и подобрал ее. Шли мы это раз через одну деревню. Ну, вижу, барахтается в пруду щеночек, визжит. Жалко мне стало, вытащил я его, да за пазуху под шинель и спрятал. Сперва все думал – не вырастет, околеет, потому что слепой еще он был, сосунчик. Однако ничего, выкормил. Кашу, бывало, сядешь есть, и ему дашь; сухарь грызешь, и сухаря тоже. Смеялись солдатики-то: ишь, говорят, какого ребеночка Бог послал! Однако ничего, не били. Ну вот и подрос Трезорка, умным таким стал, понятливым. Штукам мы его там разным обучили. Он ведь у меня ученый, матушка, – не без гордости заметил старик. – И поноску носит, и через палку прыгает, и на задних ногах мастер ходить. Куда, бывало, ни пойдет полк, и он за обозом бежит. Раз даже чуть было не убили: пуля в него попала.

– Да ты что же чай-то не пьешь, дедушка? – перебила его Марфа Ивановна.

– Спасибо, родная, награди тебя Бог, много доволен.

– Пей, пей, голубчик, – и Марфа Ивановна подала ему новый стакан. – Да кренделько в-то бери, чего ты?

– Спасибо, спасибо, кормилица... Так вот, пуля попала, – продолжал старик. – Совсем, думал, околеет Трезорка. Ухаживать-то за ним некогда было: дальше надо было идти, ну, а с собой взять тоже нельзя. Оставил его на дороге... Плакал, матушка, стыдно сказать, горько плакал; смотрит это на меня жалобно так, стонет, руки мне лижет. Встать хочет, бежать за нами – не может. Страсть, матушка, жалко было: собачонка-то умная. Однако нечего было делать, оставил. Идем это мы, идем, верст полтораста никак отошли, лагерем стали. Лежу это раз как-то в палатке, вдруг слышу – визг... Господи, думаю, не Трезорка ли? Вышел, гляжу – он и есть. Прыгнул на грудь, визжит, лает. Отлежался ведь, матушка! – заключил старик. – С тех пор вот и живем вместе с ним, не расстаемся.

– Кушай, дедушка, кушай! – ласково говорила Марфа Ивановна, подавая старику огромный кусок пирога с рыбой. – Простынет.

– Награди тебя Бог, матушка! – Старик отер кулаком выкатившуюся

из глаз слезу.

Самовар был давно уже убран, и теперь на столе, накрытом чистой камчатной скатертью, стоял румяный пирог; тут же дымилась миска со щами. Выглянувшее из-за тучки солнышко пробилось сквозь опущенную кисейную занавеску окна и осветило веселенькую картину. Весело было смотреть на эту добродушную хлопотунью-старушку, так радушно, от всего сердца угощавшую оборванного, грязного нищего. Даже морщины на лбу его как будто разгладились. Давным-давно не едал старик с таким аппетитом; да и еще бы! Во всю свою долголетнюю жизнь не случалось ему иметь такого обеда. Про Трезорку и толковать, разумеется, нечего. Разлегшись под столом, он весь углубился в уписывание огромнейшей мясной кости и был, конечно, тоже доволен как нельзя более.

– Да, сохрани, Господи, и помилуй всякого от такой жизни, – задумчиво говорила Марфа Ивановна. – Старый, больной человек, покой бы нужен ему, хлеба кусок верный, а тут вот поди ты, холодно и голодно.

– Что делать, матушка! – вздохнул старик, – на все Божья воля.

– Так-то так, дедушка, ну а все же...

– Спасибо, кормилица, – говорил он, вставая из-за стола и крестясь на иконы, – за хлеб, за соль спасибо. Награди тебя Бог! И меня досыта накормила, в жизни так не ел, да и Трезорку. Ну-ка, вставай, благодари хозяйку, да и домой пора отправляться. Больно уж я засиделся, матушка, прости Христа ради!

– Погоди, дедушка, погоди! Потолкуем!

– Да пора уж, родная! И тебе тоже покой надо дать. Сама, поди, после обеда-то отдохнуть хочешь.

– Ничего, погоди, садись.

Старик сел.

– Вот видишь, дедушка, – начала Марфа Ивановна. – Говорила я давеча, капиталов у меня никаких нет. Муж, покойник (Царство ему Небесное!) тридцать пять лет прослужил верой и правдой, трудился, копил. Ну, вот и оставил домик этот да пенсию. И благодарение Господу: ничего мне больше не надо. Живу, не нуждаюсь; сыта, одета, в тепле.

– Благодать, матушка, благодать. Точно в раю живешь. Всякому так-то бы.

– Вот то-то и есть. Ну, и думаю я, знаешь ли... Вот что думаю, дедушка: домик у меня небольшой, а все в нем комнатки три найдется, да кухня – просторно, значит. Кушанье мы на двоих готовим, а все иной раз остается. Ну, и думаю я: что мне стоит приютить человека да прокормить его?

– Доброе дело, матушка.

– Так завтра, знаешь, возьми да и перебирайся ко мне.

– К тебе, матушка? Да как же это?

– Да так вот. Возьми да и переберись. Чего тебе жить в холоде да в голоде? Место у меня на печке найдется, лежи себе хоть с утра до ночи, парь свои косточки. Щей тарелка тоже найдется.

– Родимая ты моя, кормилица, – заплакал старик, – награди тебя Царица Небесная за доброту за твою. Да ведь нельзя мне, матушка ты моя, нельзя: стесню я тебя. Убогий я человек, больной. Работать ничего не могу. Что хлеб-то мне у тебя даром есть?

– И полно, дедушка! Чего тут! Найдется, говорю, у меня, хватит... Перебирайся-ка завтра с Трезоркой. Кухня у меня светлая, чистая; тепло в ней зимой, как в бане. А на Ульяну то много внимания не обращай; она баба не злая, только поворчать любит. Так вот ты завтра, благословясь, и перебирайся.

– Родимая ты моя!.. Благодетельница!..

И старик упал ей в ноги.

– Встань, дедушка, встань. Грешно человеку кланяться. Богу кланяйся.

– Матушка, Царица Небесная! – крестился старик, а слезы так и текли в три ручья по его морщинистым, исхудалым щекам. – Заступница и Покровительница! Награди Ты ее, пошли ей здоровья и счастья!

– Так вот, брат Трезорка, – совсем весело заговорил он, улыбаясь сквозь слезы, – дожили мы с тобой и до красного дня. Много мы наголодались, назяблись, под дождем мокли, под снегом – ну вот теперь и послал нам Господь светлый праздничек. Благодари же барыню, ручку у ней поцелуй.

Трезорка визжал и прыгал.

Растроганная Марфа Ивановна отвернулась и отирала катившиеся из глаз слезы. Опять выглянуло спрятавшееся за тучи солнышко, точно и оно разделяло общую радость.

– Ишь наследил-то как, седой хрыч! – ворчала Ульянушка, провожая старого нищего. – Наслал Бог гостей!.. Тебе тут чего надо – брысь! – пнула она Трезорку, сунувшего свой любопытный нос в какой-то горшок. – О, чтоб вам пусто было. – И Ульяна сердито захлопнула дверь.

Но старик даже не слыхал ее брани.

66. Грозное слово матери

По журналу «Душеполезное чтение»

Лет семьдесят тому назад жило в селе Юрьевском-Поволжском Тверского уезда одно крестьянское семейство. Оно состояло из вдовы, преклонных лет старушки, Анны Галактионовой, сына ее Егора, жены его Степаниды и маленькой дочери Егора. Когда еще была молода эта старушка и жив был ее муж, Василий Исаев, они, не имея на первых порах своей супружеской жизни своих детей, взяли в приемыши себе сиротинку Луку; воспитали и возрастили его, и женили на простой и доброй, безответной женщине, Марье Левоновой. Лука вскоре помер, оставивши после себя троих сирот: двух девочек и мальчика. Между тем Анна Галактионовна, спустя несколько лет супружеской бездетной жизни, и сама родила сына Егора – но зато вскоре после родов схоронила своего мужа.

Две вдовы жили сначала мирно. Марья Левонова была женщина рабочая, трудолюбивая, простосердечная, безмолвная и покорная; дети ее были безответны пред Анной. Но у Анны вскоре стала проявляться особенная, предпочтительная, неразумная любовь к своему Егорушке. Приемышей, бывало, Анна посылает и уголья жечь, и косить, и молотить, и всякую работу работать; а Егорушка где-нибудь около дома с матерью. Приемыш – поди и дров наруби, и воды принеси, и коровам дай корму; девочка и туда и сюда сходи, и то сделай, другое сделай, а Егорушка знать ничего не хочет – Егорушке лепешечку мать нарочно испечет, и молочка нальет, и кашки даст; а приемышам щи да черствый хлеб. Приемыши и молитв хорошенько не знали: где и когда им учиться! Чуть встали – сейчас на ту, на другую, на третью работу; а Егорушку грамоте выучили; Егорушка читал Часовник и Псалтирь; Егорушка в церкви на клиросе пел. Егорушка чистехонек, белехонек, всегда причесан, всегда вымыт, всегда прибран; а приемыши – как случится. Марья Левонова терпела, плакала и молилась Богу, и работала со своими детьми без устали.

– Ну что ж делать: потерпим, ведь она же нас приголубила, – говорила она про первые годы своей жизни в доме Анны.

Наконец терпенье Марьи истощилось. Видя ежедневные притеснения своим детям от Анны, слыша ее брань и ворчанье, она решилась отойти от греха со своими детьми в свою избушку, и жить, пока мир не наделит ее детей землею, – хотя Христовым именем, да своим честным трудом.

Анна осталась одна с Егорушкой. Егорушка стал подрастать.

Понимая, что мать его чрезмерно любит и балует, он начал своевольничать и капризничать: того хочу; этого подай! Мать исполняла капризы сына. Работать он не любил, зато мать старалась работать за троих. Егору было это и на руку. Хуже и хуже он делался нравственно. Добрые люди, особенно приходский священник, говорили Анне, чтобы она перестала баловать сына, чтобы она вразумляла и останавливала его, что ведь это и ему будет во вред, и ей на горе. Куда!.. Мать и слышать не хотела ничего.

– Да он у меня такой смирный, такой добрый, – говорила она, – и такой послушный! Кажется, и на свете-то нет никого лучше его.

Добрые люди качали головой и отходили от нее. Священник и самого Егора вразумлял и наставлял; но как можно вразумить человека, избалованного и испорченного с младенчества?

Настало время женить Егора. Мать выбрала ему в жены из недальней деревни Степаниду Петровну – женщину неглупую и добрую – и надеялась, что сынок женится – переменится. Если дерево выросло и окрепло, его скорее можно сломить, а не выпрямить, – так и тут. Мать и сама наконец увидела непорядки его, да уж было поздно.

– Что ты, батюшка? Образумься. Христос с тобою; ты то нехорошо делаешь, другое – нехорошо. Хоть бы Бога побоялся да людей постыдился; ведь ты уж женатый, – бывало начнет она говорить Егору. Егор и слышать ничего не хотел, делал все по-своему.

Мать опять начнет говорить:

– Посмотри, дитятко, вот в добрых-то людях так и так идет дело; а у тебя что? Егор не только не слушается матери, но уж начинает и перебраниваться с нею.

– Поди прочь, надоела, – скажет он.

Мать заплачет и отойдет.

– Ну, расхныкалась, старая, – скажет Егор и хлопнет дверью.

Горько было матери, но она терпела. Егор стал браниться с нею чаще и чаще. Мать начала плакать; стала людям говорить о своем горе; стала священника просить пособить ее беде.

– Ведь и не много пьет, – говорила она, – так, Бог его знает, уж очень своенравен.

Священник делал внушения, но Егора все это только больше раздражало.

Однажды – это было в заговенье пред Великим постом – Егор без причины сильно бранил мать.

– Полно, Егор, образумься, – говорила жена, останавливая его. – Что ты делаешь? Ведь она мать тебе.

– Прочь! Не твое дело; и тебя убью!

Егор ходил, как лев. Жена отстала. Егор не знал, как сильнее и больнее уязвить мать, даже ударил ее. Мать в слезах ушла на печку и там целый день пролежала и проплакала.

Настало время ужинать и заговляться. В этот вечер, по обычаю христианскому, крестьяне ходят прощаться в селе к родным своим, к священнику, к знакомым. Егор и сам никуда не ходил, и к нему никто не показывался: все боялись войти к ним в дом, потому что слышали шум и крик. Когда стали садиться за ужин, жена говорит Егору:

– Полно воевать-то; поди, позови мать заговеться-то, нехристь; да простись с нею; ныне и с чужими прощаются.

– Пускай с голоду околевает там на печи, – отвечал Егор в гневе и сел за стол.

Горько, горько стало матери: не вытерпело ее сердце.

– Бог с тобою, сынок любезный, – молвила она ему сквозь слезы. – По твоей милости я нынче куска хлеба в рот не брала. Заговляйся один. Дай Бог, чтобы тебе так пришлось разговеться, как я нынче заговляюсь горючими слезами.

Она взглянула на образ и перекрестилась.

Наступил Великий пост. Материно сердце забыло ссору и простило сына, но у Егора тяжело было на душе. Думал было поговеть он постом; да как-то не надумал: «Вот на Страстной поговею, Бог даст». Настала и Страстная неделя, а Егор не собрался все поговеть. Жена и мать приобщились Святых Таин, а Егор все думал да думал.

Наступила Великая суббота – Егор и в этот день не попал как-то в церковь. Часу к третьему дня жена истопила баню. По обычаю деревенскому, Егор вместе с женой и дочерью, которой было не более шести лет, отправились мыться. Когда они уж мылись, вдруг жена слышит, что в предбаннике что-то затрещало; минута еще – треск сильнее и сильнее; она говорит мужу: «Егор, посмотри-ка». Егор отворяет дверь из бани и видит, что предбанник весь в огне. Костра, солома, охлопки – все горело: пламя быстро распространялось. В испуге Егор нагой бросился вон из бани через пылавший предбанник. Это была единственная дорога, потому что окно, по неразумному обычаю, делается в деревенских банях чрезвычайно маленькое. Одну минуту только бежал Егор предбанником; но огонь охватил его со всех сторон. Впрочем, он выбежал из огня и нагой же бросился с криком в село сзывать народ, чтобы затушить пожар и спасти жену и дочь. Обгоревшая кожа его лопалась и лоскутами висела на нем. Народ, действительно, тотчас увидел пожар и бросился тушить его.

Через четверть часа огонь был залит: воды весной было много около бани, снегу тоже довольно. Предбанник, построенный, или, правильнее сказать, приставленный кое-как к бане и состоявший из нескольких стойком поставленных заборин, живо был растаскан. На бане крыша только занялась, ее скоро стащили. Отворили дверь в баню; там ни живы ни мертвы сидели, прижавшись к углу, жена Егорова с малолетней дочерью. Они были чрезвычайно перепуганы, но невредимы. Их спас Господь от видимой смерти, и притом от самой ужасной смерти. Когда Егор в испуге бросился в пламя, чтобы выбежать вон из бани, жена, не помня как и почему, успела затворить за ним дверь и осталась на волю Божию в бане с дочерью. Пламя не успело еще пробраться к ним, как залит был пожар.

Между тем Егор, нагой, весь обожженный, прибежал домой к матери.

– Матушка, прости меня, окаянного, – были первые слова его. – Господь наказал меня за тебя.

Медицинских пособий подать было неоткуда, да и поздно. Антонов огонь быстро начал охватывать все обожженные места тела его; позвали священника. Егор исповедался с таким самоосуждением и сокрушением, что подобное покаяние редко можно встретить. Он промучился целую ночь и весь следующий Светлый день; все стонал и молил мать о прощении. К вечеру Светлого дня он был покойник.

Во все это время у Егора капли во рту не было. И не разговелся он по-христиански, как предсказала оскорбленная мать его.

Смерть произвела страшное впечатление на весь приход. Бедная мать, как убитая, стояла у гроба. Тело отпевали во вторник на Святой. Радостные слова песнопений церковных: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» – как будто не касались ее слуха и сердца. Жена Егора и дочь рыдали у гроба.

Без всякой проповеди гроб этот был самым лучшим проповедником для всех жителей села и целого прихода. Господь ясно говорил всем: «Смотрите, какое страшное наказание ожидает и родителей за дурное воспитание детей своих, и детей за непочтение к родителям». Много и других уроков можно было извлечь из этого события.

Вскоре после похорон жена Егорова перебралась жить к своему отцу и матери; а Анне пришлось кланяться Марье Леоновой и ее детям, чтобы они не покинули ее, сироту.

Отчего загорелся предбанник, неизвестно; вероятно, заронено было раньше, или при входе в баню вынесена была головешка и брошена где-нибудь близ предбанника, как это весьма часто бывает в деревнях; ветер раздул эту головешку; а рядом солома, хворост, костра; это все равно, что

порох: одна минута – и пожар.

Я был свидетелем этого страшного, потрясающего душу события, говорит автор этого рассказа. Оно и до сих пор живет в памяти юрьевских крестьян как грозное слово Самого Господа.

67. Наша бабушка

Из журнала «Детский отдых»

Наша бабушка не могла видеть ничьего страдания, и стоило при ней только ударить какое-либо животное или раздавить насекомое, чтобы попасть надолго в ее немилость. Раз сестра моя, лет шести девочка, купила себе чижа в клетке. Чиж казался очень веселым; он чиликал, прыгал. Мы все: и братья, и сестры, и я – радовались на него и любовались на него. Пришла к нам бабушка. Сестра, конечно, сейчас же побежала к ней со своим чижом и собиралась уже вынуть его из клетки, как бабушка остановила ее. Она положила ей руку на голову и, нагнувшись к ней, спросила ласково:

– Купила ты птичку для того, конечно, чтобы выпустить ее на волю?

– Зачем? – спросила с удивлением и даже с испугом сестра, подняв на нее глаза.

– Извини, девочка, – сказала бабушка грустным голосом, – я думала, что ты добренькая и настолько велика, что понимаешь, как дурно, как грешно мучить такое крошечное создание Божие.

– Да кто же его мучит? – спросила обиженно сестра. – Его никто не трогает. У него все есть: и корм, и питье, и посмотрите, какая клеточка, чудо...

Сестра приподняла клетку к самому лицу бабушки.

– Да, у него все есть, кроме того, что ему надо, – сказала бабушка, как бы с укоризной. Она не прибавила ни слова, но мы отлично видели, что она недовольна нами.

До обеда бабушка сидела с матушкой, а за обедом она говорила с нами как ни в чем не бывало. После обеда, увидев нас у окна возле клетки, она подошла к нам и стала любоваться на чижа.

– Бедненькая пташка, – сказала она, – думала ли ты несколько дней тому назад, когда летала на свободе, что кончишь жизнь в такой неволе? А детки твои, кормит ли их отец или они все уж померли от голода? А как они ждали тебя, как высовывали свои головки из гнездышка, как разевали большие рты и кричали, кричали! Как им было голодно и как холодно ночью! А вот вы во сколько раз больше птички, а что бы вы стали делать, если бы кто-нибудь отнял у вас маму?

Бабушка ушла. Мы молчали. Птичка уже не казалась нам такой забавной... Через полчаса отпертая клетка стояла на открытом окне. Чиж, попрыгивая, приблизился к отпертой дверке и, как бы почуяв свободу,

встрепенулся всем телом, огляделся во все стороны, сделал два-три прыжка за порог и, как бы не веря своему счастью, остановился, опять оглянулся и, прыгая, вышел на откос подоконника, сел, зачиликал громко, радостно, вспорхнул и, продолжая чиликать, улетел.

– Пусть Господь Бог тебя порадует так же, милая девочка, – сказала бабушка, видевшая всю сцену. Она подошла к сестре и крепко поцеловала ее в голову и в лоб.

Сама бабушка считала своей обязанностью откупать на волю птиц. В праздник Благовещения она не только откупала полные клетки птиц, но, когда у нее не было денег, она употребляла все свое красноречие, чтоб убедить продавца в беззаконности его торговли. Некоторые отвечали ей грубостью, а иные, подумав, отворяли клетки и, глядя, как маленькие пташки толкали и теснили друг друга у дверки, говорили:

– Эк их, словно люди, – от радости ума лишились.

68. Изречения слова Божия о супружеской жизни

Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее (Еф. 5:25).

Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе (Кол. 3:18).

Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос Глава Церкви, – и Он же Спаситель тела (Еф. 5:22–23).

Мужья, любите своих жен и не будьте с ними суровы (Кол. 3:19).

Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствий в молитвах (1Пет. 3:7).

69. Материна молитва со дна моря вынимает (истинное происшествие)

По «Воскресному дню»

Лет восемь тому назад я жил в Москве, на одной из ее далеких окраин, расположенных на берегу реки.

Был один из первых дней апреля, когда, по обыкновению, река Москва, тихая и немноговодная во все остальное время года, в этом месяце с шумом и ревом высоко поднимает свои быстрые воды в гранитных берегах в центре столицы и широко разливается в низких местах города, сокрушая и унося все, что попадется на пути...

День склонился к вечеру, и так как на утро было воскресенье, первое по Пасхе, то во всех церквях уже раздавался первый троекратный звон ко всенощной.

Покойная мать моя, с детства приучившая нас к посещению храма Божия, и в этот раз, уходя куда-то из дома, просила меня не ходить на реку (куда я собирался с товарищами «смотреть воду»), а как и всегда, советовала лучше отправиться в церковь и отстоять Божественную службу.

Я дал ей слово исполнить ее желание, и мы расстались.

Всегда послушный и исполнительный во всех советах моей матери, на этот раз, оставшись один и сойдясь опять с товарищами, я скоро забыл данное ей обещание и отправился на реку.

Река бушевала во всей своей силе...

Разлив ее был один из тех, какие весьма редко случаются в Москве, и старожилы толковали, что не запомнят такой воды с пятидесятых годов.

По обоим берегам реки стояли бесчисленные толпы народа и глядели на быстро бегущие воды, изредка проносившие или одинокую, оторванную где-либо лодку, или запоздавшие куски льда.

Множество смельчаков, несмотря на глубину реки и быстроту течения, на худо сколоченных из разного старья плотиках плавало между берегом и барками.

Подстрекаемые их выходками и не довольствуясь зрелищем с берега, мы подошли к реке и, отыскав заброшенную, худую, наполовину погруженную в воду плоскодонку, недолго думая вдвоем взобрались на нее, чтобы перебраться на барки. А так как сидеть в ней было уже невозможно, то мы и поместились стоя на противоположных концах.

Подвернувшийся под руки шест заменил нам весло, и мы, не обращая внимания на предупреждения благоразумных людей об опасности,

отчалили от берега.

По мере того как мы подвигались ближе к цели, лодка наша все более наполнялась водой, и достаточно было одного неосторожного движения, чтобы окончательно пойти ко дну.

Так и случилось...

Товарищ мой, налегая на шест, по всей вероятности, глубоко завязил его в землю и, вытаскивая его обратно, сильно покачнул лодку.

Я потерял равновесие, оступился на борт... Голова моя закружилась, и что было дальше – не помню...

В то мгновенье, когда я опомнился и открыл глаза, я с невыразимым ужасом увидел или, скорее, почувствовал себя погружающимся в мутное водное пространство, которое, борясь с воздухом, врывалось в меня через рот, нос и уши. Сквозь зеленовато-мутную массу воды я увидел над собой далекий отблеск Божиего света, и сердце мое, как бы прощаясь с ним, болезненно сжалось...

В один миг предо мной пронеслась вся моя кратковременная жизнь: мое счастливое, безмятежное детство, мое полное невзгод и лишений отрочество и расцветающая юность.

В один миг во мне явилось тоскливое сожаление о безвременно утраченной мной, моим безумным поступком загубленной молодой жизни. В один миг во мне пробудился горький упрек совести за нарушенное данное мной матери слово, и я понял, что Бог наказывает меня за этот проступок.

Кроткое, любящее лицо моей доброй матери, с младенчества поучавшей нас страху Божию, добродетели и любви к людям, живо представилось мне.

Я невольно вспомнил о том сыне, который, погибая среди бурного моря, мысленно просил свою мать помолиться Господу о избавлении себя от смерти, и, инстинктивно подняв кверху руки, я как бы умолял мою мать тоже помолить Всеблагое Провидение о моем спасении.

В это мгновение, несмотря на мое неумение плавать, я почувствовал, что поднимаюсь кверху. Сквозь водное пространство я ближе к себе увидел свет Божий и, вынырнув на поверхность воды, очутился около нашей всплывшей плоскодонки, на которой уже сидел мой товарищ. Не помня себя, я взобрался на опрокинутое дно лодки, и первым моим движением было крестное знамение с искренней благодарностью Отцу Небесному, не допустившему меня сделаться жертвой ребячей шалости.

В это время, как бы напоминая о моем обещании ко всенощной и о проступке пред матерью, на ближней колокольне раздался звон.

Вскоре с берега подали нам лодку, и мы, выбравшись на землю, убежали домой.

Спустя немного времени, рассказывая этот страшный случай моей матери, я узнал, что в это время она совершенно беспричинно впала в какое-то тоскливое состояние и, как бы предчувствуя что-нибудь недоброе со мной, мысленно вознесла ко Господу обо мне свою горячую материнскую молитву, что и заставляет меня всецело приписать мое избавление от ужасной смерти великой милости Создателя по ее молитве и еще раз подтвердить известную пословицу, что материна молитва со дна моря вынимает.

70. Княгиня Дашкова – первый президент [57] Российской академии наук [58]

Григорий Дьяченко

Екатерина Романовна Дашкова родилась в 1743 году и воспитывалась в доме дяди, графа Михаила Илларионовича Воронцова. Превосходное, по понятиям того времени, воспитание ее ограничивалось обучением разговору на иностранных языках, танцами и рисованием. Только благодаря охоте к чтению она сделалась одной из образованнейших женщин своего времени. Поездки за границу и знакомство с знаменитыми писателями много способствовали ее дальнейшему образованию и развитию.

В 1758 году Екатерина Романовна становится приближенной особой у императрицы Екатерины II (тогда еще Великой княгини) и преданнейшей ее почитательницей. Их связывала любовь к наукам и литературе. Но вот, вскоре по восшествии на престол императрицы Екатерины, умирает муж княгини Дашковой. Молодая двадцатилетняя вдова посвятила свою жизнь на воспитание единственного сына. Ради завершения его образования она семь лет провела за границей, в Англии, где сын ее окончил курс в Эдинбургском университете. Кроме Англии, она посетила еще Германию, Францию, Швейцарию и Италию и везде старалась завести знакомство с учеными и писателями. По возвращении на родину княгине Дашковой предложено было императрицей занять место директора Санкт-Петербургской академии наук и художеств. По мысли Дашковой была открыта Российская академия, имевшая одной из главных целей усовершенствование русского языка. В ней Екатерина Романовна была первым президентом. По назначении своем княгиня во вступительной речи выражала уверенность, «что науки не будут заключаться в стенах одной лишь академии, но присвоены будут всему Отечеству и, вкоренившись, процветать будут». С этой целью были устроены при Академии публичные лекции (ежегодно в течение летних месяцев), имевшие большой успех и привлекавшие множество слушателей. Одиннадцать лет директорства княгини Дашковой были цветущей порой академии. Лучшей оценкой ее деятельности может служить то, что в 1801 году, по вступлении на престол императора Александра I (когда княгиня уже удалилась от дел), члены Российской академии единогласно решили пригласить княгиню Дашкову снова занять председательское кресло в Академии. Но она отказалась от этого предложения. Последние годы своей

жизни княгиня проводила в занятиях литературой. После нее остались очень ценные и интересные мемуары (воспоминания) о славном времени царствования Екатерины Великой, близкой и ревностной сотрудницей которой она была.

Честь и слава княгине Дашковой за то, что она, не щадя ни трудов, ни средств, ни сил, старалась получить самое высшее образование, чтобы затем послужить распространению просвещения в своей Родине, честь и слава ей за то, что она, понимая важность основательного образования и воспитания детей, предпринимает дальние трудные путешествия, живет даже несколько лет вдали от Родины, в далекой Англии, чтобы здесь дать самое лучшее образование своему сыну. Да будет похвала ей от всех русских женщин за то, что она своим примером показала, что русская женщина способна к самому высшему научному образованию и может с честью занимать самую высокую и ответственную должность, какова, например, должность президента Академии наук.

71. Бетурия

Сост. по проповеди архиепископа Илии Минятия

Из Древнего Рима был несправедливо изгнан Кориолан, благороднейший патриций[59] и мужественнейший полководец. Озлобившись, он призывает войско, возбуждает войну против неблагодарного отечества. Он победителем приближается к Риму, окружает его, осаждает, стесняет. Он первый восходит на крепостные стены города, держа в руке меч, дыша угрозами и убийством, устрашая сжечь город до основания, а самих граждан истребить мечом, их кровью утолить свой гнев и загладить обиду, несправедливо ему причиненную. Римляне с трепетом собираются на совет и не находят от угрожающей опасности никакого средства, кроме как упасть к ногам этого страшного и сильного мужа, попросить прощения и смягчить его гнев. Итак, пошли впереди избранные из сената, за ними разные сановники и, наконец, простой народ, толпы женщин и детей, все со слезами на глазах и глубоким унынием на лице; они восходят на стену, являются перед Кориоланом, падают, кланяются, упрашивают, плачут, и все одним умиленным голосом просят пощады отечеству и своей жизни. Но тот стоит неумолимый, не преклоняется на просьбы, не смягчается от слез всех граждан; наоборот, он ожесточается, хочет дать знак к битве, повести войско в наступление, на убийство и всегубительство. Когда же в толпе он увидел опечаленное лицо почтенной женщины, Бетурии, своей матери, которая напомнила ему свою нежную материнскую любовь, – увидел, и в то же мгновение взор его просветлел, гнев утих, меч опустился и выпал из рук; он останавливает наступление войска, примиряется с гражданами, входит в родной город не как враг, а как друг. Таким образом он освобождает отечество от крайней опасности. Настолько присутствие одной матери перед сыном важнее, чем присутствие бесчисленной толпы народа; для сына что может быть приятнее имени матери? Что сильнее слез и молений матери? Так бывает могущественно влияние матери на сына!

72. Мир семейный весьма угоден Богу

По «Четии-Минеи»

Однажды Макарий, великий подвижник, услышал голос: «Ты еще не сравнялся с двумя женщинами, живущими в городе». Святой подвижник тотчас отправился в город и, отыскавши указанных ему свыше женщин, сказал им: «Я пришел к вам из отдаленной пустыни, чтобы узнать ваши дела, которыми вы благоугождаете Богу». Женщины отвечали: «Каких дел, святой отец, ты ищешь у нас? Мы женщины замужние и живем со своими мужьями, как обыкновенно живут все замужние женщины, – какие могут быть у нас особые дела?» Но преподобный убедительно просил их рассказать образ их жизни. Тогда одна из них сказала: «Мы две снохи, жены двух братьев, пятнадцать лет живем в одном доме, и в продолжение этого времени мы не слыхали одна от другой дурного слова и никогда не ссорились между собой. Мы возымели было намерение удалиться от мира и посвятить себя на служение Богу в каком-либо монастыре, но мужья наши не согласились. Вместо того мы положили завет перед Богом – никогда не произносить ни одного пустого слова, сидеть более дома и заниматься делом». Выслушав это, преподобный Макарий сказал: «Поистине, важнее всего произволение на добрые дела, и если есть такое произволение, где бы кто ни жил, достигнет спасения».

«Четии-Минеи», 19 января

73. Памятный вечер

Вагнера

Ветер бил дождем в окна. На дворе было темно, сыро и холодно. Но в большой, чистой комнате – тепло и уютно.

Светло горит лампа на круглом столике перед мягким большим диваном. Распятие старинной работы из слоновой, уже пожелтевшей кости. Ровный свет лампадки пробегает легкими, нежными тонами по всей фигуре и мягким светом освещает голову Распятого. И вся фигура резко отделяется от креста из черного дерева.

– Мама! – говорит шестилетний кудрявый ребенок матери, которая сидит на диване и быстро вяжет длинный теплый шарф. – Мама! Ведь это Христос распят?

– Да, Христос! – и она мельком оглядывается на распятие и снова погружается в свою работу.

– Как же Он распят? Расскажи мне, мама, что значит распят?

– Это значит, что Его прибили гвоздями ко кресту.

– Как прибили гвоздями?

– Так! – Она оставляет работу и берет за ручку ребенка. – Приложили Его руки вот так к деревянному кресту, в каждую руку вколотили гвоздь молотком, гвозди пробили руки насквозь и вошли в дерево; потом в каждую ногу тоже вбили по большому гвоздю в дерево; потом крест врыли в землю, и так висел Он на этом кресте целый день, пока не умер.

Ребенок побледнел. Его чуткое, восприимчивое воображение живо нарисовало весь ужас страшной кровавой казни.

– Мама! Ведь Ему было очень больно? – спрашивает он, стараясь не верить своему впечатлению. – Больно… До крови?

– Да! Очень, очень больно.

– Зачем же это с Ним сделали? Разве Он был злой?

– Нет, Он был добрый, Он был добрее всех людей, которые были и будут когда-либо на земле, потому что Он был не только человек – Он был Бог!

– Зачем же Его так убили?

– Затем, что Он всем желал добра. Он говорил, что Бог, Его Отец, добр, и затем послал Его на землю, чтобы все узнали, как Он добр. И Он делал много добрых дел, и много народа ходило постоянно за Ним. А злые завидовали Ему. Он уличал их во лжи, зависти, в злых делах. И вот за все за это схватили Его и казнили. Впрочем, Он Сам, желая спасти людей от

грехов, желая пострадать за них, добровольно согласился отдаться Своим врагам, принять муки, и притом самые ужасные, за всех людей.

– И за это Его убийцам ничего не сделали? – И на лицо мальчика набежала краска, и слезы засверкали на глазах его. – Я бы их всех прибил гвоздями к деревьям.

И он сжал маленькие кулаки.

– Зачем же? – говорит мама. – Ты сделал бы очень дурно. Никогда не должно платить злом на зло. Это говорил Он, Христос, и когда Его распяли, как ни больно было Ему, но Он, умирая, молился за тех, которые Его распяли, молился, потому что Он любил всех людей – и добрых, и злых... Ведь каждый злой человек не был бы злым, если бы вокруг него не было ничего злого и если бы он сам не мог делать зла.

Мальчик долго смотрел на распятие, на Его опущенную голову, на страдальческое лицо, на полуоткрытые уста, которые, казалось, шептали молитву и повторяли одно и то же великое слово любви к человеку.

– Мама, – сказал он наконец, – я буду добр, я буду всех любить – и добрых, и злых.

– Да, – сказала мама, – будь добр и люби всех, всех людей. Если ты будешь любить всех, то ты будешь хорошо учиться, потому что только тот, кто много знает, может сделать много добра всем людям и тот, действительно, любит всех людей.

И она пристально посмотрела на него, сдвинула кудрявые волосы с его лба и поцеловала этот еще небольшой, но уже высокий и крутой лобик.

– Может быть, – подумала она, – в тебе, действительно, вырастет любовь к знанию, истине, на пользу и благо всех людей. Может быть, Он уже отметил тебя и вложил в твое сердце эту великую любовь.

И она с тихой, безмолвной молитвой взглянула на распятие.

И тихо теплится лампадка. Светло, тепло, уютно в большой комнате. А ветер бьет дождем в окна. На дворе темно, сыро и холодно.

74. Детское счастье

Лев Толстой

Счастливая, счастливая, невозвратная пора детства!

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно; давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Мать говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу. Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ее лицо, и вдруг она вся сделалась маленькая-маленькая – лицо ее не больше пуговки; но оно мне так же ясно видно; вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках глаза; но я пошевелился – и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараясь возобновить его, но напрасно. Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

– Ты опять заснешь, Николенька, – говорит мне мамаша, – ты бы лучше шел наверх.

– Я не хочу спать, мамаша, – ответишь ей, и неясные, но сладкие грезы наполняют воображение; здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках: чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко прижмешь ее к губам.

Все уже разошлись, одна свеча горит в гостиной; мать сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной, нежной ручкой провела по волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

– Вставай, моя душечка, пора идти спать. Ничьи равнодушные взоры не стесняют ее; она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крепче целую ее руку.

– Вставай же, мой ангел!

Она другой рукой берет меня за шею, и пальчики ее быстро шевелятся и щекочут меня. В комнате тихо, полутемно, нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу ее запах и голос. Все это заставляет меня вскочить, обвить руками ее шею, прижать голову к ее груди и, задыхаясь, сказать:

– Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берет обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладет к себе на колени.

– Так ты меня очень любишь?

Она молчит с минуту, потом говорит:

– Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаши, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николенька?

Она еще нежнее целует меня.

– Полно, и не говори этого, голубчик мой, душенька моя! – вскрикиваю я, целуя ее колени, и слезы ручьями льются из моих глаз – слезы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придешь наверх и станешь пред иконами в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря:

– Спаси, Господи, папеньку и маменьку.

Когда я повторял молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце, на душе легко, светло и отрадно, одни мечты гонят другие, – но о чем они? Неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Ивановиче и его горькой участи, единственном человеке, которого я знал несчастливым, и так жалко станет, так полюбишь его, что слезы текут из глаз, и думаешь: «Дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом возьмешь любимую фарфоровую игрушку, зайчика или собачку, уткнешь в угол пуховой подушки и любуешься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолишься о том, чтобы Бог дал счастье всем, чтобы все были здоровы и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

75. Несчастная царица, жертва ненависти и клеветы

Из проповеди архиепископа Илии Минятия

В славном городе Афинах жил некий философ[60] по имени Леонтий; рода он был знатного, и хотя веры языческой, но жизни был честнейшей. При своей смерти он все свое имение отказал сыну, а имевшуюся у него дочь оставил без всего. И когда его спросили, почему он так, как бы презрительно, отнесся к слабому существу и не оставил ей ничего в приданое, то Леонтий на это ответил: «Довольно будет для нее своего счастья». Быть может, он так ответил, основываясь, как язычник и астролог[61], на странных современных ему воззрениях на звезду, под которой родилась его дочь. Но ее будущее счастье, как увидите, было следствием ее тщательного воспитания, добродетелей, выдающихся дарований – она действительно достигла блестящего положения, когда тому представились удобные обстоятельства. Афинаида, так называлась дочь философа, не удовольствовалась завещанием отца и после его смерти начала судиться с братом, желая лишить завещание силы и взять себе надлежащую часть родительского имения. Выехав из Афин, она отправилась в Константинополь, чтобы там искать правосудия у царя. Царем был тогда Феодосий младший. Когда Афинаида представлялась царю, то ее увидела сестра царская, славная Пульхерия; она заметила ее прекрасное лицо, честный взгляд, разумность в речах; во всем чувствовалось, что это была дочь философа и притом сама высокого ума и образования. Пульхерия ее возлюбила, милостиво приняла и обратила ее в христианство, дав ей вместо языческого имени Афинаида христианское имя Евдокия. Обратив же в христианство, она выдала Евдокию замуж за своего брата, царя Феодосия. И так исполнились слова ее отца: «Довольно будет для нее своего счастья». Из простой афинской язычницы она стала христианкой и царицей Константинополя. Она лишилась родительского наследства, а Бог ей дал скипетр и корону.

Радуется наше сердце, слыша о таком счастье этой девицы. Но приготовимся к слезам, чтобы оплакать ее великое несчастье. О, зависть, зависть, как ты горька и как много несчастий ты приносишь людям!

Позавидовали Евдокии, оклеветали ее неправедно перед царем и ее мужем, будто она имеет к нему малую верность и почтение и будто она весьма почитает Павлиниана, который был очень ученый и честный человек и с которым она, действительно, часто беседовала, любя сама науки. Хотя царь этому не поверил, но возымел сомнение и, ничего не

говоря Евдокии, искал случая сам удостовериться. Однажды принесли царю яблоко, которое было необычайной величины; царь отослал его к Евдокии. А она, не подозревая против себя никаких клевет, послала это яблоко к Павлиниану, который был в это время болен. Царь, придя навестить больного Павлиниана, увидел там свое яблоко, изменился в лице, возмутился сердцем и вышел печален и гневен, и когда пришел к царице, то прежде всего спросил: где яблоко, которое он к ней прислал? Она, по действу ли диавола, радующегося о зле, или по попущению Божию, не объявила ему истины, а сказала, что она то яблоко сама съела, и утвердила свое слово клятвой, поклявшись даже царским здоровьем.

Этого было достаточно; царь поверил клевете и тотчас повелел отсечь голову лежавшему в постели Павлиниану, который не только был совсем невинен, но даже ничего не подозревал. С Евдокией царь развелся и послал ее в ссылку в Иерусалим. И вот дворец, где раньше царили радость и мир, был возмущен печалью и тревогой.

Из этого примера вы видите, сколько зла могла наделать зависть, смешанная с клеветой. Благодаря зависти, был убит неповинный Павлиниан, разлучена царица с мужем; поругана добродетель верной жены; нарушена радость многих, и никто от этого не получил никакого для себя удовольствия. Может ли после этого завистливый, доставляющий только злобную радость бесам, может ли и имеет ли право называться христианином?

В заключение вспомним поучение апостола Павла: *не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать* (Гал. 5:27). Не будем тщеславны, будем знать каждый только свое; не будем осуждать один другого, не будем ревновать один другого. Если вы поедаете один другого, то берегитесь, как бы вам всем не погибнуть. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом (Гал. 5:15)[62].

76. Наталья Борисовна Долгорукая

Сост. по Острогорскому

Наталья Борисовна была любимицей матери; которая приходилась теткой императору Петру Великому; росла она в довольстве и холе, окруженная самыми нежными заботами. Любуясь ею, мать часто мечтала о том, как Наташа вырастет и будет одной из самых знатных и красивых невест. Не забыла мать дать ей и образование, что было большой редкостью в женщинах того времени. Наташа очень рано выучилась читать и писать не только по-русски, но и на иностранных языках, и до самой смерти сохранила доброе воспоминание о своей образованной гувернантке, взятой к ней умной матерью. Но недолго пришлось Наташе пользоваться материнской лаской. Едва исполнилось ей четырнадцать лет, как мать умерла, оставив ее круглой сиротой на попечение гувернантки да старшего брата, которому тогда было всего пятнадцать лет. В то время дети знатных родителей рано принимались на службу, почему и он тогда служил поручиком (офицером) в Преображенском полку. Он-то и стал тогда господином в доме.

Сильно изменился характер девушки после смерти матери. Из веселой и живой она стала задумчивой и серьезной. Круглая сирота, она обращала на себя общее внимание красотой, богатством и образованием, но редко выезжала в общество, не находя удовольствия в танцах и пустых разговорах. Много сваталось за нее знатных женихов, но она отказывала всем, решившись выйти за того, кого полюбит. Так прожила она два года. Ей было уже шестнадцать лет, когда она встретила двадцатидвухлетнего князя Ивана Алексеевича Долгорукого. Молодой человек, красивый, веселый, талантливый, очень ей понравился, и она согласилась выйти за него замуж. В то время Петр Великий уже умер, и в России царствовал его внук, Петр II Алексеевич, которому было в то время только пятнадцать лет. Молодой государь, еще Великим князем, сблизился с Долгоруким и так полюбил его, что они даже спали вместе в одной комнате. Князь поддерживал в Государе охоту учиться и часто помогал добрыми советами. И так полюбил царь Долгорукого, что пожелал с ним породниться, и обручился с его родной сестрой, Екатериной Алексеевной. Таким образом жених Натальи Борисовны становился первым, после царя, лицом в государстве, и немудрено, что со всех сторон слышала она восклицания: «Ах, как она счастлива!»

Совершился наконец парадный сговор. Редко кому случалось видеть в

жизни такое блестящее собрание. На сговоре была вся царская фамилия, все чужестранные посланники, вся знать; столько было гостей, что их едва вмещал обширный дом Долгоруких. Невесту одарили: кто дорогими серьгами, кто часами с бриллиантами, кто другими драгоценностями. Богатство Долгоруких было несметно, и «руки мои, – рассказывает княгиня, – не могли бы забрать всех подарков, если бы мне не помогли принимать их». Когда стали разъезжаться гости по Москве, на их пути зажгли смоляные бочки, а около дома стояла громадная толпа народу.

– Слава Богу! – кричали в толпе, – отца нашего Бориса Петровича дочь выходит замуж за важного человека. Теперь-то наделает она вволю всем добра.

Но счастье длилось недолго: всего двадцать четыре дня. В сочельник, 24 декабря 1729 года, было обручение, а 18 января 1730 года неожиданно скончался государь Петр II Алексеевич, заболев оспой. С его смертью круто изменялось положение Долгоруких.

Страшно подействовала на Наталью Борисовну смерть Государя. Просыпается она 19 января счастливая, веселая, выходит пить чай и видит в столовой всех своих родственников. Она знала, что Государь болен, но не предполагала несчастья. Заплаканные глаза родных, ответы, которые ей давали неохотно на ее вопросы, из желания скрыть он нее горе, выдали их. Не раз слыхала она прежде, как при перемене царя в иноземных государствах гибли в ссылках и казнях прежние царские любимцы; она горько заплакала, предвидя недоброе. Напрасно старались утешить ее родные, суля других женихов – и знатных, и богатых. Но она и слышать не хотела о том, чтобы, дав слово в счастье, отказать жениху тогда, когда он терял все. Вечером приехал к ней Иван Алексеевич, горько жаловался на свое несчастье, рассказывал о последних минутах дорогого покойника, как он с ним разговаривал, как прощался. И плакали оба, жених и невеста, и клялись, что разлучит их одна смерть.

Все друзья и знакомые стали избегать их, сторониться их, заискивать перед теми, кого прочили в новые любимцы. Лучше не родиться, чем быть превознесенным случаем, обстоятельствами, а после пасть так же легко, как и возвыситься.

На престол вступила герцогиня курляндская Анна Иоанновна.

Вслед за Анной Иоанновной приехал в Россию ее камергер[63], ловкий и честолюбивый курляндец Бирон. Он был человек жестокий и необразованный. Предвидя, каким несчастьем для всего народа будет его приезд в Россию, Долгорукие в числе условий, предложенных царице, поставили, чтобы она отнюдь не позволяла ему въезжать к ним. Понятно,

какую злобу он должен был питать к Долгоруким, и недаром говорил публично: «Дома той фамилии не оставлю». Приехав в Москву и захватив в свои руки всю власть, он, простой конюх по происхождению, видеть не мог равнодушно верных слуг прежних государей. В самое короткое время он стал в такое высокое положение, что все целовали ему руки и чествовали, как великого князя. Не зная, к чему ему придраться, чтобы скорее сослать Долгоруких, он стал призывать к себе прежних их друзей, ласкал их, выспрашивал, как князья жили, не брали ли взяток. Но никто не мог сказать про них ничего дурного. Тогда он велел объявить, чтобы всякий, кто кем недоволен, подавал государыне просьбы. Пошли доносы, наговоры, и положение Долгоруких с каждым днем становилось опаснее.

Так шло время до апреля. Невесело было графине. То жених приедет – вместе плачут, то всякие недобрые вести доходят. Кто говорит; в ссылку сошлют, кто – чины да ордена отберут, то неприятности дома. Брат и родные беспрестанно упрекали ее, что не отказывает жениху, которому грозили бедствия. Надобно было на что-нибудь решиться. Как ни откладывали дня свадьбы, но наконец, видя упорную решимость невесты идти на все, что ни будет впереди, должны были его назначить. Пришел этот день. Проводить даже в церковь некому: никто из родных не едет, да и звать то кто будет? Только две старушки, дальние ее родственницы, согласились поехать в церковь.

Надо было ехать венчаться верст за пятнадцать от Москвы, в родовое село Долгоруких Горенки. Там жили отец жениха, его братья и сестры, недружелюбно расположенные к невесте, и без того расстроенные ожиданием близких бед. Стала прощаться графиня со своими домашними и братьями, которые отпустили ее с горькими слезами, оплакивая, как покойницу. Поехала она со своими двумя старушками венчаться и, заплаканная, вошла из-под венца в дом свекра одна-одинешенька с мужем, потому что и старушки уехали домой. И хоть много было наприглашено гостей с жениховой стороны, но свадьба походила скорее на похороны, чем на веселый пир молодых.

Через три дня после свадьбы, только что молодые собрались ехать с визитами, вдруг приезжает чиновник и объявляет свекру Натальи Борисовны, что им указом государыни приказано тотчас же ехать в свои дальние деревни и жить там впредь до нового распоряжения.

После больших трудностей и лишений приехали наконец в свои деревни. Тут решились остановиться на отдых и зажили довольно спокойно. Только раз, уже на третью неделю стоянки, обедают все вместе в господском доме, окнами на большую дорогу. Кто-то взглянул в окно –

видит: по дороге пыль столбом; несутся прямо к дому несколько телег, а позади коляска. Все бросились к окнам – видят: в телегах все солдаты, более двадцати человек, а в коляске гвардейский офицер. Без чувств упала княгиня со стула, а когда опомнилась, видит: комната полна солдат. В ужасе ухватилась она за мужа и не отпускала от себя, чтобы только его с ней не разлучили. Никто толком не говорит, что случилось. Только по всему дому беготня и плач.

Вдруг офицер велит подавать кареты: хотят куда-то везти, а куда – ссыльные и не знают. Одно утешило княгиню: не разлучат с мужем. Офицер сжалился над ней и позволил, перед тем как садиться в карету, сходить за вещами в сарай, где была спальня молодых, но не иначе, как под конвоем двух солдат. Кое-как собралась опять в путь Наталья Борисовна, и уже потом только, в карете, узнала от мужа, что велено их везти в Сибирь, в маленький городок Березов, за три с лишком тысячи верст от Москвы, и там содержать под строгим караулом, никого к ним не пускать, ни их никуда, кроме церкви; что запрещено даже писать к ним и давать перья и чернила.

Так, в большом горе, доехали ссыльные до города Касимова, на притоке Волги Оке. Не было лица на княгине; даже родные ее мужа боялись за ее жизнь. Поместили на квартире всех вместе, уже не врозь, как прежде, а у дверей поставили часовых со штыками.

Так жили Долгорукие с неделю, пока готовили судно, на котором надобно было везти их далее уже водой.

Наконец судно было готово. Поехали. Ехали сперва по Оке до Мурома, а от Мурома до Нижнего, и с Нижнего стали спускаться вниз по Волге, но ниже Казани свернули на приток Волги Каму, да по Каме больше двух недель до города Соликамска, где наконец пересели на подводы.

Но не лучше был и сухой путь. Целых триста верст пришлось ехать Уральскими горами, на границе России с Сибирью, верст пять в гору, да с горы столько же. А дорога – каменистая, узкая, едва можно пробираться на повозках в одну лошадь. По обеим сторонам пропасти и обрывы, поросшие лесом. Тягость пути увеличивалась еще тем, что Долгоруким почти не давали отдыха, спеша доставить их скорее до места. Это была не какая-нибудь нынешняя шоссейная большая дорога, а проселок, по которому вместо станций верст через сорок были поставлены небольшие домики для пристанища проезжих и корма лошадей, с такими низенькими дверями, что входить туда нужно было нагнувшись. В этот переезд натерпелись все немало горя и болезней. Но он был еще ничто в сравнении с дальнейшим

переездом водой в Березов. Ссыльным дали самое дрянное, старое судно, определенное на дрова. Даже офицер, провожавший их до сих пор и теперь передавший их другому, плакал, расставаясь с несчастными, и говорил: «Теперь-то натерпитесь вы всякого горя». И на этом-то судне плыли они под конвоем из 24-х человек солдат еще целый месяц, пока не привезли их к городу.

Березов – маленький городок в Тобольской губернии за 4000 верст от Петербурга. Он стоит на островке, образуемом рекой Сосной. Глухое и дикое это место. Жители едят там сырую рыбу, ездят на собаках и носят вместо одежды оленьи шкуры. Как сдерут с животного, так и наденут, продевая руки, вместо рукавов, в шкуру с передних ног. Избы там в то время строились из кедрового дерева с ледяными пластинками в окнах вместо стекол. Страшные бывают там зимы, месяцев до десяти, по восьми, и ничего не произрастает там: ни хлеба, ни даже капусты. Вокруг глухие леса да болота, а хлеб привозят за тысячу верст. В этом-то городе, который тогда был еще маленьким селением, лет за шесть до прибытия туда Долгоруких построили острог для ссыльных. Тут поместились Долгорукие, в большом, низеньком деревянном доме с небольшим прудом, в котором плавали гуси, утки и лебеди. Только эти птицы и развлекали несчастных в их одиночестве. Ели ссыльные деревянными ложками, пили из оловянных стаканов. Кормили их таким хлебом, что часто зубы не брали; держали в таком холоде, что щи мерзли, пока их ели; мало того, пищу приносили даже не каждый день, а на несколько дней зараз. Никуда, кроме церкви, не выпускали, да и то под караулом. Так потянулись день за днем, но твердо переносила все Наталья Борисовна: и холод, и грубое обращение солдат, и домашние неприятности, еще больше увеличившиеся со скорой, по приезде туда, смертью свекра и свекрови. Переносила она все твердо и безропотно для того, кого так много любила, стараясь ласками и заботами хоть сколько-нибудь утешить опустившуюся голову мужа. С ним вместе читала Евангелие, вместе молилась и плакала. Так прожила она в остроге уже около восьми лет. Но на восьмой год случилась новая беда. Один мелкий чиновник вместе с младшим братом Натальи Борисовны, 12-летним мальчиком, подученным бывшей государевой невестой, донес, будто Иван Алексеевич говорил дерзкие речи против Государыни.

Князя Ивана заключили в холодный амбар и, разлучив с женой, запретили с ней видеться. Но Наталья Борисовна выпросила позволение видеть мужа по минуте в сутки через крошечное окно, и через него целые три месяца передавала ему пищу, и то не сама, а через часового. «Отняли

от меня, – рассказывала она сама, – жизнь мою, моего доброго отца и мужа, с кем хотела и век окончить, кому в тюрьме была единственным товарищем. Эта черная изба, в которой я с ним жила, казалась мне веселее царских палат...»

Узнал потом обманутый мальчик, что из-за него тяжко достается молодым Долгоруким, которых он любил, и с горя лишил себя жизни.

Но и последнего утешения – хоть на минуту в день видеть мужа – вскоре лишилась Долгорукая. 4 августа 1738 года князя Ивана увезли в Новгород, даже не дав проститься с женой, и там казнили... Она даже долго не знала, что его уже нет в живых, а когда сказали ей, что увезли, и она стала рыдать и молить, чтоб ее отпустили за ним, ее втолкнули в острог, заперли и приставили к двери часового с ружьем.

После смерти мужа она осталась в Березове одна-одинешенька с двумя сыновьями, потому что родных ее разослали по разным местам. И жила там в страшной нужде еще год и десять месяцев. Наконец в 1740 году ее, истомленную, в рубище, привезли в Москву с обоими детьми, из которых старшему было уже восемь лет, но она не застала уже в живых императрицу Анну.

Не признали в убогой страннице жену казненного когда-то царского друга ни знакомые, ни родные. Вместо прежней богатой красавицы перед ними была нищая, просящая хлеба и крова для детей и себя. Странствовала она из дома в дом, по чужим дворам да передним много лет и, несмотря на всю тягость своего положения, воспитала сама своих детей, записала старшего сына на службу, женила его, а сама осталась одна с младшим.

Вырастила мать своих детей, и больше для нее не осталось ничего, что бы привязывало ее к жизни, в которой она так много любила и столько вытерпела за свою любовь. Задумала она оставить мир и уйти в монастырь, чтобы там спокойно дожить свои последние годы.

В 1758 году она прибыла в Киев. Выплакала она все слезы; один только образ покойного мужа часто вставал перед ней и будил старые воспоминания. Раз, поздним вечером, бродила она в раздумье по берегу Днепра, готовясь в мыслях принять монашество. В реке бушевали волны, вдали блистала зарница, тучи заволакивали месяц. Горько, ужасно горько сделалось на душе страдалицы. Вспомнился он... Вспомнилось короткое время счастья... Но подавила она в себе старые воспоминания и, быстро сорвав с руки обручальное кольцо, бросила в Днепр последнюю дорогую вещь, оставшуюся у нее на память о былом.

Вскоре потом она постриглась в монахини и в тихой монастырской жизни стала ожидать смерти. Но не шла смерть, и с каждым годом все

сильнее чувствовалось одиночество. Скончался и ее любимый старший брат, скончался почти на ее руках и маленький сын, слабый и помешанный. Недолго после него жила страдалица, и в

1771 году умерла тихо и безболезненно, написав за несколько дней до своей кончины: «Оставшиеся после моей смерти, пролейте слезы, вспомнив мою бедственную жизнь. Слава Богу, что она кончилась, – не льются больше мои слезы, не вздыхает сердце».

77. Святого Григория Богослова стихотворение против женщин, которые любят наряды (в извлечении)

Не стройте, женщины, на головах у себя башен из накладных волос, не выставляйте напоказ нежной шеи, не покрывайте Божия лика гнусными красками и вместо лица не носите личины. Женщине неприлично показывать мужчинам открытую голову, хотя бы золото вплетено было в кудри.

Если природа дала вам красоту, не закрывайте ее притираниями, но чистую храните для одних своих супругов и не обращайте на постороннего жадных очей, потому что вслед за очами неблагочинно ходит и сердце. А если при рождении не получили вы в дар красоты, то избегайте второго безобразия, то есть не заимствуйте красоты из рук – красоты, которую доставляет земля, которую покупают за несколько монет, красоты, которая стирается и стекает на землю, не может удержаться на тебе во время смеха, когда веселие приводит в трепет щеку, красоты, которую изобличают в подлоге ручьи слез, увлажняющий ланиты (щеки) страх, и уничтожает капля росы. Теперь блестят и полны прелестей твои ланиты; но вдруг (к великому смеху) являются они двухцветными, где темными, а где беломраморными. Ибо тебе, подсурьмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержать на себе обличаемую в подлоге красоту? Поэтому не прибегай к постыдным пособиям прикрашивать свой вид.

Если и достанет у тебя хитрости сокрыть что-нибудь от супруга, хотя и не удобно Божий образ закрыть личиной, то смотри, чтобы прогневанный Бог не сказал тебе так: «Отвечай, чуждая мне тварь! Кто твой Творец? Я создал собственный Мой образ. Как же вместо любезного Мне образа вижу кумир?»

Если ты к супругу своему питаешь такую же любовь, какую и он к тебе, с тех пор как цветущей девой ввел тебя в брачный чертог, то это приятно ему. Но если стараешься понравится взорам других, то это ненавистно твоему супругу. Лучше тебе внутрь дома своего скрывать прелести, данные природой, нежели неблагочинно выставлять прелести поддельные. Ибо супругу довольно твоей природной красоты. А если красота выставлена для многих, как сеть для стада пернатых, то сперва станешь любоваться тем, кто любуется, и меняться взорами, потом начнутся усмешки и обмен словами, сначала украдкой, а потом и с большой смелостью. Но остановись, говорливый язык, и не произноси

того, что последует за этим, Здесь все неразрывно идет одно за другим, подобно тому как железо, притянутое магнитом, само притягивает другое железо.

Послушай моих советов, какие изреку тебе из Божественного слова. Или не знаешь, как и древле твоего праотца обольстило доброцветностью человекоубийственное древо и как хитрость врага и убеждение супруги обольстили и немедленно изгнали его из зеленеющего рая? С этого-то времени, дочь моя, такой отеческий закон: никогда не полагаться на доброзрачность. Ибо всякая красота – для меня кратковременная прелесть: ее приносит весна и тотчас губит холодная зима или истребляет немилосердное время.

Расскажу тебе басню, которая очень идет к данному случаю. По одному древнему преданию, в роде человеческом не различалось прежде, кто хорош и кто худ; но многие, хотя были добродетельны, почитались беззаконниками, и наоборот, многие, хотя были безрассудны, слыли добрыми; самых бесчестных людей сопровождала слава, и совершенных преследовало бесславие, но ни тем, ни другим не было правосудия. Но не сокрылся от Царя Бога царствующий в мире грех и, воскорбев об этом, провещал Он наконец такое слово: «Несправедливо, чтобы слава Моя была и на добрых, и на злых; от этого грех еще более усилится. Поэтому дам им верный отличительный признак, по которому легко узнать, кто порочен». Сказав это, ланиты у добрых покрыл Он румянцем, так что при виде чего-либо постыдного тотчас разливается под кожей кровь; особенно женщин наделил Он румянцем в большей мере, потому что и кожа у них прозрачней, и сердце нежней. Но у злых Бог сгустил кровь и сделал неподвижной во внутренности, так что и от стыда нимало не приходит она в обращение.

Куда же причислю тебя, изукрасившая свои ланиты? Для меня не важен твой румянец, хотя и до чрезмерности покрывает он твою наружность; ибо это румянец бесстыдства. Не расписывай себе лица, не подделывай своего цвета; я признаю ту одну красоту, которую дала природа. Родные дети, хотя и некрасивы лицом, милее красивых, но усыновленных. Помня это, сохраняй свое тело таким, каково оно по природе, и не желай, чтобы тебя почитали иной, чем какова ты в действительности.

Один цвет любезен в женщинах – это добрый румянец стыдливости. Если хочешь, уступлю тебе другой цвет: придай своей красоте бледность, изнуряя себя подвигами для Христа, молитвами, воздыханиями, бдением днем и ночью. Вот притирания, годные и незамужним, и замужним. А

красильные вещества побережем для стен.

Лучшая драгоценность для женщин – добрые нравы, то есть сидеть больше дома, беседовать о Божием слове, заниматься тканьем и пряжей (это обязанность женщины), распределять работы служанкам, нечасто переступать за порог своего дома, искать себе увеселений только в обществе целомудренных женщин и в одном своем муже.

78. Моей дочери

Из В.Гюго перевод Плещеева
Еще совсем малюткой в колыбели,
Однажды близ меня заснула ты…
Румянцем щеки пухлые алели
И ясны были детские черты.
Ты даже трелей птички не слыхала –
Так крепко ты и сладко так спала;
А я стоял в раздумье. Окружала
Нас сумерек таинственная мгла…
Казалось мне, что ангелы слетали
К тебе, дитя, с небесной вышины;
И в сердце я молил, чтоб навевали
Они тебе лишь радужные сны.
Жасмины я и розы рвал без шума
И в колыбель бросал к твоим ногам…
И плакал я… Меня страшила дума:
Что в эту ночь судьба готовит нам?
Придет пора, глубокая дорога, –
Я, в свой черед, засну глубоким сном,
И ночь меня окутает немая;
Мрачней тюрьмы мой тесный будет дом,
И птички я не буду слышать трели.
Тогда молитвы, слезы и цветы,
Все, что твоей дарил я колыбели –
Все возвратишь моей могиле ты!

79. Тавифа как образец для жен-христианок, занимающихся рукоделием

Сост. по «Воскресному чтению» 1881 г.

В Иоппии, которая называется теперь Яффой (город близ Иерусалима), жила одна христианка по имени Тавифа, что значит Серна. Была замужняя, или вдовица, или девица пожилая, из повествования «Деяний апостольских» не видно. Но видно то, что она была женщина добродетельная, и особенно была милостива к бедным вдовам. Вот она заболела и умерла; ее омыли и положили в горнице, то есть как следует приготовили к погребению. Такие люди всегда возбуждают в обществе большое о себе сожаление, и около гроба их собирается множество плачущих.

В это время недалеко от Яффы, верстах в пятнадцати, именно в Лидде, небольшом городке, находился апостол Петр, посещавший палестинских христиан. О нем было известно повсюду не только как об апостоле, но и как о великом чудотворце, совершавшем необыкновенные дела. В Яффе слышали, без сомнения, о последнем чуде, какое он совершил в Лидде, исцелив тамошнего жителя по имени Эней, восемь лет лежавшего в постели в расслаблении (Деян. 9:33). Яффские христиане, опечаленные утратой такой благотворительницы бедным, какова была Тавифа, послали двух человек просить святого апостола, чтобы он поспешил придти к ним.

Петр тотчас же встал и пошел с посланным. Когда он прибыл и ввели его в горницу, где лежала Тавифа, то все вдовы, находившиеся здесь, со слезами предстали перед апостолом, жалуясь на свое горе и показывая рубашки и платья, какие делала для них покойница, когда была жива. Видно слезы были сильны, а дела благотворения покойницы так очевидны, что тронули святого апостола. Петр, выслав всех из комнаты и преклонив колена, помолился; потом, обратившись к телу, сказал: «Тавифа, встань!» И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Петр подал ей руку, поднял ее; а потом, пригласив находившихся вне комнаты христиан и вдовиц, поставил ее перед ними живой. Этим действием он показывал им, что ради их слез и для их утешения выпросил у Бога, чтобы она жила еще с ними: «Вот вам ваша благодетельница, – как бы так говорил, – утешьтесь, она жива и будет с вами». Можно вообразить, какова была радость всех этих бедных вдовиц, которые тут находились, оплакивая свою благодетельницу.

Чем Тавифа заслужила такой плач о себе со стороны бедных вдов? *Все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними* (Деян. 9:39). Тавифа благотворила бедным вдовам, и благотворение ее состояло главным образом в том, что она делала для них, вероятно, и для детей их рубашки и всякие платья, необходимые для одеяния нашего тела. Рукоделие, обыкновенно сродное женскому полу, она обращала в средство для благотворения бедным вдовицам и их сиротам – это ее добродетель. Добродетель немалая, если обратим внимание на то, что одежда составляет одну из первых и самых чувствительных потребностей человека. Трудно даже решить, что важнее для человека – пища или одежда. Без пищи человек не может существовать: ему необходимо дневное пропитание. Но и без одежды ему трудно. Без нее никуда он не может показаться: ни в храм Божий, чтобы помолиться своему Создателю, ни к людям, чтобы выпросить у них кусок хлеба или трудом заработать дневное пропитание. Одежда убогая, безобразная, грязная, плохо прикрывающая тело, возбуждает отвращение к тому, на ком ее видят: таких людей обыкновенно обходят и не принимают в мало-мальски чистые покои. Обратите теперь внимание на положение вдов, чтобы оценить вам добродетель Тавифы. Вдова и ныне, после потери мужа, терпит большие недостатки в средствах для своего существования, особенно если она осталась с детьми. В древности же, в то время, в какое жила Тавифа, вдова представляла жалкое существо, лишившись семейной опоры, а с нею, большей частью, и угла, и поля, и общественного положения. Вот почему в священных книгах имя вдовицы, употребляемое без прибавления всякого другого слова, почти всегда означает название бедной женщины. Нелегко доставалось вдовам пропитание, но приобретение необходимой одежды соединялось еще с большими трудностями. Представляя это, вы поймете то чувство, с каким вдовы показывали апостолу рубашки и платья, находившиеся на их теле, пошитые и сделанные Тавифой, – показывали со слезами на глазах, смотря на покойницу. Картина этих вдов не могла не тронуть апостола, и он сжалился над ними, утешил их, воскресив умершую. Конечно, не в лице только этих вдов, но в лице всех бедных людей, вдов и сирот, где бы и когда бы мы их ни видели, картина наготы и убогого рубища вызывает сострадание человеческое; и вы согласитесь, что тот достоин земных и небесных благословений, кто не отвращает от нее взора, а отверзает милостиво свою десницу для покрытия убогого тела от стужи и стыда.

В обществе, где все люди пользуются взаимным вспомоществованием, – иначе они бы и жить не могли, – разные заботы и занятия разделены

между членами его, подобно тому, как в нашем теле каждый член, пользуясь помощью других, имеет свое суждение и свое делание (1Кор. 12, 5, 6, 25); иные заботы и занятия свойственны мужчине, другие женщине. Рукоделие всегда у всех народов считалось занятием женщины (Притч. 31, 13, 19, 22, 24). Когда премудрый изображает идеал жены, то в числе первых ее достоинств поставляет рукоделие, уменье приготовлять всякие платья и одежды, которыми она сама одевает всю свою семью и, кроме того, снабжает бедных нуждающихся (Притч. 31, 13, 21).

В наше время рукоделие знакомо всякой женщине: обучают ему дома и в женских школах, обучаются дети-девицы и низшего, и высшего звания, бедного и богатого состояния. Поэтому всякая из вас, благочестивые читательницы, может быть Тавифой, может, как она, своим рукоделием служить бедным, вдовицам и сиротам, снабжая их рубашками и другими платьями. Но вот иная, может быть, скажет: «Как – чтобы я своими руками стала шить одежду для этих бедных, убогих, неблаговидных женщин или их детей, чтобы на их грязном теле я видела свою работу: сшитые или связанные мной рубашки, обувь и прочее?..» Так, действительно, представляется какое-то несоответствие между нежными, мягкими и белыми руками и грязным, грубым телом. Но ведь и нежные руки вызывались на работу, например, для Красного Креста, работали для раненых воинов, не разбирая, что станется с этим бельем, шитым нежными руками, на каком теле оно будет, какие раны прикроются им... Но то, скажете, было дело особенное; то – воины, ходившие на войну, спасавшие наших братьев от угнетения, от страданий под игом; то делалось по общему возбуждению, когда все женщины делали то же самое, все желали показать свое патриотическое[64] чувство. А здесь разве не то же самое? Наш брат, наша сестра в крайней нищете, не имеют чем прикрыть свое тело, страдают от холода; не могут показаться людям, чтобы выпросить или заработать пропитание, страдают от голода; люди, видя убогую одежду, гнушаются, брезгуют ими; дети в безобразных лохмотьях, в грязных заскорузлых рубищах страдают от холода, от болезней, покрыты язвами и ранами по всему телу. Ведь это также наши ближние, братья Христовы, которых Он заповедал нам любить и о коих завещал иметь братское попечение. Говорите: «Тут нет общего патриотического возбуждения». То-то и горе, что члены общества не хотят обращать внимание на толкущуюся среди них нагую нищету, люди проходят мимо нее, потому что о благотворении ей никто не узнает, никто за него не даст награды, нигде о нем не напишут... Но потому-то и требуется внимание к этим бедным, вдовым и сирым, что нагота их никого не возбуждает к

состраданию и что люди обходят ее, не обращая никакого внимания как на вещь самую обыкновенную. Если бы вы подумали об этом, да сделали, да посмотрели потом: может быть, и ваша работа на теле бесприютного, неумытого ребенка показалась бы вам прекраснее и приятнее, чем на вашем собственном... Что нужды, что вы за ваше доброе дело не услышите похвалы, что вас не наградят, о вас не напишут, о вашем добром деле не будут знать? Вы делайте добро ради самого добра; а добродетель сама себе есть награда. О вашем добром деле не будут знать люди, но будут знать облагодетельствованные вами несчастные вдовы и сироты и будут молиться за вас, за ваше здоровье и счастье, за здоровье и счастье детей ваших; о вашем добром деле, несомненно, будет знать Бог и никогда не забудет его; Он воздаст вам и в этой жизни – здоровьем и счастьем, и не только вам, но и детям вашим, а еще более в будущей – вечным блаженством на небе. Какой же награды более желать вам?

80. Моника, мать блаженного Августина, – пример для подражания женщинам нашего времени

Сост. по «Воскресному чтению» 1881 г.

I. Слуги

Моника родилась в 331 году в небольшом городке Тагасте, в Северной Африке. Родители ее были православные христиане и дочери дали хорошее воспитание. В числе слуг в доме была старая, добрая служанка, которая имела значительное влияние на воспитание Моники. Родители, выбирая слуг для ухода за детьми, должны особенно смотреть за тем, чтобы это были люди нравственные, проникнутые истинно христианским духом. Простого усердия и честности здесь недостаточно; от них должно требовать глубокой религиозности. Безнравственные слуги могут отравить сердце ребенка в сокровенных его родниках, слуги с доброй нравственностью могут и себе за воспитание детей приобрести участие в Царствии Небесном. Приходится встречать детей, отлично знающих главные истины веры и заповеди. В беседе с некоторыми из них вы узнаете, что благочестивая няня обучала детей христианству в то время, как родители нисколько не заботились об этом. При найме слуг смотрите поэтому, христианские матери, чтобы они были набожны, религиозны. В доме родителей святой Моники няня ее прилагала все усилия, чтобы воспитать девочку в строго христианском духе. Вообще в семействе господствовала строгость во всем. Чтобы упражнять детей в самообладании, им позволялось есть только во время обеда; и помимо времени обеда им не позволялось даже пить воды.

При всей внимательности при воспитании детей здесь трудно избежать ошибок; подобно тому, как садовнику почти невозможно успеть выполоть всю сорную траву в своем саду, так и родителям не всегда удается искоренить в своих детях все дурные навыки, которые вошли в человеческую природу после грехопадения.

Так произошло и с Моникой. Родители поручали ей приносить из погреба вино; она начала отведывать его понемногу, прибавляя ежедневно по нескольку капель, до тех пор, пока наконец в состоянии была выпить значительное количество его. Служанка ходила обыкновенно с ней в погреб, но почему-то не стесняла в этом свою молодую госпожу. Но вот однажды между ними произошла небольшая ссора, в которой служанка назвала Монику пьяницей. И то, чего не в состоянии были сделать все

наставления и уроки, произвело одно это обидное выражение. Это, конечно, не был прямой путь и средство к исправлению, но Господь употребляет иногда чрезвычайные средства к воспитанию и исправлению людей. Таким образом и Моника решительно исцелилась от своего недостатка.

II. Добрый пример родителей

Родители Моники были набожные христиане и своим хорошим примером производили на свою дочь доброе влияние. Всегда бывает так: если родители сами равнодушны и холодны к религии, если они сами имеют грубые недостатки и дети это замечают, то пусть они проповедуют что угодно, все будет напрасно – дети при этом думают: выполняйте прежде сами то, что советуете.

Рассказывают басню, что однажды старые раки решили, чтобы их дети, вместо того чтобы ходить назад, как это было до сих пор, ходили вперед. Назначен был и день для изменения старых порядков. Старые и молодые раки собрались на открытом месте. «Ну, вперед» – раздалось приказание старых молодым. Но увы! Как ни силятся молодые раки идти вперед, на самом деле пятятся назад. Сколько ни бранили старые раки молодых, все напрасно. Наконец молодые решительно заявили: «Попробуйте, старики, прежде сами это сделать, покажите нам пример». Конечно, дело не сладилось. Ты понимаешь, читатель, что хороший пример родителей действует лучше всего.

Моника росла в невинности и чистоте сердца и всю жизнь раскаивалась в замеченной в ней страсти к невоздержанию. Ничего необыкновенного не находим мы в истории ее молодости, и потому она представляет прекрасный образец молодой женщины-христианки. Сохраняйте чистую одежду христианки; украшайтесь добродетелями, предписываемыми званием христианским: кротостью, терпением, милосердием, состраданием, миролюбием, незлобием. Будьте сильны в вере, надежде и любви, трудитесь для спасения души своей; вот самое верное средство приобрести спокойствие и счастье на земле.

Сделавшись взрослой девушкой, Моника была обручена своими родителями с одним языческим юношей, Патрикием, гражданином города Тагасты, который был тогда членом городского управления.

III. Размышление перед браком

Когда Моника достигла зрелого возраста, родители стали искать ей жениха. Нельзя сказать, чтобы это было общим правилом. У язычников,

действительно, было в обычае, чтобы родители заботились о приискании мужей своим дочерям, и у дочерей не спрашивали об этом мнения. Конечно, родители, говоря вообще, не имели права принуждать свою дочь к браку с тем или другим человеком. Но они могли помогать в этом отношении своими советами. Но, с другой стороны, это грубая ошибка дочерей, когда они за спиной родителей и без их ведома заводят знакомства, хотя бы даже без намерения и мысли выйти поскорее замуж. Такие знакомства редко приводят к добру. И родители, равнодушные к таким знакомствам своих дочерей, несут тяжелую ответственность, равно как и сами дочери, завязывающие знакомства без ведома родителей. Те супруги, которые будут иметь основание делать один другому упреки за прошедшее свое поведение, далеки от счастливой жизни.

Муж Моники был *язычником*. В начале христианства, когда христиане жили среди преобладающей массы язычников, другого не оставалось ничего делать. К тому же многие из язычников обращены были в христианство именно посредством браков с христианками. Многие женщины-христианки обратили своих мужей-язычников в христианство. Например, королева Франции Клотильда обратила к вере своего мужа-язычника, короля Хлодвига. Святая Нона, бывшая замужем за язычником, склонила его также к христианству и была матерью Григория Назианзина, святого Кесария и святой Горгонии. Так было в то время. Но со времени утверждения христианства в мире, когда оно стало господствующей религией, браки с неверными были совершенно запрещены, а браки с иноверными порицались и допускались неохотно, только разве в самых крайних случаях. Если бы теперь, например, православный христианин женился на иудейке, то это было бы знаком, что он совершенно не дорожит своей верой.

Дружество между двумя людьми, очевидно, состоит в согласии убеждений. Но религия – самое глубочайшее и высочайшее из всего, что волнует человеческое сердце, и если в этом важнейшем пункте, который соединяет и разъединяет человеческие сердца, не существует согласия, то каково должно быть это дружество? Подумайте только о домашней молитве, о посещении общественного богослужения, о воспитании детей. В Швейцарии одна дама признавалась: я – католичка, мой муж – протестант; мы живем довольно сносно; но это несчастье, если супруги не одной и той же религии. Истинное семейное согласие и счастье (признаются некоторые, живущие в смешанном браке) бывает только тогда, когда супруги дорожат исповедуемой ими обоими религией. Православная Церковь разрешает браки с иноверными под тем условием,

чтобы воспитание детей было обеспечено в духе Православия и чтобы супруге или супругу православному не было понуждения со стороны иноверной части семейства к перемене вероисповедания. Христианские молодые женщины! Серьезно подумайте о своем спокойствии и о спасении своей души, прежде чем решиться вступить в брак с иноверной особой. Время коротко, а вечность бесконечна.

IV. Вспыльчивые мужья

Патрикий был человек добрый, но вспыльчивый. В нем Моника, его супруга, имела прекрасное поприще для своей христианской ревности. Она старалась обратить его к Богу, говоря ему о благости Божией, но главным образом действовала на него голосом своего сердца и своим добродетельным характером, чем она, но рассказам сына ее Августина, возбуждала не только любовь, но и удивление своего супруга. Когда находили на него вспышки гнева, она умела его смягчить именно молчанием. Когда же проходила горячка мужа, она давала ему отчет в своем образе действий.

Добрая жена! Когда твой муж находится в дурном расположении духа или, может быть, сердит и взволнован, тогда не подливай масла в огонь шумом, бранью и упреками; это бесполезно, напротив, от этого будет еще хуже. Удержи лучше язык и не позволяй ни одному слову проскользнуть сквозь зубы до тех пор, пока муж твой не успокоится. Он, вероятно, недолго бывает зол, он, может быть, злится не более четверти часа. Если ты не можешь удержать свой язык, то возьми в рот воды и держи ее там до тех пор, пока муж не успокоится. Ты увидишь, что это средство действенно; оно помогало многим несчастным женам.

К Монике приходили жены со следами побоев, полученных ими от своих мужей, и жаловались ей на них. Этим женам Моника говорила, что пусть они обуздывают свои колкие языки, и тогда будет гораздо лучше. Те женщины, которые следовали ее совету, не имели более ссоры со своими мужьями, а которые не слушались ее совета, должны были раскаиваться в этом. Обыкновенно жены виноваты, если они жалуются на своих мужей. Терпением и осторожностью они могут побеждать их. Добрая жена! Испытай это раз, если ты находишься в подобных обстоятельствах, – и ты увидишь, что дело пойдет иначе.

V. Свекровь

Молодая жена часто спорит со своей свекровью. Эта обыкновенно не хочет уступить своего владычества, а та сама хочет заведовать хозяйством, или бывают злые люди, которые стараются поселять раздор между обеими

половинами, и такие бывают из собственных слуг. Так было и в доме Моники. Дурные служанки поссорили их так, что свекровь стала питать к молодой невестке сильное нерасположение. Но Моника не переставала быть дружной и обходительной по отношению к своей свекрови, и как туман исчезает от солнечных лучей, так исчезло и прошло нерасположение к ней свекрови. Эта последняя рассказала все своему сыну и требовала от него, чтобы он наказал злые языки, что он и сделал. С тех пор никто больше не решался разрушить мир, господствовавший между обеими женщинами, и они жили между собой, как две нежно любящие подруги.

Может быть, эти строки попадутся на глаза какой-нибудь свекрови и невестке, которые нехорошо живут между собой. «Ах, если бы я при замужестве не вошла в это семейство! – говорит одна. – В нем сам диавол не выдержит». – «Что за чудовище ты привел в дом, – глубоко вздыхает свекровь, – и кто может ужиться с ней! Ее место не там, где живут добрые и мирные люди». Но кто виноват? Разумеется, ни та, ни другая, а между тем трудно и освободить от вины их обеих. Невестка должна уступать во многом старой женщине и с любовью стараться заслужить ее расположение. Если Моника могла расположить к себе язычницу, почему же не поладить с пожилой христианской женщиной? Благодаря усердию и влиянию Моники ее свекровь после приняла христианство. Молодая жена! И тебе может представиться случай обратить на путь истины старую женщину, которая до сих пор холодна была к религии, редко посещала церковь и еще реже приобщалась Святых Таин. Как бы ты поступила?

VI. Примирительница

К Монике часто приходили женщины, которые рассказывали, что они от таких-то и таких-то женщин вытерпели то-то и то-то, одним словом, они изрыгали яд и злобу на отсутствующих, от которых, по их представлению, им нанесена обида. При этом в прекраснейшем свете показывался благородный характер благочестивой женщины. Вместо того чтобы (как это часто бывает) идти к женщинам, на которых она слышала наговор, и тайно передавать им то, что говорила против них та или другая ее знакомая, и через это подливать масло в огонь, она, напротив, приходя к ним или встречаясь с ними, умалчивала о том, что могло раздуть вражду, и высказывала с нежной и рассудительной любовью только то, что могло служить к примирению обеих сторон. Таким образом она умела превращать вражду в дружбу. «*Блажени миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся*".

Теперь, добрая читательница, обратись к своему собственному

сердцу. Может быть, и ты ходишь по домам, чтобы выслушивать толки людей, пересуживать и поносить отсутствующих, а после передавать этим, что слышала о них. Не производишь ли ты через то ссоры и вражды между людьми, до того времени хорошо жившими между собой? Или, может быть, ты выдумываешь разные вещи, чтобы вооружить людей одних против других? Кто сосчитает все те дышащие враждой речи, поношения и клеветы, которые ежедневно льются из женских уст! Как немногие понимают предосудительность и греховность таких речей! Редко случается, что на исповеди упоминают о таких греховных речах. Как явятся пред судом Божиим те, которые ежедневно грешат языком и не думают исправляться от этого недостатка? Какое ослепление! Часто люди, считающие себя чуть не святыми и ежедневно посещающие церковь, не могут удержать свой злой и колкий язык; они собирают сведения о всех людях, знают всех вдоль и поперек, только о себе самих они ничего не знают, и если кто-нибудь затронет их немного, они вспыхивают, как пламя, и тогда горе тем, которые попадутся на их язык. Добрая жена! Какой у тебя язык? Миру или вражде содействуешь ты им?

VII. Мать и дети

От брака Патрикия с Моникой было трое детей: Августин, Навигий и Перпетуя. Об Августине мы будем говорить после.

Навигий был человек благочестивый; он был неразлучным спутником своей матери и своего, впоследствии знаменитого, брата. Перпетуя также была преданной дочерью Моники и старалась подражать ее благочестивой жизни. Она вышла замуж, скоро овдовела и, кажется, не имела детей. Августин построил в Иппоне женский монастырь, в котором Перпетуя и была настоятельницей. Августин называл ее святой.

Часто говорят: где много детей, там один не походит на другого. В семье не без урода, говорит пословица. Августин вел себя именно так, что на нем как будто оправдывалась эта пословица. Обыкновенно полагают, что добрые христианские родители имеют хороших, благонравных детей, которые доставляют им радость. Но случается, что одно, или несколько, или даже все дети пойдут по дурной дороге; виной этого бывают разные дурные влияния, под которые попадают несчастные дети. Во всяком случае, добрая, христиански настроенная, благочестивая мать многое может передать своим детям. В то время, когда она еще под сердцем носит свое дитя, и тогда она уже совершенно для него живет. Дорожа той благородной жизнью, которая в ней зачинается и зацветает, она живет под благотворным влиянием добродетелей: кротости, смирения, любви к Богу и ближним, сострадательного милосердия к бедным, терпения в

страданиях; во всех этих добродетелях она ежедневно пребывает, и, как теплый дождь содействует росту растений и созреванию цветочных почек, так и молитва матери низводит обильное благословение на ее дитя. Частое принятие Святых Таин дает ей нужную силу для исполнения всех материнских обязанностей. Желая сделать свое дитя членом спасающей Церкви Божией, она еще до рождения в молитвах своих Богу поручает то живое существо, которое через нее Господь воззывает на свет. И это не остается без благодетельных последствий, как показывает опыт.

VIII. Рождение Августина

13 ноября 354 года Моника родила сына, который получил имя Августина; но этот новорожденный сын не был тотчас же крещен, потому что, по обычаю тогдашнего времени, крещение было отсрочиваемо, как это мы знаем и о царе Константине Великом, который, хотя и благосклонно относился к христианству, но только в конце своей жизни принял крещение. По тогдашним воззрениям, как кажется, считалось очень постыдным делом, если крещеный после крещения опять впадал в какой-либо тяжкий грех; таким образом, крещение откладывалось из высокого почтения к достоинству христианина и святому Таинству крещения.

IX. Мать! Молись за своих детей

Моника начала воспитание своих детей, когда они были еще на ее руках. Едва они увидели свет, как она осенила их знамением святого креста. Едва дети могли хотя немного понимать, она рассказывала им о любящем Боге, Его всемогуществе, силе и величии. Как часто Моника своим материнским взором как бы погружалась в глаза своих детей! Как часто она складывала их ручки для крестного знамения! Как часто повторяла им слова молитв!

Христианская мать! Делай это и ты, как делала Моника. Если Бог дал тебе дитя, то осеняй его святым крестом, когда оно покоится на твоих руках. С этим знамением на челе оно должно начинать жизненный путь свой. «Сим победиши» – прочел некогда на кресте император Константин. И твое дитя, возрастая под твоим материнским попечением, силой этого знамения победит диавола, мир и свои собственные дурные похоти.

Малолетнее, нерассуждающее дитя еще не может молиться, но ты, мать-христианка, можешь молиться за свое дитя и должна это делать. Как садовник поливает нежные растения ежедневно или несколько раз в день, чтобы они росли и принесли впоследствии цвет и плод, так и ты поливай нежную душу росой молитвы. Не думай, добрая мать, что твоя молитва не нужна для дитяти. Почему некоторые дети выходят дурными у самых

христианских родителей? Всего чаще потому, что эти родители многократно забывали долг молитвы. Добрая мать! Не пренебрегала ли и ты этим долгом? Если так, то начни молиться и молись за дитя, пока дитя само не научится молиться. Как только дитя твое начнет лепетать сладкое имя матери, старайся напечатлеть на его душе слово молитвы. Дитя *вместе с тобой* должно молиться, *вместе с тобой* произносить: «*Отче наш*». И пусть оно еще не понимает этой высокой молитвы, произнося ее, – любящий Бог понимает твое дитя. Молитвы, которым ты, мать, научаешь свое дитя, будут сопровождать его в продолжение всей жизни, и когда тебя уже не будет в живых, твои дети будут молиться за тебя теми словами святой молитвы, которым ты научила их, и эти молитвенные слова в устах твоих детей будут как бы твоими собственными словами.

X. Школа

Как только Августин пришел в возраст, родители определили его в школу. Отец- язычник заботился о том, чтобы сделать Августина знаменитым светским человеком, а благочестивая мать хотела сделать его благочестивым слугой Христовым. Скоро проявились блестящие способности мальчика, и о своих детских проказах позже с раскаянием сообщает Августин в своей знаменитой книге «Исповедь». Родители радовались тому, что мальчик делал большие успехи в науках, но сердце бедной матери чувствовало большое беспокойство, когда видела, как рассеянно принимал Августин ее добрые советы и нравоучения и когда она замечала, что с увеличением возраста его поведение делалось все хуже и хуже.

Моника со смущенным сердцем согласилась на то, чтобы сын ее посещал языческую школу. Почему она не определила его в христианскую школу? Потому что христианских школ тогда не было.

Родители должны считать за великое счастье, если их дети учатся в таких школах, которые проникнуты истинно христианским духом. Они должны заботливо следить за тем, не распространяется ли в школах, которые посещают их дети, дурное, противохристианское направление, что ныне не редкость. Дети и их доброе направление и воспитание для них дороже всего: они поручены им, как драгоценный залог, на хранение Самим Господом, и за них они должны будут некогда отдать отчет. Нынешний современный дух возрастает против христианского направления, и в христианских школах он хочет возродить древнее язычество. О мать, если твои дети принуждены ходить в такую школу, в которой, может быть, ругаются над религиозными чувствами, тогда сама будь охранительницей их религиозного чувства, сама беседуй с ними о

том, какое неоцененное благо в том учении, которое принес нам Господь и которое хранится в Церкви. Это самый лучший капитал, который ты можешь положить в сердце твоих детей. За это некогда они вспомянут и прославят тебя перед престолом Бога. Мать! Когда твои дети учатся в школе, будь для них неусыпной надзирательницей.

XI. Поручайте детей добрым, христиански настроенным людям

Когда Августин достиг юношеского возраста, родители послали его для дальнейшего образования в город Мадеру. Здесь он вошел в общество легкомысленных юношей и с юношеским легкомыслием порвал узду, сдерживавшую его склонность к беспутству; здесь узнал он сокровенные пути порока. Можно вообразить себе, как тяжело было доброй Монике, когда она увидела своего сына Августина на таких пагубных путях. Но что могла она сделать? Она *молилась*. Она присоединила к этому также исполненные любви увещания и сердечные советы, чтобы освободить свое возлюбленное дитя из сети порока и спасти его душу. Однажды, когда Моника была наедине со своим сыном, она увещевала его с большой скорбью и горьким беспокойством. «Дитя мое! – говорила она. – Да сохранит тебя Бог от всякого рода нецеломудрия, особенно от прелюбодейства». Но увещания доброй матери были тщетны.

Малые дети – малые заботы, большие дети – большие и заботы. Если родители в состоянии держать своих детей при себе и на своих глазах, покуда те еще не совершенно выросли, то это для них большое счастье. Такие дети не могут достойно возблагодарить Бога за то, что они не брошены в бушующее море жизни и не принуждены бродить в пустыне жизни, чтобы самим искать истинного пути. Но если родители должны отдать их чужим людям, тогда они должны стараться своих подрастающих сыновей, принужденных на стороне приобретать полезные для них знания или искусства, отдавать только добрым, христиански настроенным людям, у которых бы они могли добросовестно исполнять свои религиозные обязанности, которые могли бы побуждать их к этому. Должны ли их дочери служить и заниматься чем-либо в чужих домах, – родители должны заботиться о том, чтобы они попали в семейства христианские. Если дети живут не дома, тогда добросовестные родители должны осведомляться о них и предостерегать их от разных соблазнов. Материнский глаз не может не смотреть за своими детьми.

XII. Моника обращает своего мужа

Ты спросишь, может быть, любезный читатель, сумела ли Моника подействовать на своего языческого мужа и расположить его к христианству? От подобной женщины нельзя и ожидать ничего другого.

Она старалась всеми силами убедить своего мужа в правоте христианского учения. Она раскрыла ему истины веры. Она учила его, она увлекала его словами, но особенно примером своей жизни. Велико было терпение, с которым она сносила обиды мужа; она была полна смирения и любви. Гнев мужа она укрощала своей любовью. Благочестие и сердечная чистота светились в ее глазах. Вид такой добродетели должен был привести ее мужа к мысли: религия, которая делает земное существо столь достойным любви, должна быть и сама также достойна любви. В 371 году он крестился и скоро после этого умер блаженной смертью, очищенный от языческих пороков и исполненный спасающей благодати. Моника много скорбела, но в то же время благодарила Бога за благодать, которой удостоился ее супруг до отшествия из мира.

Один, обращенный к истинной вере, замечал: «Ничто в его глазах не делало эту веру так прекрасной и достойной любви, как кроткое и терпеливое поведение его верующей жены». Такая женщина, как Моника, которая всецело предана была добродетели, относилась к требованиям благочестия со всевозможной строгостью. Но бывают люди, которые внешним образом выполняют дела благочестия, а внутри они полны высокомерия, и язык их изливает яд и желчь. Лучше всего по языку можно узнать, где есть истинное христианство, и где нет его. Кто на отсутствующего возносит бесчестье и клевету, тот не имеет религиозного духа, хотя по внешности и кажется благочестивым. Истинные добродетели – медовые капли, привлекающие других своей сладостью. Жена-христианка! Походишь ли ты на блаженную Монику? Внушаешь ли ты любовь своему мужу исполнением христианского долга и своей чистой, искренней добродетелью?

XIII. Христианская вдова

Моника сделалась вдовой. Она помнила слова апостола: «Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь» (1Тим. 5:5). Она близко приняла к сердцу эти слова; она совершенно предалась Богу и молилась теперь еще более прежнего. Священное Писание говорит нам о пророчице Анне, которая не выходила из храма и день и ночь, служила Богу постом и молитвой. Эта добрая Анна удостоилась милости познать и видеть Христа в объятиях девственной Богоматери. Прекрасно сказал сын матери Моники: «Истинная мать, по благодати Евангелия, сподобляется быть матерью Христа, когда она старается быть святой как телом, так и духом». У вдовы-христианки место чувственных радостей и наслаждений заступают в святой, целомудренной жизни радости и наслаждения духовные, именно: духовное чтение,

благоговейная молитва, псалмопение, благочестивые размышления, упражнения в добрых делах, надежда на будущую жизнь, чистое, к небу обращенное сердце, и за все это благодарение Богу, Отцу светов, от Которого исходит всяк дар совершен и всякое даяние благо, как свидетельствует Священное Писание.

Иногда женщины молодого или среднего возраста, стоя у гроба своего мужа, так сильно выражают свое горе, что самые камни должны сжалиться. По этому сильному излиянию горя можно бы подумать, что эти вдовы своим умершим мужьям посвятили безраздельно всю свою любовь и не могут больше думать о другом муже. Но опыт показывает другое: чем больше крика, тем скорее новая свадьба. Когда обстоятельства делают необходимым новое замужество, пусть вдова вступает в брак во имя Божие. Честная же христианская вдова, могущая сносить свое вдовство и имеющая притом детей, пусть всецело живет для их доброго воспитания, пусть ее сердце будет обращено к Богу и пусть она ищет себе отрады и утешения в молитве, посещении богослужения и добрых делах. Она может быть сестрой милосердия для нуждающихся собратий; и пусть она не думает более о земных удовольствиях, а только о спасении своей души.

XIV. Истина и наука

Такая женщина, как Моника, после смерти своего мужа не чувствовала потребности выходить другой раз замуж, но жила с тех пор для Бога, для спасения своей души и для своих детей, особенно для Августина, сбившегося с пути. Августин для дополнения своего образования поступил в высшее училище в Карфагене. Чтобы найти средства для этого, Моника видела себя в необходимости вместе с другими детьми вести самый простой образ жизни. Она надеялась, что высокий ум ее сына, чем более ознакомится с науками языческими, тем скорее увидит и возненавидит ту грязь, какой полны писания язычников, и тем скорее оставит заблуждения, сделается истинным учеником Христовым; и не ошиблась великая мать великого сына. В двадцать лет он все читал и все понимал. Его товарищи относились к нему с большим уважением; это щекотало его честолюбие; ему лестно было видеть себя любимым и уважаемым. Языческие учителя высшей школы все беспутства языческие выдавали за истину – этого-то и искал Августин. В чувственных наслаждениях он искал удовлетворения своему сердцу, *жаждавшему истины*; но оно оставалось пусто и не чувствовало насыщения. Много говорили о науке, но Августин нашел в ней мерцающие и обольщающие образы.

"*Ничтоже ново под солнцем; что было, тожде есть, еже будет*«

(Еккл. 1, 10, 9). С тех пор как Господь Иисус Христос пришел с неба и сказал: *«Аз есмь путь, истина и живот»,* мы знаем, что такое истина. Каждое дитя в Евангелии находит ее. Все высшие вопросы, разрешения которых напрасно искал древний мир, теперь не составляют более загадки. Нам нет необходимости мучиться над вопросами: откуда ты пришел, человек? Куда идешь? Зачем живешь на свете? Это для нас вполне уяснено. Никакая наука и никакая человеческая мудрость не могут на это дать другого решения, кроме того, какое дал Сын Божий. Кто в настоящее время, когда светит над миром солнце христианства, станет искать истины и науки вне Его и станет создавать для себя свою религию, тот будет похож на человека, который среди белого дня зажигает тусклый фонарь и говорит: «Я хочу иметь свой собственный свет».

XV. Одно только нужно

Спустя четыре года Августин возвратился из Карфагена, но возвратился не обращенный. Он продолжал быть неверующим и безнравственным. Можно вообразить себе скорбь доброй матери, Моники. Из ее глаз ежедневно текли потоки слез; из алтаря ее сердца непрестанно возносилось благоухание молитвы за ее хотя ученого, уже снискавшего славу в свете, но в ее верующих глазах столь несчастного сына. Моника была мать нежно любящая, но в то же время сильная и твердая духом. Женщина, руководимая духом мира и полная тщеславия, с торжеством бы приветствовала тот день, когда сын ее, такой славный, спешил в ее объятия. Матери совершенно естественно радоваться, когда она слышит похвалу своим детям. Но Моника не искала этой быстро исчезающей радости. Ее единственным желанием было спасение души ее сына. Как высоко стоит здесь пред нами Моника! Чтобы все испытать над своим сыном и сильнее подействовать на него, она привела в исполнение одно геройское решение, именно: когда Августин возвратился на родину, она заперла пред ним двери, чтобы он не смел жить у нее. Он нашел приют у одного богатого язычника, который после сам сделался христианином. Но Моника не хотела иметь никаких сношений со своим сыном: она думала, что стыд, какой должен был почувствовать от этого Августин, послужит к его обращению. Кроме того, она не хотела терпеть у себя в доме неверующего человека.

Как много матерей ныне, которые, подобно Монике, принуждены видеть, как их сыновья возвращаются либо из университета, или другой какой школы с потерей веры и нравственности! Светская женщина подумает: что ж? Такой ныне обычай света; только бы он хорошо выдержал свой экзамен, получил выгодное место, а потом приискал

знатную и богатую невесту. У христианской матери земной блеск и богатство имеют не более значения, как паутина и уличная грязь. Напротив, у нее болит сердце, если она видит своего сына на пути порока и безверия. Добрая мать, подобно Монике, не оставит молитвы и сердечных увещаний; она употребит все, даже самые чрезвычайные средства, чтобы сохранить для неба дитя своего сердца.

XVI. Неверье и суеверье

Скоро после возвращения Августина из Карфагена Моника видела замечательный сон. Снилось ей, будто стоит она на доске и к ней подходит один блестящий юноша с улыбающимся лицом, между тем как она была печальна и подавлена грустью. Он спрашивает ее о причине ее грусти и ежедневных слез. Она отвечает: потому она плачет, что потеряла сына. Тогда он стал увещевать ее не терять надежды и осмотреться кругом, потому что Августин тут же, подле нее. Услышав это, она увидела своего сына на той же доске, на которой стояла сама. Этот сон так подействовал на мать Августина, что она позволила ему жить у себя. Она рассказала ему этот сон в надежде, что он произведет на него впечатление. Августин тогда ответил матери, выслушав сон ее, что она будет некогда тем же, чем он теперь. Она заметила на это: нет, не то предрекает этот сон, но то, что ты будешь там, где я.

После годичного пребывания в Тагасте Августин снова отправился в Карфаген преподавать риторику, то есть искусство красноречия, чтобы знакомить своих слушателей с приемами адвокатов и научать их спасать жизнь виновным.

Но Моника чувствовала себя после сновидения гораздо бодрее и с надеждой смотрела на будущее. Было ли это суеверие? Нисколько; потому что, хотя сны обыкновенно относятся к области мечтаний, но мы знаем из Священной Истории, что часто Бог возвещал Свою волю во сне, как это показывает история пребывания Иосифа в Египте. Но путями суеверия ведет диавол тех, которые служат ему неверием. Все древнее язычество полно суеверий, и новейшее язычество со своим верчением столов, заклинанием духов и разными гаданиями – прямое доказательство истины, что неверие и суеверие идут рука об руку. Надежды Моники оправдались. Августин впоследствии обратился ко Христу и был одним из самых верующих христиан.

81. О драгоценных камнях и о золотых украшениях

(Из сочинений Климента Александрийского «Педагог», кн. II, гл. 12 и кн. III, гл. 2)

Чисто детское дело – интересоваться и увлекаться драгоценными камнями, темными или светло- зелеными, выбрасываемыми волной отдаленного моря и извлекаемыми из недр земли. Только глупые люди, увлекающиеся тем, что поражает зрение, могут пристращаться к прозрачным камешкам, оригинальным цветам и различным стеклам. Так дети, когда смотрят на огонь, прельщаемые его блеском, влекутся к нему, но, неразвитые и малосознательные, они не понимают, что опасно прикасаться к огню. Между тем у неразумных женщин ожерелья и цепочки из таких камней, как аметист, сердолик, яшма, топаз и милетский смарагд, это – драгоценнейшая вещь. При чрезмерной роскоши явился жемчуг, ценящийся необыкновенно дорого. А этот жемчуг рождается в раковине, которая величиной с маленький рыбий глаз. И не стыдятся жалкие женщины все свое желание полагать в этой раковинке, когда им можно бы украшаться святым жемчугом, именно словом Божиим, которое в Писании называется драгоценной жемчужиной.

Совершенно нужно истребить страсть к нарядам и наружным украшениям, которая, обратив любящего красоту к пустому тщеславию, доводит его до забвения о добродетели и все его заботы сосредоточивает на убранстве тела. Привязывая к телу не свойственное телу, щеголиха заботится об обмане и следует обычаю обольщения. Этим она обнаруживает не честность, искренность и детскую чистоту, а чванство, изнеженность и кокетство. Даже заслоняют и закрывают истинную красоту женщины надевающие на себя золотые украшения. Не понимают они, какой преступный вид на себя напускают, связывая себя бесчисленными цепями. Эти богатые женщины как будто соперничают с арестантами и узниками. Золотое ожерелье – не тот же ли ошейник? И цепочки – не те же ли цепи или узы?..

Прекрасно сказал блаженный Павел: я желаю, чтобы «жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением *волос*, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию» (1Тим. 2, 9, 10). Итак, в запястьях ваших рук пусть будет святое украшение – легкое для щедрот сообщение и забота о доме и семействе. «*Благотворящий бедному дает взаймы Богу*» (Притч. 19, 17). «*Руки*

мужественных обогащаются» (Притч. 10, 4). Мужественными Премудрый называет тех, которые презирают деньги и которые готовы всегда сообщить от своего имения другим. На ногах ваших пусть будет видна неленостная быстрота к благотворению и шествие к праведности. Цепочки и ожерелья – стыдливость и скромность: такие ожерелья устрояет Бог. «Блажен человек, который снискал мудрость, и смертный, который приобрел разум» (Притч. 3:13), говорит Дух чрез Соломона. «Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота; она дороже драгоценных камней» (Притч. 3; 14, 15). Вот истинное украшение! Пусть у женщин не прокалываются уши, вопреки природе, чтобы на них висели золотые серьги; ибо неприлично делать насилие природе наперекор ее воле. Вместо этого пусть будет другое, лучшее украшение ушей, более согласное с природой, – истинное оглашение, то есть доброе учение, принимаемое слухом...

Не вид внешнего человека, но душу нужно украшать украшением честности и доброты. Можно сказать, что и плоть нужно украшать, но только украшением воздержания. Женщины заботятся только о внешнем убранстве и оставляют в запустении свое внутреннее: за этими заботами внешности они как бы забыли самих себя...

Такие женщины мало заботятся о домашнем хозяйстве и об управлении семейством, но, истощая кошельки своего мужа на свои прихоти, тратят доставляемое им, чтобы казаться красивыми и иметь многих свидетелей своей красоты... Забывают они, жалкие, что они губят и теряют собственную красоту, когда украшают себя чужой, несвойственной им. С раннего утра растирая и вычищая свое лицо и намазываясь различными смешениями, они охлаждают поверхность кожи, отравляют плоть вредными снадобьями, и излишними притираниями совершенно портят свой живой цвет. Потому от этих намазываний они кажутся бледными и легко поддаются болезням, так как плоть их расслаблена теми вредными и часто ядовитыми снадобьями, какими они притираются и прикрашиваются. Притом они оскорбляют этим Творца людей, как будто Он не дал им достаточной красоты. Они совершенно не занимаются тем, что относится к домашнему хозяйству, и сидят разукрашенные, как будто они рождены для того, чтобы смотрели на них, а не для того, чтобы дело делать...

Как обложенная пластырем рука или намазанный глаз самим видом своим дают повод думать, что человек болен, так точно притирания и прикрашивания обнаруживают душу, зараженную болезнью внутри.

«Хотя ты одеваешься в пурпур, хотя украшаешь себя золотыми

нарядами и обрисовываешь глаза свои красками, но напрасно украшаешь себя» (Иер. 4, 30), – говорит Бог чрез пророка Иеремию. В самом деле, не глупо ли: лошади, птицы и другие животные довольствуются собственным украшением, данным от природы, как-то гривой, естественным цветом и различными перьями, – а женщина как будто ниже животных и считает себя так безобразной, что не может обойтись без красоты чужой, искусственной, поддельной?..

82. К женам, имеющим худых мужей

Из книги «Четии-Минеи в поучен.» протоиерея Гурьева

Всякий знает, что далеко не все живут счастливо в супружестве и что при этом, в огромном большинстве, чаще приходится пить горькую чашу женам, нежели мужьям. Там, слышишь, муж пьяница; иному все равно, есть ли у него жена и дети или нет; у третьего в привычку вошло постоянно надругаться над женой. Четвертый... Да и не перечтешь, сколько есть худых мужей. И вот сердце обливается кровью, глядя на этих несчастных страдалиц, как бы осужденных на каждодневную муку и безграничную скорбь. Как же быть? Неужели так и оставить их в этой муке и ничем не помочь им? Неужели нет средства облегчить их горькую участь? Нет, необходимо должно помочь, и есть средство на то, чтобы облегчить их участь. Вы, конечно, спросите, в чем же состоит это средство? А вот послушайте, мы его сейчас откроем вам.

Мать святителя Григория Богослова, блаженная Нонна, была дочерью добрых христиан, и родители воспитали ее по правилам христианского благочестия. Но вот ее несчастье: родители выдали ее за язычника. И горько, горько ей, пламенной христианке, было видеть, как муж ее вместо истинного Бога чтит бездушные твари и кланяется огню и светильникам. В самом деле, каково ей было, когда она станет на свою молитву, а муж на свою; она начнет молиться Богу, а муж справлять идольские обряды? Да, тяжело было. Но к чести ее надо сказать, что тяжело было только сначала. Нонна была женщина мудрая и волей сильная, и скоро нашла средство выйти из тяжелого положения и худого мужа сделала добрым, и из него, язычника, сделала также примерного и святого христианина. Каким же образом она достигла этого?

Нонна день и ночь припадала к Богу, в посте и со многими слезами просила у Него даровать спасение главе ее, неутомимо действовала на мужа, стараясь приобрести его различными способами: упреками, убеждениями, услугами, и более всего своей жизнью и пламенной ревностью о благочестии, чем всего сильнее склоняется и смягчается сердце, добровольно давая вести себя к добродетели. Ей надобно было, как воде пробивать камень беспрерывным падением капли, от времени ожидать успеха в том, о чем старалась, как и оправдало последствие. Об этом просила она, этого ожидала не столько с жаром юных лет, сколько с твердостью веры. И на осязаемое никто не полагался так смело, как она на ожидаемое, по опыту зная щедролюбие Божье. Рассудок мужа мало

помалу исцелялся, а Господь стал его еще привлекать к Себе сонными видениями. Раз мужу Нонны представилось, будто он поет следующий стих Давида: «*возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем*» (Пс. 121:1). С пением он ощущал в сердце сладость и, встав в радостном настроении, рассказал о видении своей супруге. Она же, уразумевши, что Сам Бог призывает мужа к Святой Церкви, стала его еще усерднее поучать христианской вере и привела его на путь спасения. В то время по пути в Никею остановился в Назианзе святой Лентий, епископ Кесарии Каппадокийский. К нему блаженная Нонна привела своего мужа, и Григорий был крещен руками святителя. По принятии же святого крещения он проводил столь праведную и богоугодную жизнь, что впоследствии был избран на епископский престол в том же городе Назианзе.

Итак, вот вам помощь, жены несчастные! Подражайте святой Нонне и, Бог даст, вы обратите на добрый путь ваших мужей. Молитесь пламенно о них Богу; действуйте на них кроткими упреками, убеждениями и услугами. Показывайте им пример благочестивой жизни, веруйте в милосердие Божье, вооружитесь терпением и поверьте, что, как капля воды беспрерывным падением пробивает камень, так и вы, несомненно, рано или поздно тронете сердца мужей ваших и эти сердца обратите ко Господу. Но если бы, при всем том, вы и не тронули их, то и тут ваше не пропадет, ибо через свое здесь, на земле, терпение от мужей вы стяжаете себе венец мученический и причтетесь на небе к лику претерпевших до конца.

83. Рассказ в утешение жене, у которой муж подвержен нетрезвости

По «Воскресному чтению»

Есть в старинных книгах такая притча: когда Иисус Христос ходил еще по земле со Своими апостолами, пришли они в одно селение и попросили у богатого, но жестокого старика напиться воды.

– Проходите дальше, – отвечал им безжалостный богач.

Вышли они из негостеприимного того селения, проходят полем. На ниве работает девушка. Попросили у нее напиться, она поспешно взяла свой кувшин и радушно напоила их. И спросили Господа апостолы:

– Ты все знаешь, Господи, – скажи нам, что будет с этой доброй девушкой?

И отвечал Господь:

– Она выйдет замуж за того безжалостного старика.

– Где же правда Твоя, милосердный Господь? – в изумлении воскликнули апостолы.

– Правда Моя в том, что эта девица спасет своего мужа и тем заслужит себе венец.

Чему учит это сказание? Да тому же, чему учит и святой апостол Павел, когда говорит: «*Что бо веси, аще мужа спасеши*?» (1Кор. 7:16). Почему ты знаешь, жена, может быть, ты спасешь своего мужа? Может быть, потому-то Бог и устроил так, чтобы ты вышла именно за этого несчастного, страстью пьянственной одержимого человека, дабы через тебя устроилось спасение и его бедной души? А если так, то подумай, какое великое счастье тебе Богом назначено – быть орудием Божиим в деле спасения близкого тебе человека?! Что ж? Ужели можно после этого роптать на твою долю горькую? Употреби же всю силу любви твоей, чтобы спасти душу несчастного мужа. Любовь жены – сила великая: твое сердце создано для любви, ты и жить должна не умом, а сердцем, – не мыслью, а любовью. И любовь же научит тебя, что делать, чтобы спасти бедного мужа. Любовь подскажет тебе, как удержать любимого человека, когда его потянет к спиртным напиткам, как утешить его бедное сердце. Вот настает праздник Господень – уговори, добрая жена, своего слабого мужа пойти с тобой в церковь Божию, пойти с ним к батюшке-священнику, попроси его дать вам духовный совет; навестите вместе своих добрых родных, у которых, ты знаешь, не будет угощения водкой... Смотришь, и прошел праздничный день, а на завтра надо работать уже, а

не пьянствовать. Не хочет он слушать тебя? Бранится? И тогда не унывай. Вот тогда-то наипаче и прибегай к Богу, припадай к Царице Небесной, нашей теплой и всесильной пред Богом Заступнице. О, как сильна Ее молитва к Господу за таких, как ты, страдалиц неповинных!

В утешение тебе повторю рассказ такой же, как ты, жены-мученицы о том, как ей помогла Царица Небесная.

«Много горя я видела, много слез пролила смолоду, когда муж мой вел нетрезвую жизнь. Что, бывало, заработает, то там же, в соседней деревне, и пропьет в кабаке. Раз поздней осенью наступили большие холода, трое деток моих лежали в оспе при смерти. Настал праздник Казанской иконы Божией Матери; рано утром приходит к нам в дом соседка и рассказывает, что муж мой опять запил, всю одежду с себя пропил, в одной рубашке остался. С горя я упала на лавку и зарыдала с отчаянием в сердце. Испугалась моя соседка, принялась меня уговаривать.

– Сегодня, – говорит, – праздник Царицы Небесной, грешно плакать; пойдем-ка со мной в церковь Божию, помолимся, авось тебе легче будет. А за детками свекровь пока походит.

Не знала я, куда деваться от своего горя лютого, встала и пошла в церковь. Когда мы пришли туда, там пели умилительно: »*Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, за всех молиши сына Твоего...*« Слезы рекой полились у меня, я упала на колени, и плакала, и молилась, а сердце будто на части разрывалось. Никого я не видела вокруг себя; слышу только:

– Что это она так плачет? Или умерли у ней отец с матерью?

– Нет, – говорят другие, – у нее давно нет ни отца, ни матери; житье ее очень плохое: муж ее...

Тут я еще горячее заплакала, еще горячее стала молиться: «Матушка, Заступница Ты моя! Как же мне жить?!.. Не уйду от Тебя, заступись, вступись за меня, сироту горькую!» И вступилась же Царица Небесная, услышала мою горькую молитву. И сейчас не забуду: прихожу домой – и глазам моим не верю: муж мой дома и не пьяный. У меня невольно сорвалось:

– Что ж это, Господи? Ужели ты вытрезвляешься?

– Да, – говорит, а сам смотрит так боязливо.

И рассказал он, как пошел утром в питейный дом прямо с постели, к самой двери уже подошел, за скобку взялся, вдруг точно кто крикнул на него: «Воротись, ступай домой!» И сам он не помнит, чего испугался, и бросился бежать домой. Тут и я рассказала ему, как молилась Царице Небесной, и поняла со страхом и радостью, что это Она, Матушка,

Заступница наша, сжалилась над нами и вернула мужа моего с пути погибельного. И с этого дня он хоть бы каплю какую взял в рот по сие время, а уж этому больше 25 лет будет. С тех пор и служим мы каждый год 22 октября молебен Царице Небесной и икону Казанскую тогда же выменяли. Сам муж и ездил за ней в Москву».

Так закончила свой рассказ простая женщина, счастливая тем, что ей помогла Царица Небесная вразумить и избавить от страсти пьянственной своего мужа. Молись и ты за своего мужа несчастного; проси неотступно Царицу Небесную; проси святых Божиих, особенно мученика Вонифатия, который сам искушен был страстями плотской и пьянственной и потому может и искушаемым помогать... Вынимай просфору за здравие твоего мужа, предлагай ему вкушать от этой просфоры, когда натощак потянет его к водке, чтобы опохмелиться...

Проси молитв о нем у служителей Церкви Божией и верь: Господь услышит твои вопли сердечные, призрят на молитву твою Царица Небесная и святые Божии. Вспомни, как в притче Христовой неотступно просила вдовица неправедного судью, и он послушал ее наконец. Бог ли не услышит тебя, когда будешь взывать к Нему в скорби своей день и ночь? Ей! Услышит; услышит и Царица Небесная твои горькие жалобы на врага, который поработил мужа твоего страсти греховной, и узришь ты отраду, и отрезвится муж твой, и станет другим – добрым, трезвым, хорошим человеком.

84. Два кольца

Погосского

Служили в полку два солдата, односельчане и однолетки, а по сердцу – совсем разные люди: у одного сердце, что воск, мягкое, а у другого – твердое, как камень. Оба они звались Иванами; а товарищи прозвали их: одного Тихим Иваном, а другого – Гордым Иваном. После войны оба Ивана вышли в отставку и вернулись в родное село.

Высмотрели наши молодцы себе по невесте. Тихому Ивану полюбилась бедной вдовы дочка, девушка кроткая, добрая. Гордому Ивану пришлась по нраву кабатчика дочка, девушка спесивая, нравная, но с большим приданым.

Приходит Гордый Иван к своей богатой невесте и говорит ей:

– Беру тебя из семьи богатой, да я и сам человек не бедный: вот тебе колечко-перстенечек из червонного литого золота, с каменьями самоцветными, дорогими.

Приняла невеста подарок и молвила с усмешкой:

– В сундуках у меня много всяких дорогих нарядов, а все твой подарок мне по сердцу.

Надела она перстенек на средний палец и глядит на него, любуясь. А перстень золотой так и сияет; самоцветный камешек горит, как свежая кровинка; а кругом него светлеют алмазы, словно горючие слезы...

Приходит Тихий Иван к своей невесте и говорит ей:

– Люблю тебя пуще всего на свете; одарил бы тебя и златом и жемчугом, да ничего у меня нету, кроме горячего сердца. Прими от меня недорогой подарок – серебряный перстенек, простое колечко. Облито оно горячими слезами, отдано мне с благословением. Носи его не снимая, и будь счастлива и благополучна, как и я с ним был счастлив.

Закраснелась невеста, приняла от жениха подарок заветный и промолвила:

– Не подарок, а любовь твоя дорога мне.

Глядит невеста на перстенек, а он на пальце белеет, как чистая снежинка, и блестит, словно слезка по нему прокатилась.

И вот настал день венчанья. Набралось народу – полна церковь. Впереди стоят два жениха и две невесты. На одной невесте – алый штоф, кисея, а в ушах тяжелые жемчужные серьги. А золотой перстенечек на руке сверкает самоцветным камнем. На другой невесте – ситец, коленкор, а в ушах – серебряные со стеклышками серьги. А перстенек на руке белеет,

как чистая снежинка.

Вышел из алтаря священник престарелый. Положили женихи на тарелку свои обручальные кольца, а невесты – дареные перстенечки. Посмотрел священник на перстеньки, удивился, но ничего не сказал невестам. Кончился святой обряд венчания, благословил священник новобрачных. Шепнул он солдатам, чтоб зашли они к нему вечерком и принесли с собой перстенечки.

Вечером приходят к священнику оба Ивана. Старец принял их почетно, посадил в горнице на первое место и просит их признаться по чистой правде, откуда добыли они такие перстенечки.

– Рассказывать людям, как добыто это колечко, я не стал бы, – сказал Иван Гордый, – но вам, батюшка, как пред Богом, открою всю правду. Приступом брали мы одно местечко. Забили барабаны, и кинулись мы в огонь на приступ. Ворвались мы в местечко, по домам разбежался неприятель. Видим, стреляют из окон одного богатого дома. Выбили мы неприятеля оттуда, и, как проходил я богатые покои, вижу: женщина лежит на полу в крови и стонет, а на правой руке у нее блестит перстенек с самоцветным камнем – вот этот самый. «Не я, так другой, а кто-нибудь да снимет», – подумал я и сорвал перстенечек с пальца. Тяжело признаться, а правду сказать нужно: как ножом резнула по сердцу женщина своим острым взглядом и сказала мне вслед на своем языке одно слово, а какое, я того не знаю, но, должно быть, не очень приветное, – и я побежал без оглядки. Вот и все тут сполна, как пред Богом.

И сказал на то священник Гордому Ивану:

– Нехорошее дело ты сделал. Перстень сей драгоценен: алый камень в нем – рубин, а светлые камни – брильянты; но и целые горы камней драгоценных не стоят одной слезинки, единого вздоха обиженного человека. Кайся, сын мой, в грехе своем Богу.

– А ты, кавалер, откуда добыл свой перстень? – спросил священник Тихого Ивана.

– Хвалиться пред людьми, как добыл я этот перстень, непристойно, – говорит Иван Тихий, – а от вас, батюшка, не скрою. Вместе с товарищем были мы в этом самом сражении. Кинулся я вперед вместе со всеми. Вдруг вижу, бежит мне навстречу маленький мальчик, плачет, кричит: «Мама, мама!» И взяла меня жалость – подбежал я к нему, по голове погладил и говорю: не отставай от меня, мальчик! Поедут тут пушки, конница помчится – растопчут тебя, как козявку; а ты держись за меня покрепче: авось, я тебя, дурачка, выведу невредимым. И понял меня мальчуган, уцепился ручонкой; я наступаю, а он ни на шаг от меня, и не плачет. Вдруг

вижу, женщина по улице мечется, кричит: «Сын мой, сын мой!» – «Мама! – пищит мой кудрявый мальчишка, – моя мама!» Заслышала женщина родной голосишко – как птица метнулась чуть не на штык ко мне и за ружье ухватилась. «Бог с тобой, молодица! – говорю ей, – возьми своего ребенка, да уходи поправее, а то вас растопчут». Схватила она сына и – бух мне в ноги, рыдает, ловит меня за колени. А мне некогда стоять с ней, товарищи вперед наступают. «Пусти, – говорю, – мне вперед идти надо». Стоит она на коленях и торопливо снимает с руки своей перстень и ловит мою руку. Признаться, я на минутку поддался – она мне на палец перстенек свой надела, по-своему крестным знамением меня осенила и закричала мне вслед – что, не знаю, а только, должно быть, приветное слово, и бежать мне нужно было, и слушать хотелось... Так перстенек у меня и остался. Вот и все тут: признаюсь перед вами, как пред Самим Богом.

И сказал на то священник Тихому Ивану:

– Христолюбивый воин! Христианское дело ты сделал. Перстень сей малоценен, но начертано на нем письменами не нашими великое у всех народов слово: «Бог тебя храни». И сохранит тебя Бог всюду так, как сохранил ты неповинную душу младенца.

Простился священник с обоими Иванами, и они пошли домой, оба думая одно и то же: «Всяк на моем месте сделал бы так же».

И стали жить домами оба Ивана. Тихий Иван занялся полевым хозяйством, а Гордый Иван – торговлей. Засеет Тихий Иван свою ниву, и как бархат, зеленеют по ней всходы, и что утро, то подернет их, как серебром, медвяной росой. Накупил Гордый Иван разного товару: кос, ножей, гвоздей; не успеет привезти в свою лавку – как кровью, подернет ржа все железо, хоть брось все товары. Однако живут оба Ивана ровно: Тихий – не богатеет, потому что семья бедна; Гордый – не беднеет, потому что семья богата. Только радости в жизни у них не равны. У Тихого Ивана всякий день тишина; и всякий праздник, благодарение Богу, добрые люди не забывают его дом. У Гордого Ивана каждый день попреки и свары – то с женой, то с тестем, и всякий праздник гулящие гости. И стала ему жизнь не в жизнь, а жена и родня в наказание. Не рад Гордый Иван и богатству, и клянет он свою жизнь и свою неудачу.

А Тихий Иван в своей семье жил безбедно и любовно многие годы. И когда пришла к нему старость, у него уж было семеро ребят; правда, они были небогаты, но большой нужды не знали: Бог дает детей, дает и на детей. Взглянет Тихий Иван на жену-старушку, на детей послушных, и промолвит: «Нет числа милости Божьей к нам, грешным».

85. О кротком обращении со слугами

По «Четии-Минеи»

Узнав о каком-либо христиане, что он жестоко поступает со слугами своими, святой Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, призывал такого к себе и с кротостью умолял его быть человеколюбивым.

– Сын мой! – говорил патриарх. – Дошло до грешных ушей моих, что, по действию врага, ты несколько жестоко поступаешь с твоими домочадцами, но прошу тебя, не дай места гневу. Бог дал нам слуг не для того, чтобы мы их били, а чтобы они нам служили, а может быть, и не для этого, а с тем, чтобы мы содержали их из того, чем наделил нас Бог; так как, скажи мне, что дал человек и за какую цену купил того, кто создан по образу и по подобию Божию? Ты, господин, ужели больше имеешь в своем теле, нежели твой слуга: лишнюю руку, лишнюю ногу, другой слух, особенную душу? Не по всему ли подобен тебе слуга? Послушай светоносного учителя Павла: «*Все вы*, – говорит он, – *во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного... ибо все вы одно во Христе Иисусе*» (Гал. 3:27), а если во Христе мы равны, то между собой должны быть равными. Христос для того и приял образ раба, чтобы научить нас не гордиться против рабов наших. Един Господь у всех, живущий на небесах и на смиренныя призираяй (Пс. 112:6); не сказано: «на высокие», но «на смиренные». Сколько дали мы золота, чтобы подвергнуть рабству того, кто почтен и куплен вместе с нами Божественной Кровью Господней? Для него небо, для него земля, для него звезды, для него солнце, для него море и все, что в нем. Истинно также и то, что ангелы служат ему; для него Христос умыл ноги рабов, для него распялся и все прочее потерпел; как же ты бесчестишь столь почтенного Богом? Как будто бы имея не ту же природу, без милости бьешь его? Скажи: хотел ли бы ты, чтобы за всякую вину твою Бог тотчас наказывал тебя? Конечно, нет. И как молишься ты ежедневно: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»?

Если жестокий господин не исправлялся, то милостивый архипастырь *выкупал несчастного раба* и давал ему свободу.

86. Наталья Саввична

Лев Толстой

Накануне погребения[65], после обеда, мне захотелось спать, и я пошел в комнату Натальи Саввичны, рассчитывая поместиться на ее постели, на мягком пуховике, под теплым стеганым одеялом. Когда я вошел, Наталья Саввична лежала на своей постели и, должно быть, спала; услыхав шум моих шагов, она приподнялась, откинула шерстяной платок, которым от мух была покрыта ее голова, и, поправляя чепец, уселась на край кровати. Так как еще прежде довольно часто случалось, что после обеда я приходил спать в ее комнату, она догадалась, зачем я пришел, и сказала мне, приподнимаясь с постели:

– Что? Верно отдохнуть пришли, мой голубчик? Ложитесь.

– Что вы, Наталья Саввична, – сказал я, удерживая ее за руку. – Я совсем не за этим... Я так пришел... Да вы и сами устали; лучше ложитесь вы.

– Нет, батюшка, я уж выспалась, – сказала она мне (я знал, что она не спала трое суток). – Да и не до сна теперь, – прибавила она с глубоким вздохом.

Мне хотелось поговорить с Натальей Саввичной о нашем несчастье; я знал ее искренность и любовь, и потому плакать с ней было бы для меня отрадой.

– Наталья Саввична, – сказал я, помолчав немного и усаживаясь на постель, – ожидали ли вы этого?

Старушка посмотрела на меня с недоумением и любопытством, должно быть, не понимая, для чего я спрашиваю у нее это.

– Кто мог ожидать этого? – повторил я.

– Ах, мой батюшка, – сказала она, кинув на меня взгляд самого нежного сострадания, – не то, чтоб ожидать, а я и теперь подумать-то не могу. Ну, уж мне, старухе, давно бы пора сложить старые кости на покой; а то вот до чего довелось дожить: старого барина, вашего дедушку, вечная память, князя Николая Михайловича, двух братьев, сестру Аннушку – всех схоронила, и все моложе меня были, мой батюшка, а вот теперь, видно, за грехи мои и ее пришлось пережить. Его святая воля. Он затем и взял ее, что она достойна была, а Ему добрых и там нужно.

Эта простая мысль отрадно поразила меня, и я ближе придвинулся к Наталье Саввичне. Она сложила руки на груди и взглянула кверху; впалые влажные глаза ее выражали великую, но спокойную печаль. Она твердо

надеялась, что Бог не надолго разлучил ее с той, на которой столько лет была сосредоточена вся сила ее любви.

– Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я ее няньчила, пеленала, и она меня Нашей называла. Бывало, прибежит ко мне, обхватит ручонками и начнет целовать и приговаривать: «Нашик мой, красавчик мой, индюшечка ты моя». А я, бывало, пошучу, говорю: «Неправда, матушка, вы меня не любите; вот, дай только вырастите большой, выйдете замуж и Нашу свою забудите». Она, бывало, задумается. «Нет, – говорит, – я лучше замуж не пойду, если нельзя Нашу с собой взять: я Нашу никогда не покину». А вот покинула же и не дождалась. А любила же она меня, покойница. Да кого же она и не любила, правду сказать? Да, батюшка, вашу маменьку вам забывать нельзя; это не человек был, а ангел небесный. Когда ее душа будет в Царствии Небесном, она и там будет вас любить, там будет на вас радоваться.

И, опустив голову, замолчала. Ей понадобился платок, чтобы отереть падавшие слезы; она встала, взглянула мне в лицо и сказала мне дрожащим от волнения голосом:

– На много ступеней подвинул меня этим к себе Господь. Что мне здесь теперь осталось? Для кого мне жить? Кого любить?

– А нас разве вы не любите? – сказал я с упреком и едва удерживаясь от слез.

– Богу известно, как я вас люблю, моих голубчиков; но уж так любить, как ее любила, никого не любила, да и не могу любить.

Она не могла больше говорить, отвернулась от меня и горько зарыдала. Я не думал уже спать; мы молча сидели друг против друга и плакали.

Беседы с Натальей Саввичной повторялись каждый день; ее тихие слезы и спокойные, набожные речи доставляли мне отраду и облегчение.

87. Против семейных разделов

Григорий Дьяченко

Слово Господне не напрасно сказано: *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет»* (Мф. 12: 25).

Есть одно старинное сказание, древняя притча: один царь, умирая, оставлял царство восьмидесяти наследникам. Перед смертью он созвал их всех к себе и, подавая старшему большой пук туго связанных прутьев, велел переломить его, но тот не мог этого сделать; за ним принял пук прутьев другой сын, потом третий и так далее, и никто не в силах был переломить небольшую связку прутьев. Тогда старик сказал: «Развяжите прутья, возьмите каждый по пруту и переломите». Понятно, что прутья были изломаны в одну минуту. «Так-то и вы, дети, – сказал старец, – пока живете дружно, заодно, никому вас не одолеть, а поодиночке всякий неприятель вас победит».

Счастлив тот дом, где обитают мир да любовь, где родители пекутся о детях, где все живут в добром согласии: муж и жена, братья и сестры. На таком доме почивает благословение Божие. Живите же, братия, *со всяким смиренномудрием,.. снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира* (Еф. 4:2–3).

88. Господь благословляет семейное счастье

По журналу «Кормчий» 1898 г.

В небольшом галилейском городке Кане, в доме Симона Зилота совершалось скромное семейное торжество – брачный пир. В числе гостей находился и Сам Господь наш Иисус Христос вместе со Своей Пречистой Матерью. Вероятно, хозяин дома был человек небогатый, у него даже не оказалось достаточного количества вина для обычного угощения. Внимательный и жалостливый взор Богоматери подметил естественное в подобных случаях смущение хозяев; сочувствуя им, Мария начала умолять Своего Сына, чтобы Он помог беднякам. И вот здесь-то Христос впервые проявил Свою Божественную чудотворную силу, чудесно претворив воду в вино. Слуги, послушные слову Иисуса, наполнив сосуды водой, принесли хозяевам самое прекрасное, чистое вино. Несомненно, это чудо Спасителя на всех присутствующих и особенно на самого хозяина произвело сильное впечатление.

В этом посещении Христом семейного праздника, в этом первом чуде, совершенном на празднике, явно проявилось благословение Божие на семейное счастье человека. Брак, можно сказать, есть основа семейного счастья или средство, без которого оно немыслимо, и Христос не погнушался посетить брачное торжество. Кроткое, любящее сердце Спасителя не чуждалось мирных семейных картин и охотно делило радость с добрыми домохозяевами. Впрочем, благословение Божие семейному счастью дано было и ранее еще, в самом раю, первым людям.

И на всем протяжении ветхозаветной истории семейное благополучие почиталось обыкновенно верхом человеческого счастья, и Сам Основатель и Законоположник Нового Завета воспитывается в тихом семейном уголке простого плотника, потом Сам присутствует на брачном торжестве, благословляет и обнимает невинных малюток, часто посещает вечери семейных людей, в Своих речах, притчах иногда пользуется примерами и образами из области семейного строя (например, притчи о званных на вечерю, десяти девах, о блудном сыне). Наконец, в предсмертные минуты, усыновив любимого ученика Своей Матери, подтвердил ясно ту истину, что для человека преклонных лет иметь опору в добрых детях – великая отрада. Проникнутые духом учения Христова и прекрасно понимая благодетельность для человеческой жизни правильного семейного строя, святые апостолы положили для него, так сказать, твердый фундамент – изложили учение о Таинстве брака как установлении Божием, и по их

примеру христианская Церковь благословляла и благословляет людей на семейное счастье. Но то, что установлено Богом, проповедуемо было святыми апостолами и благословляется Церковью, то непременно отвечает и потребностям человеческой души; и семейное счастье есть нечто такое, чего жаждет сердце и без чего человек часто бывает сумрачен и угрюм.

Поясним вышесказанную мысль следующим сравнением: среди необъятной однообразной равнины возвышается одинокое дерево. Пусть оно зелено, красиво, но все-таки своим одиночеством оно навевает на зрителя нечто вроде грусти. Но остановим свои взоры на другой картине из природы видимой: кучка зеленеющих деревьев дружно толпится, представляя собой уютный, прекрасный уголок Божиего мира, – от него веет душистой влагой, из него звонко льется птичье пение... Как манит к себе, как радует этот уголок все живое! Нечто подобное можно наблюдать и в жизни человеческой. Вот одиноко проводит человек свои дни – не с кем ему разделить радость или горе, не вьется около него молодая жизнь. Скучно ему, грустно и другим наблюдать его – одинокого, угрюмого; протекут годы, настанет старость, и все-таки молодые побеги новой жизни не окружат, не порадуют его. Иное впечатление производит добрая семья, где взаимные отношения членов дышат любовью, дружеством, радостью жизни; как отрадно и приятно среди нее провести время! Даже в глубокой старости, в виду близящейся смерти, взор счастливого семьянина с отрадой отдыхает на своих малютках, детях и внуках, призывая на них благословение Божие.

Да, не напрасно еще в раю было сказано: *не добро быти человеку едину*, в этой истине нас убеждает и слово Божие, и наблюдения над действительной жизнью. Только те немногие избранники Божии, что еще на земле, отдавшись всецело самоотвержению ради блага ближнего и погрузившись в религиозную струю служения Богу, ведя почти ангельскую жизнь, могут быть вполне счастливы и вне семейных условий; все же вообще обыкновенные смертные, не взошедшие на духовную высоту подвижников, не отрешившиеся от земных интересов, не бегайте семейных обязанностей, не тяготитесь ими, ибо в семье ваше счастье, ваши радости. И если, христианин и христианка, на вашу долю выпало быть отцом или матерью, супругом и супругой, то дорожите своим положением, свято соблюдайте свои семейные обязанности, и Господь благословит вас, как некогда Он благословил Своим присутствием и осчастливил чудом семью в Кане Галилейской.

89. Лоида и Евника

Сост. по журналу «Радость христианина»

Святой апостол Павел обессмертил эти имена – бабки и матери горячо любимого ученика своего Тимофея, епископа Ефесского, словами послания своего к нему из Рима: «Благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью, что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, и желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости, приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе» (2Тим. 1:3–5).

Величавый образ двух матерей восстает пред нами, когда мы вспоминаем, что Тимофей, их сын и внук, был в продолжение многих лет спутником и сотрудником апостола языков Павла.

Тимофей служил Церкви как истинный помощник великого апостола – силой благодати. Он пользовался полным доверием своего духовного отца и был ему другом, а во многих его страданиях всегда был утешением ему. Он до такой степени самоотверженно жил духом апостола, что Павел мог писать о нем: «Надеюсь... вскоре послать к вам (Филиппийцам) Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом. Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас» (Флп. 2, 19, 20).

Лоида до обращения в христианство была благочестивой израильтянкой, питалась словом обетования, уповала на Мессию и дочь свою Евнику воспитывала в том же духе. Когда дошла до них весть о появившемся Мессии, сердца обеих женщин были приготовлены, и вскоре их озарили свет разума и любовь Христова.

Когда у Евники родился сын, его назвали Тимофеем, то есть «боящимся Бога». Рано был он введен в мир веры, в котором жили воспитывавшие его жены – мать и бабушка. Святой апостол Павел говорит, что он знал с детства «священные писания» (2Тим. 3, 15), то есть книги Священного Писания, или Библию. Тимофею легко было воспринимать благодатную силу слова Божия, потому что вера воспитывавших его была вполне искренняя, то есть прямая и неколеблющаяся, во всех действиях проявляющая себя одинаково.

Вера благочестивой матери и бабки имеет величайшее значение для следующих поколений, и прежде всего бабки. Нам рассказывают, что в Индии Евангелие не может проникнуть в народную жизнь, пока не

откроется ему семья и пока в семье не отец и не мать, а главным образом бабка враждебно относится ко всему новому, всеми силами придерживаясь старины. «Пока не обратится бабка, – уверяют миссионеры, – семья не открыта для Спасителя». В Листре мы видим обращенную бабку, вера которой передается дочери и внуку.

Благо супругам, имеющим таких матерей, как Евника. От них могут многие научиться, каким образом одним обращением своим – без слов – должно приводить ко Господу Иисусу своих неверующих мужей, и если это окажется недостижимым, то плоды их благодатной жизни непременно проявятся на детях. Это именно прежде всего должны иметь в виду матери- христианки перед глазами своими при воспитании своих детей.

Лоида и Евника ясно указывают нам, какие главные средства воспитания для христианских детей. Это – слово Божие, преимущественно Евангелие, и молитва. Кто не знает о влиянии на детские души рассказов из библейской истории, например историй Иосифа, Давида, трех отроков и тому подобное? А посмотрите, как раскрываются глаза ребенка, как напрягается его слух и как воспринимает его сердце, когда рассказывают ему об Иисусе-Спасителе!

Кроме научения дитяти слову Божию, мать должна воплощать в своей жизни это слово, должна служить примером благодатной силы его для детей своих. Жизнь Евники и Лоиды была именно таким примером для юного Тимофея, «боявшегося Господа».

90. Святое семейство

По «Воскресному чтению»

Во втором столетии по Рождестве Христовом, в царствование римского императора Адриана, в городе Риме жила вдова по имени София, что значит премудрость. У нее было три дочери – Вера, Надежда и Любовь. Благочестивая мать, угодившая Богу молитвой и милостыней, так воспитывала своих дочерей, что они, нося имена христианских добродетелей, жизнью своей показывали пример веры, надежды и любви. Слух о их добродетелях и соединенной с ними красоте распространился по всему городу. Один из начальников, Антиох, пожелал их видеть. Святые отроковицы явились к нему и не скрыли своей веры во Христа.

Антиох известил о них императора Адриана; Адриан повелел привести к себе святую Софию и трех ее малолетних дочерей. Узнала тогда святая София, что ей и дочерям предстоят подвиги мученичества за веру в Иисуса Христа. Сама она была крепка в вере; но и ее дочери, несмотря на то, что старшей, Вере, было всего двенадцать лет, а Любови – девять, оказались вполне созревшими для мученического подвига. Горячая любовь их к Богу не могла допустить их до отречения от Христа. «Всесильный Боже, устрой о нас по Твоей святой воле; не оставь нас, но подай нам Твою святую помощь: да не устрашатся сердца наши гордого мучителя, да не убоимся страшных мучений его, да не ужаснемся горькой смерти, да ничто же отторгнет нас от Тебя – Бога нашего». Так молились будущие подвижницы, в первый раз призываемые на суд гонителя христиан. Судимые, они стояли со светлым лицом, со спокойным сердцем, и весело смотрели на присутствующих там. Император, увидя спокойные их лица, спросил Софью о происхождении ее и о вере. Она исповедала свою веру в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, и назвала себя рабой Его. «Дочерей своих, – сказала она, – я обручила Христу, дабы чистоту свою они сохранили для небесного Жениха». Царь, видя, что мать трех дочерей – женщина умная, и не желая произносить немедленного суда над ними, отослал их всех к одной благородной женщине, Палладии, которой поручил убедить Софью не жертвовать детьми и счастьем их ради веры в Распятого Христа. В доме Палладии София три дня провела в молитве и увещевала дочерей своих быть готовыми к мученическому подвигу. «Возлюбленные мои дочери, – говорила она, – пришло время подвига вашего, приблизился день уневещения вас бессмертному Жениху, покажите по своему имени твердую веру в Него, несомненную на Него

надежду и нелицемерную любовь к Нему... Если тленные тела ваши преданы будут смерти, то Он облечет их в нетление... Дочери мои дорогие! Думаю, что много будет искушать вас царь, будет обещать вам великие дары, предлагать вам славу, богатство и честь, но не прилагайте сердца вашего ни к чему: все это, как дым, исчезнет. Верую Богу, что Он не оставит вас страждущих за Него. Вспомните мои болезни при рождении вас, вспомните мои труды при воспитании вас, вспомните мои наставления в страхе Божием. Дайте мне радость назваться матерью мучениц, мужественно переносящих страдания за имя Христово».

Выслушав внушения матери, дочери умилились сердцем, возрадовались и бодро ожидали мучений. Через три дня они были приведены во второй раз на суд. Без страха они исповедали веру в Иисуса Христа, не соблазнившись обещанными выгодами в случае отречения от веры и поклонения идолам. Первой потерпела мучения старшая – Вера. Эта святая девица мужественно перенесла двухчасовое поджигание тела на раскаленной решетке, кипение в котле, наполненном смолой, и вышла невредимой по силе Божией. Жестокий гонитель, не зная, что с ней делать, произнес смертный приговор. Святая Вера, преисполненная радости за себя, поспешила помолиться Богу и ободрила сестер. Ее беспокоило то, как бы какая-нибудь из оставшихся сестер из страха перед мучениями не отреклась от веры. Святой Вере была отсечена голова. София радостно облобызала ее мученическое тело и прославила Христа Бога, принявшего дочь ее в чертог небесный. После Веры была предана мучениям и десятилетняя Надежда. Ее, как и Веру, склоняли к отречению от Христа обещаниями земных выгод и ласками, но она осталась непоколебимой в вере. Ее ввергли в огонь, затем строгали тело ее железными когтями. Когда тело ее раздроблялось на части и кровь ручьем текла из ран, в то время чувствовалось чудное благовоние. Разраженный твердостью святой отроковицы, мучитель велел приготовить раскаленный котел с кипящей смолой. Когда хотели ввергнуть в этот котел святую Надежду, он внезапно растопился и смолой опалило стоявших около него. Так ясно сила Божия помогла святой мученице. После этого издан был приказ: «Отсечь ей голову». Отроковица, поцеловавши мать и сестру, сказала сестре: «Предстанем вместе Святой Троице». Потом подошла к мертвому телу святой Веры, облобызала его и прослезилась. Сама она преклонила голову свою под меч. Мать радовалась, что две дочери приняли мученичество за Христа, и уговорила Любовь последовать их примеру. Ласками и лестью отговаривали ее от мучения, склоняя к идолопоклонству; но и эта святая отроковица осталась непреклонной. Прежде всего ей показали

разожженную печь. Она, не дожидаясь, чтобы кто-нибудь бросил ее туда, вошла в нее сама и ходила среди огня неопаляемая. Затем мучители искололи члены тела ее, но сила Божия укрепила ее. Концом ее мучений было усечение главы. Тела своих дочерей София вывезла из города и похоронила с подобающей честью. Мать не подвергли мучениям, может быть, по жестокому расчету, что, оставив ей жизнь, оставляли ей вместе с тем и безысходное горе. Но Господь скоро утешил святую Софию. Похоронивши своих детей, она три дня провела у гроба их в непрестанной молитве и здесь же уснула сном смерти, соединившей ее с детьми в Царстве Того, любовью к Которому были преисполнены их сердца.

Матери-христианки! Склоняясь до земли пред этими святыми мученицами, с благоговением и изумлением взирая на их великие и славные подвиги ради Христа, постарайтесь, с помощью Божией, и подражать им. Как – спросите. Конечно, нам никто теперь не запрещает содержать истинную веру в Бога; никто нас теперь не принуждает поклоняться идолам; живем мы, слава Богу, в дни мира Церкви Божией. Но как много и теперь разнообразных искушений для нашей веры! Как много заблуждений, гибельных и губящих нашу веру! Счастливы дети, если их матери подобны святой Софии и воспитали в них христианские чувства, несокрушимые никакими соблазнами и искушениями.

91. Святая мученица Леонилла как воспитательница своих внучат

По журналу «Воскресный день» за 1902 г.

Некоторым из женщин приходится воспитывать не только детей, по и после них внучат. У иной женится сын или выйдет замуж дочь, приживут детей, да и умрут. Сироты их остаются на попечение бабки. Если бы которой из вас, жены-христианки, пришлось понести такой крест и взять к себе внучат, то как бы вы стали обращаться с ними и чему учить их?

Послушайте, как поступала святая мученица Леонилла.

После смерти сына своего, язычника, она взяла на воспитание трех сыновей его – близнецов Спевсиппа, Елевсиппа и Мелевсиппа. Будучи сама глубоко верующей христианкой, она, как сказано в житии ее, более всего желала вчинить внуков своих в воинство Христа и поработить святой службой Его. Согласно своему желанию, она учила их так: «Возлюбленные мои внуки, – говорила она им, – познайте Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного и живого, Который весь мир сотворил словом Своим, простер над нами высоту небесную, распространил широту земную, собрал бездны моря, украсил небо звездами, поставил два великих светила светить всем, рыбам дал воды в пребывание, украсил землю зеленью и деревьями и всякому животному дал ему нужное. Человека же Он по образу и по подобию Своему сотворил и мудростью, и разумом, и ведением обогатил его для того, чтобы он Творца своего познавал, доброе от злого отличал и идолов как бездушных истуканов не почитал, но как скверных отметал и от них бегал. Оставьте же, сладчайшие внуки, всех идолов бесовских; Создателя же всех, Господа нашего Иисуса Христа, без всякого сомнения исповедуйте». Так учила своих внуков святая Леонилла. И, как видите, прежде всего ее забота о них состояла в том, чтобы их к познанию Спасителя нашего привести и в вере в Него утвердить. Когда же последнее, при помощи благодати Божией, было достигнуто, тогда святая бабка стала учить внуков и исповеданию этой веры. Принявши святое крещение, близнецы-братья сокрушили идолов, отвергли все угрозы и увещания судей-язычников и стали ждать мук. В это время Леонилла говорила им: «Знайте, что никто не нашелся в роде вашем благороднее, богаче, лучше и Богу приятнее вас. Хотя вы и юны, но весь род ваш исповеданием Христа просветили и всех старейших в вашем роде премудростью превзошли. Будьте же во святом законе Христовом постоянны и крепки, прещения (то есть угроз) и мук не устрашайтесь и

мужайтесь, утверждаясь верой во Христа. Не забывайте, что все видимые царства мира сего суть ничто, и самая настоящая жизнь тоже, ибо скорый конец принимают. Царствие же Божие, невидимое, есть вечно, и совершенная премудрость состоит в том, чтобы искать и желать его. И чрез временные труды вы восхитите его, и скоро преходящие муки, которым вы подвергнетесь, преложатся для вас в веселье вечное». Вот как обращалась и как учила своих внуков святая бабка, и обращение, и учение ее в свое время принесли достойные плоды. Внуки ее в исповедании веры пребыли непоколебимыми, как скала, и все трое приобрели себе венец мученический (Четии-Минеи, янв. 16).

Итак, если которой из вас пришлось бы воспитывать своих внучат, то, во-первых, обращайтесь с ними, как с сиротами, кротко и ласково и, во-вторых, преимущественно заботьтесь о том, чтобы в юных сердцах их утвердить веру во Христа и самих их чрез то наследниками Царствия Божия сделать. Как, конечно, вы и заметили, все обращение Леониллы со своими внуками дышало кротостью и любовью, и все учение ее состояло в том, чтобы христианской вере их научить, утвердить в ней и заставить внуков любить Христа больше всего. Она, как видели, прекрасно понимала, что видимые царства мира сего и самая настоящая жизнь суть ничто, ибо скорый конец принимают, и потому старалась всеми силами отвлечь мысли внуков от земного и направить к небесному, вечному и Божественному. И вы своих внуков ведите этим же путем, и, без сомнения, этот путь для них должен быть самым лучшим; ибо, если они утвердятся в вере в Бога и научатся любить Его, тогда и сами они будут с Богом, и Бог будет с ними; а если Бог будет с ними, то никогда они не пропадут и никаких зол не убоятся.

92. Благочестивая Анфуса

Григорий Дьяченко

Мать святого Иоанна Златоустого, благочестивая Анфуса, осталась вдовой двадцати лет от роду, и по любви к благочестивой жизни не решилась вступать в новое супружество. «Когда я был еще молод, – пишет святой Иоанн Златоуст, – помню, учитель мой (а он был самый закоренелый язычник) при многих удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновению, от окружавших его, кто я таков, и услышав от кого-то, что я сын вдовицы, он спросил меня: сколько лет моей матери и давно ли она вдовица? И когда я сказал, что ей сорок лет от роду и что двадцать лет уже прошло с тех пор, как она лишилась моего отца, он изумился и громко воскликнул: «Ах, какие у христиан есть женщины»! Иоанн, получив образование в светских училищах, готовился вступить в звание адвоката[66]; но склонность к иноческой жизни увлекла его к другому роду служения. Один из его друзей и товарищей по воспитанию, имевший на Иоанна большое нравственное влияние, поддерживал его в этих расположениях; и чтобы удобнее достигнуть желания, которое лежало у него на сердце, убеждал Иоанна, оставив жилище матери, поселиться вместе с ним. Иоанн уже близок был к исполнению этого желания. «Но непрестанные увещания матери, – пишет он, воспрепятствовали этому. Когда она узнала о моем намерении, то, взяв меня за руку и введя во внутренние свои покои, посадила у кровати... Мгновенно из очей ее полились источники слез, а из уст – слова, горестнейшие самих слез. Рыдая, так говорила она мне: «Сын мой! Я недолго наслаждалась сожительством добродетельного отца твоего. Так угодно было Богу. Смерть его, последовавшая вскоре за болезнями твоего рождения, принесла тебе сиротство, а мне – преждевременное вдовство со всеми его горестями, которые могут быть хорошо известны одним только вдовицам. Ибо никакими словами невозможно изобразить той бури и того волнения, которому подвергается женщина, недавно вышедшая из отеческого дома, еще неопытная в делах жизни – и вдруг глубоко пораженная скорбью и принужденная принять на себя заботы, превышающие возраст и саму природу ее. Она должна исправлять нерадение слуг, примечать их коварство, разрушать злые умыслы родственников, мужественно переносить притеснения и безжалостные требования собирателей подати. Если ж еще после кончины супруга останутся дети – пусть будет это дочь, много и она принесет заботы матери, по крайней мере, забота не будет соединена с издержками и

страхом; но за сына она подвергается тысяче опасений на каждый день и великим заботам. Я уже не говорю о тех издержках, которые должна употреблять, если желает дать ему хорошее воспитание. Однако никакие невыгоды моего положения не заставили меня вступить в другой брак и ввести другого супруга в жилище отца твоего; но среди смятения и беспокойства я пребыла твердой, не бежала из раскаленной пещи, верно изображающей состояние вдовицы. Во-первых, меня подкрепляла Вышняя помощь. Немало в таковых печалях утешалась я и тем, что всякую минуту, смотря на твое лицо, видела в нем живой и вернейший образец умершего отца твоего. Поэтому, будучи еще младенцем и едва умея лепетать, когда дети особенно бывают приятны родителям, ты уже приносил мне много отрады. Тебе нельзя и того сказать в обвинение меня, чтобы я, верно сохраняя вдовство, угнетаемая бедностью, утратила отцовское наследство, как потерпели то многие сироты. Я сохранила в целости все оставшееся имущество, и вместе не жалела никаких издержек, требовавшихся для твоего воспитания, употребляя на это собственное мое имущество, с которым вышла из отеческого дома. Не подумай, чтобы словами моими я хотела упрекать тебя, – нет. Но за все мои попечения прошу одной благодарности: не делать во второй раз меня вдовицей и скорби, уже угасшей, не воспламенять снова. Потерпи до моей кончины. Может быть, жизнь моя недолго продолжится. Цветущие юностью надеются достигнуть глубокой старости, а мы, состарившиеся, ничего не можем ожидать, кроме смерти. Когда предашь тело мое земле и прах мой соединишь с прахом отца твоего, тогда предпринимай далекие путешествия, переплывай моря, какие хочешь. Тогда никто не будет препятствовать тебе. Но доколе я еще дышу, не разлучайся со мной. Не навлекай на себя напрасно гнева Божия, оставляя меня на жертву таким бедствиям, тогда как я ни в чем не виновата пред тобой. Если я подала тебе причину винить меня в том, что вовлекаю тебя в житейские суеты и заставляю заботиться о твоих и моих нуждах, то беги от меня, как бегут от недоброжелателей, от врагов, забыв и законы природы, и труды воспитания, и навык неразлучного доселе обращения. И все другое. Но ежели я делаю, со своей стороны, все, чтобы удалить от тебя малейшее попечение о нуждах жизни, то, если ни что другое, по крайней мере, эти узы пусть привяжут тебя ко мне. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто из них не может доставить тебе большего спокойствия; потому что нет никого, кто бы заботился о твоем благополучии столько, сколько я».

Вот немногие сведения о жизни благочестивой Анфусы, сохранившиеся, не без воли Промысла, в наставление христианским

супругам и матерям.

93. Мария Николаевна Аксакова

По С.Аксакову

В 1891 году исполнилось сто лет со дня рождения одного из замечательнейших русских писателей Сергея Тимофеевича Аксакова. В очерках воспитания замечательных людей ему должно быть отведено почетное место потому, что он был несомненно прекрасный, благороднейший русский человек и один из лучших наших писателей.

Отец и мать Аксакова были людьми совершенно противоположными от природы, но характеры их друг друга дополняли; оттого, быть может, их сын и сложился в такого всесторонне одаренного человека.

Мать Сергея Тимофеевича, Мария Николаевна, особенно ярко обрисована в воспоминаниях писателя. Пылкий, сильный характер, железная воля в достижении своей цели сами собой предоставляли ей первенствующую роль в семье. Если прибавить, что она была, сверх того, очень умна и хорошо для своего времени образована, то станет ясно, что мы имеем дело с необыкновенной женщиной. Она жила в глуши, на краю России, в Уфе, где не только образованные, но и просто грамотные люди были в то время редкостью, и сумела путем самообразования достигнуть таких блестящих результатов, что все умные и образованные люди, попадавшие в Уфу, спешили познакомиться с ней и никогда потом не забывали ее. Большая часть таких знакомств обратилась впоследствии в дружбу с ее семейством, которая прекращалась только смертью. Ученые и путешественники, посещавшие Уфимский край, также непременно знакомились с Марией Николаевной и оставляли письменные знаки удивления ее уму и красоте.

Отец Аксакова был захолустный русский помещик, старинного дворянского рода, всю молодость проживший в деревне. Простоватый, недалекого ума, отец Аксакова не получил почти никакого образования, но зато обладал большим здравым смыслом и прекрасной чуткой душой. Он не отличался никакими блестящими качествами, но зато душа его светилась тем ровным, тихим сиянием, какое отличает истинно добрых и благородных людей. Слабохарактерный от природы, он был настойчив в важных вопросах и, несмотря на природную робость и застенчивость, умел заставить себя уважать.

При таких обстоятельствах значение хорошего воспитания было громадно, и, к счастью, Марья Николаевна была вполне подготовлена к этой трудной роли (занятию). Несмотря на холодный, расчетливый ум, она

умела любить горячо и сильно. Такой беззаветной любовью и была любовь ее к детям, и в особенности к старшему, Сереже, которого она спасла от смерти. Ей приходилось идти наперекор всем общепринятым взглядам и понятиям того времени, переделывать весь строй жизни, начиная с пищи, применяя ее к здоровью и натуре ребенка. Вдобавок она часто хворала и должна была поддерживать многочисленные родственные отношения и знакомства и для этого переезжать с места на место. О систематическом (то есть по определенному плану) воспитании нечего было и думать.

Главной заботой Марьи Николаевны было оградить сына от соприкосновения с действительностью, которая могла легко развить в ребенке грубость чувства, особенно если вспомнить, как неприглядна была действительность в эти темные времена крепостного права. В этом ей отчасти помогало слабое здоровье Сережи. Благодаря ему он был избавлен от многих неудобств тогдашнего быта. Зато Сережа рос, не имея товарищей одного с ним возраста. Сестра его, которую он очень любил, была моложе его и не могла принимать деятельного участия в его интересах. Таким образом, мать сделалась постоянной его собеседницей и товарищем, и еще когда он был в младенческих летах, обсуждала с ним свои планы, советовалась, куда ехать и куда не ехать, и объясняла свои соображения. Когда Сереже наступила пора учиться, она посадила его за ученье не силой принуждения, но разговаривая с ним о пользе образования, говоря, что она хотела бы видеть его умным и ученым. Такая доверчивость весьма льстила самолюбию ребенка и производила настоящие чудеса. Немало содействовало этому также и обаяние его матери, резко выделявшейся своими манерами, своей выдержкой и своей образованностью над темной массой родни, державшейся без всякого достоинства.

Будучи сама литературно образована, Мария Николаевна хорошо понимала цену умственных интересов и постаралась посредством их расширить внутренний мир своего сына, который мог заменить ему отчасти действительный.

Читать научился Сережа необыкновенно рано, во всяком случае, ранее той тяжелой болезни, с которой начинаются его последовательные воспоминания, так как тотчас по выздоровлении своем он помнит себя уже читающим детскую книжку «Зеркало добродетели». В это время ему было всего только четыре года.

Вместе с любовью к чтению у Сережи необыкновенно сильно развилась наклонность к фантазии (воображение). Он делился своими рассказами, вычитанными из книг, с сестрой, но при этом часто

приукрашивал их своей фантазией, так что, когда однажды пересказывал сказки Шехерезады, оказалось, что он сообщал от ее имени то, о чем ей и не снилось.

Потребность в чтении у маленького Сережи в самом первом возрасте была очень велика. Когда он изучил «Зеркало добродетели», он до того скучал без книг, что стал читать «Домашний лечебник» Бухана. Однако мать сочла это чтение для его лет неудобным; она выбирала лишь некоторые места и, отмечая их закладками, позволяла сыну читать их, и это было в самом деле интересное чтение, потому что там весьма толково описывались все травы, соли, коренья и разные медицинские снадобья.

Впрочем, Сережа имел возможность спустя некоторое время читать книги, более для него доступные и интересные, в виде «Детского чтения для сердца и разума», изданного Новиковым. Эту книгу подарил Сереже один знакомый его отца, Аничков. «Я так обрадовался, – рассказывает Аксаков, – что чуть не со слезами бросился на шею старику и, не помня себя, запрыгал и побежал домой, оставя одного отца своего беседовать с Аничковым. Боясь, чтобы кто-нибудь не отнял моего сокровища, я побежал прямо через сени в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть – и позабыл все окружающее». Когда его наконец отыскали за этим занятием, он был, как помешанный: ничего не говорил, не понимал, что говорят, и не хотел идти обедать. Мать, однако, положила конец такому исступленному чтению: книги заперла к себе и выдавала сыну по одной части, и то только в назначенные часы. Нравоучительные статьи произвели довольно мало впечатления на Сережу, зато статьи по естествознанию совершили целый переворот в его детском уме, и для него открылся новый мир... Он впервые узнал, что такое молния, облака, узнал образование дождя и происхождение снега. Многие явления в природе, на которые он раньше смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для него смысл, значение и стали любопытнее. Муравьи, пчелы и особенно бабочки со своими превращениями овладели вниманием и сочувствием ребенка: он получил непреодолимое желание наблюдать все это своими глазами.

Это желание легко было удовлетворить, так как семья проводила каждое лето в деревне. Так как способность страстно увлекаться была одной из коренных черт характера Сережи, то впечатления природы на время вытеснили книги из головы мальчика. Это было для него счастьем, потому что иначе его характер мог бы принять чересчур отвлеченное направление благодаря слишком раннему умственному развитию.

Отец познакомил Сережу с полевыми работами, развил в нем любовь

к ним, а также любовь к рыбной ловле и охоте, причем в данном случае эта жестокая забава не служила целью, но только средством сближения с природой, которую отец научил Сережу понимать и любить.

Необходимо, однако, заметить, что и любовь к природе у Сережи вошла не сразу в должную колею; даже и она слишком волновала его. В таких-то случаях особенно был полезен впечатлительному мальчику его отец. Именно в эти минуты он обращался к сыну с тихими увещаниями и удивительной своей мягкостью укрощал нервные порывы сына. Пример кроткого отца и часы, проведенные с ним среди зеленой уремы[67], с ружьем или за уженьем рыбы в прозрачной Деме, окруженной зелеными берегами, под голубым шатром неба, самым благотворным образом подействовали на мальчика, и отблеск этих-то часов и придал впоследствии такую ясность и безмятежность произведениям писателя.

Впрочем, и в деревне Сережа не оставлял чтения. Недостаток подходящих для его возраста книг побуждал его читать что попало. Но особенно любил он стихи, заучивал их наизусть и еще в детстве прекрасно декламировал их, так что иногда его заставляли читать в присутствии взрослых.

Долгое время Сережа учился как попало, пока наконец друзья его матери не убедили ее, что пора отдать его в гимназию. После слез, колебаний и сомнений решено было, что Сережа поступит в казанскую гимназию, и его начали приготовлять к ней нравственно и умственно. В это время он читал уже очень хорошо, но писал плохо, а арифметики и вовсе не знал. Отец хотел как-то раньше передать ему свои арифметические познания, т. е. первые четыре правила, но ученье шло так вяло и лениво, что он его бросил. Но под влиянием матери все переменилось. Всего в два месяца Сережа выучил эти четыре правила и притом весьма основательно. В списывании прописей он тоже достиг возможного совершенства. Все это он делал на глазах матери и единственно ради нее. Она твердила ему, что сгорит со стыда, если его не похвалят на экзамене, который надо было выдержать именно из этих предметов, и этого было довольно.

Сережа выдержал экзамен блистательно. Экзаменовавший его директор гимназии пришел в восхищение от чтения им стихов Дмитриева и прозы Карамзина, одобрил также и каллиграфию (письмо); в четырех правилах арифметики Сережа также отличился. Необходимо, впрочем, заметить, что экзамен происходил на квартире у директора, а не в самой гимназии, что весьма повлияло на успешность ответов, так как мальчик не мог быть смущен новизной обстановки.

После такого успешного начала дело не сразу пошло на лад. Наши закрытые учебные заведения и в настоящее время оставляют желать многого. Сереже, ослабленному продолжительной болезнью, привыкшему к жизни на полной свободе и материнскому уходу, суровая казарменная жизнь по часам, подчинение дисциплине пришлись очень тяжело. К довершению всего этого главный надзиратель казанской гимназии невзлюбил мальчика. Словом, начало гимназической жизни не предвещало ничего хорошего. Все это повело к тяжелой нервной болезни Сережи.

Когда мать получила известие о болезни сына, она ни перед чем не затруднялась, чтобы его спасти. Она приехала в гимназию из деревни ранней весной, причем ей приходилось с опасностью для жизни перебираться через реки, готовые тронуться (см. рассказ выше), а когда приехала, неустанно хлопотала о том, чтобы ей возвратили сына. Хлопоты эти увенчались успехом, и мать увезла Сережу в деревню, где он пробыл целый год, пользуясь полным отдыхом и свободой.

Этот год содействовал укреплению его здоровья и сил, а когда он вернулся в гимназию, то жил на частной квартире у одного из учителей, под надзором которого и продолжал свое гимназическое образование. Много способствовало расширению его знаний чтение книг, которому он по-прежнему предавался со страстью, тем более, что он стал читать не что попало, а с разбором, так как начиная со средних классов его чтением стал руководить взявшийся за его воспитание Григорий Иванович Карташевский – высокообразованный человек, бывший тогда учителем Казанской гимназии, а впоследствии профессором Казанского университета и попечителем Варшавского учебного округа. На долю этого замечательного человека выпала задача закончить воспитание Аксакова и в значительной степени уравновесить его впечатлительную натуру.

94. Бианка Кастильская, мать французского короля Людовика IX

Сост. по книге «Матери великих людей» М.Блок

Мать Людовика IX, короля французского, прозванного за благочестие святым, Бианка Кастильская, была женщина замечательная как по своему возвышенному характеру, так и по силе своих умственных способностей. Она обладала всеми хорошими качествами сердца и ума. Родители дали ей тщательное воспитание: она изучала искусства и, главное, музыку, говорила по-испански, по-французски, по-английски и даже по-латыни, а этот язык, как известно, был в средние века языком всех ученых, а также высших слоев общества всей Европы. Кроме того, она была прилежна, трудолюбива и отличалась верностью и здравостью суждений. Храбрая, красноречивая, она имела все свойства государственного человека, соединяющего в себе силу духа с политическим умом. Сделавшись женой Людовика VII, сына Филиппа Августа, Бианка приобрела громадное влияние на мужа; она следовала за ним на войну и присутствовала в советах. Сам Филипп Август, отец ее мужа, прибегал к ее советам; оба они всецело вручили ей великое дело воспитания того, который впоследствии должен был сделаться королем Людовиком IX.

Бианка Кастильская сама воспитала сына для Франции. Она занялась и сердцем его, и умом, и старалась пробудить в нем два чувства, характеризующие все его царствование: страх Божий и любовь к обязанностям. Послушаем, что говорит историк Жуанвиль о первом из этих чувств: «Что касается его души, то Господь уберег его от зла с помощью благочестивых наставлений матери, научившей его веровать и любить Бога; она окружала его религиозными людьми и с детских лет водила на праздничные службы и проповеди. Он не раз припоминал слова матери, говорившей, что она предпочла бы видеть его мертвым, чем знать, что он совершил какой-нибудь смертный грех».

Эти слова были правилом жизни Людовика IX; он до конца дней своих оставался верен ее наставлениям. Окружая себя, как приучила его мать, религиозными людьми, он слушал их речи, внимая им с глубочайшим благоговением. Проснувшись утром, он быстро одевался и шел в церковь. Часто среди ночи он вдруг вставал с постели и отправлялся в часовню. В Великую пятницу он выстаивал службу с босыми ногами, а в Великий четверг сам мыл ноги нищим. Однажды он сделал замечание Сиру де-Жуанвилю, с наивной откровенностью сказавшему: «Я никогда в

жизни не стану мыть ноги этим негодяям». На это сын Бианки Кастильской заметил: «Вы не должны презирать того, что Бог создал для вашего поучения. Я прошу вас, из любви к Господу, а также из любви ко мне, приучить себя мыть ноги бедным».

Умирая, Людовик IX вспомнил уроки матери, научившей его считать проступок перед Богом самым ужасным из всех грехов, и, послав за старшим сыном, сказал ему следующие замечательные слова: «Дорогой сын, главный совет мой тебе: прежде и сильнее всего любить Бога».

Людовик был обязан своей матери не одними религиозными чувствами, сделавшими из него благочестивого, прозванного «святым»; но, имея в лице Бианки Кастильской преданную и верующую христианку, он пользовался также наставлениями, необходимыми государственному мужу. Она часто повторяла сыну, что король не должен посвящать все свое время молитве и отдыху, но должен заслужить бессмертие своими поступками. Она приводила ему в пример предшественников, оценивала их деяния, указывала на их качества и заслуги, на слабости и пороки, убеждала его не доверять лести, приучала слушать правду и внушала ему правила справедливости. Кроме того, она старалась привить своему сыну любовь к обязанностям и именно той наукой, которую по справедливости называют источником добрых свойств, осторожности, правил поведения, нравов и верных указаний истины.

Бианка Кастильская не ограничивалась воспоминаниями и суждениями о прошедших событиях; она беседовала с сыном о современном положении дел во Франции и в других государствах, поднимала в его присутствии серьезные вопросы о средствах государства и о нравах и характере народа. Она приучала его не только все знать, но судить, решать и, главное, приучала его к быстрому решению в важных случаях. Она учила его также хорошо выражаться, писать и заставляла записывать мудрые изречения, которые таким образом запечатлевались в его памяти. Ясно, что Бианка Кастильская была в этом отношении так же сведуща, как и наши учителя и родители, с юных лет дающие детям книги с описанием высоконравственных поступков, доставляя им таким образом полезное и приятное чтение.

К умственным занятиям сына Бианка Кастильская присоединяла всевозможные физические упражнения: он перепрыгивал рвы, взбирался на стены и не боялся ни дождя, ни ветра, ни бурь. Она любила деревенскую жизнь и часто, покидая двор, сама наблюдала за своими обширными поместьями и входила во все подробности хозяйства. Во время пребывания в деревне ее детей часто принимали за детей крестьян:

она заставляла их работать, и можно было нередко видеть, как дочь Бианки Кастильской с корзиной в одной руке и с ножом в другой срезала виноград, а брат ее, будущий Людовик IX, носил срезанный ей виноград. Королева внушала детям, что труд возвышает человека, в каких бы условиях он ни был, и мысль эту она доказывала им не одними словами, но и примерами. В их воспитании все было серьезно. Легкомысленные игры и бесполезные развлечения строго воспрещались. Очень часто во время прогулки молодой принц заходил в больницу, с ранних лет приучаясь таким образом утешать несчастных и помогать бедным. Нечего и говорить, что мать всегда сопровождала сына. Она постоянно следила за сыном, во всякое время дня и ночи входила к нему в комнату и прибегала, когда было нужно, к выговорам, а иной раз даже и к наказаниям.

Удивительно ли после этого, что воспитанный такой матерью и в таких правилах ребенок стал тем, чем он был впоследствии? Тот, который с юных лет проводил все праздники в посещении больниц, остался таким же, достигнув трона. Он основал немало благотворительных учреждений. Куда бы ни отправился Людовик IX, говорит его биограф (жизнеописатель), он везде отыскивал бедных сирот и давал им щедрую милостыню. В собственном дворце своем он кормил бедных, причем сам прислуживал им, разрезая хлеб и наливая вино, и не пропуская случая для милостыни. Слыша за это ропот окружающих, он говорил, что предпочитает тратить деньги на это, чем на удовлетворение своего тщеславия. Впрочем, он не сердился на подобные замечания, так как отличительной чертой его характера была любовь к правде, внушенная ему его матерью. Историк Жуанвиль рассказывает по этому поводу прелестный анекдот. Вернувшись из крестового похода, аббат (католический священник) Клюни подарил королю пару великолепных коней. На другой день аббат снова пришел во дворец для каких-то важных переговоров, и король долго и милостиво слушал его. Вслед за посещением аббата к Людовику вошел Жуанвиль и сказал:

– Мне хочется знать, Ваше Величество, почему вы слушали аббата Клюни так благосклонно? Не потому ли, что он подарил вам пару коней?

Король подумал несколько минут и отвечал:

– Да, поэтому.

– Знаете ли, Ваше Величество, зачем я вам задал этот вопрос?

– Зачем?

– Затем, что я хочу посоветовать вам запретить судьям брать подарки с истцов, так как они будут слушать благосклоннее тех, с которых что-нибудь получат, как вы сейчас слушали аббата Клюни.

Ученик Бианки Кастильской ясно обрисовался в лице монарха, чистосердечно признавшегося в том, что он благосклоннее выслушал просителя, от которого принял подарок, и не рассердился на сделанное ему по этому поводу замечание. «Мне приятнее было бы видеть тебя мертвым, чем знать, что ты совершил большой грех», – часто повторяла ему мать. Сам же он впоследствии говорил своему сыну: «Я предпочел бы, чтобы какой-нибудь шотландец пришел править Францией, чем видеть, что ты дурно управляешь страной».

Было бы излишним напоминать читателям о других качествах души Людовика IX. Всем известен знаменитый венсенский дуб, у подножия которого любил сидеть король. Туда стекались все его подданные, начиная с самых беднейших, и могли говорить с ним без стеснения, не боясь привратников и других. Он терпеливо выслушивал всякого, пришедшего к нему, помогал одному, утешал другого, и никто не уходил от него, не получив облегчения словом или делом. Мы видим здесь полное развитие и применение тех высоких качеств, которыми король был обязан своей матери.

Следует заметить, что Бианка Кастильская занималась воспитанием не только Людовика, но и других детей своих. Дочь ее Изабелла получила воспитание, равное брату; она свободно читала по-латыни и была одарена редкими умственными способностями. Бианка Кастильская посвящала свое время и заботы также и ей. Однажды, когда молодая девушка восхищалась красотой своей руки, Бианка, войдя в комнату, обратилась к ней с такими словами: «Рука твоя тленна; заботься о красоте душевной, и только тогда ты будешь жить в памяти людей». Она никогда не пропускала случая дать детям умный совет или нравоучение. Ни одна королева не понимала лучше своих материнских обязанностей и не исполняла их с большей деятельностью. Редко также можно встретить мать, которая бы лучше понимала обязанности королевы и выказала бы больше энергии и достоинства. Бывши регентшей (правительницей), она любила говорить, что самым почетным званием ее во время регентства было звание матери, естественной воспитательницы своих детей.

Во время своего путешествия Людовик узнал о смерти своей матери. Горе его было так сильно, что он впал в совершенное уныние. «Он так страдал, – пишет историк Жуанвиль, – что два дня ни с кем не говорил. После этого он прислал за мной одного из слуг своих и, завидев меня издали, простер руки и воскликнул: «Ах, я потерял мать!» Сколько сожаления и похвалы слышится в этом восклицании. Он потерял в ней не одну лишь мать, но также преданного и опытного друга и, говоря словами

знаменитого писателя, «поддержку, друга и пример».

95. Елизавета Кодвейс, мать великого немецкого поэта Шиллера

Сост. по книге «Матери великих людей» М.Блок

Елизавета Кодвейс (так звали мать великого Шиллера) была дочерью сельского трактирщика, но низкое происхождение не помешало ей приобрести хорошее образование. С помощью чтения она развила свой вкус и достигла обширных знаний по литературе.

В двадцать шесть лет она сделалась женой брадобрея (цирюльника) Жана Гаспара Шиллера. Занятие его было не особенно прибыльно, и молодая чета еле сводила концы с концами, особенно когда рождение первого ребенка увеличило домашние расходы. Тогда Жан Гаспар решился поступить в полк, чтобы добывать своим ремеслом больше средств для семьи. Новая служба позволяла ему лишь изредка видаться со своими домашними. Он находился в Богемии в то время, когда жена его родила сына Фридриха, который должен был впоследствии сделаться гордостью семьи.

Белокурый, голубоглазый Фридрих был живым портретом матери; он отличался любознательностью, ясным умом и вместе с тем добрым и нежным сердцем. Мальчик начал лепетать первые слова, сидя на коленях матери; она же научила его читать и писать и затем поручила его попечению пастора (немецкого священника), продолжая в то же время по-прежнему заниматься воспитанием сына. К чести ее надо сказать, что она обладала даром, составляющим цель и стремления многих знаменитых педагогов (воспитателей), а именно даром заинтересовать, увлекать и передавать знания как бы шутя. Проследим занятия этой нежной и преданной наставницы с ее учеником. Иногда она рассказывала ему библейскую историю, которую ребенок слушал с легким волнением; в другой раз развлекала его одним из наивных и чудных преданий, с древних времен сохранившихся в воспоминаниях германского народа, или же заставляла его читать вслух лучшие места из сочинений ее любимых поэтов.

Такого рода ученье не имело в себе ничего скучного и сухого, что так часто отбивает у детей охоту учиться.

Чтобы убедиться в том, какое впечатление производит на детские умы этот способ преподавания, следует послушать самого Шиллера. Вот что он говорит: «Однажды, когда мы шли с матерью к бабушке с дедушкой, она повела нас через горы. Это было в понедельник на Святой. Во время

прогулки она рассказала нам историю двух учеников, встретившихся Иисусу Христу по дороге в Еммаус. Речь ее с каждой минутой становилась все оживленнее, и когда мы взошли на вершину горы, волнение наше достигло таких размеров, что мы упали на колени и стали молиться Богу».

Одной из главных черт Шиллера были доброта и желание помогать бедным и быть полезным для ближних. Он любил раздавать все свое имущество, не исключая книг и одежды. Однажды отец заметил, что вместо застежек, которые сын обыкновенно носил на башмаках, у него были простые шнуры. Тогда он спросил его о причине такой перемены. «Я отдал мои будничные застежки бедному мальчику, – отвечал Шиллер, – он будет надевать их по праздникам, а у меня есть другая пара застежек для воскресных дней». Этот поступок делает честь великому поэту. Впрочем, он следовал в этом лишь советам родителей, которые славились своей добротой.

Память о матери всегда жила в сердце Шиллера, и он не пропускал ни одного случая, когда мог высказать ей свою любовь и признательность. Он думал о ней, когда писал свою прекрасную поэму *"Колокол"*. В этой поэме есть трогательное место, посвященное матери семейства, преданной и благочестивой женщине; место это написано не столько гениальным писателем, сколько полным нежности сыном. Припомним, в каких выражениях Шиллер обращается к сестре, узнав о болезни матери. Находясь вдали от родных и будучи не в силах двинуться с места вследствие своего нездоровья, он торопил сестру ехать к матери, предлагал взять на себя все путевые издержки и умолял ее не жалеть ничего, чтобы облегчить и подкрепить родную мать. При этом он уверял ее, что у него хватит средств на все, и горестно восклицал: «Добрая маша мать! Я не могу подумать о ней без волнения!»

Позднее, когда он имел несчастье потерять отца, первая мысль его была о матери. Он писал ей следующие трогательные письма: «Дорогая матушка! Я хочу, чтобы у тебя было все, что может сделать твою жизнь сколько-нибудь приятной. Отныне я буду наблюдать за тем, чтобы тебя не коснулись никакие заботы. После стольких испытаний закат твоих дней должен быть ясен, и я надеюсь, что ты еще поживешь не один счастливый день в кругу своих детей и внучат».

Эти несколько строк вполне оправдывают слова г-жи де Сталь: «Шиллер был восхитителен не только своими дарованиями, но также и добродетелями». Превосходная мать его в последнюю минуту жизни думала о сыне и с волнением говорила ему: «Такого другого сына, как ты, нет на свете!» К нему же она обратила свое последнее прости, сказав: «Бог

да благословит тебя, мой сын!»

96. Домиция Луцилла, мать Марка Аврелия, римского императора

Сост. по книге «Матери великих людей» М.Блок

Отец Марка Аврелия умер очень рано, поэтому его воспитывала мать, Домиция, очень заботливо относившаяся к нему. Сама она была прекрасно воспитана, благочестива и любила делать добро. Кроме того, она отличалась необыкновенной скромностью. Характер же ее был мужественный и решительный.

Нежная и благоразумная мать старалась показывать только хорошие примеры своему сыну. Она обращала особенное внимание на тех, кто окружал сына и в чьем обществе он находился. Она даже не хотела посылать его в школу, а воспитывала дома, пригласив для этой цели самых лучших учителей. Образование давалось юноше разностороннее и полное для того времени. Получая образование у избранных учителей, Марк Аврелий делал очень быстрые успехи.

Марк Аврелий был воспитываем очень скромно. Еще двенадцати лет он относился с презрением к пышным одеяниям, носил плащ из грубой шерстяной материи, спал на досках, предпочитая такую постель всякой другой. Его добрая мать требовала, чтобы он смягчил свой строгий образ жизни, и с трудом достигла того, что он согласился ложиться на звериные шкуры.

Зато с ранних лет наш молодой герой был степенен и строг. Его любовь к правде в юные годы была так велика, что, по примеру грека Аристида, он даже в шутку не прибегал ко лжи.

Только в одном направлении приходилось порицать Марка Аврелия в молодости. Но не торопитесь высказать свой приговор, молодые читатели! Как много матери сочли бы себя счастливыми, если бы их дети страдали этими же недостатками! Нужно было подавить у образцового ученика слишком большую любовь к труду и слишком страстное отношение к занятиям. Его прекрасная мать боялась, чтобы он не надорвал своего здоровья, и без того слабого; а его воспитатель должен был ссориться с ним, чтобы заставить его отдыхать. Марк Аврелий вставал в четыре часа утра. Даже будучи императором, он остался верен своей привычке. Чтобы приободрить себя, он часто повторял следующую фразу: «Если тебе трудно утром встать, скажи себе тотчас: я пробуждаюсь, чтобы взяться за дело, достойное человека. Неужели я рожден был для того, чтобы нежиться в теплой постели»? Многим ученикам и даже взрослым полезно

иметь перед глазами это изречение великого императора.

Однако несмотря на то, что Марк Аврелий был таким серьезным в молодости и что его образованием руководили лучшие учителя того времени, о материнских наставлениях он сохранил самое отрадное воспоминание. Хотя при нем состоял заслуженный профессор философии, мать сама занималась его нравственным воспитанием и развила его прекрасные задатки. Разговоры с матерью и частые беседы с ней оставили глубокие следы в молодой душе и имели самое благотворное влияние на этого последнего из рода Антонинов. Он чувствовал себя приятно только около той, которую называл своей мамочкой.

Он с благородной простотой сознается, что, начертав себе план поведения, он не имел другого намерения, как только подражать матери. Он говорит, что не только остерегается совершать дурные поступки, но даже в помыслах их допускать не желает, следуя и в этом примеру своей матери. Когда же речь заходит о почитании божества, о великодушном отношении к людям, о простоте и воздержности в жизни, опять образцом для него служит мать. Она же внушила ему правила благотворительности. «Благочестивая женщина, добродетельная», – вот как он называет ее.

97. Алиса де Руа, мать знаменитого поэта Ламартина

Сост. по книге «Матери знаменитых людей» М.Блок

Алиса де Руа была дочерью де Руа, главного управляющего финансовыми (т. е. денежными) делами герцога Орлеанского. Она получила прекрасное образование от своей матери, женщины очень достойной, у которой собирались самые образованные люди того времени. Г-жа Ламартин была добра, обладала мягким характером, умела жертвовать собой и вообще отличалась возвышенной душой. Она проводила целые часы в молитвах. Все это должно было повлиять на великого писателя. Г-жа Ламартин очень мало заботилась «о том, что называется образованием», говорит поэт; она не стремилась сделать из своего сына не по летам развитого ребенка; она не торопилась поручить его иностранным учителям и наполнить его голову классическими языками. Прежде всего она хотела сделать из него «счастливого ребенка, здравомыслящего и с любящим сердцем». Знаменитый писатель с удовольствием сообщает нам, что он многому учился в молодые годы, «ни разу не сморщив лба». Он читал, писал, занимался, играя в саду, сидя на коленях своих родителей. Он очень любил читать, но мать сдерживала его нетерпеливое желание все знать, хотя охотно давала любознательному мальчику книгу по собственному выбору и подходящую для его возраста. По вечерам отец читал вслух какую-нибудь прекрасную трагедию или поэму, мать слушала, глубоко взволнованная; ребенок же воспринимал все впечатления матери и сохранил о ней прочное воспоминание. Но еще сильнее сохранилось в его душе воспоминание о «постоянном общении с природой» в обществе детей его возраста, когда он принимал участие во всех деревенских работах и выгонял на луг коз и баранов. Вечером мальчики пригоняли стада в деревню с криками и песнями, после чего дети плясали, водили хоровод на покатой лужайке, жгли потешные огни и, спускаясь с косогора, смотрели, как они медленно догорали. Прибавьте ко всему этому удовольствие, которое соединялось с жатвой, с уборкой винограда, прогулки «среди зеленых полей и веселых берегов реки Сены», и тогда вы поймете слова Ламартина, что «никто никогда не был воспитан так близко к природе и не полюбил так в юные годы деревенскую жизнь».

Но что особенно поражает в его воспитании – это влияние, которое имела мать на поэта. «Я черпал в душе моей матери», – говорил он. В авторе, написавшем такие превосходные страницы, нетрудно узнать мальчика из деревни Милли, который, гуляя с матерью по деревне, вместе

с ней восхищался красивыми пейзажами и сосредоточенно слушал «прекрасные толкования», которые она давала о чудесной природе. «Без нее я даже по складам не мог бы разобрать вселенную, находившуюся перед моими глазами; она давала мне возможность все угадывать».

Постоянной заботой г-жи Ламартин было направлять мысли своих детей к Богу. Говоря про свои молодые годы, поэт часто повторяет, что при самых незначительных обстоятельствах их жизни они читали молитву. Только не подумайте, чтобы мать для этого прибегала к строгостям, как это иногда делается в других семьях; дети исполняли ее желание добровольно, без отвращения. Послушайте, что говорит поэт: «Когда мы просыпались в наших кроватках, веселое утреннее солнышко уже сверкало в окна, птички щебетали на розовых кустах и в клетках, шаги прислуги давно уже раздавались по дому, мы с нетерпением ждали появления матери, чтобы начать одеваться. Она входила с лицом, на котором всегда светились доброта, ласка и сердечная радость; перецеловав нас всех, она помогала нам одеваться и слушала нашу веселую детскую болтовню. Фантазия детей освежалась, они, проснувшись, щебетали, как ласточки в своих гнездышках под крышами, когда к ним подлетает мать. Затем она обращалась к нам с следующими словами: «Кому мы обязаны тем счастьем, которым мы пользуемся? – Богу. Если бы не Он, солнышко не взошло бы, листья попадали бы с деревьев, веселые птички умерли бы от холода и голода и земля оголилась бы. Вы же, мои бедные дети, вы бы не имели ни кроватки, ни дома, ни сада, ни матери, чтобы приютить вас и накормить. Справедливость требует поблагодарить Его за все то, что Он послал нам сегодня, и просить Его дать нам еще много таких дней». Затем, встав на колени перед кроватью, сложив наши руки и держа их в своих, она иногда целовала нас и медленно, вполголоса, читала коротенькую утреннюю молитву, которую мы повторяли за ней, стараясь подражать выражению ее голоса. После молитвы мать читала нам что-нибудь нравоучительное; по вечерам после ужина она собирала в гостиной всю прислугу и даже крестьян из ближайших деревень, наиболее дружески расположенных к нашему дому, и читала несколько назидательных отрывков. Одному из детей поручалось в свою очередь прочитать небольшую молитву за путешествующих, бедных и страждущих. Если же предпринималась дальняя прогулка в прекрасный летний день и если молодое воображение детей поражалось, останавливаясь перед прекрасным, пенящимся широким водопадом или перед закатом солнца, когда лучи его блестяще освещают группу облаков необыкновенных форм, наша мать редко пропускала случай, чтоб не заставить нас вознестись

душой к Тому, Кто был Творцом всех этих чудес. Сколько раз, гуляя с нами в летние вечера по окрестности деревни, где мы рвали цветы или собирали блестящие камешки в ручейках, она сажала нас у подножия ивы и беседовала с нами с сердцем, переполненным набожным энтузиазмом, о этой чудной вселенной, которая очаровывала наши глаза и сердца».

Но не только религиозные чувства мать желала внушить своим детям. Ламартин говорит, что она старалась сделать его добрым и правдивым и подавала ему пример безграничной преданности. Она постоянно посещала бедных и больных, помогала им, приносила лекарства, перевязывала им раны. Она немного знала медицину, и к ней стекались больные, прося помочь им. Дети сопутствовали матери во время ее посещений больных, несли им корпии, старое белье, несколько бутылок старого вина, белый хлеб и бульон. Они входили в самые бедные жилища, садились на кровать и облегчали им страдания. Ребенок сообщает, что он сам не раз видел, как его мать, войдя в клеть, утирала собственной рукой холодный пот, выступивший на лбу умирающего, старалась утешить его как могла и окружить последними заботами.

98. Христос и дети

А.Лаврова
Отвсюду толпы матерей
Несли к Спасителю детей,
Чтоб Он коснулся их. И много
Детей бывало тех, а Он
Трудами дня был утомлен.
И вот детей, порою строго,
К нему Его ученики
Не допускали до порога.
Но Он движением руки
Привесть детей им приказал
И, негодуя, им сказал,
Что в Царство Божье в целом свете
Войдут лишь те, кто был, как дети,
Страстей не зная за собой,
Чист кротким сердцем и душой.
И что детям нельзя мешать
К Нему идти, Его искать...
И, так сказав, Источник сил,
Детей обняв, благословил.

99. Благотворность молитв родителей о заблудших детях

По «Прологу»

От дурного поведения детей страдают многие родители. Особенно в настоящее время часто приходится видеть, что дети или неповиновением, или безбожием, или нечестием наносят жестокие раны сердцу родителей и доводят последних до того, что они приходят в уныние, не зная, как обратить заблудших детей на путь истины. «Все меры, – говорят несчастные родители, – употребляли, чтобы исправить сына или дочь, ничто не помогает. Наказал нас Бог!» Последнее, конечно, правда, ибо дурное поведение детей есть, действительно, наказание Божие; но отчаиваться в исправлении детей никогда не должно. Вы, говорите, испытали все средства: какие? Вразумление, наказание, мольбы и т. п. И только? – Да. – Ну, так средства не все. Вы забыли главное – молитву. Если ничто не помогает, как говорите вы, то обратитесь к ней. Будьте уверены, что она послужит весьма сильным средством к исправлению детей ваших и к вашему утешению.

Святой мученик Миракс, родом из Египта, был сыном христианских родителей, которые воспитывали его в христианской вере и благочестии. Но враг рода человеческого смутил его. Он явился однажды к агарянскому князю Амире, публично отрекся от Христа, попрал крест и сделался магометанином. Увещания родителей не повели ни к чему: отступник-сын не бросал заблуждения и остался в зловерии.

Однако родители его не отчаивались в его обращении и день и ночь молились Богу о спасении погибшего. Что же? Молитва их не осталась напрасна. Благодать Божия коснулась сердца грешника, и Миракс раскаялся. Пришедши раз к родителям, он сказал: «Родители! Помрачился я умом и согрешил тяжко. Но что делать? Что прошло, того ведь не воротишь; по крайней мере, хочу хоть отсель раскаяться и сделаться опять христианином». «Чадо, – отвечали ему отец и мать, – день и ночь мы молились о тебе, и вот услышал нас Господь. И ныне благодарим Господа, что Он призрел на нашу мольбу и обратил сердце твое к Себе. Но что делать теперь? Ты знаешь, насколько жесток агарянский князь и как жестоко поступит с нами, когда узнает, что мы содействовали твоему обращению к Христу. Поэтому поди сам к князю и сам заяви о своем обращении. Мы же снова будем молиться, чтобы Господь сотворил с тобой по милости Своей и поспешествовал тебе во благое». Миракс не

задумался, пошел к князю, проклял агарянскую веру и исповедал Христа. Преданный на мучения, он мужественно перенес их и наконец, усекнутый мечом, принял венец мученический.

Итак, в виду этого примера, не забывайте, родители, что, если вы сами не сильны исправить своих детей, то силен по молитвам вашим восставить их от падения Бог. Отчаянием или ахами да вздохами, сами знаете, делу не поможешь, а молитва благотворна всегда. Значит, к ней и прибегайте и печаль свою всю на Бога полагайте. Он, приходивший не праведников спасти, а грешников погибающих, услышит вопль ваш и заблудших чад ваших обратит на путь истины. Он и не сущая творит яко сущая, и последних часто творит первыми. Значит, и убиваться много нечего.

100. Могущественное средство для воспитания детей

Протоиерея Иоанна Сергиева

Если хочешь исправить кого от недостатков, не думай исправить его одними своими средствами: сами мы больше портим дел своими собственными страстями, например гордостью и происходящей оттуда раздражительностью; *но возверзи печаль на Господа* (Пс. 54:23) и помолись Ему, *испытывающему наши сердца и утробы* (Пс. 7:10), от всего сердца, чтобы Он Сам просветил ум и сердце человека; если Он увидит, что молитва твоя дышит любовью и исходит от всего сердца, то непременно исполнит желание твоего сердца, и ты вскоре же скажешь, увидевши перемену в том, за кого молишься: сия измена десницы Вышнего (Пс. 76:11).

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

101. Будет ли награда в загробной жизни матерям, воспитывающим детей своих в благочестии?

Сост. по «Поуч.» протоиерея Гурьева

Вам известны, конечно, жены-христианки, такие из матерей, которые, воспитавши в благочестии своих детей, пожинают плоды своих трудов еще при жизни и доживают до того времени, когда дети их, выросши, становятся примерными христианами, верными слугами царя и Отечества, прекрасными людьми в семье и кормильцами и опорой своих матерей в старости. Бесспорно, что и это великая награда таким матерям. Но тут вот какой является вопрос: получат ли они награду за благочестивое воспитание детей в будущей жизни? И в благочестии воспитанные ими дети их заплатят ли им чем-либо за их труды и заботы о них в загробном мире? Как решить эти вопросы? Решим при помощи примера.

Святая Марфа, память которой Святая Церковь совершает 4 июля, имела единственного сына Симеона, воспитала его, как сказано в житии ее, «со всяким опасством», и Бог привел ей при жизни порадоваться на святую и богоугодную жизнь сына. Но вот наступило для Марфы время отшествия ее в мир горний, и тут, за день до кончины своей, она удостоилась следующего видения.

Представилось ей, что она восхищена была на высоту небесную, и там увидела она дом пречудный и светлый, которого красоты и передать невозможно. И когда она ходила в доме том и удивлялась чудному устройству его, вдруг увидала Пресвятую Богородицу с двумя пресветлыми ангелами, Которая сказала ей: «Что удивляешься?» Марфа, с благоговением поклонившись Матери Божией, отвечала: «Удивляюсь потому, Владычица, что такого чудного дома во все дни жизни моей на земле не видала». Тогда Царица Небесная сказала: «Как ты думаешь, кому этот дом уготован»? «Не знаю, Госпожа», – отвечала Марфа. Пречистая продолжала: «Знай, что этот покой тебе уготован, и этот дом создал для тебя твой сын, и ты в нем во век пребудешь». После этого, по повелению Владычицы, ангелы поставили престол дивный, и Матерь Божия продолжала: «Сия слава тебе дается за то, что ты в страхе Божием и богоугодно жила. Но хочешь ли видеть здесь и еще славнейшая места»? И сказавши это, велела Марфе следовать за Собою. И вывела ее Царица Небесная на высочайшие небесные места и показала ей еще наичуднейший и наисветлейший, несравненно против первого, дом, красоты которого ни ум человеческий постигнуть, ни язык чей-либо изречь не может. Тут

Матерь Божия и еще сказала: «И этот дом создал сын твой, да еще и третьему положил основание». Через день после этого блаженная Марфа скончалась.

Итак, жены-христианки, знайте, что матери, в благочестии воспитывающие своих детей, не только в этой, но и в будущей жизни будут награждены за свои труды и заботы о детях, и сами дети их, взращенные ими в благочестии, заплатят им там за их попечения о них. А зная это, и сами усугубите свою ревность о воспитании чад ваших и, преуспевая сами в добродетели, приучайте к ней и детей своих.

102. Пословицы духовно-нравственного характера

О промышлении Божием о людях.

Все мы под Богом ходим.

А что ж наша доля, как не Божья воля!

Человек ходит, Бог водит.

Не конь везет, Бог несет (потому-то и спрашивают на дороге: куда Бог несет?)

За Христом пойдешь, добрый путь найдешь.

Грозную тучу Бог пронесет.

Никто не может, так Бог поможет.

Кабы не Бог, кто бы нам помог?

Кто к Богу, к тому и Бог.

С Богом хоть за море, а без Бога ни до порога.

Дает Бог с неба довольно хлеба.

Плывем по реке, а живот в Божией руке.

Пущен корабль на воду – сдан Богу на руки.

Быть худу, да Бог не велел.

Силен враг, да милостив Бог.

Человек нагрешил, а Бог заступил.

О милосердии Божием.

Богат Бог милостию.

Бог не убог; у Бога милости много.

Божья любовь безгранична – Божья любовь не человеческой чета.

Всяк про себя, а Господь – про всех.

Любовь человеческая себя любит, а Божеская – друга.

Люди с лихостью, а Бог с милостью.

На всяку долю Бог посылает.

За вдовою и Бог с сумою. За сиротою – Бог с калитою.

Не так отец до детей, как Бог до людей. (У пророка Исаии есть выражение еще сильнее: «Забудет ли женщина грудное дитя свое?.. Но если бы и она забыла, то Я не забуду»). Голенький – ох! А за голеньким Бог.

Дитя падает – Бог перинку подстилает. Оно Бога не знает, а Бог его любит.

Простачкам – Бог опекун.

Бог найдет и в люди выведет.

Твори Бог волю Свою!

О душе человека.

Душа – Божья.

Душа дороже всего.

Руку, ногу переломишь – сживется; а душу переломишь, не сживется.

Не криви душой: кривобок на тот свет уйдешь.

Душа душу знает; сердце сердцу весть подает.

Хоть изба елова, да душа здорова.

Бог души не возьмет, сама не выйдет.

Чужая душа – потемки.

О вере.

С верой нигде не пропадешь.

Веру к делу применяй, а дело к вере.

Без веры Господь не избавит, без правды не исправит.

Без веры живут на этом свете, а на том не проживешь.

Кто без крестов (без нательного креста или без скорбей), тот не Христов.

От Бога отказаться – к сатане пристать.

Отпал бес от веры, не познавши своей меры.

О молитве.

К вечерне в колокол – всю работу об угол!

Не хлебом живи, а молитвою.

Молитва – полпути к Богу.

Короткая молитва *Отче наш*, да спасает.

Не для Бога молитва, а для нашего убожества.

Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы.

Что бы ни пришло, все молись.

Всяк крестится, да не всяк молится.

Молитва без любви не бывает услышана.

Молись, а злых дел берегись.

Дома спасайся, а в церковь ходи.

Кто Богу угоден, тот и людям приятен.

То не спасенье, кто пьян в воскресенье.

Когда придет тревога, поневоле ухватишься за Бога.

Нужда научит Богу молиться.

Кто на море не бывал, тот досыта Богу не молился.

Отдел четвертый. Святые девы и жены

1. Земная жизнь Пресвятой Богородицы как высочайший образец совершеннейшей христианской жизни, в особенности для женщины

По «Воскресному чтению»

Незадолго до Рождества Христова в Назарете, галилейском городе, жила благословенная Богом семья – Иоаким и Анна, происходившая из древнего царственного дома Давидова. Святая чета жила в изобилии, потому что Иоаким был человек богатый. Но не богатство, а высокое благочестие сделало эту чету достойной особенной милости Божией. Предание свидетельствует, что вся жизнь Богоотцев Иоакима и Анны проникнута была духом благоговейной любви к Богу и милосердия к ближним. Но было у них горе, которое делало их жизнь безотрадной: прошло более пятидесяти лет их брачной жизни, а они не имели детей. И в наше время горько бывает бездетным людям под старость, а у евреев бесплодие считалось прямым неблагословением Божиим, и бездетных людей обыкновенно презирали как больших грешников. Много и долго молились Иоаким и Анна о разрешении их от неплодства, наконец дали обещание, если Господь окажет им Свою милость, посвятить своего младенца Богу. Молитва их была услышана. Бог даровал им Дочь, которую назвали Марией.

Недолго оставалась Пресвятая Мария в доме своих родителей. Когда Ей исполнилось три года, благочестивые родители Ее поспешили исполнить обет, данный еще до рождения их возлюбленной Дочери. Ни привязанность родительского сердца, ни страх, внушаемый слабостью возраста и пола, ни тяжесть собственного одиночества в летах глубокой старости – ничто не поколебало решимости Иоакима и Анны. И вот они пригласили к себе всех своих сродников, созвали юных девиц, одели Пресвятую Дщерь в лучшие одежды и торжественно повели Ее в храм Иерусалимский. И вышли на сретение Деве-младенцу священники, служившие при храме; с песнопениями встретили они будущую Матерь Архиерея Великого – Господа Иисуса Христа. Святой священник Захария как пророк прозревал духом в этом обстоятельстве будущую судьбу Девы-младенца; он взял Ее за руку и, радуясь душой, пошел с Ней сначала во святилище, а потом в самое внутреннее отделение храма, во святая святых, за вторую завесу, куда не только женскому полу, но даже и самим священникам не позволено было входить: только один первосвященник, и

притом один только раз в год, мог входить туда с жертвенной кровью. Принесли святые родители при этом и дары Богу, жертвы благодарственные, и, получив благословение от архиерея и от всех иереев Божиих, возвратились в дом свой со всеми родственниками. Они радовались и благодарили Бога, сподобившего их исполнить обет свой. Пречистая Дева осталась при храме Божием. Утро проводила Она в сердечной молитве, день – в рукоделии и чтении Священного Писания, а вечер опять посвящала молитве. Самыми высокими добродетелями Ее были невообразимая чистота мыслей и чувств, необъятное смирение и всесовершенная преданность воле Божией.

Проживши девять лет при храме беспечально, Дева Мария на десятом году жизни в храме узнала первую земную скорбь: Она лишилась престарелых родителей. По смерти их Она всем сердцем Своим предалась Единому Богу и решилась всю жизнь Свою провести в присутствии Божием, под кровом храма. Но вот Ей исполнилось четырнадцать лет. Священники, зная Ее беспримерную жизнь, обручили ее Иосифу, святому старцу, с тем, чтобы он в доме своем был хранителем Ее девства. Иосиф жил в Назарете, потому что здесь он находил более возможности пропитывать себя плотничьим ремеслом. Пресвятая Дева Мария и в его доме, вспомоществуя содержанию его Своими женскими трудами, продолжала божественные упражнения, с которыми освоилась в младенчестве. Предание говорит, что Она однажды читала книгу пророка Исаии и остановилась на словах: «се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (с нами Бог) (Ис. 7:14). Она размышляла: «Как блаженна будет та Дева, которая удостоится быть Матерью Бога! И как бы я хотела быть последней служанкой при Ней!»

В это время Ей явился ангел Господень и возвестил о рождении от Нее Сына Божия.

По рождении Богомладенца Она, Ее и Божий Сын, а также Иосиф должны были бежать из своего отечества в Египет, чтобы скрыться от Ирода, царя иудейского, искавшего убить Младенца Иисуса. В Египте Святое семейство оставалось до смерти Ирода. Когда же он умер, Иисус, Мария и Иосиф возвратились в свою страну и поселились опять в городе Назарете. Здесь и праведный Иосиф вскоре умер. Теперь Богоматерь всецело отдалась заботам о Богомладенце.

Ничто лучше не доказывает смирения и кротости Божией Матери, как совершеннейшее молчание Ее во все время служения Иисуса Христа роду человеческому. Но Она, несомненно, когда Иисус Христос вышел на проповедь и обходил села и города Святой Земли, не оставляла Его и

ходила за Ним. Один раз мы видим Ее на браке в Кане Галилейской, испросившей у Иисуса Христа первого Его чуда – претворения воды в вино. Для Нее было радостью, когда народ слушал учение Иисусово; но часто материнское сердце Ее должно было страдать при виде тех гонений, которым беспрестанно подвергался возлюбленный Сын Ее. Ничто, однако же, не может сравниться с теми страданиями, какие Пречистая Матерь переносила в последние дни земной жизни Иисуса Христа.

Сколь велики были страдания Пречистой Матери, когда Святейший Праведник, пришедший спасти мир, осужден был на крестную смерть! Невыразимо тяжко было для Ее сердца услышать, что возлюбленный Сын Ее предан Его же апостолом, льстецом Иудой, взят врагами из Гефсиманского сада и приведен на допрос первосвященника и старейшин. Не видя Иисуса, Святая Матерь Его еще более печалилась неизвестностью Его положения. Каковы же были чувства Ее, когда Она увидела Сына Своего, представленного Пилатом народу, окровавленного, обезображенного, покрытого ранами и облеченного в одежду поругания, с терновым венцом на главе! Удрученная тяжким горем, Она стояла близ дома Пилатова и с трепетом сердечным выжидала окончания страшного судилища. И вот Она услышала приговор Пилата и увидела поднятие тяжелого креста, который Спаситель должен был нести на Себе до места казни с тем, чтобы быть там пригвожденным к нему. Кто может изобразить чувства Святой Матери, когда Она убедилась, что Единородный Сын Ее приговорен к распятию на кресте?

Как была чиста и чудесна жизнь Пресвятой Богородицы, так чудесно было и Ее успение. Она не умерла, но уснула, для того, чтобы пробудиться для жизни вечной и для вечного блаженства. Потому смерть Ее мы называем успением, то есть сном.

Из представленного изложения земной жизни Богоматери можно усмотреть, что нет такой христианской добродетели, которая не нашла себе образца в жизни и характере Матери Божией... Душой глубоко верующей преклонимся пред несравненным величием смиренной Девы Марии – Богородицы, честнейшей херувимов и славнейшей без сравнения серафимов.

2. Иверская икона Богоматери

Из журнала «Кормчий»
Прошло два века с половиной,
Как златоглавая Москва
С Афона присланной святыней
Хранима дивно и жива.
Угодно Деве Преблаженной
Град русский было посетить;
В нем благодатью сокровенной
И чудодействовать, и жить.
Угодно было Ей болящим,
Обремененным и скорбящим
Себя как бы живой явить.
Ликуй, Москва и вся Россия!
Ликуйте все: и млад, и стар!
Ликуйте, знатные, простые,
Имея столь великий дар!
В печалях вы не унывайте,
В недугах не изнемогайте,
Зане[68] Владычица средь нас.
К Ней с верой твердой прибегайте,
Пред Ней моленья изливайте
И каждый день и каждый час.
И верьте: в скорбях утешенье,
В болезнях ваших исцеленье
Она, Благая, ниспошлет,
И вас, рабов Своих смиренных,
В обителях благословенных
Пред вечным Сыном вспомянет.

3. Спасение от неминуемой смерти заступлением Богоматери

Из «Лавсаика»

Преподобный Палладий Александрийский однажды рассказал своим посетителям следующую повесть. Один известный ему благочестивый человек имел супругу, кроткую и благочестивую, и шестилетнюю дочь, которую воспитывал в благочестии и страхе Божием. Раз по торговым делам должен был он отправиться в Царьград. Жена, провожая его на корабль, между прочим спросила: «Кому на руки оставляешь меня и дочь твою?» – «Госпоже нашей Богородице», – отвечал отец семейства и, распростившись, отплыл.

Вскоре после того произошло покушение одного злодея на жизнь жены и дочери. Дело было так: диавол внушил слуге того благочестивого дома поднять руку на жизнь своей госпожи и, убив ее, похитить лучшие вещи и бежать; злодей взял из поварни нож и пошел в горницу; но едва он коснулся порога, вдруг поражен был слепотой и не мог двинуться ни взад, ни вперед. Долго усиливался он войти, но невидимая сила удерживала его. Безумец не познал здесь руки Промысла, пекущегося о всем мире и особенно о человеке: он хотел во что бы то ни стало осуществить мысль, внушенную ему диаволом. И вот он начинает кликать госпожу свою, приглашая ее подойти к нему. Удивилась госпожа та поступку слуги и не пошла на его зов, а приказала ему самому подойти. Слуга просил ее, чтобы приблизилась к нему или, по крайней мере, послала дочь свою; но она, хоть и не подозревала никакого злоумышления на жизнь свою и дочери, однако почему-то решила не идти, и на его просьбу отвечала отказом. И тогда злодей не образумился, но в отчаянии от того, что не мог исполнить своего злодейского поступка, поразил себя ножом... На крик госпожи немедленно собрались соседи; застав злодея еще в живых, узнали, что и как произошло. Все познали тогда в этом случае неисповедимые пути Промысла, прославили Бога и Заступницу верных Богородицу и Приснодеву Марию.

4. Лик Божией Матери в деревенской церкви

Чистякова

Из всех моих воспоминаний глубже и душевнее сохранилась у меня память о нашей деревенской церкви.

Стояла она на высокой горе, на берегу реки. Ее деревянная полинялая крыша имела вид чего-то необыкновенно простого и скромного; в ней памятны мне особенно две иконы: образы Спасителя и Божией Матери. Они были написаны не искусным художником, но в лицах их было столько святости, величия, что они невольно овладевали душой.

Родители мои были люди небогатые. Раз наше семейство постигло горе: отец, чтобы заработать что-нибудь должен был отправиться далеко в город месяцев на шесть. Почта к нам не ходила; известий о нем получать было нельзя. Это очень печалило мою мать. Она заболела и едва могла сходить с постели. На беду, заболел еще маленький шестилетний брат. Болезнь брата еще более увеличивала тоску и печаль матери.

Однажды она сказала мне: «Сходи в церковь, помолись за меня и за брата». Я пошел.

Церковь была полна народу. Крестьяне молились с благоговением. Мысль о том, что мать моя может умереть, глубоко взволновала меня. Я упал на колени и плакал. Глаза мои остановились на образе Божией Матери. В лице Ее мне показалось так много жалости и сострадания, что мне стало после этого очень легко, и я немного утешился.

В эти минуты вот что происходило дома: мать с рыданием припала к ребенку, прислушиваясь к его дыханию, но дыхания не было: оно остановилось. Мать вскрикнула и без памяти упала на пол. Тогда в полусне, но ясно, как наяву, к ней подошла величественная Женщина, положила на нее руку и сказала: «Не бойся, дитя твое не умрет!» То была Богоматерь в том виде и одеянии, как Она нарисована на иконе. Мать очнулась, открыла глаза, с тревогой и надеждой взглянула на дитя и увидала, что оно было живо.

Когда я вернулся из церкви, брату было лучше, и через несколько дней он уже мог ходить. Выздоровела и мать. Скоро и отец вернулся домой. В нашем семействе быстро водворилось прежнее спокойствие. Мы все отправились благодарить Божию Матерь за Ее попечение о нашем семействе.

5. При чтении «Жития святых»

А.Круглова
Сколько веры, сколько силы!
Духом плоть побеждена...
С этой верой тьма могилы
Человеку не страшна!
Благодатные примеры –
Эти светочи земли... О, хотя частицу веры
Их мне, Господи, пошли!

6. Святая мироносица равноапостольная Мария Магдалина

По «Воскресному чтению»

Когда Господь Иисус Христос ходил по Галилее, творя знамения и чудеса Божественной силой Своей, то к Нему приступила женщина, которую звали Марией Магдалиной, и молила Его о помощи. Господь изгнал из нее семь бесов и совершенно исцелил ее от болезни, которой она страдала. С этих пор благодарная Мария служила Господу, слушала Его учение и следовала за Ним до самой крестной смерти Его. Вместе с другими святыми женами она смотрела на страдания Христа и плакала о Нем. Она с Матерью Господа стояла у креста и видела, как положили Господа во гроб.

Святые жены, полные печали о смерти Господа, приготовили благовонное миро, чтобы, по обычаю иудейскому, помазать им тело Иисуса Христа, и по прошествии субботы рано поутру пошли ко гробу; но прежде всех, еще до рассвета, пришла Мария Магдалина и, к удивлению своему, увидела, что камень отвален и гроб пуст. Она поспешно побежала к Иоанну и Петру и сказала им: «Взяли Господа из гроба и не знаю, куда положили Его». Иоанн и Петр тотчас же пошли за ней и, войдя в пещеру, увидели, что тела Иисусова в ней нет и что в углу лежат одни пелены, которыми оно было обернуто. Они отошли; Мария же, оставшись у гроба, стояла и плакала. Наклонившись, она вдруг увидела двух ангелов в белых блестящих одеяниях, сидящих – один в головах, а другой в ногах, где лежало тело Иисусово. Они сказали ей:

– Жена, что плачешь?

– Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

Сказав это, она обратилась назад и увидела Самого Иисуса, но не узнала Его и подумала, что это садовник.

– Жена, – сказал Он ей, – о чем плачешь и кого ищешь?

– Если ты взял Его, – сказала она, – то скажи мне, куда ты Его положил?

– Мария! – сказал тогда Господь.

Тут только Мария узнала Его и воскликнула радостно:

– Учитель!

– Не прикасайся ко Мне, – сказал Господь, – но иди к братьям Моим и скажи им, что восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему.

Между тем и другие жены пришли ко гробу; с ними опять пришла и Мария Магдалина. Они увидели двух ангелов, которые сказали им:

– Что ищете живого между мертвыми? Нет Его здесь. Он восстал; идите и скажите ученикам Его и Петру, что Он воскрес от мертвых.

Исполненные радости и страха, жены-мироносицы отошли от гроба и на пути встретили Самого Христа, Который сказал им: «Радуйтесь». Они пали к ногам Его и поклонились Ему.

Таким образом святые жены, ревностно служившие Господу во время Его земной жизни, сподобились быть первыми благовестницами Его славного воскресения. Мария Магдалина, первая увидавшая Господа воскресшего, утешила скорбящих учеников радостными словами: «Христос воскрес!» Как первая благовестница воскресения она признана Церковью *равноапостольной*.

После вознесения Господа Мария Магдалина пребывала с Пресвятою Богородицею и с апостолами в постоянной молитве и была свидетельницей первых успехов христианского учения в Иерусалиме. Полная усердия и веры, она сама проповедовала слово Божие и для этого посещала разные страны. Предание говорит, что она посетила Рим и императору Тиверию подала яйцо, сказав ему: «Христос воскрес!» Вслед за тем она рассказала императору о крестной смерти Господа и обвинила Пилата в несправедливом осуждении Иисуса Христа на казнь. Издревле было обыкновение у иудеев, особенно у бедных, подносить яйца знакомым, друзьям и покровителям в день рождения их и в день нового года. Это принималось как выражение радости и изъявление уважения от людей, которые не могли принести более драгоценных подарков. После приношения святой Марии Магдалины вошло в обычай у христиан дарить друг другу красные яйца в воспоминание воскресения Христова.

Из Рима Мария Магдалина прибыла в Ефес, где помогала святому Иоанну Богослову в его апостольских трудах до самой кончины своей.

В V веке мощи ее перенесены из Ефеса в Константинополь. Память ее 22 июля.

7. Святая Магдалина перед Тиверием

Император Тиверий безмолвно внимает
Дивной речи простой иудейской жены:
– Государь! – вдохновенно она восклицает, –
– Государь, мои вести важны и верны.
Не имею я злата, одета убого,
Но щедрот твоих, кесарь, отнюдь не прошу
Дар бесценный тебе от воскресшего Бога
Мир и милость Его – я с собой приношу.
Дерзновенно предстать пред тобой я решилась
И спешу возвестить тебе чудо чудес:
Благочестия велия тайна свершилась
– Бог явился во плоти, Бог с плотью воскрес.
Вот яйцо: оно будет символ[69] воскресенья,
Жизнь птенца в скорлупе тебе тайну явит,
Как мы Кровью Христа получаем спасенье,
Как из гроба на небо нам путь предстоит.
И мертва скорлупа, и яйцо недвижимо,
Но растет в нем и зреет зародыш живой,
Материнскою кровью объятый незримо,
Возбужденный, согретый ее теплотой.
Из зародыша птицы птенец разовьется,
И, порывисто требуя жизни другой,
Сквозь скорлупку к простору и свету пробьется
И увидит мир Божий с его красотой...
В запечатанном гробе повит пеленами,
Охраняемый ревностной стражей твоей,
Весь жестоко изъязвлен, поруган врагами,
Почивал наш Учитель, Христос Назорей.
Только злоба врагов, погубив Его тело,
Не коснулась святейшего духа Его;
И тебе возвещаю я твердо и смело:
Преклонись перед славой Творца твоего.
Он – Сын Божий, облекшийся в плоть человека,
– В тесном гробе вместиться надолго не мог:
Он – Мессия, обещанный миру от века, –
В третий день, пробудившись, воскреснул как Бог.

Он воскрес, возбужденный могучею силой,
Животворным Божественным Духом Своим,
И всем людям открыл теперь путь за могилой
К жизни вечной, к блаженству в общении с Ним...
Он воскрес, лучезарною славой сияя,
Торжествуя победу над областью тьмы.
Он воскрес, Свою волю святую являя,
Чтобы духом с Ним вместе воскресли и мы.
Но, Судью всего мира предав на мученья,
Опозорил твой скипетр Понтийский Пилат,
А теперь он не смеет признать воскресенья;
Пусть же дело расследует римский сенат.
Пусть расследует он, как осмелилась стража
В карауле предаться беспечному сну?
Как могла совершиться постыдная кража?
Кто, не рушив печатей, снял с гроба плиту?
Дай указ, чтоб сенат разузнать потрудился,
Как учил и как жил Иисус Назорей,
Как Безгрешный в преступника вдруг обратился?
За какие вины умерщвлен, как злодей?
Над людьми и природой господство имея,
Чудеса всенародно Христос совершал:
Необъятной любовью ко всем пламенея,
Он больных исцелял, мертвецов воскрешал,
А теперь Сам воскрес и, являясь пред нами,
Среди нас за трапезой Он пищу вкушал;
Мы Его осязали своими руками,
И беседой небесной Он нас утешал.
Ты – империи римской державный властитель,
К вечной Истине, к Свету приблизься душой,
Так взывает к тебе чрез меня Искупитель,
Бог, воскресший из гроба, во веки живой.
Прободанное сердце Его вечно живо
И пылает любовью к людям святой...
О, державный, не презри святого призыва:
К воплощенному Богу приблизься душой.
И умолкла Мария. Монарх венценосный
В раздумье глубоком на троне сидел
И молвил, взывая: «Да, смерти поносной

Иисуса предать прокуратор не смел.
Иисусово дело должно разъясниться,
Справедливость из гроба должна воссиять:
Врагам Его всем прикажу я явиться,
Пилата под стражу сейчас велю взять.
Когда ж успокоюсь от дел государства,
Тогда твои речи прослушаю вновь.
Я верить готов, что в Небесное Царство
Ввести нас способна святая любовь».

8. Чему учат нас святые мироносицы?

Из поучения протоиерея Р.Путятина

Третья неделя по Святой Пасхе называется неделей святых жен-мироносиц. Чем это жены-мироносицы заслужили такую честь и память, что воспоминанию и прославлению их Святая Церковь назначила особую в году неделю? Ужели только тем, что в день воскресения Иисуса Христа очень рано утром они носили миро благовонное ко гробу Его, чтобы помазать им Его тело, за что и названы мироносицами? Нет. Конечно, и этим они доказали, что любили Иисуса Христа, но это было только последнее их дело, которое они сделали для Него из любви к Нему, умершему. Нет, еще прежде, гораздо раньше и гораздо больше своей любви к Иисусу Христу показали они. При погребении Его они были; при распятии Его находились; когда вели Его на Голгофу, шли за Ним и плакали; но главное: во все время, как Иисус Христос ходил по городам и селам и учил народ, эти женщины, одни из первых, следовали за Ним и служили Ему своим именем. Но что привлекало их к Иисусу Христу? Они тогда еще не знали, что Он – Сын Божий, Спаситель рода человеческого, Творец, Вседержитель, Бог. Что же именно заставляло их так любить Его? – Учение, которое Он проповедовал. Никто еще тому не учил, чему учил Иисус Христос, и никто так не говорил, как Он говорил. Из уст Его лилось слово благое, как миро благовонное; и они отойти от Него не могли: все услышать что-нибудь от Него желали. Да, потому-то они и называли Его все больше Учителем только, почти и имени другого у них Ему не было, кроме что Учитель. Итак, вот чем жены-мироносицы заслужили честь и память у Святой Церкви: своею любовью к Иисусу Христу, особенно тем, что любили слушать Его учение и, следуя за Ним повсюду, служили Ему своим имением; и потому не только сами учились у Него, но некоторым образом помогали Ему учить других, доставляя Ему и ученикам нужное для жизни. Так, жены-мироносицы – это были особенные любительницы учения, которое Иисус Христос проповедовал, ревнительницы просвещения, которое Он всюду распространял.

При воспоминании о женах-мироносицах прилично нам вспомнить о наших женщинах. Но что мы о них скажем? Что они любят? Чем увлекаются? В чем время проводят? Чем занимаются? Бедные большей частью работают, трудятся. Но что делают не бедные, богатые? Читают ли, слушают ли что-нибудь нужное, полезное, спасительное, божественное? Жалуются они часто на пустоту в жизни, на скуку. Да как же и не скучать,

как не чувствовать пустоты в жизни, когда они ничего доброго не делают, ничем хорошим не занимаются, и таким образом живут, большей частью себе и другим только в тягость? Ведь нас как существ разумных занимать и радовать может что-нибудь умное, дельное, святое, нужное для нас, полезное для других. Что же делать нам, чем заняться? – говорят они.

Занимайтесь учением Иисуса Христа, чтением и слушанием его. Вы полюбите это учение и не отстанете от него. О, какой в нем свет для ума, какая отрада для души, какое веселие для сердца! День и ночь вы стали бы помышлять о нем; вовек не забыли бы его внушений, наставлений. Что вам делать, чем заняться? Ныне везде, по городам и селам, так много училищ открывается. Почему бы вам, особенно богатым, достаточным из вас, почему бы не заняться этими училищами; почему бы не послужить для них своим имением, доставляя нужное учащим и учащимся в них? Сколько было бы от этого славы для Бога, пользы для ближних, утешения для вас! Ведь и в этих училищах все Христово же преподается учение; и таким образом, служа училищам, вы, подобно святым мироносицам, служили бы Христу, единому во все века всех людей Учителю. Что вам делать, чем заниматься? О, делайте все во имя Иисуса Христа, ради Него, на пользу других, во спасение ближних, и тогда всякое дело, как миро благовонное, будет услаждать и радовать вас в жизни; и вы заслужите себе добрую славу и оставите по себе добрую память – вечную. Пример святых жен-мироносиц да напоминает вам о том, что вы должны любить и чем преимущественно заниматься; а собственное ваше сознание в пустоте своей жизни да вразумит вас, что вы не так живете, как должно; не то любите, не тем занимаетесь, чем следовало. Жизнь не по Христе Иисусе, без любви истинной, святой, без дел добрых, без занятий полезных всегда скучна, пуста.

9. Премудрая царевна-великомученица

По «Троицкому листку»

Из всех святых жен отличалась своей мудростью святая великомученица Екатерина. Она была дочерью царя-идолопоклонника; рано лишившись отца, она жила со своей матерью, тайной христианкой, в городе Александрии, что в Египте. В 18 лет она уже хорошо знала всю мудрость писателей языческих и, будучи высока ростом, отличалась необыкновенной красотой. Матери очень хотелось отдать ее замуж, но премудрая Екатерина желала остаться девой и потому отвечала матери и родным: «Если хотите, чтобы я вышла замуж, то найдите мне такого юношу, который был бы подобен мне и в красоте, и в благородстве, и в богатстве, и в мудрости. А если чего из этих достоинств у него не достанет, то я не пойду за такого». Много являлось женихов и богаче, и благороднее Екатерины, но ни один из них не мог сравняться с ней в красоте и мудрости. А Екатерина говорила: «Необразованного жениха не желаю иметь».

Был у матери ее духовный отец, старец святой жизни, который жил где-то за городом, укрываясь от гонений. Раз мать Екатерины привела ее к этому благородному мужу. Беседуя с ней о вере во Христа, он сказал ей:

– Я знаю одного Отрока, Который несравненно превосходит тебя во всем: красота Его превосходит сияние солнечное; премудрость Его управляет всеми созданиями; сокровищами Своими Он наделяет весь мир, и благородство Его столь велико, что его нельзя постигнуть умом человеческим.

Смутилась Екатерина от таких речей и спросила: правду ли он говорит? И чей это Сын – чудный Отрок?

– У Него нет отца на земле, – отвечал ей служитель Христов, – Он родился неизреченно чудесным образом от одной Пречистой и Пресвятой Девы, Которая за Свою святость вознесена превыше небес и Которой поклоняются все небесные ангелы как Царице своей.

– А можно ли видеть этого Юношу? – спросила Екатерина.

– Можно, – отвечал старец, – если ты исполнишь то, что я тебе скажу.

Екатерина на все была готова, и старец дал ей икону Богоматери с Предвечным Богомладенцем на руках и сказал:

– Вот тебе изображение Девы-Матери с Ее Божественным Сыном; возьми это с собой, заключись на ночь в своей комнате и усердно, с благоговением и верой, умоляй эту Деву-Матерь, чтобы Она показала тебе

Своего Сына. Верь, что Она исполнит желание души твоей.

С радостью Екатерина поспешила исполнить повеление старца и от усталости скоро заснула. И вот видит она во сне Царицу Небесную так, как Она была изображена на иконе; на руках Ее был Богомладенец, Который сиял светлее солнца, но обращал Свое лицо к Матери, так что Екатерина не могла Его видеть. Трижды заходила она и справа и слева, но Христос отвращался от нее. Тогда Екатерина слышит, что Матерь Божия говорит Сыну Своему:

– Взгляни, Чадо, на рабу Твою Екатерину: она так прекрасна.

А Он отвечает:

– Не могу смотреть на нее: она темна и безобразна.

Опять говорит ему Пресвятая Богородица:

– Она и премудра, и богата, и благородна.

Христос отвечает:

– Говорю Тебе, Мать Моя, что девица сия и безумна, и нища, и худа, и дотоле Я на нее не взгляну, пока она остается в своем нечестии.

Тогда Преблагословенная Матерь говорит Сыну Своему:

– Молю Тебя, сладчайшее Мое Чадо: не презри создания Своего, скажи ей, что делать, чтобы увидеть пресветлое лицо Твое.

– Пусть она идет к старцу, который дал ей икону; что он скажет, то пусть и сделает, и тогда увидит Меня, и обрящет (найдет) у Меня благодать.

Проснулась Екатерина, и лишь только настало утро, она с поспешностью пошла к старцу, рассказала ему все, что видела ночью во сне, и со слезами умоляла старца научить ее, что ей делать. Тогда иерей Божий раскрыл пред ней все ученье веры Христовой, совершил над ней святое крещение и велел опять молиться Пресвятой Богородице. И молилась она опять всю ночь, пока не заснула, и снова увидела во сне Царицу Небесную с Божественным Младенцем, Который теперь смотрел на Екатерину с великой любовью и кротостью. И вопросила Матерь Божия Своего Сына:

– Угодна ли, Сыне Мой, Тебе девица эта?

И Он отвечал:

– Очень угодна: она теперь столь же прекрасна и славна, сколько прежде была безобразна; столь же богата и премудра, сколько доселе была нища и неразумна. Я хочу обручить ее Себе в невесту нетленную.

И пала пред Ним Екатерина на землю, говоря:

– Я недостойна, преславный Владыко, видеть Царство Твое: сподоби меня быть хотя в числе рабов Твоих.

А Пресвятая Богородица взяла ее за правую руку и сказала Сыну Своему:

– Дай ей, Чадо Мое, перстень во обручение, сделай ее невестой Своей и сподоби Царствия Твоего.

Тогда Владыка Христос подал ей перстень и сказал:

– Будь Моею нетленной и вечной невестой, храни обручение это тщательно, чтобы тебе отнюдь не знать жениха земного.

Тут Екатерина пробудилась и – о радость! В руках ее действительно был пречудный перстень, а сердце ее было полно небесной радости. Нужно ли говорить, что с этого времени она как бы вся преобразилась: все мысли и чувства ее были устремлены к единому Жениху Небесному: о Нем она всегда помышляла, Ему всегда молилась день и ночь...

В то время прибыл в Александрию беззаконный царь Максимин. Он устроил великолепный праздник в честь своих идолов. Город был переполнен народом; повсюду носился смрад от идольских жертв... Исполнилась божественной ревности святая Екатерина: она вошла в идольское капище, предстала пред самим царем и смело обличила его нечестие. Поражен был царь святым дерзновением мудрой девы; он не нашелся, что сказать ей, приказал лишь взять ее под стражу и после привести в царские палаты. Тут он допросил ее: кто она и что ей нужно? И святая дева отвечала новым обличением его нечестия. Между тем царь ласками и угрозами старался склонить ее к отречению от Христа. Но святая дева мужественно отвечала:

– Делай со мной, что хочешь; временным бесчестием ты только приготовишь мне вечную славу; надеюсь, что многие уверуют чрез меня во Христа моего и из твоих палат царских многие пойдут со мной в чертоги небесные.

Тогда царь повелел обнажить святую деву и бить ее воловьими жилами беспощадно. Два часа страдала святая мученица; все тело ее представляло одну сплошную рану, кровь лилась рекой. Несмотря на то, что царь несколько раз склонял святую Екатерину к отречению от Христа, мудрая дева осталась при своем – она была непреклонной, как твердый адамант (алмаз). Тогда мучитель приказал отсечь ей главу. Славную мученицу вывели за город; здесь она вознесла усердную молитву ко Господу. Помолившись, она обратилась к мучителю: «Скончай повеленное». Тот поднял меч, и честная глава мудрой Екатерины отделилась от тела. Вместо крови все увидели чистое млеко. А люди достойные сподобились увидеть и то, как тотчас же святые ангелы взяли ее святые мощи и понесли на гору Синайскую, где они и поныне почивают в

обители, посвященной ее имени... Молитвами премудрой Твоей невесты великомученицы Екатерины, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

10. Чудное творение Божие – человек

Из книги «Моя жизнь во Христе» протоиерея Иоанна Сергиева

Человек – чудное, прекрасное, величественное творение Божие, особенно человек святой; это – звезда Божия; это – цвет роскошный, весь прекрасный, чистый, неблазненный; это – кедр благовонный; это – бисер многоцветный; это – камень драгоценный, которому нет цены; это прекрасное плодовитое дерево рая Божия. Чудное творение Божие человек. Слава Творцу и Промыслителю его! Слава Спасителю рода человеческого, извлекающему род наш из тины страстей, от тления и смерти, и вводящему нас в вечный живот!

Протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский

11. Святая Нина, просветительница Грузии

Григорий Дьяченко

Святая Нина была племянницей Иерусалимского патриарха и воспитывалась в Иерусалиме. От евреев, приезжавших в Иерусалим к празднику Пасхи, Нина часто слышала, что к северу от Палестины есть страна Иверия (так называлась в древности Грузия), где еще не проповедано Евангелие. Рассказы об языческой Иверии возбудили в душе Нины сильное желание обратить жителей этой страны к христианству. Это желание еще более усилилось в ней благодаря чудесному видению: однажды во сне Нине предстала Пресвятая Богородица, вручила крест из виноградных прутьев и повелела идти для просвещения язычников. Когда после долгого и опасного пути Нина достигла города Иверии Мцхеты, там происходило празднество в честь языческих богов. Нина, со скорбью видя языческое торжество, горячо молила Бога, чтобы Он отвратил народ от идолопоклонства. Вдруг поднялась гроза и удар молнии разбил идола. В ужасе бежали жрецы и народ, а Нина благословляла Бога, ответившего на ее молитву сокрушением идола. Поселившись в Мцхете, Нина скоро сделалась известной далеко в окрестности исцелением страждущих, которые во множестве приходили к ней. По молитве святой исцелилась и опасно заболевшая царица Иверии. Один родственник персидского царя, посетивший царя Иверии Мириана, выздоровев благодаря молитвам Нины, принял христианство. Мириан, боясь, как бы за это не разгневался на него персидский царь-язычник, возненавидел праведницу и хотел предать ее смерти. Но однажды на охоте его застала гроза и он ослеп от молнии. Видя в этом гнев Божий за свое злое намерение, Мириан дал обещание принять христианство, если его зрение возвратится, и исполнил обещанное.

Благодаря проповеди святой Нины число верующих постоянно увеличивалось; обратился к христианству и царь Армении Тиридат. Для обращения царицы Кахетии Софии Нина сама пошла к ней. Это путешествие было последним ее подвигом, вскоре после которого она скончалась (в 335 году).

По примеру святой Нины, горячо любившей ближних и заботившейся о спасении душ их и просвещении их светом истинного богопознания, и мы должны всегда заботиться о духовном благе ближних и делать для их спасения все, что можем: тогда только и станет светла и радостна наша жизнь, и мы за дела своей духовной милости к ближним, за просвещение их светом Христова Евангелия получим великую и богатую милость от

Бога после смерти.

12. Святая Анастасия Узорешительница как великий образец христианского милосердия к заключенным в темнице

Из книги «История православной Церкви», изд. К.П.Победоносцева

"*В темнице был, и вы пришли ко Мне*« – глубоко проникло это слово в душу святой Анастасии. Бодрая, светлая, обрадованная радостью, которую давала другим, она ежедневно обходила темницы, и везде встречали ее, как ангела Божия.

Но недолго была с ней благодать этого утешения: муж ее вознегодовал на нее и, опасаясь, что она все свое богатство расточит на заключенных, стал держать ее взаперти, приставив к ней стражу. Она доходила до отчаяния и писала своему бывшему воспитателю: «Моли Бога за меня, за любовь к Которому я страдаю до изнеможения...» Старец ей ответил на это: «Не забывай, что ходящий по водам Христос силен утишить всякую бурю: *Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали, и сделалась тишина* (Лк. 8:24). Ты теперь стоишь как бы среди волн морских, в терпении ожидая Христа, – Он придет к тебе... Свету всегда предшествует тьма; после смерти обещана жизнь; конец предстоит земной скорби, как и земной радости. Благословен от Бога тот, кто уповает на Него».

Вскоре святая Анастасия овдовела и получила свободу отдать все свое богатство и всю свою жизнь на то служение, которое она так возлюбила. Теперь она уже не ограничивалась темницами одного Рима, она переходила из города в город, от страны в страну, омывала раны узников, доставляла им пропитание, большими деньгами награждала темничных стражей, чтобы они освобождали страдальцев от железных оков, натиравших им раны. За эти дела и присвоено ей наименование *Узорешительницы*.

Сколь многим ее любовь принесла утешение, сколь многим она дала силу претерпеть до конца!

Трудясь день и ночь, она совершенно забывала, что и сама может подвергнуться преследованию. Однажды, придя в темницу к узникам, которым она служила еще накануне, не нашла их на месте, так как ночью все они были казнены, чтобы опростать место в темнице для множества других, вновь забранных христиан. Она горько заплакала и спрашивала у всех сквозь слезы: «Где же мои друзья-узники?» Заключив из этого, что

она христианка, ее взяли и представили на суд к правителю. Ее распяли между четырьмя столбами и развели огонь, чтобы сжечь ее, но прежде, чем разгорелось пламя, она скончалась среди мучений.

13. Святые мученики Адриан и Наталия

Из «Житий святых», Бахметевой

Император Максимиан, прибыв однажды в город Никомидию, издал повеление тщательно отыскивать христиан и приводить их на суд. Денежные награды были обещаны тем, которые исполнят это повеление и донесут на христиан; тем же, которые бы стали их скрывать, грозили строгими наказаниями. И стали язычники выдавать знакомых им христиан и приводить на суд к царю. Однажды по указанию некоторых из жителей Никомидии воины Максимиана нашли в одной пещере до 23-х человек, которые объявили, что веруют во Христа. Воины, связав их, повели к царю. По указанию царя их подвергали всяким мукам и пыткам, но они были непоколебимы. Тогда Максимиан осудил их на смертную казнь; но так как они были очень слабы и изнурены мучениями, то велел покамест связать их тяжелыми цепями и заключить в темницу. Прежде всего повели их в преторию, или присутственное место, чтобы записать имена их как осужденных на казнь.

Один из начальников претории, язычник, из знатного и богатого дома, по имени Адриан, удивленный непоколебимой твердостью и терпением мучеников, подошел к ним и стал с ними разговаривать.

– Умоляю вас Богом вашим, – говорил он им между прочим, – скажите мне истину. Какого воздаяния ждете вы от Бога вашего? Должно быть, вы надеетесь получить что-то дивное, если соглашаетесь терпеть такие ужасные мучения.

– Ни уста наши не могут поведать, ни слух твой вместить, ни ум твой постигнуть тех радостей, которые обещаны Господом верным служителям Его, – отвечали святые мученики.

Вдруг луч небесной благодати коснулся души Адриана; он уразумел истину и, став между святыми мучениками, сказал нотарию (писарю), вписывавшему имена их:

– Напиши на том же месте и мое имя, потому что я верю во Христа и с радостью умру за Него.

Удивленный нотарий поспешил уведомить царя, что Адриан объявил себя христианином, и царь тотчас же призвал его к себе.

– Что с тобой, Адриан? – сказал он ему. – Правда ли, что ты хочешь умереть с этими людьми, осужденными на казнь? Проси прощения и объяви, что согрешил и раскаиваешься, и тогда вычеркнут имя твое с листа осужденных.

– С нынешнего дня я молю истинного Бога, да простит Он мне мои прежние языческие заблуждения, – отвечал царю Андриан.

Тогда царь рассердился и велел отвести Адриана в темницу.

Между тем один служитель Адриана, бывший при нем в это утро, поспешил домой, чтобы уведомить жену Адриана о случившемся.

– Господина нашего заковали цепями и отвели в темницу, – сказал он Наталии, жене Адриана.

Эта весть очень поразила молодую женщину, которая недавно вышла замуж и нежно любила мужа своего. Она начала плакать и с беспокойством спрашивала у служителя, знает ли он, за какую вину отвели Адриана в темницу.

– Я видел, что в преторию привели несколько человек, взятых за исповедание Христа, – отвечал служитель. – Этих людей осудили на казнь; а наш господин велел вписать и свое имя с их именами и сказал, что хочет умереть с ними.

Тут, к удивлению служителей своих, Наталья вдруг перестала плакать, и живая радость выразилась на лице ее. Она была втайне христианкой и всем сердцем желала обращения мужа своего к Богу истинному. Она, конечно, знала, что в таком случае угрожает смерть, но спасение души его было для нее всего дороже.

Одевшись в знак радости в лучшие одежды свои, Наталия поспешила идти к мужу в темницу. Там, упав к ногам его, она лобызала его узы и, проливая слезы радости, говорила ему: «Блажен ты, господин мой, ибо ты обрел сокровище истинное, вечное, уверовав во Христа. Умоляю тебя, пребудь до конца в том звании, к которому ты ныне призван милосердием Божиим; и да не удержат тебя от славного подвига ни молодость твоя, ни семейство, ни друзья, ни что-либо земное».

Так ободряла Наталия своего мужа, радуясь тому, что и он уразумел животворящую силу веры Христовой. Когда настал вечер, Адриан уговорил жену свою возвратиться домой, обещая уведомить ее о дне, который будет назначен для допроса и истязания.

Спустя некоторое время, когда уже был назначен этот день, Адриан выпросил у тюремных сторожей позволения сходить домой; прочие христиане поручились за его скорое возвращение, и сторожа отпустили его. Когда он пришел домой, Наталия бросилась в объятия мужа.

– Ты воистину любишь мужа своего, – сказал Адриан, – потому что желаешь ему спасения.

Вместе они отправились в темницу, беседуя о предстоящем подвиге.

Настал день, назначенный для истязания христиан. Повели всех

узников на суд к царю. Но тут оказалось, что 23 человека, уже пострадавшие прежде, были слишком слабы, чтобы вытерпеть новые истязания; и царь, узнав об этом, велел призвать себе одного только Адриана. Дали ему самому нести орудия мучений, и он пошел, сопровождаемый благословениями и молитвами христиан.

– Вознеси к единому Богу все мысли твои, – повторила ему еще Наталия, – труд кратковременен, а покой бесконечен.

Привели к царю Адриана.

– Упорствуешь ли еще в безумии своем? – спросил его царь.

– Я тебе уже сказал, что я уразумел свои прежние заблуждения, – отвечал Адриан, – и готов положить жизнь мою за свою веру.

Максимиан начал было убеждать его к отречению; но, видя, что Адриан продолжает с твердостью исповедовать Иисуса Христа, велел его жестоко бить.

Максимиан, раздраженный непоколебимой твердостью Адриана, мучил его жесточайшим образом и, между тем, продолжал увещевать его.

– Покайся, – говорил он ему, – поклонись богам, и я отпущу тебя и возвращу тебе сан твой.

Однако ничего не помогало. После долгих и жестоких истязаний, которые Адриан вынес мужественно, царь велел отвести его обратно в темницу. Наталия же пребывала в темнице и служила святым мученикам. Она сказала мужу своему:

– Господин мой, когда ты предстанешь пред Господом, умоли Его, чтобы Он и меня скоро взял от жизни этой и соединил с тобой в жизни вечной. Боюсь, как бы царь не захотел принудить меня выйти замуж. Молись же за меня.

Царь, узнав, что мученики очень ослабели и иные находятся почти уже при смерти, велел совершить над ними смертный приговор. Чтобы продлить страдания их, он велел прежде отбить им молотом руки и ноги. Все с твердостью перенесли это мучение и с молитвой предали души Богу. Наталия до конца оставалась при муже своем, увещевая его не ослабевать, говорила ему о Господе и о жизни загробной.

Царь велел сжечь тела святых мучеников; но проливной дождь погасил разожженную для этого печь, и внезапно поднявшаяся гроза разогнала сторожей, находившихся при них. Тогда один христианин с благоговением собрал останки мучеников и увез в Византию.

Опасения Наталии оказались основательными. Один языческий трибун, или тысяченачальник, пожелал жениться на ней, так как она была прекрасна собой и богата, и царь благоприятствовал его желанию. Наталия

молила Бога спасти ее от ненавистного ей брака, и ей во сне явились святые мученики и повелели отплыть в Византию. Наталия тотчас же пошла к пристани, где стоял корабль, отправлявшийся в Византию, и поехала туда.

Трибун, узнав о ее отъезде, поспешил за ней, но Господь чудесным образом хранил ее. Преследователь не настиг ее, и Наталия прибыла благополучно в Византию, где с любовью приняли ее тамошние христиане. Помолившись в храме, в котором покоились останки мучеников, Наталия легла отдохнуть, и во сне увидела Адриана, который возвестил о близкой кончине ее. Проснувшись, она с радостью объявила христианам о бывшем ей видении, попросила их молитв и спокойно заснула опять. Когда они через несколько минут подошли к ней, то увидели, что она уже скончалась.

14. Святая Иулитта, мать святого мученика Кирика

Из «Русского паломника»

Иулитта была богатая и знатная женщина из ликаонского города Иконии в Малой Азии. Она родилась в III веке и происходила от древних князей Ликаонии, которые хотя и были лишены власти после завоевания их области римлянами, но сохранили большое состояние и справедливое уважение посреди своих сограждан. Иулитта вступила в брак с человеком, достойным ее высокого положения; она была пламенная христианка, и богатства ее служили ей средством для многочисленных добрых дел.

Господь даровал ей сына, которого она нарекла Кириком, в сокращении Киром, что значит: «принадлежит Господу». Но радость непродолжительна в этом мире; земля есть место изгнания, где борьбой и мужеством мы должны завоевать себе вечное и блаженное отечество на небе. Иулитта, молодая и богатая, потеряла мужа и осталась вдовой, когда сын ее был еще в колыбели.

Вскоре наступило для нее еще новое испытание. После некоторых колебаний император Диоклетиан, уступая ненависти язычников по отношению к христианам, воздвиг ужасное гонение на христиан, жертвой которого были тысячи мучеников.

Иулитта по своему высокому положению скорее других подверглась опасности быть схваченной; но ее устрашала не столько возможность подвергнуться мучениям и смерти, сколько неизвестная будущность ее дитяти. Иулитта вспомнила тогда слова Спасителя: «Если вас гонят в одном городе, то вы бегите в другой». И, ни минуты не колеблясь, она оставила все свое имущество и удалилась из Ликаонии в сопровождении только двух служанок, унося на руках свое драгоценное сокровище. Она намеревалась отыскать город, в котором ее не так бы хорошо знали, как в своем родном городе, и думала скрыться от гонения под покровом бедности. Переходя таким образом из города в город, она прибыла наконец в Тарс – на родину святого апостола Павла.

До сих пор жители города Тарса пользовались некоторым спокойствием; но почти одновременно со святой Иулиттой прибыл туда правитель Александр, на которого возложено было исполнение императорских повелений. Иулитта, уличенная в исповедании христианства, была схвачена одной из первых; солдаты взяли ее, чтобы отвести на суд, а служанки ее убежали, но скрылись в толпе, желая видеть, что будет с их госпожой.

Иулитта, подкрепляемая благодатью Божией, без слабости предстала пред судилищем правителя. Юный сын ее был у нее на руках.

– Кто ты и откуда? – спросил ее Александр.

– Я христианка, – отвечала Иулитта.

Взбешенный таким ответом, Александр приказал вырвать из рук ее сына. Вслед затем она была привязана к доскам, и палачи, вооруженные воловьими жилами, начали без милосердия бить ее. При виде такого страшного истязания маленький Кирик стал испускать раздирающий душу вопль. Плач прекрасного ребенка тронул правителя; он приказал принести его, посадил к себе на колени и начал ласкать. Но ребенок рвался к матери и не переставал плакать, а Иулитта, с геройским мужеством претерпевая удары, на все увещания палачей отвечала: «Я христианка и никогда не принесу жертвы демонам».

Кирик, услыхав эти слова, стал повторять вместе с матерью: «Я христианин, я христианин» – и своими маленькими руками отталкивать от себя голову правителя и старался вырваться от него и устремиться к матери.

Такое сопротивление ребенка привело в новое бешенство правителя. Тогда, рассказывает повествователь, этот дикий зверь схватил мальчика за ногу и со всего размаху бросил его на помост. Голова раздробилась о ступеньку седалища, и невинный агнец скончался на мостовой, облитой его чистой кровью.

При этом страшном зрелище Иулитта возвела глаза к небу и произнесла: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоил венца сына моего прежде меня».

Правитель сам устыдился совершенного им варварского деяния; но он стал обвинять Иулитту, что она довела его до этого своим преступным упорством, и вслед затем приказал строгать ее тело железными крючьями и лить кипящую смолу на ноги, повторяя:

– Пожалей себя саму, Иулитта! Избавь себя от этих мучений.

– Нет, – отвечала святая мученица, – никогда не принесу я жертвы демонам; я верю в Иисуса Христа, Единородного Сына Божия, чрез Которого Бог Отец все сотворил; скоро я снова увижу своего сына в Царстве Небесном.

Видя наконец, что ничего нельзя добиться от мученицы, правитель сказал палачам:

– Отнесите тело ребенка на место казней и отведите туда же мать, затем отрубите ей голову.

Палач отвязал святую, забили ей в уста паклю, чтобы она не могла

говорить, и повели ее к месту казни. Здесь она знаком попросила вынуть паклю из се уст, и когда просьба ее была выполнена, она громко во всеуслышание язычникам произнесла свою последнюю молитву:

– Господи Иисусе, буди благословен за то, что Ты призвал сына моего прежде меня в Царство Твое; Ты взял его из жалкой, кратковременной жизни, дабы он насладился жизнью блаженной и вечной посреди сонма святых Твоих мучеников: прими ныне и недостойную рабу Твою, дабы, укрепляемая Божественным Духом Твоим, я предстала пред лице Отца Небесного, Его же царствию нет конца. Аминь.

Произнеся эту молитву, Иулитта стала на колени, и палач отсек ей голову. Это было 15 июля 304 года.

В следующую затем ночь служанки Иулитты, пользуясь ночной темнотой, взяли тело их госпожи и сына ее и погребли их в прилегавшем к городу поле.

15. Святая подвижница Павла

Сост. по №473 «Троицких листков»

I

Она была уроженкой Рима, знатного происхождения; воспитанная среди богатства, которому тогда едва ли было равное, она выросла в чрезвычайной неге и не столько ходила, сколько была носима рабами. Но среди всей роскошной обстановки она умела воспитать в себе редкие сокровища душевные. С сердцем благородным, нежным и строго-нравственным она соединяла в себе и прекрасное образование ума: говорила по-гречески, как на родном языке, и знала по-еврейски столько, что читала и пела псалмы Давида в подлиннике. В 35 лет оставшись вдовою с шестью детьми, она едва перенесла свою потерю, но восторжествовала духом и благоговейно преклонилась пред Божественной десницей, столь болезненно ее поразившей. Она отказалась от света и стала расточать все свои богатства на бедных Рима. Она считала потерей для себя, если нищий и голодный получали помощь от другого. Когда родные укоряли ее, что она разоряет детей своих, она отвечала: *я оставляю им несравненно большее наследство – милосердие Христово*. А когда вокруг нее стали раздаваться похвалы ее деятельности, она быстро решилась бежать из Рима. Она взяла с собой одну дочь и отправилась в Палестину. Это было зимой 385 года, более полутора тысяч лет тому назад. В Азии, на пути, она встретилась со своим римским другом, пресвитером Иеронимом, строгим подвижником и ученейшим писателем. Великий знаток Святой Земли, он явился для нее спутником, какого только можно было пожелать. Несмотря на все неудобства пути, на горы, веявшие холодом, на рыскавшие всюду шайки арабов, на сырую, расслабляющую зиму, Павла, согреваемая огнем веры, ехала на осле почти безостановочно и думала лишь о том, как бы поскорее достигнуть Иерусалима. И все окружавшие ее изумлялись непобедимой душевной силе в ее слабом, изнеженном теле... Вот она в виду Иерусалима; начальник города выслал ей навстречу почетный конвой, предложил помещение во дворце, но Павла избрала себе бедный домик вблизи Гроба Господня. Едва появилась она в церкви над Святым Гробом и Голгофою, на нее обратились взоры всего народа; а она ничего не замечала: ни гранитных стен, ни мраморных колонн, ни раззолоченных сводов, ни народа, она искала только святых мест и была вся проникнута сильным душевным волнением. Сколько слез, вздохов, искренней скорби и

трепетного благоговения было излито ею – это знает один Господь, внимавший ей. На Голгофе, повергшись пред Крестом, она молилась так; как бы видела Самого Распятого Спасителя. В часовне Гроба Господня она припала к камню, отваленному ангелом, обвила его руками, и никто не мог бы оторвать ее от него. Но когда она проникла в самую пещеру Гроба и колени ее преклонились на месте погребения Спасителя, она обняла руками каменное возвышение, на котором лежало пречистое Тело, и лишилась чувств; потом, собравшись с силами, она покрыла поцелуями эти покинутые камни, с горячим чувством припадала к ним, словно к ручью, утоляющему пламенную жажду, – ручью, которого так долго искала... Проходя далее, она с трудом отрывалась от каждого святого места, и то лишь затем, чтобы преклониться пред другим.

II

Мы не станем следовать по всему пути Павлы и пойдем за ней прямо в Вифлеем. Вифлеем, родина Давида и Христа, был тогда простой деревней; только над вертепом возвышался великолепный царский храм. Здесь по витой лестнице она спешно спустилась в вертеп. Распростершись на каменном полу, погрузившись в созерцание великого таинства, совершившегося на этом самом месте, Павла пришла в тот неописуемый восторг, когда человек, забывая все окружающее, переносится духом в иной, неземной мир. Павла плакала, радовалась и молилась в одно и то же время. Она вспоминала все пророческие места Писания и говорила их, как они ей приходили на память, – по-латыни, по-гречески, по-еврейски, и сама в пророческом восторге взывала: «И я, негодная, грешница, сподобилась целовать ясли, в которых плакал Господь-Младенец. *Здесь будет мое жилище, потому что мой Спаситель избрал здесь Свое; отечество моего Бога будет местом и моего покоя!*» Все места в Вифлееме и окрестностях она осматривала, как родные, с радостным волнением. Посетив Египетскую пустыню и подвижников в ней, она возвратилась в Вифлеем, чтобы поселиться в нем со своей дочерью навсегда. Здесь она прожила 20 лет. Сначала она приютилась в тесном странноприимном домике и три года строила келии, монастыри, гостиницы по той дороге, по которой некогда Мария и Иосиф не нашли места, где приклонить голову. Основав женскую общину, она сама вступила в нее со своей дочерью. Здесь эти две женщины, которые не могли прежде терпеть уличной грязи, которым очень трудно было ходить по неровной почве, которых носили слуги, для которых тяжела была шелковая одежда, – эти женщины, теперь одетые в скромное грубое платье, приготовляли свечи для дома Божия, топили печь, мели полы,

чистили овощи, готовили кушанья, накрывали столы, подавали чаши, проворно ходили туда и сюда и, сравнительно с прежним, стали здоровее и сильнее. Мать не уступала своей дочери ни в трудах, ни в заботах. И среди множества сестер, собранных ею из всякого сословия, она по одежде, по голосу, по виду и приемам казалась самой низшей из всех. На кровати своей она не знала мягкой постели даже во время жесточайшей лихорадки; разостлав полость, она спала на жесткой земле. Но в отношении к другим, даже самым простым людям, никого не было снисходительнее ее, никого не было приветливее. Бедным она часто сама делала заем, чтобы никому из просящих не отказать в помощи. Она дала обет Христу – раздать все свое богатство, самой умереть нищей и лечь в свою могилу в чужом саване. «Если попрошу я, – говаривала она, – найдутся многие, которые дадут мне; а если этот бедняк не получит от меня, которая может дать ему, и умрет, – с кого тогда взыщется его жизнь?»

III

В обители ее каждый день в 3-м, 6-м, 9-м часу (считая по-восточному), вечером и в полночь, собирались сестры и пели псалмы в обширной зале, а по воскресным дням ходили в церковь. Молодых, резвых девиц она смиряла постом; если видела какую-либо разряженной, она печально обличала и говорила, что *роскошь одежды и нега тела – признак нечистоты души*. Когда заболевали другие, она доставляла им в изобилии все и даже кормила мясной пищей; но когда сама заболевала, она ни в чем не ослабляла своей строгости к себе. Вот она, с истомленным, старческим, дряхлым, маленьким телом, заболела жестокой горячкой; только Бог мог сохранить ее; кое-как стала она поправляться. После таких двадцатилетних подвигов она наконец заболела предсмертной болезнью и радовалась. Уже много лет она повторяла слова апостола: *кто мя избавит от тела смерти сея*? – а теперь, когда только в груди ее трепетал огонь жизни, она шептала стихи из псалмов: *Господи, возлюбих благолепие дома Твоего… Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил!* На заботливые вопросы близких она отвечала, что она нисколько не печалится и на смерть смотрит спокойно. До самой последней минуты, уже бессильная поднять руку, она, положив палец на уста, творила на них крестное знамение. Последним словом ее было: *верую видети благая Господня на земли живых*. И вот вместо плача и рыданий над телом усопшей загремели на разных языках псалмы; ее несли на руках своих епископы; другие епископы несли впереди лампады и свечи; поставили ее среди церкви вертепа Христова; не осталось ни одного монаха в пустыне, который бы не пришел помолиться о ней; вдовы и бедные приносили и показывали

одежды, от нее полученные; молитвы о ней почти не прерывались целых три дня, и все это время лицо ее было исполнено некоторого достоинства и важности, так что всем она казалась уснувшей в глубокой думе. Похоронили ее тут же, подле вертепа, под церковью. И еще до сих пор цел надгробный камень над ней; на камне – надпись, начертанная Иеронимом, и благочестивые поклонники поклоняются ее святым останкам. Рядом с ней почивает ее блаженная сподвижница – дочь Евстохия.

16. Как святая великомученица Варвара познала истинного Бога из рассмотрения мира

По «Воскресному чтению» за 1888 г.

В царствование Максимиана в городе Илиополе жил один знатный и богатый гражданин Диоскор, по вере язычник. У него была единственная дочь, которую он берег, как зеницу ока. Прекрасная лицом, а еще более сердцем, она, приходя в возраст, превосходила красотой своей всех своих сверстниц. Чтобы никто из простых людей не мог видеть красоты Варвары – так звали дочь Диоскора, – Диоскор построил столб с богато убранным в нем жилищем и затворил там дочь свою. Сокрытая от взоров человеческих, удаленная от всяких внешних развлечений, отроковица углубилась в созерцание прекрасного мира Божия. Однажды, рассматривая светила небесные и восхищаясь красотой земной, она спросила приставленных к ней рабынь:

– Кто сотворил все это так премудро и прекрасно?

– Все это, – отвечали язычницы, – сотворено и устроено теми самыми богами, которым поклоняется родитель твой и которые стоят в его палатах.

Но мудрая отроковица не удовлетворилась таким ответом и подумала: «Боги, почитаемые отцом моим, сами созданы руками человеческими и бездушны, сделаны из серебра, или золота или из дерева – как же они, не будучи сами в состоянии ходить ногами или двигать руками, могли быть творцами столь премудрых вещей?»

Долго она размышляла таким образом, и наконец *благодать Божия* коснулась сердца ее, искавшего Бога-Творца, и возвестила сердцу и уму ее, что един есть Бог, сотворивший небо и землю со всей их красотой. Так мысль о Боге, постоянно занимавшая душу отроковицы, пробудила в ней непреодолимое желание ближе и яснее познать истинного и единого Бога. Но так как при Варваре не было никого, кто бы мог научить ее этому, то наставником и учителем ее явился Сам Господь Бог, всегда близкий к ищущим Его.

Отец Варвары на долгое время отлучился из дому и дал приказание, чтобы в его отсутствие не стесняли свободы девицы, а позволили ей выходить, куда она пожелает, и делать ей, что она захочет. Воспользовавшись данной отцом свободой, Варвара познакомилась с некоторыми христианскими девицами. Услыхавши от них об имени Иисуса Христа, она возрадовалась духом, узнавши в нем Того, Кого давно

жаждала душа ее. В это время, по особенному промышлению Божию, прибыл сюда христианский священник. Узнавши о его прибытии, Варвара тотчас позвала его к себе и, научившись от него всем необходимым для спасения истинам веры, приняла крещение.

Так святая Варвара познала истинного Бога, в трех Лицах поклоняемого и славимого, – Отца и Сына и Святого Духа, и веру свою запечатлела венцом мученичества. Она не устрашилась тяжких мучений, а в уповании на помощь Божию среди самых тяжких страданий взывала: «Троицу чту – едино Божество».

Для каждого из нас открыт великий мир Божий – познавай же, христианин, Творца и паче всего старайся благоугождать Господу. С малых лет учись богопознанию и не ослабевай до старости совершенствоваться в нем.

17. Мученица

А.Державина

1.
Погасла зорька золотая,
Оделось небо легкой мглой,
И ночь роскошная, немая
Прошла неслышно над землей.
Все в тихом мраке потонуло,
Все успокоилось, уснуло, –
И всемогущ, несокрушим
Заснул державный старец – Рим.

2.
Людского шума и движенья
Не слышно в улицах пустых –
Послала ночь успокоенье
Для всех: для добрых и для злых.
И гордый цезарь[70], и патриций[71],
И раб голодный, бледнолицый
Под кровом ночи мирно спят,
А звезды на небе горят.

3.
И месяц полный, золотистый,
Блестит на небе голубом,
Рим кровожадный, Рим нечистый
Лаская трепетным лучом;
И зданий гордые громады,
Дворцы, сады и колоннады
Стоят, не зная дел людских,
А ночь-царица нежит их.

4.
Все спит покойно. Царство ночи
Для всех рассыпало покой,
И не смежило только очи
У христианки молодой:
Она, в темнице запертая,
Сидит недвижно, сна не зная,
И вся в жару, раскрыв уста,

Зовет Спасителя Христа.
5.
С тех пор, как трудный крест терпенья
Она взяла на рамена
И на кровавые мученья
Была тираном отдана,
Она немало претерпела, –
И вот из ран, покрывших тело,
Теперь сочится кровь у ней,
А боль тревожит душу ей.
6.
Она устала, утомилась
От этих пыток, но врагам
Не отдалась, не поклонилась
Их ложным, суетным богам;
Тверда она, и в заключенье,
Забыв про пытки, про мученья,
Сидит и тихо слезы льет
И громко Господа зовет:
7. "О, подкрепи меня, Спаситель,
Не дай лишиться сил души,
И боль от пытки, Утешитель,
И робость духа заглуши.
Меня тревожит вид могилы...
Я слабну... Боже, дай мне силы
Мученья, пытки претерпеть
И христианкой умереть».
8.
Она скорбит – ей тяжко, трудно...
Вдруг темный свод над ней исчез,
И свет блеснул какой-то чудный,
И в белом облаке небес
Сошел Христос Господь в темницу
И, встав пред девою, десницу
На голову ей возложил
И кротко так проговорил:
9.
«Не опасайся – Я с тобою,
Я, как жених, тебя люблю

И чудодейственной рукою
Твои страданья исцелю.
Терпи и верь...» Виденье скрылось –
И снова мраком все покрылось.
И христианка вновь одна,
Но уж спокойна и сильна.
10.
Ее страданья прекратились.
На теле нет кровавых ран,
В ней силы духа укрепились,
И уж не страшен ей тиран.
Теперь на смерть за Божье слово
Пускай враги теперь придут –
Они в ней страха не найдут.
11.
И вот уж небо озарилось
Сияньем зорьки золотой,
И солнце ясное явилось,
Сияя чудной красотой.
Рим семихолмный пробудился
Народ на стогнах[72] появился,
Жизнь закипела, началась, –
А ночь далеко унеслась.
12.
За христианкою в темницу
С мечами воины пришли
И в Колизей в цепях девицу
На смерть, на муку повели...
А там давно толпы народа,
Собравшись, ждут ее прихода;
И вот выходит к ним она,
Могучей твердости полна.
13.
Ее лицо огнем пылает,
Глаза решимостью горят,
«О, этих мук давно ждала я!» –
Они всем ясно говорят.
Стоит она, скрестивши руки,
Стоит – и ждет последней муки.

Чу... загремела где-то дверь,
И на арену вышел зверь.
14.
Но христианка молодая
Его не видит – вверх глядит,
И на колени упадает,
И громко, внятно говорит:
«Христос, простивший иудеям,
Прости и днесь моим злодеям:
Они, слепцы, Тебя не зрят,
Они не знают, что творят.
15.
О, просвети скорей им очи...
И верю я: придут года –
Исчезнет мрак глубокой ночи
Над этим Римом навсегда
И чудный свет здесь загорится
И далеко распространится...
О, мой Спаситель, мой Творец,
Воззри с небес на мой конец!
16.
С Тобой душа моя сроднилась.
Я отдала Тебе себя…
Но вот и небо растворилось –
И ясно вижу я Тебя;
К Тебе...» А зверь хвостом играет,
Все ближе, ближе подползает...
Уж недалеко... вдруг... прыжок –
И обагрила кровь песок.
17.
Последний слабый вздох несчастной
Уж никому не слышен был:
Его народ, до крови страстный,
Рукоплесканьями покрыл,
А в этот миг душа святая,
Свою одежду оставляя,
Летела ввысь, где вечный Бог
Уж приготовил ей чертог.

18. Святая Нонна

Из книги «Христианская семья» свящ. А.Рождественского

Прекрасен образ богобоязненной Нонны, начертанный сыном ее, святым Григорием Богословом. «Иная из женщин заслуживает славу домашними трудами, другая – любезностью или целомудрием, иная – благочестием и умерщвлением плоти, слезами, набожностью и попечительностью о бедных; а Нонна славна всем. Укрылось ли от нее какое время и место молитвы? О том у нее ежедневно была первая мысль. Кто оказывал такое уважение священникам? Кто так высоко ценил всякий род любомудрой жизни? Кто больше, чем она, изнурял плоть постом и бдением? Кто благовейнее ее стоял во время всенощных и дневных псалмопений? Кто чаще восхвалял девство, хотя сама несла брачные узы? Кто был лучшей заступницей вдов и сирот? Кто в такой мере облегчал бедственное состояние плачущих?.. В священных собраниях и местах, кроме необходимых таинственных возглашений, никогда не слышно было ее голоса... Она чествовала святыню молчанием, никогда не обращала спины к досточтимой Трапезе, не плевала на пол в Божием храме... ни слуха, ни языка, которыми принимала и вещала Божественное, не оскверняла языческими повествованиями и песнями, потому что освященному неприлично все неосвященное». Сделавшись супругой человека, еще не приобщенного к пажити Христовой, она старалась привлечь его к Богу всеми способами. И наконец она получила исполнение желаемого. Святой Григорий по этому поводу влагает в уста отца своего священную песнь: «Меня, который был дикой маслиной, великий Бог, призвав к Себе, как не последнюю овцу, поставил вождем Своего стада, даровал счастье от богомудрой супруги».

Первым плодом сего супружества был святой Григорий. Нонна поспешила со своим первенцем в церковь. По данному обету посвятила его Богу, и в знамение этого посвящения просила положить книгу Евангелия на грудь младенца. Воспоминание об этом первом посвящении всегда производило на Григория сильное впечатление. Он сравнивал себя с Самуилом, которого Анна также рано посвятила Богу. «Премудра Сарра, которая чтит любезного супруга: но ты, матерь моя, доброго супруга, который далек был от света, уготовила тому, чтобы он стал сперва христианином, а потом великим иереем. Ты – Анна; ты и родила по молитве любезного сына, и принесла в дар храму чистого служителя Самуила». Когда он, еще в молодых летах, отправлялся из Палестины в

Александрию и во время поднявшейся бури разъяренное море угрожало погибелью кораблю, на котором он плыл, то особенно прискорбно ему было, что он умрет некрещеным, не исполнив святых обетов матери. Он молил Бога с горячими слезами сохранить его жизнь для служения Ему. И когда видел, что Бог услышал Его молитву, то считал это спасение вторым посвящением жизни своей Богу и утвердил его новым обетом. Впоследствии он вспоминал с глубокой признательностью о своей матери, благословившей его на подвиг высшего служения и награжденной от Бога за благочестие и усердие к храму тем, что скончалась в храме во время молитвы.

19. Сила христианина

Из журнала «Кормчий» за 1900 г.

Людям волей Всеблагого
Сила дивная дана;
Верой кроткою, святою
Эта сила названа.
Вера в юности мятежной
Нам погибнуть не дает
И ко пристани надежной
Кротко за руку ведет;
И, по возрасте, в утратах
И в бедах душе больной
Лаской любящего брата
Подает она покой.
Вера в жизни облегчает
Бремя тяжкое забот,
Вера горы преставляет
И героев создает.
Вера в тягостных недугах –
Исцеляющий елей;
Вера – добрая подруга
На закате наших дней.
Вера нас не покидает
И в последний смертный час
И с любовью озаряет
Тьму могильную на нас.
Вера в жизни – светоч ясный,
Путеводная звезда,
И блажен, кому не гаснет
Этот светоч никогда.

20. Княжна Евфросиния Полоцкая

Из «Книги взрослых» Алчевской

В княжестве Полоцком был князем Георгий, праправнук Владимира Святого. У Георгия родилась дочь, которую назвали Предславой. Рано начали учить княжну грамоте; к 12 годам Предслава прошла всю тогдашнюю науку. Священное Писание стало ее любимым чтением: читала она о том, как жили в древние времена благочестивые женщины, как они служили и помогали людям; читала она слова Христовы о том, как помогать ближним, и страстно захотелось ей поступать по Его завету. И вот молоденькую княжну можно было встретить везде, где только были несчастные люди. Она ухаживала за больными, доставала одежду и пищу для бедняков, посещала заключенных и выпрашивала у отца свободу им. Тихая, скромная, ласковая, точно ясное солнышко, являлась она везде, где только могла помочь людям. Подросла княжна, и стали ее сватать женихи. В те времена не спрашивали девушку, по сердцу ли ей жених; просватали Предславу за богатого молодого княжича. На рукобитье затеяли пир; рекой лилось вино, лились веселые песни. А молодая княжна стояла в своей горенке и молилась. Тяжело ей было выходить замуж за незнакомого, нелюбимого человека, не пленяло ее и богатство. Она уже полюбила другую жизнь – ей дороги были все несчастные люди, которым она помогала, которым она была нужна. И княжна решилась уйти в монастырь: не будет у нее своей семьи, ее семьей будут все люди. Тихо вышла княжна из терема. Была уже ночь; никто не заметил ее. Она быстро пошла к монастырю и стала стучаться в ворота. Удивились в монастыре позднему приходу княжны; еще больше удивились, когда княжна сказала о своем желании постричься в монахини. Игуменьей монастыря была тетка княжны. Долго уговаривала она молодую девушку, но та была непреклонна. Послали за епископом и на заре постригли юную княжну, и нарекли ее Евфросинией. Велико было горе родителей, когда они узнали о случившемся, но ничего уже нельзя было сделать.

А княжна в монастыре не находила успокоения. Монастырь был богатый, молодую монахиню все баловали и холили. Не такой жизни хотелось Евфросинии, и стала она проситься у игуменьи, чтобы ее отпустили жить одну при соборе Святой Софии. Здесь она нашла себе дело: днем она убирала церковь, приветливо встречая всех приходивших в храм, читала; а ночью садилась за другую работу – списывала книги. Книг в то время было очень мало: во многих церквях не было даже Евангелия, и

молодая монахиня посылала свои книги в самые бедные церкви. Стали давать ей заказы на книги; она брала за это деньги и тратила их на нуждающихся. Со всех концов стали стекаться к сестре Евфросинии, так что бывало тесно во дворе собора; некуда было приютить больного, старого, и вот епископ придумал отдать Евфросинии целое сельцо с угодьями. Поправили в сельце старую церковь, и сестра Евфросиния переехала туда, а следом за ней – все больные, калеки, старики, одинокие, нищие. В это время Евфросиния работала уже не одна, у нее были помощницы; они сообща стали устраиваться на новом месте. Новая обитель разрасталась. Богатые люди делали в нее вклады – жертвовали деньги, вещи, землю; многие богатые девушки и вдовы просились в помощницы к Евфросинии и вместе с ней работали. А работы было немало: надо было учить детей, лечить больных, ухаживать за стариками, оделять одеждой и хлебом неимущих, приискивать работу для тех, кто бы мог работать; надо было переписывать книги. Всю свою долгую жизнь прожила в таких трудах для людей сестра Евфросиния. Незадолго до смерти она собралась в Святую Землю поклониться Гробу Господню. Горько плакала вся обитель, расставаясь с любимой настоятельницей, точно все предчувствовали, что не увидят ее больше. И действительно, Евфросиния не вернулась на родину. В Иерусалиме она долго молилась у Гроба Господня и поставила там золотую кадильницу. За всю землю Русскую, за всех несчастных, за весь мир молилась у Гроба великая труженица. И вся жизнь ее, и последняя молитва ее были за людей-братьев. Там же, в далекой Палестине, она умерла, не увидав больше родины; там же ее и похоронили.

21. Старая русская повесть о доброй барыне

Из «Доброго слова» протоиерея Г.Дьяченко

Более 300 лет тому назад, когда правил Россией царь Иван Васильевич Грозный, жил при царском дворе богатый ключник по имени Юстин, а по прозвищу Недюрев, человек добрый и нищелюбивый. Были у него жена Стефанида и дочь Юлиания. Рано осиротела Юлиания; шести лет она из-под родительского крова перешла жить к бабушке, а когда умерла бабушка – к тетке. Росла Юлиания бледным, тихим, задумчивым ребенком. Когда обучили ее грамоте и она прочла в Священном Писании, как жили святые люди, она вся, всей горячей детской душой, отдалась Богу. Не скучала она ни долгой молитвой, ни постом; не боялась лишений, не стыдилась насмешек, и рано стала жить своей верой и своей правдой. Игры, смех да наряды не забавляли ее: она любила работу, трудилась по целым дням, даже до поздней ночи не погасала свечка на ее пяльцах или у ее прялки. С ранних лет обшивала и одевала Юлиания своими рукоделиями маленьких бесприютных сирот. Девиц тогда держали взаперти, и Юлиании редко приходилось бывать в церкви, тем более, что церквей тогда было немного и из дому ходить было далеко. Дома и одна молилась Юлиания, но вера и любовь к людям росли и крепли в ее молодой душе. Шестнадцати лет она вышла замуж.

Муж Юлиании был богатый человек. Много у нее стало имения и слуг. Но не изменилась и не возгордилась она: со всеми жила в мире, работала и молилась, а о слугах заботилась. Не от них она требовала помощи, а сама им служила. Другие боярыни шагу не могли сделать без рабыни, а Юлиания и мылась, и одевалась сама. Другие оставляли слуг в грязи и полуголодными – у Юлиании они были сыты и одеты. Иные бранили и били провинившихся, а Юлиания никогда не называла никого без ласки да без привета. Не забывала она бедных, убогих, сирот, и на стороне не забывала и церкви, отдавая туда деньги, выработанные собственным трудом.

Посетил в те годы Русскую землю Божий гнев. Голод посетил города и села в той местности, где жила Юлиания. Люди болели и умирали сотнями. Сердце у Юлиании разрывалось от жалости, и усиленно работала она, щедро раздавая милостыню. Прежде она часто отказывалась от различной пищи, предлагаемой ей свекровью, а теперь брала и просила еще, чтобы отдавать голодным. Когда за голодом появились заразные болезни и здоровые бросали больных, смело шла Юлиания к несчастным,

омывала их язвы и утешала их. Если больной умирал, она хоронила его на свой счет, не желая, чтобы скончавшийся был лишен последней земной почести за то, что Бог поразил его язвенной болезнью. Лишения и труд изнуряли Юлианию, но она была по-прежнему бодра. Мало еще, казалось ей, она угождала Богу. И стала она проситься у мужа в монастырь. Но он не пускал ее, говоря: «На кого же бросишь меня и детей?» Осталась Юлиания спасаться в миру. С вечера она ложилась спать на дровах и железных ключах; а ночью, когда слуги засыпали, она вставала на молитву, чтобы не подумали люди, что она молится напоказ им.

Немного лет спустя умер муж Юлиании. Осталась она полной хозяйкой и на милостыню стала еще щедрее. А давала она не от избытка: часто отдавала до последней монеты. Зимой ходила без шубы, а деньги, что должны были идти на шубу, она отдавала бедным.

В глубокой старости ее постигли испытания. Обнищала она, ослабела, работать не могла, и до церкви доплестись на слабых ногах у нее не хватало сил. А вокруг опять был голод. И вот распустила Юлиания слуг своих, чтобы не терпели нищеты с ней вместе. Иные, любя ее, остались при ней; и посылала она их собирать среди пустых, выжженных полей лебеду и отрывать кору от деревьев, а из лебеды и коры делали хлеб – другого не было. Тяжело было Юлиании голодать и видеть голод, но, чтобы не унывали окружающие и не роптали на Бога, она была всегда весела и утешала слабых духом. А когда пришлось ей умирать, она призвала детей и верных слуг; сначала учила их быть милостивыми и любить Бога, а потом, ослабев, с молитвой на устах, тихо отошла в вечность. Люди долго помнили добрую боярыню и рассказывали, что около гроба ее совершаются чудеса.

22. Нагорная проповедь

Из журнала «Кормчий»
Толпу увидавши, Спаситель
На ближнюю гору вступил
И так, говоря громогласно,
Народ обступивший учил:
– Блаженны все нищие духом –
Их Царство Небесное ждет!
Блаженны все льющие слезы –
Их скорбь утешение найдет!
Блаженны все кроткие сердцем –
Наследуют землю они!
Блаженны алкавшие правды –
Насытят их новые дни!
Блаженны, кто милостью полны –
Всевышний помилует их!..
Блаженны все чистые сердцем –
Увидят те Господа лик!
Блаженны и все миротворцы –
Сынами их Бог наречет.
Блаженны страдальцы за правду
Их Царствие Божие ждет!
Блаженны, когда вас поносят,
Возрадуйтесь в чистых сердцах!
Большая от Господа Бога
Награда вас ждет в небесах!

Примечания

[3] - Предисловие это назначается для родителей, воспитателей и ценителей этой книги, но не для детей

[4] - Мы отнюдь не хотим сказать этими словами, чтобы «Искра Божия» была непригодна для мальчиков

[5] - См. Воскр. день, 1900 г., № 17

[6] - См. «Народн. образ.», 1901 г., янв., стр. 22–23; см. Полт. Епарх. Вед. за 1897 г.

[7] - Таким характером, думается нам, отличается «Искра Божия», где нет ни одной сухой статьи вроде всем надоевших сухих описаний животных, насекомых и т. п.

[8] - См. кн. «Новая школа», изд. К.П.Победоносцева, стр. 97 и др.

[9] - В сочинении «Лаокоон, или о границах поэзии и живописи»

[10] - См. кн. «Очерки психологии, основанные на опыте» Г.Гефдинг, 1898 г., стр. 219 и др.

[11] - Хотя наша периодическая печать насчитывает себе 200 лет, но в собственном смысле жизнь русской прессы стала правильно развиваться только с половины прошлого столетия, т. е. со времени Севастопольской войны

[12] - Им отведен один последний отдел – «Из жизни святых дев и жен», хотя во всей книге, там и здесь, встречаются многочисленные примеры благочестивой жизни дев и женщин-христианок

[13] - См. труды Киев. дух. ак., 1868 г., апр.

[14] - Пастыр. собеседн., 1898 г., № 45

[15] - Механизм – внутреннее устройство всякой машины

[16] - Казачье селение

[17] - Дифтерит – опасная заразная горловая болезнь, от которой очень многие умирают

[18] - Скипетр – короткий посох, знак царской власти

[19] - Шест с железным наконечником

[20] - Маяк – башня на берегу моря, на которой по ночам зажигают фонари для указания кораблям безопасного пути

[21] - Бурун – сильный прибой волн

[22] - Инстинкт – врожденное животными умение находить для себя

полезное и избегать вредного

[23] - Новый Иерусалим – небо, Царствие Небесное, рай

[24] - Легенда – не совсем достоверное предание

[25] - Дакота – название одной из местностей Северной Америки

[26] - Фермер – земледелец или арендатор имения

[27] - Гравий – крупный песок

[28] - Десница – правая рука; шуйца – левая рука

[29] - Агаряне – племя, родственное туркам

[30] - Оборотней, конечно, не бывает; о них говорится только в народных сказках, главная цель которых – научить чему-либо доброму, например показать, как дети должны любить родителей, и т.п.

[31] - Склеп – большая, выложенная камнем могила

[32] - Эпидемия – заразная повальная болезнь вроде тифа, оспы, холеры, чумы

[33] - Трибуна – возвышение, на котором сидят почетные лица

[34] - Профессор – преподаватель или преподавательница высшего учебного заведения

[35] - Рака – сирийское слово, означает: пустой, глупый человек

[36] - Летаргия – обмирание, продолжительный сон, похожий на смерть

[37] - Одигитрия – слово греческое, значит «путеводительница». Такое название носит одна из икон Божией Матери

[38] - Физический – телесный, внешний

[39] - Магистрат – городская управа

[40] - Оригинальный – не похожий на других, новый

[41] - Из этого рассказа видно, что некоторые, впрочем очень редкие, сны имеют вещий, т.е. пророческий характер; остальные же не имеют никакого значения. Верить всем снам без разбора неразумно, грешно, опасно

[42] - Хроникер – писатель, доставляющий сведения в газеты о всех происходящих событиях в общественной жизни

[43] - Хитровка – Хитров рынок в Москве, местность, в которой живет беднейший класс населения

[44] - Алкоголик, алкоголичка – лицо, преданное пороку пьянства

[45] - Кавалерственная – имевшая высшие ордена Российской империи

[46] - Диаконисса – древняя церковная должность; диаконисы научали вере и служили при крещении язычниц

[47] - Ныне устроены ворота, домик огорожен. Вырытый колодезь – по воде лучший в селении

[48] - Аскетический – предающийся подвигам поста, молитвы и труда; худой, бледный

[49] - Паломник – богомолец, идущий издалека поклониться святыне

[50] - Кафры – племя негров, живущих в Южной Африке

[51] - Дочь капитана Миронова, убитого мятежниками во время пугачевского бунта, приехавшая в Петербург просить за своего жениха Гринева, заподозренного в измене

[52] - Рапорт – письменное донесение высшему начальству о состоянии дел того или другого учреждения

[53] - Название реки

[54] - Первый офицерский чин в морской службе

[55] - Т. е. необразованный, жестокий, грубый человек

[56] - Префект – городской правитель

[57] - Президент – председатель, начальник

[58] - Академия наук – самое высшее ученое учреждение

[59] - Патрициями назывались знатные римляне

[60] - Философ – любитель мудрости, ученый человек

[61] - Астрологи – древние ученые, следившие за движением звезд и думавшие по звездам угадать судьбу каждого человека

[62] - Этот рассказ заимствован нами из проповеди архиепископа греческого Илии Минятия

[63] - Камергер – придворный чин

[64] - Патриотизм – любовь к Отечеству

[65] - Матери писателя

[66] - Адвокат – защитник обвиняемых на суде

[67] - Урема – высокая трава и кустарник, растущие по берегам рек

[68] - Потому что

[69] - Символ – знак, образ

[70] - Император

[71] - Вельможа

[72] - На площадях

Содержание

Искра Божия протоиерей Григорий Дьяченко 1
Отдел первый. Из жизни маленьких девочек 16
1. Предание о детстве Богоматери 17
2. Святая Макрина 19
3. Незабудка (легенда) 21
4. Великодушная дочь (быль) 23
5. Пословицы о семье 24
6. Внучка 25
7. Материнская любовь 26
8. Сиротка Груня 27
9. Ведь это моя маленькая сестра! 28
10. Детям 29
11. Чудная травка 30
12. Жаление (рассказ старухи) 31
13. Брат и сестра 32
14. Гуси 33
15. Василиса премудрая 35
16. Дитя 40
17. Семьдесят раз семь 41
18. Смелая крестьянская девочка 45
19. Геройский подвиг четырнадцатилетней девочки 46
20. Пословицы об отношении к ближним 47
21. Настя, дочь кондуктора 48
22. Как девочка-татарка Дина спасла русского офицера 51
23. Пословицы о том, как жить 54
24. Черкесская песня 55
25. Христианочка 56
26. Молись, дитя! 61
27. Турчанка 62
28. Сиротка 65
29. Волшебные очки 67
30. Сорная трава 69
31. Ложный стыд 71
32. Мороз Иванович 72
Рукодельная песня 76

Рукодельная песня 76
34. Детская молитва 77
35. Молитесь искренно 81
36. Сиротинка Оля 82
37. Наследство 86
38. Тайна 88
39. Дорогая копеечка (рассказ каторжника) 89
40. Бабушкины часы 90
41. Нас семеро 92
42. Кончина двух девочек 94
43. Великая перемена: «все изменимся» (1 Кор. 15, 51) 96
44. Девочка со спичками 101
45. Маленькая Оля (истинное происшествие) 104
46. Мать и дочь ее Анночка 108
47. Шаловливые ручонки 109
48. Ребенку 110
49. Чему учат непочтительных к родителям детей пчелы? 111
50. Под голос вьюги 112
51. Не рано! 113
Отдел второй. Из жизни девиц 114
1. Великодушная русская девушка 115
2. Молодая героиня 119
3. Цена человека в очах Божиих 122
4. Тирольская девушка (народное предание) 126
5. Подвиг молодой американки (истинное происшествие) 128
6. Маринушка 132
7. Борись с соблазном 133
8. Не увлекайтесь земными предметами 134
9. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 135
10. Дивная любовь двух сестер 148
11. Аленький цветочек (сказка) 149
12. Сестра (украинская народная сказка) 155
13. Будь снисходителен и кроток! 160
14. Вечерняя песнь 161
15. Братья и сестры 162
16. Вечная красота 165
17. Уроки любителям сплетен 166
18. Не гневайся! 167

19. Будь незлобив! 168
20. Юность – весна жизни 169
21. Берегись страсти! 170
22. Прасковья Григорьевна Лупулова 171
23. Не говори, что к небесам… 175
24. Как утолять печали? 176
25. Достоинство человека 177
26. О терпении 178
27. Не осуждай 179
28. Русские сестры милосердия 180
29. Евпраксия, игуменья Староладожского Успенского монастыря 184
30. Девушка-язычница – образец необычайной жажды к слушанию евангельской проповеди 190
31. Помогите и вы, дети! 191
32. Флоренс Найтингель 192
33. Анна Бергунион 194
34. Английская сестра милосердия мисс Кэт Марсден, путешествовавшая в Якутскую область для помощи прокаженным 196
35. Деревенские сестры милосердия 205
36. Даша 207
37. Моя учительница из приготовительной школы 213
38. Учительница Доброва 215
39. Берегите детей 216
40. Бедственная слепота 217
41. Елизавета Блекуэль – первая женщина-врач 218
42. Грозный урок непочтительной дочери 221
43. Наставление девушкам, которые любят гадать о будущем 222
44. Святые девы и жены не предавались излишней заботе об украшении себя одеждами 223
45. Молодые годы 224
46. Возносись к Вышнему 227
47. Знай, с кем бьешься об заклад 228
48. Дикие лебеди (сказка) 231
49. Бывают ли колдуны и колдуньи? 236
50. Наставление о вреде ворожбы 238
51. Чудное видение 240

51. Чудное видение 240
52. Из Апокалипсиса 241
53. Успокоение 242
54. Просьба умирающей дочери 244
55. Спасительная сила Христовых Таин 246
56. Помощь Богоматери 247
57. Чудесное исцеление расслабленной 248
58. Молитва к Божией Матери 249
59. Будь тверд в молитве 250
60. Любовь к людям прогоняет скуку жизни (сказка) 251
61. На труд! 253
62. Русская княжна – друг арестантов 254
63. Правда 257
64. Пословицы о милостыне 258
65. Пословицы о жизни 259
66. Пословицы о труде 260
67. Пословицы о терпении 261
68. Пословицы об отношении к людям 262
69. Надпись в Евангелие 263
70. Сара Мартин – друг заключенных в тюрьме 264
71. Напоминание 267
72. Мелочи 268
73. О христианском поведении девицы 274
74. Завещание невесты 278
75. Сорванная роза 281
76. Ожерелье Марии 282
77. Преподобная Макрина как образец для девиц, отказавшихся от брака 283
78. Слепая корзинщица 287
79. Роза Гавана, основательница женских общин 289
80. Дети-благотворители 291
81. Сострадательная девочка-якутка 292
82. Что говорит человеку лилия? 293
Отдел третий. Из жизни женщин-христианок 294
1. Любовь к матери 295
2. Прекрасная жена по Соломону 296
3. Маргарита Тучкова, впоследствии игумения Мария 297
4. Графиня Варвара Николаевна Бобринская 299

5. Варвара Евграфовна Чертова 301
6. Сестра Варвара (Варвара Александровна Шкляревич) 302
7. Родная 308
8. Луиза Легра 309
9. Женщины-христианки – образцы ухода за больными 312
10. Под Красным Крестом (памяти баронессы Ю.П.Вревской) 315
11. Бурские героини 317
12. Мать, умершая от радости при виде сына 319
13. Корнелия, мать братьев Гракхов 320
14. Маргарита Ропер 321
15. Сказание о доброй королеве, пожелавшей взять на себя крест ближних (Кармен Сильвы – королевы румынской Елизаветы), (легенда) 323
16. Екатерина Великая в домашнем и царском быту 327
17. Встреча с императрицей (Екатериной II) 329
18. Рассказы об императрице Марии Феодоровне, супруге императора Павла Петровича 332
19. Груня Богоданная 334
20. Графиня Анна Григорьевна Толстая 339
21. Бичер-Стоу – защитница негров 341
22. Царица-гусляр 344
23. Чудесный ящик 346
24. Материнская любовь (истинное происшествие) 347
25. Казачья колыбельная песня 357
26. Материнская молитва 359
27. Совет благоразумной супруги 360
28. Картина прекрасной семейной жизни, по описанию Тертуллиана 361
29. Муж и жена 362
30. О женских пересудах 363
31. «Положи, Господи, хранение устом моим» 364
32. Избегай злоречия 365
33. Не осуждай 366
34. Изречения слова Божия о мире с ближним 367
35. Заповедь Христа 368
36. Есть женщины в русских селениях 369
37. Пословицы из вседневной жизни 371
38. Тайная подвижница-крестьянка Пелагия 372

38. Тайная подвижница крестьянка Пелагия 372
39. Самоотверженный подвиг русской женщины, жены железнодорожного мастера 374
40. Геройский подвиг крестьянки Софьи Осетровой 377
41. Самоотвержение матери 378
42. По молитве матери (быль) 380
43. Христина Даниловна Алчевская 382
44. Слава труду 383
45. Русская писательница А.Н.Бахметева 384
46. Добрый обычай 385
47. Мужество христианки 386
48. Няня 387
49. История одной иконы 388
50. В храме 392
51. Истинная вдовица 394
52. Вдова и пророк Елисей (Книга Царств, 4. гл. 4) 395
53. Фабиола 397
54. Вдовица Олимпиада 398
55. Утешение вдовы 399
56. Драгоценное наследство одной вдовы 400
57. Счастливая страна 401
58. Матери не должны роптать на Бога при потере детей своих 402
59. Письмо святителя Феофана Затворника к умирающей сестре 403
60. Таинственные сны и видения, удостоверяющие бытие загробной жизни 404
61. Помни о будущей жизни 406
62. Две вдовы и незнакомец (легенда) 407
63. Дарья Никитишна 413
64. Старушка няня 415
65. Добрая старушка 416
66. Грозное слово матери 421
67. Наша бабушка 426
68. Изречения слова Божия о супружеской жизни 428
69. Материна молитва со дна моря вынимает (истинное происшествие) 429
70. Княгиня Дашкова – первый президент 57 Российской 433

академии наук 58 432
71. Бетурия 434
72. Мир семейный весьма угоден Богу 435
73. Памятный вечер 436
74. Детское счастье 438
75. Несчастная царица, жертва ненависти и клеветы 440
76. Наталья Борисовна Долгорукая 442
77. Святого Григория Богослова стихотворение против женщин, которые любят наряды (в извлечении) 449
78. Моей дочери 452
79. Тавифа как образец для жен-христианок, занимающихся рукоделием 453
80. Моника, мать блаженного Августина, – пример для подражания женщинам нашего времени 457
81. О драгоценных камнях и о золотых украшениях 470
82. К женам, имеющим худых мужей 473
83. Рассказ в утешение жене, у которой муж подвержен нетрезвости 475
84. Два кольца 478
85. О кротком обращении со слугами 481
86. Наталья Саввична 482
87. Против семейных разделов 484
88. Господь благословляет семейное счастье 485
89. Лоида и Евника 487
90. Святое семейство 489
91. Святая мученица Леонилла как воспитательница своих внучат 492
92. Благочестивая Анфуса 494
93. Мария Николаевна Аксакова 497
94. Бианка Кастильская, мать французского короля Людовика IX 502
95. Елизавета Кодвейс, мать великого немецкого поэта Шиллера 507
96. Домиция Луцилла, мать Марка Аврелия, римского императора 510
97. Алиса де Руа, мать знаменитого поэта Ламартина 512
98. Христос и дети 515
99. Благотворность молитв родителей о заблудших детях 516

99. Благотворность молитв родителей о заблудших детях 516
100. Могущественное средство для воспитания детей 518
101. Будет ли награда в загробной жизни матерям, воспитывающим детей своих в благочестии? 519
102. Пословицы духовно-нравственного характера 521
Отдел четвертый. Святые девы и жены 523
1. Земная жизнь Пресвятой Богородицы как высочайший образец совершеннейшей христианской жизни, в особенности для женщины 524
2. Иверская икона Богоматери 527
3. Спасение от неминуемой смерти заступлением Богоматери 528
4. Лик Божией Матери в деревенской церкви 529
5. При чтении «Жития святых» 530
6. Святая мироносица равноапостольная Мария Магдалина 531
7. Святая Магдалина перед Тиверием 533
8. Чему учат нас святые мироносицы? 536
9. Премудрая царевна-великомученица 538
10. Чудное творение Божие – человек 542
11. Святая Нина, просветительница Грузии 543
12. Святая Анастасия Узорешительница как великий образец христианского милосердия к заключенным в темнице 545
13. Святые мученики Адриан и Наталия 547
14. Святая Иулитта, мать святого мученика Кирика 551
15. Святая подвижница Павла 554
16. Как святая великомученица Варвара познала истинного Бога из рассмотрения мира 558
17. Мученица 560
18. Святая Нонна 564
19. Сила христианина 566
20. Княжна Евфросиния Полоцкая 567
21. Старая русская повесть о доброй барыне 569
22. Нагорная проповедь 571
Примечания 572